МАРК РОМАНОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В мире Корпорации, где пересекаются Линии и Параллели, есть всё. Даже бессмертие разума или тела – на выбор. Не хватает только тех, кто может быть Человеком…

- Именем Корпорации!
  -
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34

- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Приложение 1
- Приложение 2
- Приложение 3
- Приложение 4

Именем Корпорации!
Марк Александрович Романов

© Марк Александрович Романов, 2015
© Сергей Валерьевич Зайцев, дизайн обложки, 2015

Редактор Лидия Григорьевна Евдокимова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Одни уходят, а другие остаются на века
Кто я – беспечный ручеёк или глубокая река?
Что через годы скажет сын, когда и сам уже седой?
Что будут помнить обо мне и кто последует за мной?
Дай Бог мне сил, чтобы достойно подойти к своей черте,
Ведь я не просто так солдат… Я – команданте Че.

Александр Ф. Скляр – Команданте Че

Глава 1

Это был его шанс. Первый, последний, единственный – об этом он не думал. Шанс заявить о себе, как о достойном уважения специалисте, новом человеке в городе, к которому можно и нужно обращаться по самым заковыристым и сложным делам, где требуется не только подход, но и смекалка.

Он не мог проиграть, просто не имел на это права. С самого детства, когда его ещё шпыняли сверстники, загоняя тщедушного мальчишку в щели между старыми мусорными контейнерами, он, утирая горькие слёзы и зализывая свежие побои, твёрдо знал одно: однажды они об этом пожалеют. Все, все, кто посмел бить его, издеваться над его старшей сестрой, страдающей слабоумием, но прекрасно справляющейся с отведённой ей ролью городской шлюхи. Он всегда знал о своём великом и исключительном праве однажды выбраться из этой вонючей дыры под названием город Дале.

Теперь пришло время послать к чертям всю вонь, грязь и мерзостную блевотину позорного существования на самом дне. Его не уважали? Что же, эти люди много потеряли, только ещё не поняли этого. Считали его, хитрого и умного Бо Ваняски, никчёмным куском дерьма? И в этом они просчитались. Завтра утром ни одна плешивая шавка не посмеет гавкнуть в его сторону, если он лично не разрешит ей этого.

И даже сам великий и ужасный дон Доу, чья власть в Дале остаётся неоспоримой уже несколько десятков лет, признает его талант и смекалку.

От этих мыслей всё внутри Бо дрожало от нетерпения и предвкушения. Он то и дело погружался в круговорот сладостных картин грядущего, облизывая тонкие потрескавшиеся губы маленьким, почти детским, языком, обнажая мелкие жёлтые зубы.

– Как прошла смена?

Дежурный вопрос на проходной, если этот жалкий кусок коридора вообще можно было так назвать, заставил выйти из задумчивости. Невысокий, худощавый врач смерил дежурного взглядом и ответил:

– Здесь всё похоже каждый день. Смена сменяет предыдущую, переходя в следующую. Да, в данном случае тавтология вполне уместна.

Дежурный привычно кивнул, как всегда, не поняв ни единого слова этого скользкого и странного типа, занимавшего кабинет на минус первом этаже. Ниже был только морг и подвал, впрочем,

одно мало отличалось от другого. Где-то лежали мёртвые тела, где-то стояли ряды с мёртвыми вещами.

– Доктор Гриффин, – обратился дежурный к собравшемуся уходить после долгой смены врачу, – здесь днём крутился какой-то подозрительный тип… вы просили сообщать, – вперил во врача взгляд блёклых серых глаз охранник. – Хотите, чтобы я принял какие-то дополнительные меры?

– Меры-химеры, – улыбнулся доктор Гриффин какой-то жутковатой улыбкой. Охраннику показалось, что на него взглянула сама смерть, ради хохмы нацепив на себя маску мертвеца. Гриффин отрицательно покачал головой и, сунув руки в карманы широких штанов, пошёл прочь, насвистывая неприличную кабацкую песенку.

– Псих… – тихо буркнул ему вслед дежурный, зарываясь в свои бумаги и стараясь больше вообще не поднимать головы. Ему вдруг стало нестерпимо интересно и одновременно непередаваемо, до сжатия мошонки и позывов опорожниться, страшно, но страшно интересно узнать, чем же занимается доктор Гриффин, и не стоял ли он когда-то на учёте у психиатра или нарколога.

Дежурный огляделся. Видимая часть убогого коридора, как и холл за ним, судя по камерам слежения, были пусты и одиноки, как и здание целиком в этот поздний вечерний час.

Мистер Даниэл Хоккинс впервые за тридцать лет безупречной службы нарушил правила и полез в базу данных, узнавать информацию о загадочном и, на его взгляд, придурковатом докторе Гриффине.

В графе должности значился «специалист узкого профиля», а вот в графе специальности стоял прочерк.

Хоккинс проверил в перекрёстных базах, едва не отправив в порыве энтузиазма запрос в главное министерство охраны здоровья и медицины по округу, но в последний момент сообразил не делать таких очевидных ходов и не копать под Гриффина столь уж открыто.

Всё, что знал Хоккинс до этого, так это только то, что пациенты, приходившие к Гриффину, просто отмечались в журнале, предъявляли одноразовый пропуск в здание, который следовало заказывать заранее, и, приложив личную ключ-карту к сенсорному замку, исчезали на минус первом этаже, бросив через плечо короткое «к доктору Гриффину».

– Да и чёрт с тобой, психопат, – буркнул Хоккинс, закрывая файлы. – Меньше знаешь, дольше спишь. Или как там оно было…

Глава 2

«Мы не можем ждать бессмертия от природы, взять его у неё – наша задача».

И. В. Мичурин, 1934 г.

«Жизнь – наихудшая форма существования, если не считать остальных».

Сэр У. Л. С. Черчилль, герцог Мальборо, 1947 г.

«Мне жаль тех, кто гонится за бессмертием, забывая о том, что уже бессмертен. И вдвойне жаль тех, кто его всё-таки достигает».

Из выступления д-ра С. Спенсера, 2031 г., Параллель.

…Мы все бессмертны. Приходим в мир, сжигая в двух адски жарких кострах при входе воспоминания и знания. Как зачумлённую одежду, как заражённые оспой одеяла, как сброшенные осенью листья с деревьев нашего сада Вечности. Пытаемся начать всё с начала. Наступить на любимые грабли, заботливо подложенные Судьбой и жизнью, совершить в стотысячный раз свои коронные ошибки… Чтобы ещё раз, потирая ушибленные места, сказать: «Да, чёрт возьми, я знаю, что так – больно!», или использовать более крепкие выражения…

Наши тела, дьявол их побери, несовершенны. Болеют. Начинают умирать, едва ожив. Туманят и без того ограниченный жёсткими рамками разум. Искажают восприятие и память. И, наконец, в самый ответственный момент, когда уже вот-вот достигнешь чего-то по-настоящему важного – бабах! Торжественный вынос тела (вперёд ногами), награды и флаг на подушечках, именная сабля в изголовье, залп из тридцати стволов

императорских гвардейцев. Или – просто разверстая печь крематория, короткий пир тысячеградусного пламени, и пепел, ссыпанный в урну из мятого алюминия.

Наши тела, ангел их поцелуй, прекрасны. Они великолепны, совершенны, чарующи, и вызывают столько эмоций! Служат идеалом, возбуждают талант и способности, побуждают к свершениям и подвигам. Способствуют прогрессу и потреблению, рекламе и развитию индустрии красоты, спортивного инвентаря и товаров, кхм, интимного плана. А ещё – лекарств, косметики и наркотиков.

Кругом – сплошная выгода. Только для тел. Душе вход запрещён!

В зале слышится смех.

Мы все с вами – по-настоящему бессмертны. Но постоянно забываем про душу. Именно она – и есть мы. Красивые или уродливые (а, может быть, только считающие себя таковыми?). Умные и глупые. Хитрые и простодушные. Унылые и весёлые. Скучные и фееричные. Добрые и…

Этот ряд можно длить бесконечно – как бесконечна жизнь, время и Вселенные. Каждое новое воплощение даровано нам, чтобы научиться чему-то новому, понять нечто непонятое ранее, осознать, как прекрасен мир, и созидать. Созидать, изменяя мир и себя в нём. Любить. Радоваться. Испытывать нежность…

Мы все бессмертны, люди! Но, боже, что мы делаем с нашей душой?

Заколачиваем в себе окна, ведущие к свету, или тьме, или к звёздам – по просьбе, приказу, или желанию общества, родственников, коллег, начальства… Тщательно конопатим по периметру, чтобы даже лучик, или чернинка, или шорох звёздной пыли не пробился внутрь. И, довольные, идём дальше по бесконечному замку себя, отыскивая незаткнутые отверстия, через которые видно… странное.

Вы пробовали когда-нибудь закрыть все, абсолютно все отверстия в собственном доме? Вентиляцию, водопроводные трубы, канализацию, все щели и щёлочки. А после – пожить в таком герметичном помещении?

Вижу, что таковых здесь нет. Точнее, и быть не

может – как только закончится кислород, герметизировавшийся индивид сразу прекратит своё существование…

Возглас из зала: «Доктор, не сразу! Он ещё может помучиться».

Верно. Кто это сказал? Ага, вижу, джентль-фем в лиловом платье с кружевами… Милая, вы правда хотите, чтобы я предлагал присутствующим метафоры максимально физиологичные и с медицинскими подробностями? Но тогда предложите продемонстрировать и голограммы с образами искажённых душ… Это ещё сильнее привлечёт внимание почтенной публики, и особо чувствительных отправит в поисках туалетных комнат. Вы действительно этого хотите?

Нет? Прекрасно. Фем-леди, спасибо.

Если прекратить всякий обмен информацией и энергией между душой и миром, мы получим мёртвое замкнутое пространство, в котором тихо идут процессы разложения и гниения трупа. Трупа вашей души, отягощённого тщетным телом.

Я не призываю вас к анархии и революции, упаси Господь. Полная свобода так же вредна, как и полная герметичность и погружение в рамки, навязанные извне. Продолжая метафору, мы сносим все стены, потолок, пол и подвальный этаж подсознания со всеми плавающими там скелетами, крокодилами и комплексами. И остаёмся открыты всем ветрам и временам года – лету, зиме. Проливной дождь прекрасен, особенно – в летний зной, но вот осенью… Или весной – это уже не комфортно.

Мы все бессмертны. Просто не закрывайте окна своей души, и не затворяйтесь в пределах своего тела, не замечая, что вас тянет наружу. Живите, как хочется. Как хочется вашей душе.

Аплодисменты, хохот и свист.

> *Выдержка из стенограммы выступления д-ра Спенсера 11 января 2031 года, исследовательский институт Интуит-Плаза, Параллель, третий радиус.*

– Добрый день, Спенсер! – Кловис Инульгем ввалился в комнату, широко распахнув дверь, и от души поцеловал пискнувшую голограмму секретаря. – Я слышал, ты вчера роскошно выступил в этом бардачном замке, как его, Проститут-Глаза?

– Интуит, Кловис, Плаза… – доктор выключил секретаря, и развернул кресло к нежданному визитёру. – Напомни мне в следующий раз запрограммировать контур охраны на отстрел тебя, твоих двойников и аватар.

– Хе, хе, хе, – разделяя слоги, издевательски произнёс Инульгем, падая в оранжевый шар гелевого кресла, и протягивая свои длинные ноги, обтянутые кожей щегольских ковбойских штанов, к иллюзорному камину. – Знаешь, друг, ты тут совсем раскис, я посмотрю… Что, укатали письку крутые сиськи? Или твой одинокий воин ещё стоит по утрам, озирая окрестности?

– Иди ты в… анус, – Спенсер сдвинул брови, и поправил сползшие манжеты. – Всё такой же озабоченный, как я вижу. И всё такой же одинокий, нет?

Теперь вспыхнул Кловис, пробурчав что-то себе в усы. Покрасневшие уши алели из-под надвинутого на лоб стетсона, словно фонари «весёлого квартала» Параллели 1860Г. О, а раздувавшиеся ноздри узкого носа ясно показывали, что доктор попал точно. Как из длинноствольной винтовки в монетку за триста шагов.

– Ладно, оставим дела наши скорбные в ведении богов и меньших их, – примирительно произнёс Спенсер, касаясь сенсора на кресле, и перемещаясь поближе к своему гостю. – Чего от меня нужно конторе на сей раз? Предупреждаю, я не скоро смогу действовать в полную, кхм, силу. По ряду обстоятельств, связанных с предыдущим заказом…

– Спенс, так ты ещё не…? – Кловис ещё сильнее надвинул шляпу на глаза, но потом щелчком подбил её вверх, и внимательно окинул своего собеседника цепким взглядом карих глаз. «Колени, таз, спина… М-да, неудачно я зашёл». – М-м-м, понимаю… Полковник передавал привет. И пожелания скорейшего…

– Передай полковнику, что я рад его словам, и не мучай себя. Я знаю, как плохо тебе даются слова сочувствия, друг, – доктор указал на свои ноги, и криво улыбнулся. – Я именно потому остановился в этой параллели, самой удаленной от Центра из доступных мне. Здесь хотя бы медицина эффективная. Нанотехнологии, парапластика, нейронная хирургия, протезирование… Ещё полгода, и встану на ноги.

– Выздоравливай, друг, – Инульгем ловким жестом выхватил

из-под полы своего кожаного пальто плоскую фляжку, и бросил её в доктора. Тот взял её из воздуха, словно она была неподвижна, и вопросительно посмотрел на Кловиса. – Чистый яд, сэр!

– А, эликсир доктора Бориса… – понимающе протянул Спенсер, отвинчивая колпачок и осторожно поводя ладонью над горлышком. – Да, это поможет.

Бултыхаясь в силовом геле кресла, Кловис помолчал, и осторожно спросил:

– Док, ты, случайно, не собрался тут осесть с концами? Лекции, выступления, публичная, мать-перемать, жизнь… Жениться не надумал ещё? Местные девчонки должны писаться кипятком от твоей привлекательности…

– Нет, мон ами, не собрался. Дождусь выздоровления, потом устрою несчастный случай при невыясненных обстоятельствах, и… Здравствуй, дорога! – Радостный тон доктора контрастировал с его практически неподвижным лицом, на котором, казалось, по-настоящему жили только глаза. Сейчас в них читалась чистая ярость. – Только бы дотянуть ещё до отправления…

– Дотянешь. Я видел достаточно, и, поверь моему длинному носу, ты – дотянешь… – Инульгем рывком поднялся из кресла, дождался, пока гель стечёт в пол, и вежливо поклонился хозяину. – Спенс, мы ждём тебя. Полковник ждёт. А он редко это себе позволяет – ждать людей…

«Зато он их позволяет жрать. В переносном, разумеется, смысле. Выедать мозги тупой солдатской ремённой пряжкой… А ты стоишь по стойке „смирно“, и медленно подходишь к мысли, что обгадиться в кабинете руководства – это не такая уж и плохая идея. По крайней мере, говно можно будет смыть… потом. Потом и кровью, как говорится…» – Спенсер внимательно смотрел, как Кловис распахивает ногой дубовую дверь, и вываливается наружу, в холл, где его уже ожидают два охранника делового центра. Доктор прекрасно знал, что после часа или двух разбирательств его шутливого друга отпустят, просто чтобы он прекратил доводить окружающих своими идиотскими выходками…

Дверь со скрипом захлопнулась, дрожа. Автоматика пищала, жалуясь на виртуальные боли в фантомных цепях. За окном медленно снижался транспортный дек, готовясь к посадке в порту недалеко от города. Гул его двигателей напоминал Спенсеру о другом корабле, который сейчас стоял в заброшенном «стойле» орбитальных доков, терпеливо ожидая своего хозяина… А тот, затянутый делами и внезапно пошатнувшимся здоровьем, совсем забыл о верном «Ланцете». И о полётах.

«Мне так давно не снилась Бездна…» – доктор подъехал на кресле к панорамному окну, и приоткрыл створку. В лицо

пахнуло свежим ветром, и запахами большого города – озоном, пылью, смогом и топливом. – «Да, чёрт возьми, засиделся. Надо бы побыстрее приводить душу в порядок, и валить отсюда. Пока не явился кто-нибудь посерьёзнее Кловиса…»

Сзади запиликал сигнал связи. Кому-то было жизненно необходимо поговорить с доктором философии С. Спенсером прямо сейчас, сию же секунду. А он, открыв фляжку, медленно глотал тягучий девяностоградусный настой Бориса, и радовался обжигающему кому, который проваливался вниз, по пищеводу. От каждого глотка этого пойла хотелось то ли сплясать качучу, то ли набить морду ближайшему полицейскому, то ли ограбить банк. Хотелось жить.

Душа проснулась.

Глава 3

Они вошли молча, слаженно и организованно, словно выполняли отработанную десятки раз схему поведения в подобных случаях. По застывшим лицам вошедших не было понятно ничего, но в глазах некоторых отражались настоящая боль и смятение.

– Наш командир… – откашлявшись, сказал тот, кто был главным в группе, указывая на свёрток из обгоревшей ткани, по которой расползались бурые пятна крови. – Док, сделай всё, что можно, – тихо сказал старший, – очень прошу. Он не виноват, нас накрыли… – он осёкся, отошёл к дальней стене и замер с каменным выражением лица.

Гриффин кивком указал остальным на стол в другом углу комнаты.

– Туда его, сами вон отсюда, – деловым тоном приказал он военным.

– Но… – попытался возмутиться один из вошедших. Его товарищи мигом выволокли молодого и неопытного служаку, шикнув на него так, что Гриффин тут же вспомнил шипастых гадюк из восточного сектора.

– Так, что тут у нас…

Гриффин распылил на руки длинные перчатки толщиной в пару микрон, которые не ощущались на коже, и осторожно попытался развернуть сплавленный свёрток с обгоревшим человеком внутри. Ребята из Корпуса постарались максимально бережно доставить своего командира до Дока, но по дороге неплохо растрясли его, так и не найдя носилок. Или же следуя принципу скрытности. Провезти в магнитобиле кровавый свёрток, при наличии должного допуска, всё же проще, чем обеспечивать полную транспортировку в должных условиях.

Раненый выглядел жутковато даже на взгляд доктора Гриффина. Прикипевшие к коже куски тяжёлой брони матово поблёскивали закопчёнными гранями сталепластика, волдыри и красные пятна крови из прорванных волдырей перемежались с вкраплениями остатков бронекостюма и поддетыми кусками нательного комбинезона под ней. Кое-где ткань лопнула и разошлась, а кое-где точно так же приварилась к кускам защитных пластин намертво.

– Люблю эту ткань, – флегматично протянул Гриффин, пододвигая столик с инструментами и запуская диагност автолекаря над телом пациента, – она ни при каких условиях не приваривается к коже. Это уже хлеб, а если ты ещё и в сознание

придёшь, то булка моя будет с маслом…

Гриффин начал быстро и аккуратно отделять куски пластинчатой брони от тела пострадавшего. В тех местах, где она приваривалась жёсткими краями к коже, Док проходился специальным раствором и безжалостно иссекал детали костюма вместе с лоскутами эпидермиса и дермы. Несколько минут работы убедили врача в том, что наибольшие повреждения пациент получил на лице, руках и ногах, общая площадь ожогов и вплавлений балансировала на той самой неудобной грани, когда совершенно непонятно, останется ли человек в живых, или отдаст концы от ожогового шока и интоксикации организма.

Самым сложным для работы стало отделять одежду с задней поверхности тела. Оставив это занятие, Гриффин, как сумел, обработал имеющиеся раны спереди, распылил над пострадавшим септическую плёнку, которую и снял через полминуты вместе с крошечными частичками грязи, копоти и отмерших участков кожи.

Теперь командир отряда Корпуса выглядел немного получше, хотя внешний вид стал, мягко говоря, непривлекательным.

– А здесь у нас что? – сощурился Гриффин, придвигая поближе аппарат диагноста и расправляя щиток над брюшной полостью лежащего без сознания военного. – Удар тупым предметом, ушиб селезёнки с разрывами, повреждение левой почки… – бормотал он себе под нос, пока его руки выполняли необходимые движения в процессе диагностики. – Да тебя, друг, толкнули ракетой в огонь, что ли? Вот тебе и дружба-служба. Кто тебя запихал в печку, ну-ка, скажи мне…

Изначально травму скрывали остатки защитного костюма и множественные ожоги, вспухающие волдырями с желтоватой жидкостью на теле.

Через несколько минут, обработав самые страшные ожоги регенерирующим раствором, Гриффин быстро проверил дверь, приложил ладонь к скрытому сканеру и активировал силовое поле в операционной.

Теперь он мог работать спокойно, пользуясь теми средствами, которые действительно могли помочь настолько сложному в спасении жизни пациенту.

Над раненым разлилось голубоватое стазис-поле, которое пропускало к телу очищенную кислородно-азотную смесь, с повышенным содержанием первого элемента с небольшой примесью озона, но погружало плоть в локальный временной карман. У Дока было не больше двух минут, чтобы заняться ранами и ожогами на задней поверхности тела незнакомого военного.

Лёгкие, почти неуловимые манипуляции пальцами над сенсорами приборов, и тело поднялось вверх, перевернулось в гравиполе и предстало перед Гриффином в удобной для работы позе, подставив задницу и спину.

– Вот это да… – почти восхищённо произнёс Док, увидев поражения тела. Спина командира была иссечена осколками, следами от плазменных зарядов и порезами неизвестного генеза, что навело Дока на мысль о том, что этот человек довольно долгое время прикрывал кого-то собой, за что потом получил в благодарность хороший пинок обратно в огненную геенну.

– Отличная благодарность, надо запомнить, – сдвинув брови, произнёс Гриффин, приступая к работе. Время в стазисе ограничивалось парой минут, но рециркулятор временных потоков каждый раз мог сбрасывать счётчик до нуля, начиная отсчёт заново. Рециркуляция касалась исключительно стазис-поля, не затрагивая проведённую работу над материалом.

И если бы хоть кто-то за дверью донёс на Гриффина и его особые приборы, Дока не спас бы никакой особый статус чудо-лекаря этого замшелого городишки.

Гриффин вышел к ожидающим его людям через час. Все вскочили с мест, на которых сидели в ожидании, и выстроились, будто на плацу, перед хмурым усталым врачом, покручивающим в длинных тонких пальцах сигарету. Временно исполняющий обязанности командира, высокий плечистый парень, что заговорил с Гриффином, доставив старшого сюда, шагнул вперёд и щёлкнул зажигалкой, предлагая прикурить. Гриффин отрешённо уставился на огонёк, затем молча кивнул и, взяв в зубы сигарету, прикурил, глубоко затянувшись табаком, словно желая надышаться им до отказа.

Парень смотрел на Дока с затаённой надеждой и страхом. Гриффин отрицательно покачал головой, не говоря ни слова. Парень понял его и медленно кивнул, смиряясь с потерей.

– Он что-то говорил? – подал голос тот самый паренёк, что пытался возражать в приёмной Гриффина по поводу их присутствия при операции.

Док пристально и долго смотрел в лицо парня, стараясь отыскать в нём хотя бы намёк на что-то своё, мучавшее врача все это время. Затем он пожал плечами и хриплым голосом произнёс:

– Обычный бред умирающего.

Лица собравшихся солдат нахмурились. Было ясно – ещё слово в том же тоне и их прорвёт на выплеск скопившегося напряжения, с которым выйдет и боль утраты.

– Я не бог, – примирительно сказал Гриффин, пожав

плечами, – по крайней мере, сегодня.

– Мы можем забрать тело сейчас? – снова спросил первый солдат. Док отрицательно покачал головой.

– Я не успел его подготовить. Не потащите же вы его обратно в лоскутах брезента.

По лицам стоящих перед ним людей прокатилась судорога воспоминаний, исказив черты.

– Я зайду завтра, как полагается, официально, – сказал командир отряда, взглянув на Гриффина ледяными синими глазами, – меня зовут капрал Мак Лиф, я прибуду с кортежем для транспортировки тела. Все, ребята, здесь нам делать нечего, – повернувшись к своим, теперь уже, людям, отчеканил он, выходя прочь через неприметную дверь в дальнем конце плохо освещённого коридора.

Гриффин неспешно докурил сигарету, бросил окурок в урну, и исчез за дверью.

В голове ещё отдавались гулким эхом слова умирающего командира пехотинцев Корпуса:

– Они сверху, на нас, мы не ожидали… потом тяжёлое вооружение… мы же разведка, я один в броне, задание плёвое, каждый день патрулировали зону… небо в огне, всё небо горит, сверху падает огонь, ты сам стал огнём…

Гриффин прошёл до стола, на котором оперировал майора Вандершанца, старшего уполномоченного второго разведывательно-патрульного отряда пехоты в зоне конфликта с местными повстанцами. После окончания операции, когда Гриффин уже понял, что ему не вытянуть майора, он вколол ему лошадиную дозу наркотического обезболивающего, вложив в привычную формулу несколько компонентов от себя, что придало сонному раствору действие стимулирующего коктейля.

Почему-то Гриффину показалось неправильным позволить майору отойти в лучший мир молча. Док подумал, что этому человеку хотелось бы напоследок сказать пару слов.

И майор заговорил, начав с того, что назвал своё имя и звание.

– Не было, ничего не было, просто пустота… а затем гул, нарастающий, рвущий барабанные перепонки, сводящий с ума. Я понял, понял, чего они хотят, но надо было прикрыть своих. Я один в броне, задание плёвое, но с неба падал огонь, падал огонь… и он, самый молодой, он шёл последним, упал, не поднялся бы в сплошной стене огня…

Голос майора Вандершанца становился тише и тише, автолекарь тонко запищал, сигнализируя о критическом состоянии подопечного.

– Я его поднял, вытолкнул из зоны огня, сам не успел, накрыл высадившийся десант. Меня видно, меня всем приборам в этой банке было видно. Пусть на меня смотрят, ребята же совсем голые…

Гриффин отключил звуковой сигнал автолекаря, сел рядом и сложил руки на коленях. За свою долгую практику он слышал и слушал слишком много, чтобы уклоняться от роли священника, перед которым исповедовались умирающие.

Теперь, после рассказа майора, Доку стало ясно, откуда у него сеченые и рваные раны спины и задней поверхности бёдер.

– Я же вперёд ушёл, сам ушёл, в броне был… остальные позади держались, рассредоточились, они все в лёгких банках, куда им вперёд. Учебный корпус, мать его в душу, дали на обкатку, а тут вот так вышло…

Гриффин слушал майора всего несколько минут, но они показались ему целой жизнью. Он уже тогда знал, что не скажет об этом ни единому человеку, стоявшему за его дверью и ожидающему окончательного вердикта Дока.

Как не скажет о противном сигнале автолекаря, прорезавшего тишину, когда сердце майора остановилось, не скажет о том, чьё имя он назвал, когда говорил о предателе, оставившем его в огне, и не скажет о том, как Вандершанц вернулся из мёртвых, едва уловимым сигналом оповестив Дока о наличие пульса и дыхания после почти шести минут смерти по показаниям приборов.

Когда Гриффин вернулся в операционную и взглянул в обгоревшее лицо майора, он явственно увидел улыбку на растрескавшихся губах Вандершанца.

Теперь дело оставалось за малым – смастерить правдоподобную куклу для завтрашнего гостя Мак Лифа…

Глава 4

Внутри стен, выглядевших старыми, облупленными и выщербленными, скрывалось оборудование из какой-то очень далёкой Параллели. Помещение могло почти мгновенно преображаться, отращивая и изменяя предметы обстановки под новую задачу. Сам доктор видел с десяток вариантов, и ещё сотня была описана в толстом дневнике, всегда лежавшем на столике у входа. Ни дневник, ни столик не менялись никогда.

Сегодня они квартировали в старом заброшенном складе. Это было намного лучше, чем футуристическая автоматизированная прозекторская, как-то расчленившая уснувшего на столе кибера, или детский садик ядовито-лиловых тонов с инфракрасной подсветкой по периметру и шипастыми стульями, снабжёнными отверстиями для хвостов… Про кухню он вспоминал с содроганием, и старался избегать Стальной Щели в эти периоды. По счастью, редкие.

Спенсер осторожно погладил стену, восхищаясь инженерной мыслью вероятного будущего, и обернулся к спальным мешкам и оборудованию, сваленному в кучу посередине большого гулкого зала. Ионеску и Патчесс, ворча, возились у проржавевших кранов, пытаясь выдавить из системы немного воды для котелка. Брякало железо, скрипела кожа костюмов, Ионеску сорвал ноготь, и шипел всякий раз, задевая заусенец на кране. В неплотно прикрытую дверь, притворявшуюся сегодня металлической, дул холодный ветер с мятным привкусом и запахами палой листвы, и ржавого железа. Параллель снаружи была негостеприимной, и посещалась очень редко. Сюда направлялись беглецы от закона, редкие по меркам Линии искатели «свободы от», и религиозные фанатики всех мастей и расцветок.

Агент задумался, механически открыв дневник в потёртой кожаной обложке, и просматривая последние записи. Они появлялись в разбухшей от влаги и осевшей пыли книге непроизвольно, вне желания или нежелания посетителей убежища. Но Спенсер знал, как обмануть систему, а большая часть невольных гостей – нет. Последние строки были неровными и рваными, словно записки сумасшедшего или неразумного ребёнка. Прочесть их не получалось.

«Интересно, почему всех так тянет в эту могилу? Здесь даже воздух мёртвый и затхлый. А уж эта мята…» – он поморщился, подавляя желание сплюнуть. Из-за этого места он бросил употреблять чаи и настои с мятной отдушкой, и возненавидел пастилки для свежести дыхания. – «Всё равно дальше убежища –

не убежать. Тут есть вода, и, в некоторых фазах – пища. Невкусная, отвратительная… Но выжить можно. Вопрос только – зачем?»

Из этой Параллели не было других выходов, кроме входного круга в центре Свалки. Исследователи, которым было решительно нечем заняться, углублялись в пространство на сотни и тысячи километров, но кучи мусора продолжали тянуться и там. Громоздясь выше и выше, опадая распадками и ущельями, или рассыпаясь бесконечными равнинами давно сгнивших останков неизвестной цивилизации. Люди – упорные существа, но даже у них есть предел. Когда стало ясно, что Свалка не может служить ни источником полезных ископаемых, ни, как бы странно не звучало, местом для захоронения отходов опасных производств, посещения этой Параллели запретили, но круг закрывать не стали…

«Всегда найдутся те, кто нарушит запрет, и рванётся в переход, надеясь на лучшую долю. Или на добычу. Или…» – он прервал размышления, и прижался к стене, достав из ножен на предплечье тонкое лезвие. На гранях стилета застыла тёмная плёнка паралитического яда.

Беглец всё-таки вернулся к убежищу. Просидев на Свалке неделю или две, он истощил свои запасы. Зная, что власти Параллели-1970 и Линии не простят ему множественные убийства на религиозной почве, Дон Джонс мог надеяться только на охотников, идущих по его следу. «Последний Ангел», как он себя называл, был вполне способен убить, освежевать и съесть своих преследователей. «Тридцать лет, вес двести метрических фунтов, третий ранг самбо-до, владеет огнестрельным оружием на уровне рейнджера Линии», – ориентировка прокрутилась в голове сама. Выделились ещё слова: – «Наркоман с семилетним стажем, эндорфинозависимый, неизлечим. В состоянии синдрома отмены особо опасен. Подлежит уничтожению».

Дверь скользнула на роликах в сторону. Поток ветра усилился, и внутрь на полусогнутых ногах медленно вошёл мужчина в оборванном и вытертом комбинезоне. Коричневая ткань, покрытая потёками и пятнами, плотно обтягивала широкую спину подозреваемого. Спенсер наметил точку укола, и напрягся…

Ангел поднял руку, сжимавшую сморщенную сферу, и, почти беззвучно рыча, сжал её по направлению к склонившимся над спиртовкой помощникам доктора. Федеральные агенты, сосватанные Спенсеру разведкой Линии, рассыпались серым пеплом вместе с частью вещей и запасов. Доктор слегка подправил траекторию движения стилета, чтобы не перерезать

яремную вену, и глубоко царапнул шею и горло преступника. Осторожно подхватив бьющееся в мелких судорогах тело, Спенсер опустил его на пол, вынув из расслабившейся влажной ладони страшное чуждое оружие.

Бросив взгляд на прах, медленно оседающий в воздухе, он с трудом подавил желание ударить стилетом прямо в затылочную ямку Ангела. «Федералы будут безумно счастливы казнить мистера Джонса максимально болезненным способом. Убийство гражданских и каннибализм они бы, может, и простили… Но двух своих агентов, распылённых в затхлом воздухе… Сомневаюсь», – Спенсер упаковал тело для переноски, зафиксировав конечности и надел на пациента памперс для взрослых – «Идти далеко, поперечнополосатая мускулатура работает плохо, сфинктеры не держат… Так, порядок».

Отобрав из кучи бесполезных вещей флягу с настоящей водой, пару рационов и спальный мешок, доктор положил их в мятый рюкзак вместе с загадочным излучателем-сферой, и забросил шмотник на спину. Сверху он взвалил на плечи безвольно подергивавшегося Дона, и пару раз подпрыгнул. Тело на загривке смачно испустило газы.

– С-скотина! – с чувством прошипел сквозь зубы Спенсер, и бросил в направлении разгромленного бивака короткий цилиндрик пиропатрона. Когда он прикрывал дверь, за ней тихо бумкнуло, и металл на мгновение стал обжигающе горячим.

«Ну, вот и всё», – подумал доктор, вспоминая лица агентов Патчесса и Ионеску, и мысленно попросил у них прощения. – «Если бы я… Хотя, нет. Простите, ребята. Надеюсь, следующая реальность будет к вам благосклонней».

До круга оставалось пять миль и несколько часов.

Глава 5

Системы безопасности верещали во всю мощь искусственных голосов, перемигиваясь лампочками предупреждения и изыскивая самые мерзейшие звуковые частоты.

– Критическая потеря высоты, критическая потеря высоты. Аэрбот приближается к поверхности со скоростью…

– База контроля атакована. Передаётся сигнал о помощи, координаты секторного обстрела…

– Система контроля полёта повреждена, исправление системы в текущих условиях невозможно.

– Критическая потеря высоты…

Вокруг крутились картинки, тоннельное зрение мешало осознанию себя в трёхмерном пространстве, мозг отказывался анализировать сложившуюся ситуацию. Где-то совсем уж глубоко тоненько завывал инстинкт самосохранения, но его писклявый голосок едва слышался под гнётом бетонной плиты безразличия к происходящему.

Тонкое углепластовое покрытие палубы аэрбота дрожало и скрипело под ногами, грозя в любую минуту провалиться ко всем чертям вниз, увлекая за собой шатающегося мужчину в рваной одежде, медленно пробирающегося к пультам управления.

Когда он только пришёл в себя, ситуация ещё не была настолько критической, и он рискнул предположить, что дотянет до населённого пункта, не предпринимая никаких активных действий. Но риск не оправдался. Едва единственный пассажир смог кое-как разлепить веки, как по корпусу аэрбота прошла волна, сотрясающая все перегородки и листы внешней обшивки. Силовое поле истаяло за секунды, обнажая корпус машины, несущейся вниз с крейсерской скоростью курьерского корабля.

Устоявшееся среди опытных пилотов выражение о крейсерской скорости курьерского корабля вяло позабавило очнувшегося под хреновой тучей раскуроченных приборов человека. Он с усилием выполз из пластиковых осколков и треснувших корпусов панелей, раздвигая насыпавшиеся сверху тяжёлые приборы. Если он правильно помнил, удар принял на себя ящик с запасным оборудованием, стоящий рядом с ним, когда аэрбот тряхнуло звуковой волной, и заряд из плазменника конвоира ушёл в сторону и выше.

– Ебать мой острый скальпель, – цепляясь за рваные края приборных панелей, прохрипел Гриффин, – никогда больше не выберу эту авиакомпанию…

Какофония звуков и красочное перемигивание заставляло

щуриться и прикрывать лицо ладонями в первые несколько секунд после пробуждения из ниоткуда. Зрительная панорама медленно, с подрагиванием и адскими головными болями, разворачивалась из узкой щёлочки прямого зрения в объёмную картину происходящего. Гриффин держался на одной силе воли, предоставляя кому-то там выше следить за показаниями процессов своей жизнедеятельности.

Выбравшись из кучи обломков, он тут же наткнулся на тело мёртвого солдата, открывшего по нему огонь перед началом всей этой кутерьмы. Лейтенант в голубой форме спецотдела по транспортировке особо важных персон валялся на полу, раскинув в стороны руки, в одной из которых до сих пор был зажат табельный плазменный пистолет. Подумав немного, Гриффин отказался от идеи забрать себе оружие лейтенанта. Беглый осмотр убедил Дока, что последний офицер Службы Корпуса мёртв. Широко распахнутые глаза мертвеца, смотрящие вверх, оставались по-детски удивлёнными и непонимающими. Большая бурая лужа крови из расколотого черепа уже начала подсыхать по краям, застывая неровным пятном посреди гладкой поверхности пола.

Гриффин проследил траекторию падения и понял, что в момент атаки звуковой волной лейтенант стоял как раз так, чтобы она толкнула его в грудь, заставив всплеснуть руками, что и спасло жизнь Доку, когда выстрел из плазменника ушёл чуть выше и в бок. Сам же лейтенант, получив прямой удар по рёбрам, не удержался на ногах и опрокинулся назад, с высоты своего роста ударившись затылком об прочный край выступающей ремонтной машины, стоящей в грузовом отсеке аэрбота. Добило офицера падение на углепластовое покрытие палубы лёгкой машинки для дальних и средних полётов в атмосфере.

«Извлечение моих внутренних органов на благо государства откладывается на неопределённый срок», – подумал доктор Гриффин, цепляясь руками за ремонтную машину.

Аэрбот особенно сильно тряхнуло, и на грузовой палубе погасло освещение. Гриффин подождал несколько секунд, ожидая включения аварийного генератора, пока не убедился, что до этого времени именно он и работал на всех уровнях аэрбота.

– Темно, как в жопе, – буркнул он, цепляясь разбитыми руками за предметы рядом, – и я, как говно, выбираюсь прочь из этой кишки. Ну просто феерия анального криптоанализа.

В кабине пилотов свет был. Как и звуки систем безопасности, взрезавшие свербящий и ушибленный мозг доктора Гриффина своими безликими голосами, предупреждающими о неизбежном и скором падении на полной скорости.

Шатаясь и дрожа, Гриффин добрёл до кресла капитана, сел, старательно нашаривая под сидением крепёжные ремни. Руки двигались кое-как, словно чужие. Пальцы заплетались, промахиваясь мимо нужных креплений и застёжек, но Док не сдавался. Он вообще никогда не сдавался, но частенько отступал прочь. Менял дислокацию, как он говорил про себя.

Если невозможно было просто уйти от конфликта или из беспокоящей ситуации, Гриффин сталкивал лбами конкурирующие группировки или людей, чтобы успеть смотаться в тень без лишних потерь.

Но сдаваться, опуская руки, принимая обстоятельства в единственно верном варианте, он не умел. Даже смерти своих пациентов он констатировал исключительно после личной проверки жизнедеятельности, пусть даже она была совершенно бесполезна после снятия показаний приборов.

Наконец, крепёжная упряжь капитанского кресла смачно щёлкнула последним механизмом, и мягкое анатомическое кресло плавно просело, оповещая о готовности к работе.

Встроенный блок питания как раз на такие вот нестандартные случаи отсекли повреждения главной системы безопасности, включая собственные блоки питания. Гриффин нащупал кнопку эвакуации и с усилием вдавил её до щелчка.

В тот же момент питание вырубилось окончательно. За стёклами кабины молча проносились видения приближающейся земли, к которой стремился аэрбот со своим единственным пассажиром.

– Время смерти ноль часов, ноль минут… – прошептал Гриффин, слабо улыбаясь.

Кратковременная агония генераторного отсека выплюнула последний конвульсивный импульс энергии, и капитанское кресло провалилось через разъехавшиеся пластины пола в эвакуационную шахту.

– То есть, как потеряли?! – вопил полковник на вытянувшихся перед ним подчинённых. – Как, мать вашу, вы его потеряли?! Я, блядь, вас спрашиваю, обсосы вы офицерские! Как можно потерять целый огромный аэрбот с системой слежения и экипажем? Ну, чего заткнулись, материал генетический?

Стоящие перед полковником офицеры из группы слежения не изменили застывших масок отчуждения на лицах, не смея проронить ни слова перед раскрасневшимся начальством, пидорасящим их в хвост и в гриву за проваленную операцию доставки.

– Какого икса через игрек вы не послали за транспортом

группу поддержки? Где ваши хвалёные лётчики-истребители? Где эта ваша рукожопая пехота? Опять в местных борделях девок тискают всем корпусом? Чего заткнулись, унитазы полевые?

– Полковник, полегче, – раздался спокойный голос от двери в комнату совещаний, – ваши люди не виноваты. Это я отдал приказ отменить сопровождение, как и снять с борта весь экипаж, кроме капитана и конвоира.

Полковник Давлатов перевёл налитые кровью глаза на фигуру, возникшую в дверях кабинета.

– Ты ещё кто, мать твою, такой? – едва сдерживаясь, чтобы не пристрелить наглеца, пробасил он.

– Аэрбот был атакован пучками импульсов и добит звуковой волной из дальнобойной пушки с северного мыса Вакамерсти. У экипажа просто не было шансов уйти от атаки, – примирительно продолжил гость, медленно приближаясь к Давлатову. – Я постарался свести жертвы к минимуму при неизбежности их наличия. Пожалуйста, отпустите своих офицеров, нам надо поговорить.

Полковник пристально разглядывал вошедшего. Невысокий, щуплый, средних лет мужчина в тёмно-сером костюме смотрел на Давлатова с отрешённой вежливой улыбкой, не сулящей, впрочем, ничего хорошего. Бесцветные глаза и аккуратно уложенные светлые волосы подчёркивали железобетонную уверенность в своих правах вот так вот запросто входить в кабинеты, где происходит показательная порка фаллическими знаками отличия личного состава высшего уровня Корпуса.

– Я вас очень прошу, – добавил гость с нажимом, нависая над сидящем за столом Давлатовым. Полковник скрипнул зубами, но приказал своим людям:

– Все свободны, отчёты на стол лично мне.

– Вот и хорошо, полковник, – медленно передёрнул плечами гость в сером, едва двери кабинета Давлатова мягко закрылись за последним офицером. – Меня зовут мистер Вуниш, я представляю службу контроля Корпуса. И теперь делом о докторе Гриффине будет заниматься мой отдел, и я лично.

Давлатов наградил Вуниша таким взглядом, что едва не прожёг его насквозь.

– Кто дал вам право изымать дело особой важности у меня из-под носа? – отчеканил полковник, поднимаясь из-за стола и расправляя широченные плечи. Давлатов был выше Вуниша на целую голову, комплекцией напоминал медведя и смотрел на нежданного помощника с выражением плохо контролируемого бешенства на лице.

– Это дело связано с религиозной целостностью вверенного

мне сектора в частности, и государственной безопасностью в целом, и мне не требуется никаких разрешений, господин полковник, – с металлом в голосе сказал Вуниш, сохраняя на губах всю ту же издевательскую улыбочку. – Вы же не хотите оказаться на месте ваших людей? Послушать, к примеру, кто вы такой в фекальных делах ваших собратьев по оружию? Или оказаться рядом с ними, плечом к плечу, в звании старшего лейтенанта? Скажем, под командованием того самого офицера, которого вы сегодня так витиевато и долго распекали здесь в кабинете?

– Ты мне ещё угрожать будешь? – прорычал Давлатов, судорожно сжимая пудовые кулаки.

– Даже в мыслях не было, – серьёзно отозвался Вуниш. – Всего лишь честно обрисовал вероятное будущее. Вероятностей же так много, а параллелей так мало.

Полковник Давлатов сдулся и сник на глазах, заслышав кодовую фразу, мигом объяснившую и вседозволенность Вуниша, и его спокойствие перед грозным полковником.

– Я рад, что вы поняли, с кем имеете дело, – заметив реакцию Давлатова, произнёс его гость. – А теперь, если вы не против, я бы хотел ознакомиться со всеми материалами, которые у вас есть на искомый объект.

Полковник Давлатов со стеклянными глазами сдержано кивнул, приступая к формированию папки со всеми данными, которые запросил Вуниш.

Ненастоящий человек с ненастоящим именем в ненастоящем костюме только что мягко промазал антисептическим вазелином задницу Давлатова и дружелюбно нагнул его над собственным же столом, и полковник только сейчас оценил жест доброй воли и своеобразное уважение к своей персоне. Вунишу ничего не стоило сделать всё это прямо перед личным составом офицеров, которых он попросил выйти из кабинета.

Глава 6

Право на одиночество является одним из исторически неотъемлемых прав всех жителей Соединённых Атлантических штатов, и наше правительство приложит все усилия, чтобы поддержать его безмерно. Даже если это приведёт к нарушению всех остальных, менее значимых прав.

Дж. Дж. Картер-Лавуазье, 21-й потомственный Президент САШ, Параллель-С1618, локальный год 1964.

Кто из нас менее одинок, нежели человек, затерянный в толпе ему подобных? Чьи руки трепещут в ожидании прикосновений, но никогда не получают их? Кому можно доверить свой драгоценный светоч разума, как пресловутый факел, с коим Диоген разгуливал по улицам, пытаясь найти человека счастливого?

Эммануэль Кантэ, мать троих детей, 1818 год, Кеннигтайн, Параллель-Ф1800

Сегодня я бы хотел поговорить с вами об одиночестве. не о том слабом его подобии, которому мы подвергаемся долгими зимними вечерами в натопленном доме у озера, куда мы выехали отдохнуть от городской суеты. Не об ощущении себя в темноте и холоде заброшенного барака на окраине рабочего посёлка Третьего Кольца. И не о понимании, что в этом мире очень мало людей, способных понять нас хоть как-

то…

Всё это – тоже одиночество.

Но настоящее одиночество начинается с понимания, что тебя никто не ждёт.

Бедный рабочий, тратящий дневной заработок на бутылку дешёвого пойла в забегаловке Нижнего города, успешный – внешне, лишь внешне! – служитель одной из крупных конгрегаций, спускающий последние дукаты в сомнительном заведении «Танцующие Ивы», что на пересечении Тридцатой и Лоуренс-авеню, и глава Службы Надзора, ночи напролёт проводящий с дымящимся кувшином грога на столе и пистолетом у виска… Все они одиноки.

Я хотел бы верить, что вас никогда не коснётся эта проклятая печать, друзья мои! Ведь нет ничего отвратительнее, чем полное, постылое, гнусное и унылое одиночество. В окружении верных друзей, повторяющих заезженные слова, старых книг, медленно обращающихся в труху усилиями книгожорки, коллекции вин, ставших уксусом от веяния всемогущего времени…

Именно тогда человек по-настоящему понимает, что он – не центр Вселенной, отнюдь. Скорее, песчинка в её отлаженном механизме, вращающаяся в лабиринте шестерён жизней, и выталкиваемая центробежными силами в пустоту и тьму.

Вы когда-нибудь это ощущали?

Хоть кто-нибудь?

Вижу, что – может быть. Но не задумывались о том, сбегая в паутину повседневных дели рутинных действий.

Тут сложно удержаться – у этого берега Вечности, простите за каламбур, очень скользкие склоны.

Но всё же.

Представим на секунду, что мы смогли преодолеть страх перед бездной, всматривающейся в нас, и сами взглянули в неё. Что можно рассмотреть в её чреве? Благо…

Одиночество – это и величайшее благо на свете. Когда ещё мы можем остаться сами собой, поделиться с нами же затаённым и спрятанным в глубине души? Когда ещё можно не скрывать чувств, не стесняться слёз, не требовать от мира благосклонности?

Президент Картер был прав в своей инаугурационной речи, ставя эту свободу выше всех прочих. Но он забывал, что её крайне сложно достичь, и ещё сложнее удержать… Видимо, потому и закончил свои дни в одиночной камере Бостонского Мемориала Президентов, в фамильной усыпальнице.

Одиночество – это и зло, и благо. И награда, и наказание. И счастье, и тяжелейшее испытание.

Не дай вам Всевышний насладиться им сполна. Кто знает, что расскажет вам Бездна?

Из лекции д-ра философии Спенсера в Центре Дариана Кеннеди, посвящённой трёхсотлетию психологии.

Спенсер откашлялся, и сплюнул в тяжёлые свинцовые воды Потомака. Плевок летел медленно, пружиня о воздушные течения, обтекавшие быки Моста Линкольна, вознёсшегося на трехсотфутовую высоту. Наконец острое зрение доктора зафиксировало соприкосновение комочка слюны, успевшего замёрзнуть во время полёта, и тонкой ледяной корки, сковавшей реку прошлой ночью. Хотелось курить, но огонёк сигареты выдал бы его с головой – в полуночной тьме, разгоняемой только редкими фонарями на опорах моста, ярко-алая трепещущая точка наблюдалась с нескольких миль.

Машины, которую он ждал, вжавшись в промёрзший закуток технологической ниши, всё не было. Чёрный «континент» с номерами Северной Преории и двумя белыми полосами по бокам задерживался, срывая график операции. «Ещё полчаса, и можно смело бросаться головой вниз, прямо в этой вонючий Потомак, чтоб его крокодилы загадили… – осторожно прогревая заледеневшие пальцы, доктор поменял нагревательные элементы в одежде, и с наслаждением укутался в потеплевшую ткань. – Машины нет, связи нет, оптика у полицейских такая, что волоски на комариных тестикулах посчитать можно… Слава богам и демонам этого мира, что здесь не додумались до тепловизора! А уж плазменное оружие и силовые поля аборигенам не видать никогда. Они даже в космос не выберутся. Не успеют».

Спасаясь от холода, доктор перебирал в памяти события последних месяцев, и тихонько вздыхал. Группа Полковника с момента прихода туда Спенсера в очередной раз изменила стратегию и тактику работы. Такие смены направления развития случались, если верить записям, каждые несколько лет. С чем они

связывались, увы, низовому персоналу не докладывали. Приходилось мириться, перекраивать отработанные схемы, терять ценнейших агентов, выслушивать очередную «оценку лояльности» из уст Полковника или его зама, и молчать. А ещё – думать, анализировать, сопоставлять. И запоминать.

У въезда на мост послышался звук громко тарахтящего двигателя. Здесь применяли странную схему ДВС, работающего на спиртово-масляной смеси. Экологично, дёшево, но очень громко и слишком маломощно. Машины напоминали плод кровосмесительной фантазии дизайнера первых танков и кубиста-мазохиста: огромные, квадратные, с шинами низкого давления. Ни одной изогнутой линии, но зато обилие хрома, никелировки и бронзовых украшений, придававших автомобилям сходство с каретами времён Ренессанса.

Почти невидимый в темноте «континент», скрипя рессорами и чихая мотором, выполз из-за опоры спустя долгую минуту. Получил в двигатель три «гремлина» с наведением на тепло, чихнул, дёрнулся и затих. Водитель тщетно терзал ключ зажигания в попытке оживить омертвевший двигатель, но тот отзывался только унылым скрежетом вставшего в распор железа валов и шестернёй.

Доктор задействовал вторую тройку микроракет, пронзивших сталь и дерево салона. Внутри немедленно заклубился туман наркотической взвеси, погружавшей человека в глубокий сон без сновидений. «А ещё она не вызывает головной боли, привыкания, приводит пациента в состояние повышенной внушаемости…» – Спенсер бесшумно вдохнул морозный воздух, и метнулся к машине так быстро, как мог. – «Только на кой? Всё равно… Потом в отработку… Заботиться о трупах? Пфе!»

Широкие двери сзади распахнулись, выпуская наружу клубы «Спокойной ночи», запах дорогого табака, вина и парфюма. Мощное тело, отягощённое обильными жировыми отложениями, упакованными в натуральные ткани и меховую шубу из чего-то вроде песца, даже не пошевелилось, выводя сочные рулады красным с прожилками носом. «Алкоголик, гурман, один из богатейших людей континента», – Спенсер, увязывая непослушного контрагента в тюк для транспортировки, чертыхнулся. – «Вот боров. Фунтов четыреста, наверное. Двести кило… Хряк молочный, твою кавалерию! Морской министр, неограниченное влияние, необходима постобработка и низвержение. Использовать осторожно – негипнабелен».

Вытащив на покрытие моста свёрток, топорщащийся снаружи мехом шубы, документами с грифами «сов. секретно» и «ты этого даже не видел», картами и сигарницей, доктор схватился за спину

и тихо крякнул. Сейчас не хватало только потянутых сухожилий. Уколовшись в кармане об одноразовый инъектор стима, Спенсер присел, тихонько вздыхая, у ржавых балок ограждения, разделяющих проезжую часть и текущую где-то внизу реку. Темнота в глазах рассеялась, и он почувствовал прилив бодрости. Сейчас можно было пробежать хоть марафонскую дистанцию с тремя такими тюками за спиной, и только слегка запыхаться. Зверски хотелось курить.

Доктор одним движением взвалил морского министра на плечи, вскочил на шершавые от ржавчины балки, и радостно захохотал в ночную холодную тьму. «Чёрт, кажется я перепутал иголки…» – подумал Спенсер, спрыгивая вперёд, и чуть вправо, навстречу льду, стылой воде, и ощущению полёта. Ему было хорошо.

В портал он вошёл некрасиво, зацепив самый край. Молочно-белый плоский круг, имевший, как могло показаться стороннему наблюдателю, только два измерения, раскрылся под углом к траектории прыжка. Курс исправить не представлялось возможным, и с потерей куска шубы, да и жировой прослойки своей цели доктор был готов смириться…

…Он ударился головой о сварной титановый профиль приёмного отделения третьей базы, и ошарашено замычал. Дальнейшее память сохранила обрывками – выстрел из пневматического ружья, мир начинает вращаться, лицо какого-то военного в новенькой форме со знаками отличия Римской Империи, наплывающее со словами «Quid hic agis, servus?».

Полковник потом передавал поздравления, и устами своего зама извинялся за неласковый приём. Целых две фразы: «Солдат, ты говно. Но продуктивное говно!»

Спенсер тщательно запомнил лицо офицера, и отметил провести поиск по новооткрытым Параллелям с ранней точкой ветвления. Интересный мир…

Но насколько всё хреново в Сети, если приходится импортировать солдат и офицеров из таких жестоких и примитивных линий?

Доктор проснулся, оглядел стандартные апартаменты, добрался, пошатываясь, до булькающего фильтром диспенсера, и долго пил воду. Потом он сел на пол, опираясь спиной в потной майке на пластик водяного хранилища, и тихонько заплакал. Он ненавидел одиночество. Особенно – такое.

Глава 7

Что такое отношения?

Я не имею в виду отношения между человеком и обществом, или между иными формациями. Меня интересуют отношения между людьми.

Любовь?

Да, и любовь тоже. Любовь, уважение, товарищество, ненависть, страх, влечение, необходимость, тяга, желание, жажда…

Уважение. Восхищение, превозношение, обожание, возвеличивание, воздаяние почестей, стремление прислушиваться и воспринимать слова…

Дружеские отношения – стремление помогать и принимать помощь, поддерживать и возвышать…

Сегодня вы хотели услышать мои слова об отношениях?

Так вот… Вы их не услышите. У меня их больше нет.

Д-р Спенсер, лекция в Холле Права, Параллель. Незадолго до исчезновения д-ра во время арктической экспедиции.

Он сжал лепесток манипулятора, заставляя кресло резко выкатиться на середину комнаты. Ускорение отозвалось болью в ногах и позвоночнике, но Спенсер стерпел её, внутренне радуясь способности ощущать это свидетельство выздоровления – медленного, затянувшегося, но, к счастью, теперь неизбежного.

Женщина, закутанная до самых бровей в утеплённое сари, медленно коснулась сенсора замка, и дверь, трепеща, захлопнулась. От движения перепонки в лицо Спенсеру пахнуло терпким ароматом духов, ванили и лыжной смазки. Последняя нотка была настолько чуждой и неподходящей его возлюбленной… Доктор вздохнул. «Что же, кажется, сегодня я услышу много нового о себе и своих, кхм, особенностях».

Она неторопливо прошла к мягкому гелевому дивану, и опустилась в его недра, замерев.

Молчание тянулось долго, как сама вечность. Спенсер молчал, потому что не хотел говорить о том, что нужно было обсудить давно, ещё в самом начале – когда его привезли на наёмном махолёте в окружную больницу. После первых операций и реанимации. После неловкой попытки самоубийства,

обошедшейся в сломанную челюсть и три лишних недели палаты терапии. Инульгем тогда пообещал сломать ему обе руки, если Спенсер даже громко подумает о таком способе оставить службу в Корпорации.

Она не пришла ни в больницу, ни в комплекс «Горний ручей», где проходил период восстановления перед серией операций по регенерации и имплантации. Два вид-звонка, состоящих, в основном, из обоюдного молчания. Увеличившийся в разы поток счетов за покупки в дорогих маркетах и бутиках, поездки на курорты, заказ омолаживающих процедур… Основной банковский счёт Спенсера задрожал, но выдержал и этот натиск. «Но на кой уроженке этой Параллели, помешанной на генной хирургии и здоровом образе жизни, омолаживаться в… погодите, двадцать пять? О, боги… Вы жестоки», – думал тогда доктор, аккуратно подтягивая резервы с рабочих счетов, и ограничивая безумный Dance Macabre своей почти бывшей женщины на костях его финансового состояния и репутации. – «Интересно, сколько она вытерпит, прежде чем объявит о размолвке и разрыве отношений?»

– Ты – грязное никчёмное животное, Спенс! – доктор вздрогнул, услыхав в свой адрес такой пассаж. На мгновение в нём вспыхнула ярость, и он схватился за изящные ручки своего кресла, пискнувшие и задрожавшие. – Ты оставил меня, твою возлюбленную, без средств к существованию!

Спенсеру стало тошно и неловко. Словно в его приёмной кто-то навалил огромную кучу прямо на стол секретарю. И не важно, что секретарь – виртуал, и запахи не ощущает…

– Как ты посмел попасть в ту авиакатастрофу! – женщина не унималась, словно разыгрывая давным-давно прорепетированную и отработанную до последнего жеста мизансцену. – Я так переживала, так переживала…

Из-под складок её тёмного одеяния раздали вполне натуральные рыдания, и Спенсер перевёл взгляд на глаза, прикрытые тонкой полоской полупрозрачного капюшона-сетки. Они были сухи, как колодец в пустыне.

Он снова промолчал, прокручивая в сознании и виртуале последние траты Тайны, и привязывая их географически. Несколько переводов с призрачной меткой «консультации» были сделаны на небольшой счёт, принадлежащий лыжному курорту «Совиный Берег». Куда она зачастила как раз с момента неожиданного возвращения переломанного и медленно загибающегося Спенсера в эту параллель…

«А теперь – внимание. Кажется, тебя пытаются кинуть на бабки, и свалить к лыжному инструктору…» – док криво

усмехнулся, стараясь, чтобы наружу эта гримаса не проникла. – «Интересно, а если бы я не сидел неподвижно в медицинском кресле, вы бы пришли вместе, и набили мне морду?»

– Понимаешь, мне необходимы ежедневные процедуры, косметические, и медицинские, чтобы…

– Понимаю. Чтобы создать хотя бы видимость мозгов в твоей красивой голове. Весь этот пиллинг, шейпинг, шопинг и фрекинг – удел дам далеко за пятьдесят, знаешь ли. Тебе же двадцать шесть, а выглядишь ты на шестнадцать…

– Но я хочу быть красивой!

– Лучше бы ты хотела стать умной. И, например, появилась бы разок в больнице, пока я там загибался, не зная, выживу, или нет.

– Но милый, я так переживала…

– Не вижу. И не верю. Кстати, как поживает твой лыжный инструктор?

– К-какой…

– О, у тебя их несколько? Ты делаешь успехи, дорогая… Советую ещё обратить внимание на танцоров клиско, их тазовая мускулатура великолепна. Если бы они ещё не были поголовно гомосексуалистами…

– Милый, ты сменил ориентацию? Ой, это так неожиданно…

– Тайна, ты ведь даже не блондинка! – Спенсер встал с кресла, и сделал два шага навстречу ей, сжав зубы от адской боли. Внутри повреждённых конечностей сжались и явственно заскрипели регенерированные кости и мышцы, переплетавшиеся с искусственными имплантами. Большие карие глаза, широко распахнутые с выражением глубокого непонимания, напомнили ему, что в этих краях анекдоты про блондинок не существовали никогда. В отличие от блондинок. – Откуда такая уверенность в моей тупости и ограниченности?

– Н-но… Линдси сказал, что ты не сможешь ходить никогда, его дядя…

– В жопу дядю, и твоего Линдси! – рявкнул Спенсер, шагнув ещё раз. Потом ещё. – Будь он хоть трижды мужчиной, хоть сверху, хоть снизу… Он не знает, что мы с тобой не женаты!

Глаза под сеткой распахнулись ещё шире. Тайна испугалась и, кажется, испытала шок.

– Как не женаты? А помолвка? Год назад, ещё до…

– Идиотка… – прошипел доктор, останавливаясь прямо перед ней. Внутри него верещали датчики медицинской системы, накатывающей волну за волной стимуляторы и обезболивающие. Но душа требовала движения и, что уж там, мести. – Тебя твои родственнички, змеи подколодные, так и не научили, что после

помолвки, спустя год или два, нужно проходить процедуру государственной регистрации сочетания? Иначе при размолвке ты не получаешь ни шиша, кроме того, что записано в предварительном соглашении…

Он поднял правую руку, и направил указательный и средний пальцы ей в переносицу, внимательно наблюдая за глазами и складками сари.

– Дорогой, ты так волнуешься… – Тайна пошевелила руками под сари, словно доставая что-то из набедренной сумки… или кобуры. – Может, я помогу тебе?

Спенсер мысленно нажал на спуск парализатора, вмонтированного под ноготь. В кончике пальца образовалась тёмная точка, выплюнувшая синюю вспышку изучения. Тайна, дёрнувшись, обмякла в объятиях геля. Из-под сари на пол выскользнул короткий излучатель.

«Значит, всё-таки угадал», – Спенсер подозвал кресло, и, матерясь про себя, осторожно уселся в него, позволяя медсистемам делать своё дело. – «Линдси, или Франки, или ещё какой обалдуй. Нейропрограмматор. Зомби-программа. Увы, ребята… Я, конечно, не дядя всего ФБР Джо Хуккер, который такие схемы по десятку на дню раскрывает, чисто для разминки. Я – доктор С. Спенсер, и убей меня господь, если я помню, что означает эта гребаная „С“ перед моей фамилией. Зато я видел много миров, и умею убивать. И работаю в странной, и иногда весьма страшной Корпорации. Для которой что Хуккер, что какой-то лыжный инструктор, что вся Параллель – одна пригоршня праха».

Он поднял излучатель манипулятором. Стандартный гражданский парализатор, дизайнерский корпус, куча ненужного функционала, сжигающего батарею втрое быстрее… И ни одного отпечатка пальцев, кроме оставшихся от Тайны. Гравитационный барьер утилизатора сглотнул кусок пластика и металла, не поморщившись.

С Тайной было сложнее.

Спустя двенадцать дней Спенсер стоял в кабинете киберпсихиатра Дариана Мюллера по прозвищу «Борман». Доктор налегал на трость под неслышимый никому, кроме него, писк медимплантов, но садиться отказывался. Борман бледнел, потел, протирал широкий лоб с залысинами, но отказать своему гостю в правде так и не смог.

– П-понимаете, д-д-д…

– Доктор. Философии. Спенсер, – вдумчиво поскрипывая коленями, отвешивал слова Спенсер. – А вы – киберпсихиатр. Вот

и дайте мне раскладку по пациенту 4560, код «Тайна». Диагноз. Сроки исцеления. Виновные. Способы исцеления. Виновные. Способы наказания.

– Спенсер, я…

– Молчать! – Доктор вытянул вперёд трость, чтобы выступающий из неё раструб десинтора был как можно ближе к мгновенно взмокшему лицу Дариана, и ласково пошевелил пальцем, затянутым в лайковую перчатку. Спуск слегка подался под прикосновением. Из-под стола послышался трубный протяжный звук, заглушаемый шипением ароматизатора. – Без заиканий. У вас есть минута. Время пошло.

Борман покраснел, хрюкнул, но смог справиться с собой, заглотив пилюлю из коробочки на запястье. И затараторил неестественно высоким голосом:

– Понимаете, пациентка с тяжёлым поражением личности, известная как «Тайна», находится в искусственной коме с момента поступления две недели назад…

– Одиннадцать дней. Точнее, доктор! – подбодрил его тычком трости Спенсер. – Или вы хотите жить вечно?

– Хр-р-р-р… Поражение основной личности проведено через имплант шунта, при подключении к заражённому источнику. Загружена матрица новой личности, выявленная и лоцированная нашими киберами. Создатель матрицы пока неизвестен, но…

– Сорок пять секунд. Смелее, никто вас в полицию не сдаст…

– Лыжный курорт «Совиный Берег». Лыжный инструктор Линдси Баскет, он же – Красавчик Ион Ионеску, румын…

– Прогнозы? – прервал Бормана Спенсер, доставая из левого кармана пластиковые листочки.

– Восстановление основной личности в полном объёме невозможно, затронуты базовые параметры и память… Мы приложим все усилия, но… Понимаете… – киберпсихолог шумно вдохнул, и снова испортил воздух в кабинете. Спенсер поморщился, чуть двинув пальцем. – Мы восстановим её по теневым копиям в шунте, но с потерей памяти о последних событиях!

– На период в год.

– Ч-что, простите? – Дариан непонимающе дёрнул утопающим в жировых складках подбородком. – П-почему?

Спенсер опустил трость, с трудом заставляя руку не заходиться мелкой дрожью от боли в ногах.

– Вы справились, мистер Мюллер. Я оплачу все расходы. Вы сотрёте из её памяти меня, наши отношения и события после мая прошлого года. Скажем так, травма мозга после падения с лыж на курорте, амнезия… Придумаете сами.

– Х-хорошо… – киберпсихолог покраснел ещё сильнее. – Прошу простить за… э-э-э…

– Не беспокойтесь. Я бы сам обгадился, будучи на вашем месте, – Спенсер, улыбнувшись, бросил на стол листочки, которые сжимал в левой перчатке. – Перед стиранием зомби-программы продемонстрируйте носительнице эти визуалы. Это поможет вычистить её полностью…

Дориан Мюллер уставился в разлетевшиеся веером перед ними объёмные снимки. На белом искрящемся снегу было распростёрто тело молодого мужчины в яркой зелёно-оранжевой куртке лыжного инструктора. Снег усеивали ярко-алые пятна и капли, сливавшиеся под телом в сплошной покров, исходящий паром. Многочисленные разрезы и разрывы превратили торс и ноги инструктора в сплошную кашу. Обрывки ткани, белые кости, сизые обрывки внутренностей, красная кровь и вялые волокна мышц…

На смуглом красивом лице погибшего застыло странное выражение удивления и страха, и застывшие глаза смотрели прямо в камеру, заглядывая куда-то глубоко в душу.

Бормана стошнило прямо на визуалы.

– Снеговой комбайн. Без кожуха. Прискорбная случайность, – глухо сказал Спенсер, уже открывающий двери кабинета. – Надеюсь, вы понимаете, что это не должно выйти из нашего тесного круга, Дариан?

– Да, доктор! – Мюллер приподнялся в кресле, опершись руками в склизкую жижу на столешнице. – Я буду нем, как…

Дверь закрылась.

– Могила, – договорил киберпсихолог, и потерял сознание.

Спенсер стоял перед молочно-белым кругом перехода, и понимал, что в этом мире теперь появится только на миссии. «Укатали сивку крутые горки? Или сивка укатал сам себя?» – подумал доктор, поправляя лямки рюкзака. Все счета переведены на Корпорацию, недвижимость законсервирована, легенда создана, федералы обласканы…

Тайна завтра выйдет из лечебницы.

Похудевший и осунувшийся доктор Мюллер сказал по вид-связи, что она так и не смогла вспомнить ничего о Спенсере. Банковский счёт клиники, пополнившийся накануне, похудел на несколько миллионов – в счёт обеспечения дальнейшего существования этого милого создания. Маленькой Тайны. Но Спенсер знал, что киберпсихолог планирует жениться на своей пациентке, и нисколько не беспокоился об их судьбе, совместной или раздельной…

Жизнь казалась прекрасной.

Таймер пискнул, и он широко шагнул на своих исцелённых ногах в колыхнувшийся туманом круг.

Начинался новый день.

Глава 8

Высокий худощавый мужчина в элегантной чёрной фетровой шляпе, низко надвинутой на глаза, медленно толкнул тяжёлую дверь и вошёл в большую комнату. Узкое стрельчатое окно, сотворённое лучшими мастерами по старинным эскизам, было занавешено плотными шторами, почти не пропускающими свет. Рядом с окном стояла широкая кровать, на которой кто-то лежал. В комнате стоял удушливый запах умирающего человека, который почти не проявлял признаков жизни, лишь изредка тихонько стонал в бреду и пытался что-то схватить длинными тонкими пальцами. Скомканные одеяла и простыни уже пропитались потом, хотя постель больному меняли каждые несколько часов.

– Пожалуйста, проходите, доктор Гриффин, – натужным басом произнёс мужчина в шляпе. – Думаю, вам бы хотелось получить объяснения?

Гриффин шагнул вслед за хозяином большого особняка, хмыкнул, утирая сочившуюся из разбитой губы кровь, и молча встал рядом.

– Меня зовут Хеллер Гордон, а это мой… племянник, – тихо произнёс хозяин дома. – Он тяжело болен, и никто пока не смог облегчить его страдания. Да-да, я знаю, – Хеллер прошёл вглубь спальни, снимая шляпу и покручивая её в руках, – случай безнадёжный. Но, может быть, слухи о ваших чудесах… в общем, доктор Гриффин, я помогу вам исчезнуть из города, из государства, да хоть с планеты. Только прошу вас, хотя бы облегчите его страдания!

Голос Гордона дрогнул, когда он бросил мимолётный взгляд на постанывающего в кровати племянника. Доктор Гриффин медленно, пошатываясь, прошёл к кровати умирающего. На взгляд доктора парнишке едва исполнилось двадцать. Бледное худое лицо с заострёнными чертами, словно посмертная восковая маска, впалые глаза, синеватые губы и крупные капельки пота на высоком лбу. Коротко остриженные светлые волосы свалялись жирными патлами, и торчали вверх, создавая впечатление некой короны на голове юноши.

– Вчера ему исполнилось тридцать четыре, – будто прочитав его мысли, произнёс Хеллер, бесшумно оказавшись за спиной доктора. Он уже избавился от щегольских перчаток с раструбом из тонкой телячьей кожи, и снял верхнюю одежду, оставшись в безупречном светлом костюме из бежевой шерсти.

Гриффину стало не по себе. Сотрясение мозга напомнило о своём наличии подкатившей тошнотой, головокружением и

мельтешащими перед глазами чёрными мушками. Доктор пошатнулся, но сохранил равновесие.

– Мистер Гордон… – начал было он хриплым голосом.

– Прошу вас, зовите меня Хеллер. Мы все обращаемся так друг к другу в нашей небольшой общине.

– Мистер Гордон, – ничуть не смутившись, продолжил Гриффин, – если вы не заметили, то мне и самому не помешала бы помощь, – он оценивающе посмотрел на застонавшего в кровати молодого человека. – Так вот, у меня два условия. Во-первых, мне нужна моя аппаратура. Во-вторых, мне нужна помощь.

– Вы собрались лечить себя, пока я прошу от вас того же относительно моего бедного племянника? – недоумённо приподнял бровь Хеллер.

Гриффин развернулся лицом к мистеру Гордону, крепко схватил его за лацканы модного пиджака и притянул к себе, как бывалый рыболов подтаскивает попавшуюся на крючок рыбу.

– Послушай меня, мистер-хуистер, – сбивчиво прошипел в лицо Хеллеру Гриффин, – не надо мне лгать, ладно? Я знаю, что никакой он тебе не племянник. Я знаю, что в вашей общине одни мужчины, и что этот человек умирает от самого пакостного вируса иммунодефицита, который только был найден ещё хрен знает когда. И если ты, щегольская пакость, не предоставишь мне моё оборудование, или меня к оному приборному чуду, то я не просто не помогу парню отойти с миром, я ещё рискую загнуться прямо у тебя в доме. До сих пор, как мне кажется, твоя община не была замечена в подобных делах, как то утилизация неизвестных покойников? А если покойник этот удирал при жизни от Комитета? А если за этим человеком выслали отряд Инквизиции из госбезопасности Корпорации?

Хеллер Гордон сник, опустив плечи, и едва не разрыдался, как ребёнок.

– Да-да-да, я всё сделаю, как вы скажете, доктор Гриффин. Конечно, вы правы. У нас уже умирали члены общины. Официально мы являемся религиозной пуританской миссией в этом городе, да и в обжитом секторе космоса. Папа Йозис I лично благословил сынов своих на дальнюю экспедицию, после того, как началась экспансия с Земли. Не знаю, насколько вы сведущи в истории, но я говорю про ту самую экспедицию, которая началась, как просто сброс неугодных обществу представителей человечества. Их погружали в сон в одноразовых капсулах, пуская дрейфовать в открытый космос. Кажется, там ещё был какой-то террорист, сумевший отключить систему пробуждения при критическом состоянии транспортной шлюпки. Очень, очень

негуманный поступок по отношению к верующим братьям, коим даже не представился бы шанс принять смерть в сознании, помолиться перед отходом к нашему Создателю…

Гриффин глубоко вздохнул, набрав полные лёгкие воздуха, и, собрав остатки сил, хорошенько встряхнул мистера Гордона.

– Это просто замечательная история, но мне бы хотелось попасть к себе. Если вам угодно, можете пойти со мной. С вами только так можно разговаривать? Вы полный идиот, или у вас тоже наблюдаются признаки болезни?

Гриффин даже не подумал об этом с самого начала. Как и о том, что вполне мог заразиться через множество порезов и открытых ранок на теле после извлечения его из рухнувшего аэрбота.

– Да, я болен, – Хеллер мягко, но настойчиво отцепил побелевшие пальцы Гриффина от своей одежды, – но жизнь моя не имеет значения.

– Да предохраняться надо было не словом божьим, мать-перемать, – в сердцах высказался Гриффин, подавив желание сплюнуть горькую слюну прямо на пол из дорогого золотого дерева. Гордон пошёл красными пятнами, начав задыхаться от возмущения, но осёкся, встретившись взглядом с безумными глазами Гриффина, который едва заметно улыбался, глядя на Хеллера исподлобья.

– Хорошо, доктор Гриффин, – сдался Гордон, – что от меня требуется?

– Разыщите и приведите сюда Бо Ваняски. Он должен крутиться где-то рядом со зданием городской клиники. Там располагается моя приёмная, за которой Бо присматривает, пока меня нет.

– Думаете, Комитет не принял меры предосторожности относительно вашего места работы?

Хеллер уже взял себя в руки, отряхивая несуществующие пылинки с пиджака.

– Меры-химеры, – с каким-то вызовом во взгляде улыбнулся Гриффин. – Разыщи Бо, Хеллер. Без него мы все не проберёмся ко мне домой, в царство Аматэрасу и Хель, врата в которое хранит Асклепий.

Хеллер Гордон посмотрел на Гриффина тем же сочувствующим и снисходительным взглядом, что иногда бросал на бледного племянника, умирающего от вируса иммунодефицита. Гриффину было уже всё равно. Множественные ушибы слились в саднящие гематомы, порезы и ссадины покрылись корками засохшей сукровицы, смешанной с грязью и потом. Местами прорванная одежда доктора присохла к этим

коркам намертво, и теперь снять тряпки можно было только вместе с частичками кожи или спёкшейся крови. К тому же, и доктор был в этом почти уверен, у него сломано два ребра, сотрясение мозга и трещина собственной жизни со спазмом поперечнополосатой мускулатуры нейтралитета.

«Пиздец вам, батенька, медицина тут бессильна», – подумал он, глядя в бледное лицо иссыхающего на дорогих простынях молодого человека. Белый налёт на губах и небольшие язвочки слизистой носа явственно говорили о запущенной стадии болезни.

«Даже думать не хочу, что там у тебя под одеялом, друг, – промелькнуло в голове Гриффина, – ладно, сейчас твой дружок нам обеспечит Бо, и мне придётся придумать, как тащить твой рассыпающийся скелет до моей конторы».

Вообще-то, никуда тащить этого парня Гриффин не собирался. Когда Хеллер Гордон спешно покинул спальню, оставив доктора дышать затхлым воздухом испражнений и выделений умирающего человека, Гриффин присел в широкое мягкое кресло у окна, откинулся в нём и закрыл глаза. Ему срочно нужен был план, как удрать из Дали незамеченным, но со своей аппаратурой. Оставлять в личное пользование этим суркам государства отличный автохирург и сильно уменьшенную версию своего корабельного искина Гриффин совершенно не собирался.

Доктор прямо видел эту сцену. Вот он помогает парню отойти в иной мир без мучений, проводит диагностику Гордону и всем его мальчикам-зайчикам, выносит приговор и делает траурное лицо, ибо средств даже консервации, не говоря уже об излечении, здесь просто не было. Растроганный такой заботой Хеллер припадает к ногам Гриффина, умывается соплями и слезами, благословляет его от голубого лица небесного божества, и спрашивает, что же теперь хочет Гриффин в награду.

– Прошу вас, мистер Гордон, сущие пустяки. Мне вполне достаточно будет космического корабля малого или среднего класса. Да-да, одного из тех трёх, что вообще имеются не только в этом городе, но и на целом континенте.

Произнеся это вслух, Гриффин не удержался и тихо рассмеялся. Смех тут же ударил по голове волнами боли, сжимающей череп со всех сторон. Доктор перестал трястись от хохота, обхватив голову руками, но улыбка не сошла с его растрескавшихся губ.

– Мне всего-то и надо, всего-то и надо, о прекрасная Марлен, что улыбка твоя, – процитировал он строки из весёлой портовой песенки. – Ну, а если ты против, ведь бывает, что против, мне

всего-то и надо, о прекрасная Марлен, мне всего-то и надо, что два корабля. Только два корабля, только два корабля, чтобы прочь улететь, улететь от тебя. И вернуться потом, о прекрасная Марлен, и вернуться потом только ради тебя. Только ради тебя умирать и гореть, только ради тебя прыгать в космос опять, о прекрасная Марлен, мне не страшно гореть, мне не страшно гореть, если любишь меня, если любишь меня…

Гриффин не заметил, как его потянуло в сон. Напряжение последних часов отпустило, и он, убаюканный строчками старой песенки, задремал в мягком и уютном кресле рядом с кроватью умирающего, молодого племянника отца Хеллера Гордона.

Глава 9

Когда меня спрашивают, что такое Корпорация, я молчу, и загадочно улыбаюсь. Человек, задающий этот вопрос, уже перерос свой родной мир, и владеет знаниями, достаточными для самостоятельного поиска ответа.

Когда меня спрашивают, в чём цель существования Корпорации, я молчу. Но улыбка редко посещает моё лицо в такие моменты, и бывает грустной. Тот, кто спрашивает меня, либо потерялся, либо ещё не находил себя. Прямо как я. Мне его жаль.

Но когда мне задают вопрос, почему Корпорация не может победить Консорциум… Или не может спасти мир Линии или Параллели от нашествия слизняков-убийц, вторжения из сопредельного пространства, эпидемии мозгокори, экологической катастрофы или ядерной войны (нужное подчеркнуть) … В эти моменты мой собеседник получает в ответ пустое лицо и внешнее спокойствие. Он ничего не понимает.

Корпорация никого не спасает и не побеждает. Она только связывает. Опутывает сетью переходов, туннельных станций, наблюдательных постов, убежищ и приютов странников… Даже мне, человеку без имени, который варится в этом не первое десятилетие, не всегда понятна стратегия и логика тех или иных действий Директората. Пусть они и доходят до меня сквозь сито фильтров у ровней доступа, искажёнными и разрозненными.

Иногда мне кажется, что я совершил ошибку тогда. Когда в моей голове кровь выстукивала слово «корпорация», и сны рисовали изображения иных миров. Когда жизнь подсовывала одну удачу за другой, и все пути вели только к одной цели. Когда я вошёл в неприметный пыльный офис на третьем подвальном этаже дешёвого бизнес-центра. Когда я положил ладонь на сканер, и лихо отбарабанил текст на незнакомом языке, который снился мне уже месяц…

Иногда мне кажется, что лучше бы я тогда умер.

Собственно, я и умер.

Для моего родного мира. Я даже не знаю, мне ли принадлежит фамилия, которой я привык подписывать свои статьи и отчёты. И что, чёрт его дери, значит эта проклятая «С» перед ней?! Сидней? Станислав? Семьон, ядри его душу? Или вообще какой-нибудь Сатананда…

Я не помню своего мира. Разрозненные картинки, запреты

при перемещении (только транзит, только через нулевую точку, только в бессознательном состоянии) … Я даже не знаю, какой мир – моя родина. Запретов и транзитов много, слишком много. А привязаться по воспоминаниям, карте неба и свойствам планеты вряд ли выйдет, они не настолько разнятся между линиями, даже отдалёнными.

Человек без имени. Человек без родины. Человек без… души?

Из личного дневника сотрудника Службы, С. Спенсера. Не опубликовано.

– Доктор! Доктор! Пассажиру плохо! – взволнованный стюард тряс за плечо Спенсера, который старательно изображал медленно выплывающего из глубокого сновидения человека.

На самом деле он проснулся, как только незаметный человек в сине-белой форме вошёл в его каюту, но не станешь же объяснять обслуживающему персоналу, что чувствуешь их за десять метров…

– Хррр… Отстаньте… – Спенсер дёрнул плечом, заворачиваясь в тёплый плед, и проклиная про себя неудобные сидячие кушетки. – Я доктор философии…

– Э-э-э-э… – обескураженный стюард отпустил рукав его пиджака, и что-то залопотал во встроенный передатчик.

Док расслышал знакомые сочетания пиджин-кода: «ошибка… не тот… службы… ждать…», и несколько напрягся. Лёгким движением ногтя большого пальца он выдвинул из перстня иглу с паралитиком, и замер.

– Прошу прощения, мистер Спенсер… – стюард снова прикоснулся к его плечу. Трясти не стал, но просто сжал. – Командир говорит, что вы – опытный путешественник, и можете оказать первую помощь. Может быть, у вас найдутся при себе… препараты?

«Да, найдутся. Парализатор, нейролептики, допросная химия и несколько ядов. Вот скажи, мил человек, тебе это поможет? – подумал Док, обращаясь к неведомому „больному“. – Хотя, пентал с нейролептиками могут снять сердечный приступ, а паралитиком можно просто оглушить, и довезти тело до порта. Если у тамошних амбулансов найдётся регенератор, то пациент даже выживет…»

Изображать спящего представлялось бесполезным, и Спенсер открыл глаза. Стюард оказался старше, чем представлялось на слух. На его загорелом лице, покрытом мелкими морщинками, возникающими только под воздействием крупиц льда и пыли

средних слоёв атмосферы, выделялись яркие фиолетовые глаза. Сейчас они излучали неподдельное беспокойство, и доктор не мог понять, что скрывается глубже.

– Уффф… – потянулся он, разминая затёкшие мышцы. Зевок получился, как настоящий – выспаться так и не удалось, цеппелин потряхивало в вихревых течениях, как телегу, гружёную камнями – со скрипом рангоута и скрежетом обшивки. – Стюард… эээ… Как ваше имя, любезный?

– МиКари, благородный сэр!

– МиКари… А имя? – Доктор отбросил плед в сторону, не забыв убрать иглу на перстне, и, распрямившись, хрустнул суставами. За этот хруст отвечала дорогостоящая наноимплантация, и Спенсер не отказывал себе в удовольствии использовать её, как говорится, «в хвост и в гриву».

– Дхарипатмашья Агниохм, благородный сэр… – стюард отвёл глаза в сторону, смущаясь. Здесь было не принято обращаться к прислуге по имени.

Доктор подхватил стоявший рядом с креслом саквояж из псевдокожи, кашлянул и расправил бакенбарды:

– Дхари… Вы же не против, если я буду к вам так обращаться, не так ли? – он жестом указал на плетёную дверь каюты. – Укажите мне путь к больному. Я действительно немного разбираюсь в, э, полевой медицине…

– Сэр, конечно, сэр! – МиКари согнулся в поклоне, но доктор отметил брошенный на него взгляд, в котором блеснуло что-то странное, не похожее на угодливость. «Ненависть? Страх? Или ярость?» – Следуйте за мной, это в первом классе, палубой ниже…

Пропустив стюарда вперёд, Спенсер непринуждённо подхватил свою трость с подставки, и сдвинул серебряную львиную голову накладки, которая скрывала предохранитель.

Одного взгляда на трясущегося в лихорадке пассажира, бледного, как смерть, было достаточно, чтобы понять – дело серьёзное, и дурно пахнет. Из Ост-Индийского губернаторства можно было экспортировать не только ценные и редкие ресурсы, но и новые для Метрополии болезни, наркотики и девиации. Напустив на лицо выражение крайнего сосредоточения, Спенсер пропальпировал живот больного, который дрожал и пытался перекусить столбик сенсора аптечки, замаскированного под местный градусник.

– Селезёнка увеличена, печень тоже не в порядке… – важно сообщил стоявшим рядом с массивным кожаным креслом членам экипажа доктор, раскуривая сигару. Только так можно было

заглянуть в экран аптечки, и понять, что именно случилось с мистером Доу. – Боюсь, что всё сложнее, чем кажется.

Экранчик мигнул, и выдал несколько строк на японском. Мысленно зашипев, Спенсер напрягся, переводя. «Малярия, новый штамм, синт-хинин или гексахлорохин малоэффективны». И дальше – обычная рекомендация удалить источник заражения из объёма, и стерилизовать помещение.

– Что с ним? – спросил сутулый рослый брит с чисто выбритым лицом. На его рукаве тускло блестели нашивки штурмана, а из нагрудного кармана выбивался клетчатый платок с монограммой.

– Сэр, у больного, скорее всего, малярия… – Спенсер достал градусник, и протёр его бактерицидным платочком. – Сто градусов, извольте…

– Вас понял, сэр. Благодарю за помощь, – штурман кивнул остальным. – Джон, Джек, приготовьте спускаемый аппарат. Доктор, вы можете понаблюдать за эвакуацией и дезинфекцией из смотрового колпака, нам нужна ваша виза в бортовом журнале.

Спенсер слегка оторопел, и, сохраняя вежливую мину, осведомился:

– Но, сэр… Милорд! Я – не доктор медицины… – услугами «Ост-Индиа СкайЛайн» он пользовался не впервые, но об эвакуации и дезинфекции ни разу не слышал. И в материалах Службы данный момент был не освещён. – Имеет ли…

– Сэр. Имеет. – Штурман достал из кармана платок, и промокнул лоб. – Вы диагностировали, хотя и приблизительно, опасную болезнь. Поставите визу в журнал после процедуры, сэр. Капитан и лично я будем вам премного благодарны за помощь.

Доктор, перехватив трость, двинулся за молчаливым мичманом по винтовой лестнице. В колпаке из плетёного дерева и гнутых стёкол, обеспечивавших обзор нижней полусферы корабля, было тесно. Мичман указал вперёд, и кашлянул в сторону:

– Смотрите туда, сэр.

Из люка, расположенного в районе трюмов, выбросили какой-то предмет, вспыхнувший зелёным огнём. «Ракета», – подумал Спенсер. – «А, дьявол!» До него дошло, что сейчас произойдёт.

Вниз полетели ещё ракеты, и следом за ними от ребристого тела дирижабля отделился тугой свёрток, напоминавший очертаниями человека. Пролетев несколько десятков метров, свёрток вздулся, потом лопнул, разбрасывая клубы дыма и яркие вспышки капель магниевого напалма. К далёкой земле, подчиняясь законам притяжения, продолжили путь обугленные

клочки и кусочки размером не больше монеты.

– Всё, сэр, – мичман откинул люк, и опустил лестницу. – В рубку, сэр. Капитан ждёт.

– Д-да, да, – Спенсер перехватил поудобнее трость и саквояж, и взобрался по ступенькам. «С другой стороны, они правы. Гордые бритты здесь оказались ещё и умными. Опасная болезнь? За борт. Врача на борту нет, до ближайшего порта – неделя полета…» Подобное пренебрежение к человеческой жизни не коробило Дока, он мог принять и более жёсткие решения, когда был на Службе. Раздражало иное – ведь этого человека можно было спасти, достаточно применить хинин. Спенсеру очень хотелось изменить исход этих событий, но это было не…

…Одного взгляда на трясущегося в лихорадке пассажира, бледного, как смерть, было достаточно, чтобы понять – дело тяжёлое. Напустив на лицо выражение крайнего сосредоточения, Спенсер пропальпировал живот больного, который дрожал и пытался перекусить столбик сенсора аптечки, выполненного в форме английского градусника.

– Селезёнка увеличена, печень тоже не в порядке… – доктор, раскуривая сигару, заглянул в замаскированную под портсигар аптечку. «Малярия. Дьявол. Унибак должен помочь, но он гипертехнологичен. Да пошли они!» – Ничего особо тяжёлого, разве что температура и лихорадка…

Спенсер нащупал в кармашке капсулу унибака, и засунул её в рот больному. Стакан с водой, заботливо поставленный стюардом на столик, позволил многострадальному мистеру Доу протолкнуть пилюлю в пищевод, после чего он откинулся назад. Доктор посмотрел на часы, и объявил:

– Общеукрепляющее средство. Должно подействовать через четверть часа, господа… – после чего попытался выйти из каюты, но был остановлен твёрдой рукой штурмана.

– Мы подождём, доктор, – тихо произнёс он. В голосе чувствовалась угроза. – Если вам необходимо выпить виски, сэр, стюард доставит лучший сорт. Как только больному станет легче, вас проводят в каюту.

Спенсер набычился, распушив бакенбарды, и уставился в глаза штурмана. На дне льдистых озёр аристократичного сукина сына можно было разглядеть только скуку и стремление исполнить свои обязанности. Никаких эмоций. Просто служба.

«Наверное, так выгляжу я во время операций», – подумал Док, отводя взгляд, и стряхивая пепел прямо на ботинки штурману. – «Пакостное зрелище»…

– Пожалуй, я воздержусь от виски, сэр, – Спенсер потянулся к

саквояжу, когда его руку попытался перехватить мичман. Получив тяжёлой тростью по костяшкам, он отдёрнул кисть, и док вытащил из внутреннего кармана металлическую фляжку. – У меня есть отличный бренди десятилетней выдержки!

Свинтив стаканчик с фляжки, он налил туда порцию алкоголя, и, улыбнувшись, выпил. «Выстрел из трости в офицера, мичману – паралитик из перстня, матросам – чем достану», – сложившаяся тактика вербализовалась. – «Вернуться в каюту, забрать вещи. Совершить переход. В движении? На маяк, шансы один к одному. Выживу».

Напряжение нарастало. Спенсер уже прицелился в мичмана, когда господин Доу зашевелился в своём кресле.

– Как вы себя чувствуете, сэр? – наклонился к нему штурман, выдерживая, впрочем, дистанцию, и прикрыв лицо клетчатым платком. – Вам лучше?

– Д-да, спасибо, офицер… – трясущимися руками больной провёл по розовеющему лицу, стирая пот. – Что со мной случилось? Нич-чего не помню…

Спенсер тихонько выдохнул, и снова достал портсигар. Выбирая сигару, он пробежался по сенсорам. «Выздоровел, сукин сын. Универсальная вакцина справилась». Внутри Дока медленно разжималась пружина собранности и готовности к действиям.

– Прошу простить, сэр. Мичман присмотрит за вами, если что-то необходимо – дайте ему знать, – штурман повернулся к Спенсеру. – Вам, доктор, отдельная благодарность от меня лично и капитана «Королевы Марии». Вас проводят.

Вернувшись в каюту, Спенсер нашёл в ней следы поспешного обыска и стюарда МиКари. Обладатель непроизносимого имени развалился в кресле, и неспешно снимал с левого глаза контактную линзу. Правый глаз, уже освобождённый от кусочка стекла, в неярком свете казался чёрным.

– Что за чёрт?! – вполне правдоподобно разъярился Док, ставя саквояж на пол. – Дхари… Или как вас там… Что вы себе позволяете?

– Секунду… – стюард положил вторую линзу в футляр тёмного стекла, и заложил ногу за ногу. – Спенсер, вы прекрасный человек. И замечательно справились.

«Ядрёна вошь. Уэллс-Ярд? Непохоже. Ирландские гончие? Вряд ли. Кто он?» – подумал Док, присаживаясь на откидную полку у входа.

– Вы прекрасно справились с заданием. Надеюсь, небольшие игры со временем не повредили вам… – бывший стюард ловким движением кисти продемонстрировал вспыхнувшую и погасшую

голограмму с символом змеи, кусающей собственный хвост.

– Кто вы, сэр? – Спенсер не узнал знака, но запомнил его. – И что происходит?

– Извините, но представляться не буду, вы меня больше не встретите. Агент Спенсер, вы нарушили несколько уложений Службы, применив нанотехнологии, и изменив тем самым ход событий в текущей вероятности. Однако без вашего вмешательства дела пошли бы ещё хуже. Собственно, они и пошли. Когда-то и где-то. Нет, не спрашивайте больше ничего, – незнакомец встал с кресла, стирая морщины и загар с лица. Он значительно помолодел и, кажется, вырос. – Просто знайте: вы сегодня помогли нам. Мы поможем вам. Потом. Прощайте.

– Но… – Спенсер хотел встать, и не смог. Мышцы словно одеревенели. – Из откуда вы?

– Прощайте, – повторил неизвестный, и словно провалился внутрь себя, исчезнув.

Сетчатка ещё несколько мгновений хранила отпечаток человека, назвавшегося стюардом МиКари, но потом стёрся и он.

Сойдя спустя две недели на причал Вокзала Трёх Принцесс в сердце Лондона, сэр Спенсер вдохнул насыщенный запахом топлива и выхлопных газов воздух, и улыбнулся. Сэра Доу встречали многочисленные родственники, и сцена, разыгранная ими для всех присутствующих, была настолько яркой и профессиональной, что Док расчувствовался. «Надо же, как много отличных актёров, и как они загримированы… Он важная птица, этот Доу. Джон Доу. Неизвестный пациент…» – думал он, вызывая кэб взмахом трости. – «Забавная история, правда?»

– Вествинтер-сайд, побыстрее, – скомандовал он водителю. – Гинея, если успеем за полчаса!

Точка перехода здесь работала строго по расписанию, и ждать ещё сутки Спенсер не собирался.

Глава 10

Инульгем закинул ногу на ногу, смешно взмахнув полами потрёпанного пончо, и, уставив узловатый палец в Спенсера, наставительно произнёс:

– Мальчик мой, ты слишком узко смотришь на мир.

– Я? Узко? Не смеши меня… – опешил Спенсер, отстраняясь на неудобном стуле. Слишком уж взгляд Кловиса напоминал два оптических прицела, направленных на Дока.

– Узко. Ты даже не помнишь, кем ты был до того, как встал под, кхе-кхе, стяги Корпорации. Ты видишь только то, что тебе решают показать. Все твои ощущения и переживания – разрешены и одобрены где-то там, в надмирных чертогах Директората и Службы. Тебя не отпускают ни на секунду, ни на миг… – Инульгем ударил раскрытой ладонью по столу. Стаканы, звеня, подпрыгнули. – Только ослабляют поводок, и дают насладиться так называемой «свободой». На день, на неделю, на месяц, или, не приведи создатель, на год. Но потом поводок натягивается, и верный пёсик спешит на службу, задирать лапку на те кусты, которые ему показали…

– Это не так! Я могу… – Спенсер почувствовал, как внутри него начинает подниматься странное тёмное чувство. Ярость? Обида? – Я…

В кабинет заглянул хозяин «Трёх Лилий», привлечённый звуком удара и звоном посуды, но наткнулся на взгляд Инульгема, и прикрыл дверь.

– Когда ты в последний раз смотрел на звёзды? И видел не огоньки, но сферы, освещающие небеса иных миров? – Кловис провёл пальцами по поверхности деревянных досок грубого стола, размазывая пролитое пиво. – Когда ты вдыхал воздух полной грудью, наслаждаясь ароматом прелой листвы или распускающихся цветов? Когда ты…

– Хватит! Прекрати. Я… – Спенсер вздрогнул, и замолчал. «Действительно, а когда? Когда я просто наслаждался жизнью, без оглядки на тикающий таймер отпуска?»

– Ты – слуга. Высокооплачиваемый, уважаемый хозяевами раб, которому позволено даже иметь своих рабов. И свой дом, и свой мир, и своё представление о мире, и, дьявол его забери, мнение! – Инульгем сорвался на крик. – Мнение!!! Управлять группой, разбрасывать щедрой рукой заражённые семена и высаживать ростки «нового направления жизни»!

Отдуваясь, он откинулся на спинку стула, и медленно допил своё пиво.

– Корпорация несёт жизнь… – Спенсер неуверенно перебирал в голове аргументы, но ничего, кроме стандартных фраз из методичек и программ вербовки, на ум не приходило. – И насаждает право на…

– Чушь. Твоя любимая Корпорация несёт чушь… Как, впрочем, и её теневая сторона, Консорциум. – Кловис нехорошо усмехнулся. Дока пробрало холодком и мурашки побежали по спине – такая ухмылка обычно доставалась жертвам Тёмного Охотника, когда Инульгем настигал их в каком-нибудь занюханном уголке удалённой Параллели. И крайне редко её удостаивались собеседники или коллеги. – Едва новый мир присоединяется к Сети, из него начинают сосать соки – металлы, биоресурсы, артефакты, произведения искусства – другие Линии, стоящие выше по лестнице Индекса. Первыми приходят учёные и торговцы. Потом – дипломаты. Потом военные… И с этого момента мир, и все жители, имевшие несчастье в нём проживать, становятся собственностью…

– Если бы не корпораты, я бы умер от голода в моей Параллели! Меня спасли и дали цель в жизни! – Док плюнул на условности, и выложил то немногое, что помнил о себе. «Или мне позволили это помнить? Но зачем?»

Спенсер напряжённо всматривался в свой стакан, словно надеясь найти там истину или откровение. Увы, кроме пузырьков, цепочками поднимавшихся со стенок и дна, в пиве было только пиво. Ярость внутри билась в стенки черепа, и выла волком.

– Тебе показывали твоё будущее? Да, вижу, показывали. Где бедный и несчастный ты загибаешься на свалке от передозы наркотика, суперспида или рака… – Инульгем снова улыбнулся, на этот раз – грустно и даже ободряюще. – Хуйня, мой друг. Полная и беспросветная хуйня. Своё будущее мы выбираем сами. И сами его создаём, каждый день. Каждую минуту – выбором ли, действиями, словами… Или бездействием и пассивностью овоща. Почему тебе показали только летальные варианты, и ни одного, где ты выбрался из жопы, и если не расправил крылья, то хотя бы научился высоко подпрыгивать?

– Иди ты на хер, мудрец хренов! – Док, не в силах сдерживаться, вскочил на ноги, с грохотом уронив свой стул, и сжал кулаки. Он понимал, что против длиннорукого и высокого Инульгема не выстоит и нескольких минут – тот просто превратит его в отбивную, даже не применяя своих странных приёмов, выученных за годы странствий по Сети. Но Кловис даже не пошевелился, только тёмные глаза цепко следили за движениями взбешённого Спенсера.

– О, оскорбления… Аргументация исчерпалась, да? Мачо

сдулся, текила высохла, и кактус оказался не пейотлем, а навозной лепёшкой. Теперь успокойся, перестань раздувать ноздри, сядь, и выслушай мою историю. Как оно было у одного маленького мальчика из прерии…

Меня нашли в пустыне, на месте, посвящённом местным богам – Койоту и Мачтли, это такой мелкий тушканчик-пылевик, ну, типа голенастой мыши с большими ушами. Надо мной уже кружили грифы, нацеливаясь на лакомый кус плоти… Если бы не старый жрец Обманщика, жить бы мне до полудня максимум. Ну, ты понимаешь – пустоши, солнце, пески, жара… Младенцу с нежной белой кожей карачун сразу. Местные бы ещё повыёживались, но я-то не местный… был.

Жрец воспринял всё правильно, и принёс меня в пуэбло. Обозвал Койотлем, и отдал на воспитание самой малочисленной семье погонщика лам, чтоб его. Папа – любитель кактусов и пульке. Мама – ну, тут понятно. Постоянная беременность и десяток смуглых ребятишек обоих полов в глинобитной хижине.

Антисанитария, полное пренебрежение к общечеловеческим ценностям и жизни. Каждый месяц один из индейцев, вытянув священный жребий, отправлялся в пустынный храм, где жрец вырезал ему сердце… Жертвуя то Хитрецу-Койоту, то Жизнеделу-Мачтли. Эти тушканчики плодились, как… как… словно индейцы, задери их Христос.

Иногда боги снисходили до жертв. С Койотом я однажды даже поспорил, и проиграл ему половину души. Взамен, правда, он поделился частью своей – ведь без души, целой или половинчатой, человек всё равно не выживет… Пустыня к тому моменту уже признала меня своим. Сроднилась со мной, и проникла внутрь.

Горьким песком, солёной водой древних колодцев, горячими дюнами, выжженной травой пустошей, режущим ветром бурь и чернильно-синими небесами ночи, расчерченной, как игральная доска в тлачтли, метеоритными потоками…

Пустыня стала мной, я стал пустыней, и научился выживать там, где ты, или другой изнеженный белолицый умер бы на третий час после полудня. Я ходил по миру, как Обманщик когда-то, оставляя в песке отпечатки лап и вой в ночной тишине под шуршание песка – что поделать, если я прошёл посвящение Койоту, и обменялся с ним душами?

Мне было хорошо, как может быть только человеку, живущему в гармонии с миром… Каким бы жестоким он не был.

Потом пришла Корпорация. Помню первые миссии, когда

через молочно-белые круги на песок ступали закованные в металл солдаты и учёные, как приходили через стационарные порталы рычащие чудовища-грузовики, плюющиеся маслом и гидравлической жидкостью геологические автоматы и буровые установки. На Икстлане нашли залежи аграва, миллиенита и тяжёлых трансуранидов. Да, почти в обогащённой форме. Прямо хоть лопатой копай…

Кто сказал, что внутренним мирам Сети не нужны уран и золото? Друг мой, тебя нае… то есть, обманули! Нужны. И все эти трансформ-реакторы, эйнштейновские преобразователи и масс-конвертеры – тоже наёбка. Даже для конвертера нужна масса, желательно атомная. Чем выше – тем лучше преобразование, и выше мощность…

И вот наступил момент, когда на песок Икстлана из множества порталов двинулись солдаты. Конкистадоры-«железнобокие» со слаборазвитых миров, вооружённые современными стрельбовыми комплексами и боевой бронёй третьего класса. Что могли сделать мои соплеменники, у которых-то и оружия не было, а из брони – тканые юбки да кожаные ремни, едрить их в туннели? Ничего.

И они делали это «ничего» двадцать лет без перерыва. Солдатам тоже надо есть, спать, испражняться и дышать. А для этого нужно хоть изредка вылезать из костюма. Отравленная колючка, щепотка сонной травы, семечко хищной лозы, песчаная блоха… Сердца участников Конкисты трепыхались на каменных блюдах в последних святилищах Койота, Чак-Мооля и Ш’баланке, броню заносили пески, а ружья… Ружья стреляли во врагов.

Двадцать лет партизанской войны в песках и скалах, от океана до океана. Это так долго… Когда потери превысили критические показатели, а геологоразведка показала гигантские запасы полезных ископаемых в недрах Икстлана, Корпорация решила вопрос. Эффективно. Быстро. Навсегда.

Ты когда-нибудь слышал о генетическом оружии? Ага, вздрогнул… Слышал. Я тоже слышал. Но, в отличие от тебя, я ещё и видел, как его применяют. И выжил, когда в небесах, в ярком сиянии полудня расцвели небывалые снежно-белые облака, так похожие на хризантемы… То есть, это я потом понял, на что они были похожи, когда выучил это слово и увидел цветок. А в тот день я стоял, и вместе со всеми собратьями-родичами смотрел в облака, чувствуя, как на губах оседают сладковатые капельки влаги…

К вечеру заболели первые. Следующий день встретили немногие. Через сутки в живых остался только я один. Почему выжил? Я родился не в Икстлане, и мои гены, эти крохотные шестерёнки, на которых вращается вся наша жизнь, были другими. Вирус, распылённый со спутников, не убил меня.

Когда я напал на лагерь геологов спустя неделю, пройдя Сердце Пустыни, они обалдели. Пески на сотни миль, жара под восемьдесят градусов, ни клочка тени окрест… И тайные тропы моего народа, для которого это место было священным. Последний из «мешика», как называли себя туземцы, размахивая обсидиановым топором и старой винтовкой, успел уложить пятерых, прежде чем кто-то из Службы выстрелил в дикаря дротик с парализатором.

Следующие полгода я провёл в институте на узловой станции Сети, где меня резали, просвечивали томографами и мучили сотнями способов. От генетического оружия нет противоядия, что бы ни твердили военные. Его можно настроить на группы генов, расовые особенности, какие-то мелкие признаки митохондриального ДНК, но от него невозможно защититься.

Это как рулетка – поставил на зеро все деньги, и выиграл. Или проиграл, и шансонье уже спешит с золотым блюдом, на котором, обёрнутый в вышитую салфеточку, завернут однозарядный пороховой пистолет с серебряной пулей… Славная традиция Рио-Путас-дель-Гранде, Параллели игорных домов, ранчо, гордых идальго и профессиональных шулеров. Да, оттуда вербуют конкистадоров для Испанского сектора Сети, где постоянно вспыхивают бунты… Я прожил там следующие годы, щедро проигрывая выплаченные мне в качестве компенсации деньги. И никогда, слышишь – никогда! – мне не удавалось добиться визита шансонье…

Койот хранил меня. Для других дел.

Я сам пришёл в Корпорацию. И отказался идти в конкисту, разведку или обслугу. Я хотел в Службу. Обхамил местного резидента, вызвал на дуэль пятерых, троих убил, одного оставил евнухом, а последний отрубил мне руки. И принял на службу.

Руки мне отрастили в регенераторе, убитых через три дня привели знакомиться с новым собратом по оружию, а Полковник, столь жестоко отметивший новобранца, стал мне отцом. И заменил мать, которой у меня никогда не было.

С тех пор я мечтаю увидеть Икстлан и умереть в его чёрных песках, перед смертью успев вернуть Койоту его подарок, будь он

неладен…

И после этого ты смеешь говорить, что у тебя была хреновая жизнь, Спенс? Мне, Койотлю Тлескалитпотли? То есть, тьфу, Кловису Инульгему, дьявол задери все эти миры и имена… Ну, братец, ты и зажрался… «Я чуть не умер с голоду»… Бедный ты, несчастный…

А у меня вот, блядь, родной мир убили. Но, как видишь, я вполне живой, смеюсь и иногда даже от души. Хотя и чётко вижу пределы своей и твоей несвободы…

Инульгем выговорился, и теперь молчал, сцепив пальцы. Его глаза были прикрыты, но между веками предательски поблёскивала влага. Спенсер, почти не дыша, заворожено ждал следующих слов Кловиса. И Тёмный Охотник их произнёс:

– Утрись, парень. Выдыхай. Дядя Инульгем тебе поможет. Есть тут у меня один заказец на примете…

Глава 11

Ты знаешь, в чём твоё счастье? Ну ты-то точно это знаешь, как же иначе. Каноны и правила осчастливливания тебе прививают с рождения. Ты ещё не успел как следует обсохнуть, не понял, куда делась тёплая мамкина утроба, а тебя уже маркируют, клеймят такой незатейливой меточкой с данными и параметрами. И тут же, вместе с новым миром, на тебя падают долги, обязанности и правила.

Пока ты мал, тебе надо слушаться воспитателей или родителей, а лучше слушаться всех и сразу, не перечить ради сохранности своей ауры, рёбер и взаимопонимания с грустным богом, который терпел, терпит и нам завещал подобное.

Подрастая, ты уже начинаешь ставить свои цели, и вот тут к долгам и обязанностям прибавляются желания и амбиции. Хочется и того, и этого, и ещё вот того и вот этого. А нету. Всего, что хотелось бы, никогда нету. Ибо даже у детей самых обеспеченных родителей всегда нет именно того, что приносило бы им счастье.

Интересно устроен мир, не правда ли? Чтобы тебе ни дали, ты всегда считаешь себя обделённым. Деньги, власть, еда, женщины, мужчины, свобода – всего лишь параметры, задаваемые нами самими себе же.

Если ты умеешь драться, ты для кого-то хулиган и забияка. Если нет, ты становишься сосунком и сопляком. Если ты красив и успешен, ты продал душу дьяволу за внимание противоположного пола и взлёт карьеры. А если ты никому никогда не нравился в юности, ты получаешь снисходительное определение умницы и порядочного человека с кучей талантов, но совершенно неприспособленного к реальной жизни.

И что это – реальная жизнь? Работа, путешествия, дети и дом, или же, всё-таки, то, что ты сам хочешь сделать для себя реальностью?

В твоей реальной жизни всегда нет именно того, что раскрасило бы её в яркие цвета. И ты бежишь, гонишься, опережаешь, стремишься, быстрее, быстрее, быстрее…

Но лишь сдыхая перед финишем, сжимая в дрожащих руках самое заветное своё желание, ты внезапно осознаешь, что оно тебе не нужно. Всё, чего ты хочешь теперь, это просто жить.

Я хочу жить, Док.

Как часто ты слышал эти слова? люди отдавали тебе города и казну небольшой колонии за право просто дышать и гадить под себя хотя бы ещё несколько лет. Они все хотят жить

исключительно перед самой смертью. Как будто простые желания испражняться или переваривать безвкусную кашу в лазарете линейного крейсера «Братислав» становятся для них источником искомого счастья только в этот момент.

Memento mori. «Помни о смерти», как чувственно подметили древние философы ещё во времена латыни, умершей вместе с тем самым моментом.

Наверное, во времена тех замызганных, небритых и явственно недоразвитых людей, как считается в наше время, для них было куда важнее не забыть о смерти, не пропустить её за обедом или просто не заставлять старушку долго ждать под дверью.

Сегодня, во времена Корпораций, Комитета и путешествий в один шаг между планетами нам вовсе не нужно думать о том, сколько ещё простоит под стенами корабельного лазарета Безносая.

Люди хотели жить тогда, они хотят жить сейчас, и всегда, неизменно, узнают о том, что были счастливы исключительно перед смертью. Счастье – это осознание. Способность самостоятельно ходить и говорить, жить и выбирать смерть, принимать решения и совершать поступки. Свой выбор и своя ответственность за него. Счастье – это осознанное решение помочь или отказать, выбросить или подобрать, отвернуться или остаться.

Счастье одного живущего человека никогда не сможет стать счастьем для кого-либо другого.

Нереализованные амбиции, желания и мечты поколений, в чём все сошедшие с дистанции способностей воплощения видели своё счастье, должны оставаться с теми, кто очень хотел, да не смог.

Ты родился, я поздравляю тебя с этим. И всё, что у тебя есть теперь для реализации своего счастливого абонемента, это исключительно твоя жизнь. Да, тебе дали её. Но дали не взаймы, дали для личного пользования, выполнив минимальный долг перед обществом и одарив его, это общество, новым членом, составляющей частицей и винтиком системы.

Или же выплюнув в мир очередного гения, чьи способности настолько узко специализированны и востребованы, что он становится заложником того самого общества, которому обязан детством и рождением пополам с образованием и подачкой пособия на бедность.

Видишь, гений, ты снова кому-то должен.

А вот в резерве исключительно твоя жизнь. Это единственное, что тебе подарили, и единственное, что, как мы видим, тебе не принадлежит среди вороха обязанностей и долженствований.

А древние греки были неправы, напоминая себе о смерти. Хотя, если тебя заинтересует этот философский вопрос более глубоко, ты сможешь отыскать определение и трактовку выше упомянутого выражения.

Древние люди призывали не забывать о смерти, чтобы каждый твой вздох и каждый шаг были наполнены жизнью.

Тебе ли не знать, что никогда не угадаешь, где тебя накроет, да, доктор Гриффин?

– Доктор Гриффин, доктор Гриффин!

Голос был ему знаком, но казался пропущенным через синтезатор звуковых колебаний, постоянно пропадающим из эфира, обрывающимся в канале передачи.

– Док, это я, Бо Ваняски…

Голос пропал на какое-то время, но потом снова появился, обращаясь уже к кому-то другому:

– Хеллер, я вообще не в курсе, что делать. Ты где его оставил?

– Дома, – как-то потеряно ответил другой голос первому.

– И зачем он пошёл сюда?

– В доме Хеллера кончилось спиртное, – неожиданно чётко и членораздельно произнёс Гриффин, так и не открывая глаз. Он помнил. Помнил, как выспался в кресле, разбуженный часто снившимся ему кошмаром.

Он тратит все силы на прыжки, меняется телами с курьером, который должен отправить его оболочку простым рейсом подальше, забирает её на первой же стоянке, когда пассажиров ненадолго выводят из криосна.

Полёты, падение, свистящие звуки разгерметизации его корабля… и мысль, опять одна и та же мысль, которая проникала в его сознание даже во сне, сковывала движения, наполняла пространство обречённостью и безысходностью попыток удрать из-под крыла кураторов:

«Они знали, они всегда знают. Нашли судно, вывели из строя».

После этого Гриффин чувствовал, как он наполняется тяжёлым ощущением бесполезности. Себя, своих побегов, своей жизни, своего мастерства.

Он был жалок и беспомощен, загнан в угол псами Корпорации, истрёпан и обессилен её постоянным контролем над собой, вымотан бесконечными проверками лояльности.

Память…

– Доктор Эл Джей Гриффин, как ваше полное имя?

– Льюис Джероми, ваша честь.

– Доктор Гриффин, вы переводитесь в новый корпус на должность штатного работника по подготовке сотрудников к лояльному отношению к Корпорации. В ваши обязанности будет входить оценка эмоционального состояния предполагаемых сотрудников, очищение травмирующих или разрушающих блоков памяти уже действующих работников, корректировка поведения агентов и пожизненный контроль за вашими пациентами.

– Да, ваша честь.

– Доктор Гриффин, как вы понимаете, для вступления в новую должность вы должны сами уничтожить этот разговор в вашей памяти. Как краткосрочной, так и в долгосрочной, оставив исключительно осознание себя в новой должности. Цели, методы и алгоритмы не должны быть затронуты. Отныне вы тот, кто делает нашу жизнь лучше по собственной воле.

– Да, ваша честь.

– Теперь ваше имя Льюис Джероми Гриффин, должность – штатный оператор медицинского корпуса Корпорации. У вас есть вопросы?

– Да, ваша честь. Могу ли я совмещать свои прямые обязанности с прошлой должностью штатного врача Корпорации?

– Думаете, вы сможете, Гриффин?

– А если смогу?

– Хорошо, совмещайте. Если, конечно, вы вспомните этот разговор, который вам было приказано стереть, как и моё согласие на вашу предполагаемую деятельность.

– Да он же пьян! – в голосе Хеллера послышалась паника и отчаяние. – Мертвецки пьян, святые купола!

– Пока ещё не совсем, – рассеянно произнёс Ваняски, сдвинув рыжие брови. Бо имел огромный опыт обращения с пьяными. В его детстве и юности жизнь дарила Бо исключительно подлянки, подставы и неприятности, что и привело его на самое дно Дале, куда опускались гружёные спиртным выполоски общества.

Гриффину было всё равно. В какой-то незримый момент ему внезапно стало наплевать на всё, что с ним происходит. Умрёт ли он сейчас от отравления алкалоидами или протянет ещё немного. Стошнит ли его лёжа, и он захлебнётся рвотными массами. А, может, он встанет, поскользнётся и сломает себе шею. Или его притащат обратно в воняющий живым трупом дом Хеллера, где Гриффину предстоит пытаться имитировать спасение заживо разлагающегося любовника хозяина дома.

Плевать. Плевать на всё. Надоело, до смерти надоело. Да, до той самой, о которой ему рассказывал какой-то голос в мире грёз

и фантазий, ехидно читающий доктору лекцию о счастье и жизни, пока этот чёртов рыжий Бо не вытащил его из уютного мирка умирания.

«Зачем? – вяло думал Гриффин, покачиваясь на волнах беспамятства, – кому это, к чёрту, надо? Неужели непонятно, что я сломался, сдулся, потерял квалификацию? Как же вы меня все достали, кто бы знал… это ваше нытьё, жалобы, трясущиеся ручки, жажда жизни, стремление не упустить шанса, никчёмные попытки цепляться за исчезающую надежду. „Док, помоги, Док, спаси!“ тьфу, блядь. А я не бог, я не воскрешаю, я непонятное упадочное хуйло, растерявшее остатки самоуважения к самому себе, которому приходится работать богом для тех, от кого этот бог уже отвернулся».

Гриффин почувствовал, что по щекам медленно ползут две крошечные слезинки. Мускулатура лица оставалась неподвижной, будто окаменевшей, глаза отказывались открываться и возвращать доктора в реальность окружающих декораций.

«Ваше время жизни – это всё, что у вас есть, а вы, идиоты, тратите его, вкладывая ресурсы, в непонятное мутное дерьмо, гордо называемое стремлением к лучшей жизни. Да вы, блядь, и худшую сохранить неспособны. А я… я напился, да. Вот так вот, бездарно и безнравственно, отказываясь пытаться помогать этому полудохлому задроту и его религиозной шайке. Да, я предал основной закон врача, я спасовал, я, чёрт возьми, устал быть богом, я хочу жить человеком. Боже, как же я устал… надо было разбиться в костный хлам, в шлак, растереться в космическую пыль, но я испугался. Я даже убить себя не смог, несчастный трус. Трус и беглец, которому не хватило ума соскочить качественно и не хватило ума сдохнуть окончательно. Слабак, ничтожество и бесполезный кусок дерьма.

Льюис Джероми Гриффин, ты чмо».

– О чём это он? – послышался голос Хеллера, пыхтящего и отдувающегося в процессе перетаскивания тела Гриффина прочь от ночного бара.

– Да хер его знает, – отмахнулся Бо. – Допился до чертей, видимо.

Гриффин мерно покачивался в руках мужчин, стараясь не расплескать содержимое желудка им на ботинки при каждом толчке. Он думал о том, кто он есть и кем был. Со вторым были проблемы, так как Гриффин имел серьёзные основания вообще не считать себя доктором, а ничего другого он не помнил. Но он же, как ни странно, отлично понимал, что память – это и есть душа, о наличие которой всегда существовало так много мнений. Сотри память, и вот ты уже бездушная кукла, белковый мешок с

дерьмом, способный размножаться и потреблять, чтобы после испражняться употреблённым.

Ты никто. Ноль, оболочка, свободное тело, куда можно поместить хоть курьера, хоть иную сущность, хоть какую угодно память, подходящую под основные черты внешности или характера. Хотя, последнее сильно корректировалось наличием тех или иных вписанных файлов памяти.

Игры с душой, игры с богом. Чем они отличаются от игр с телом и игр с дьяволом? Один целит на суть, второй на оболочку. Им нечего делить, не о чем спорить. Их сферы деятельности никогда и не пересекались, говоря откровенно.

А вот он, Гриффин, застрял между. С душами играть он отказался, а для игр с телами требовались ресурсы. Ресурсы, время и оборудование.

Внутри Дока что-то сжалось, стиснуло грудную клетку и противно заныло, будто приступ стенокардии внезапно посетил старого знакомого. Гриффин скрипнул зубами, дёрнулся, потом ещё и ещё раз. До тех пор, пока его провожатые не поняли, что его надо положить на землю.

Док встал на колени, опершись руками о склизкую грязь канавы, содрогнулся всем телом и опорожнил желудок. Тошнотворные звуки судорожно сокращающегося внутреннего мира Дока сопровождались характерным запахом желудочного сока и спиртного, не успевшего переработаться и окончательно разъесть слизистую пищевого мешка.

– С ним всё в порядке? – с беспокойством спросил Хеллер, поглядывая на упражнения Гриффина чуть в стороне. – Кажется, он то ли плачет, то ли смеётся.

– А, по-моему, он просто пытается выжить, – пожал плечами Бо Ваняски. – Только жизнь у него получается какая-то желудочно-кишечная…

Гриффин сосредоточился, унял спазмы пустого желудка и, медленно вытянув в сторону левую руку, показал поднятый вверх большой палец, выражая одобрение словам Бо.

Глава 12

Я делюсь с вами самым сокровенным, что у меня есть. Я отдаю вам то, что вы никогда бы не узнали, и никогда бы не попробовали. Я дарю вам свои мысли.

Чёрт его знает, зачем я вообще это делаю… Когда-то это был дневник, скрытый в глубинах сетевых баз данных, потом – курс лекций для жителей отдалённых Параллелей, затем – письма, которыми я обменивался с близкими мне людьми. Дневник я удалил, когда увидел в нём чужие правки и критические комментарии местных сетевых кодеров. Курс лекций закончился, когда я потерял надежду на нормальную человеческую жизнь и окончательно поверил в идеалы Корпорации. Письма… это были бесплотные сообщения, доставляемые забавной программой-почтарём, стилизованная фигурка которого молча улыбалась мне с экрана компа, но сейчас у меня нет доступа в Сеть.

Цикл завершился.

Я снова веду записи, которые хранит в себе старая тетрадь, прошитая суровой ниткой, и заключённая в толстую кожу какой-то рептилии. Изготовленная в удалённом от Метрополии секторе, она не содержит никакой техногеники, кроме линейного трансформатора. Последний позволяет уменьшить размеры этого бумажного монстра до маленького блокнотика, и создаёт силовое поле, защищающее чернила и страницы от песка, пепла и дождя.

Я даже пытаюсь зарисовать самые интересные моменты, увиденные мною в моём безумном поиске, но Творец, или кто у нас там главный создатель всего и вся, не дал мне таланта художника.

Как бы то ни было, это – моя нынешняя жизнь.

Странная, рваная, и непонятная.

Я скучаю. И мне плохо. Не в медицинском смысле, до этого пока далеко. Но вот внутри что-то шевелится, и это совсем не глисты, как сказал бы один мой не в меру саркастичный сотоварищ. Это душа пытается проснуться.

По крайней мере, мне хочется в это верить.

Из личного дневника С. Спенсера, сотрудника Службы Расследований Корпорации (в отставке)

Датировка невозможна, местоположение не установлено.

Инульгем, присев на корточки, грел руки над электронным костром, и тихо улыбался. Вокруг возвышались скалы – изломанные, режущие взгляд и давящие на разум. С острыми, как ножи, гранями и странными разводами. Серые лабиринты камней, валунов, гранитных осколков и базальтовых игл скрывали внутри уютную пещерку. С родником и парой заляпанных бурым и коричневым плит известняка…

Безжизненная Параллель, снабжённая никому не нужным номером по классификатору миров. Тут не было ни животных, ни растений, а мелкие океаны колыхали свои мутные воды, которые никогда не рассекали плавники рыб – только островки простейших водорослей, зелёных и синих, плавали в солоноватой влаге.

Тут можно было дышать, и даже жить – недолго, конечно. Кловис коснулся туго набитого мешка, и блеснул зубами в широкой улыбке. «Не место красит человека, а человек засирает место, – подумал он, на ощупь доставая тонкие сигары. – А тут даже гадить не хочется».

Большой Караванный путь проходил всего в двух милях севернее, по пробитому годы и годы назад ущелью, протянувшемуся между двумя природными порталами. Белые круги раскрывались раз в шесть часов, исправно пропуская группы вооружённых людей и тяжело дышащих животных, нагруженных тюками и свёртками. Три километра каменистой пустоши, и пришельцы исчезали в молочном свечении, перешагивая границу с отдалёнными Линиями Серого сектора. Иногда караваны сопровождали солдаты или наёмники, изредка – тяжеловооружённые десантники или штурмовики Корпорации. И уж совсем редко на этом унылом пути попадались одинокие странники.

Такие, как Инульгем. Он бывал здесь регулярно, наведываясь к двум алтарям каждые три-четыре года. Отсюда было хорошо разговаривать с богами. Или просто отдыхать от людей. Впрочем, сегодня не было ни разговоров, ни отдыха – всего лишь работа, скучная и надоевшая.

Нож взрезал тючок, освободив криоконтейнер с пометкой «Центр трансплантологии Минор Магис», и на известняк легло дымящееся от испаряющегося консерванта человеческое сердце. Прикосновение пальцев, нажатие – и оно начало сокращаться, хрустя замёрзшими тканями, и брызгая осколками льда и крови. Несколько слов, обращённых к мутной полосе в небе, заменявшем

здесь Луну, и над сердцем появилось мутное облачко, а само оно словно усохло и потеряло краски. Ещё пара ударов – и на алтаре остались только осколки, расплывающиеся пятнами крови, и лужица хладагента.

Боги приняли жертву.

«Следующая остановка – Пустыня, – подумал Инульгем, бросая контейнер к стене пещеры, и раскуривая очередную сигару. – Сменить Параллель, и добраться до этой жопы мира, где видели сраного доктора. Когда-то давно. Сволочь. Какая же он сволочь…»

Сплюнув прилипшую к губам крошку табака, Кловис сказал вслух, чуть растягивая гласные:

– Вот только кто из нас – большая сволочь, доктор? Я или вы? Охотник или жертва?

От входного круга раздались выстрелы из крупнокалиберных винтовок. Тугие щелчки неслись над скалами, рождая эхо и ощущение тревоги. Иногда караваны пропадали здесь, и Инульгему вовсе не хотелось сейчас выяснять, почему. Он подхватил мешок, полегчавший и уменьшившийся в объёме, и направился к ущелью, скользя по россыпям мелких камней и щебня. Повернув за скалу, Койот позволил себе расслабиться, и облизнул губы длинным языком. Ему стало смешно.

Теперь, когда невидимый палец указал на выходной круг портала Пути, и дальше, за его пределы, Инульгем успокоился, и втянул холодный воздух раздувшимися ноздрями. За порталом его ждали. «Ну и хрен с вами, – подумал Охотник, привычным жестом проверяя, как вытаскивается прозрачный клинок из ножен, скрытых в ремнях. – Не хотите жить – не мешайте жить другим…» Но ещё глубже, за нарочитым бурчанием и жестами, скрывался зверь. Который сейчас очень хотел крови…

Спенсер нервно постукивал пальцами по узорчатому бортику деревянного бюро. В кресле напротив развалился тучный идальго, затянутый в тёмный костюм, расшитый серебром и драгоценными камнями. Из-под некогда щегольской шляпы коменданта, надвинутой на лицо, свисали длинные усы, украшенные серебряными же бусинками, и погасшая сигара толщиной с запястье.

«Сиеста, драть её в корень, – морщась, как от зубной боли, подумал Спенсер, стоически сдерживая порыв натянуть шляпу по самые локти её владельцу, и сплясать качучу на голове этого гибрида слона, коменданта и человека. – Ненавижу Испанский

сектор!»

Негромкий перезвон из глубины стола возвестил об окончании сиесты, и пробудил идальго к жизни. Комендант сдвинул толстыми пальцами шляпу, приоткрыв заплывшие глазки, и изобразил на лице участливую улыбку:

– Агент Спенсер! Мадре диос, рад вас видеть здесь, на благословенной земле Каталонии! – голос у идальго оказался неожиданно глубоким и низким, словно у оперного певца. «С другой стороны, кто мешает ему, сняв пропитавшиеся аристократическим потом тряпки, выступать на сцене „Опера Гранде Каталона“? – подумал Док, натягивая на лицо ответную улыбку. – Господь всемогущий, сколько миров, столько уродов. И все разные. И почему у меня не получается общаться с нормальными людьми, хотя бы изредка?»

– Команданте, поверьте, я рад и безумно счастлив пребывать в отделении Корпорации на Каталонии, где чувствуешь себя, словно дома, и даже лучше! – Спенсер попробовал улыбнуться. Получилось так себе. Он поправил небольшую сумку, перекинутую через плечо, и одёрнул манжеты гражданского костюма. Бирюзовый камзол, кружева, обтягивающие панталоны – все эти вытребеньки невероятно бесили. – Но ваш покорный слуга только пришёл в себя после карантина и рекреационных мероприятий, и не успел насладиться красотами вашей родины лично, а не через посредство экранов и голо.

И Док протянул над полированным деревом столешницы карточку с допуском. Ему было нужно подтверждение для выхода в город.

– Конечно, конечно! И, не будь я Санта-Мария дель Гато да Рива, если вы немедленно не получите разрешение внутренней службы… – Санта-Мария положил карту на считыватель, и углубился в настольный экран. Уроженцы Испанского сектора традиционно не доверяли высоким технологиям в лице нанитов, голографических интерфейсов и силовых полей, предпочитая старые верные сенсорные экраны, коммуникаторы и бронекостюмы. А ещё они делали великолепные сигары, зажигательную текилу и хорошее вино. Видимо, потому этот сектор был так пламенно любим контрабандистами, дилерами и просто нехорошими, с точки зрения Спенсера, людьми. «А ещё на большинстве Линий сектора безбожно жарко и влажно. Или сухо. Или находится ещё какая-нибудь напасть, типа испанского сапожкового гриппа или проказы Колумба, – Спенсер тихонько вздохнул. – И почему Инульгем направил меня именно сюда?»

– Да-да, благородный сэр, – закончив тыкать пальцами в экран, да Рива стащил с головы шляпу, и вытер обширную лысину

мятым платком. – Очень рекомендую посетить собор Святой Марии Каталонской, он как раз напротив квартала Лос Чикитос, не ошибётесь. По замыслу архитектора, здание собора должно было напоминать обитательницам этого гнезда разврата о бренности сущего, и призывать их вспоминать о своей душе… Но вышло как-то наоборот. В общем, столица Каталонии с радостью примет вас, агент.

Комендант в очередной раз улыбнулся спенсеру, но в глубине его маленьких глазок блеснуло нечто, похожее на злость. Или злобу. Док почувствовал себя неуютно, но выдержал взгляд Санта-Марии, и, рассыпавшись в многословных благодарностях, оставил коменданта наедине с его экраном, шляпой, сигарой и бутылкой текилы в ящике бюро. Эту самую бутылку Спенсер лично преподнёс да Риве накануне, потратив едва ли не тысячу единиц на адское пойло…

За пластометалическими дверьми, распахнувшимися в послеполуденную жару, расстилалась огромная площадь, исходящая маревом. Где-то там, за колышущимся воздухом и пылевыми смерчиками, Дока ждал трактир «Молодая Печень» и один очень полезный, но очень занятой испанец, с которым его познакомил Кловис. С тех пор прошло много лет, но кто их считает? Это же не деньги…

В трактире было неожиданно прохладно и безлюдно – сиеста недавно завершилась, а до вечернего стаканчика вина было ещё очень далеко.

Хозяин заведения, высоченный мадридский негр, восседавший за стойкой, словно король, небрежно указал пальцем в сторону неприметного кабинета. Спенсер кивнул в ответ, и скрипнул дверцей.

– Здравствуй, – поднял на него взгляд от наладонника смуглый невысокий человек в парадном сером мундире интендантской службы. Судя по галунам и золотому шитью, за время, прошедшее с последней встречи, друг Кловиса взошёл ещё на несколько ступеней по иерархии тыловых служб.

– И тебе не болеть, Боргес, – Спенсер присел на изящный стул тёмного дерева, и пристально посмотрел интенданту в глаза. Он не совсем понимал, с чего начать – в голову лезли мысли о базаре, торговле и партии контрабанды, которую недавно накрыли безопасники неподалёку, тремя Параллелями выше.

– Слушай, друг мой, у меня много дел и мало времени. Давай, выкладывай, зачем пришёл, мы быстренько договоримся, и разлетимся, как в небе корабли. – Боргес хитро прищурился и

провёл пальцем по тонким усикам. – Ты ведь к чикитам шёл?

– Я к тебе шёл, вообще-то. Чикиты – только повод… – Док подумал, что здешнее словоблудие начинает напрягать, и вздохнул.

– Ай-ай, такой хороший молодой человек… был, – интендант тихонько засмеялся. – И туда же, по мальчикам… Не увлекаюсь!

– Остынь, hombre. Тебе нужно меньше смотреть порно и работать сверхурочно. Ты мне нужен как интендант, а не как мужчина, Гомес, – Спенсер поморщился, и налил себе из запотевшего кувшина немного вина.

На смуглом лице Боргеса промелькнул интерес:

– О, птичка принесла в клювике… А что, кстати, принесла птичка?

Спенсер снял с плеча сумку, и достал небольшой изолирующий контейнер, в котором блеснул сероватым металлом шар дезинтегратора. Оружие неизвестного происхождения долго лежало в тайнике, и вот, кажется, его время пришло…

– Вот, смотри. Выемка для большого пальца, если сжать – генерируется широкий луч дезинтегратора, – Спенсер помолчал, и добавил: – Порталами и наблюдательными постами не засекается.

– Причудливая вещица. Где нашёл? – Боргес натянул на ухоженные руки тонкие перчатки, и осторожно ощупал шар, поглядывая в наладонник. Спенсер вздохнул ещё раз:

– Во время задания, на помойке.

– На помойке, или на Помойке? – интендант снял перчатки, и улыбнулся.

Док подумал, что интуиция не зря не советовала ему обращаться к этому въедливому торгашу, и неожиданно вызверился:

– Иди в задницу, мучачо! Ты прекрасно понял, что я хотел сказать…

– Да, понял. Но наблюдать твою перекошенную рожу, гринго, бесценно, – Гомес снова тихо рассмеялся, наблюдая за собеседником. Тот отхлебнул вина и старался успокоиться. – Пробовал в деле? Откуда знаешь, как пользоваться?

– Наблюдал. Сам не применял, потом сложно было бы доказать Комиссии по Контролю, что я не гуано.

– А тот, кто использовал эту… штуку?

– Он уже никому не расскажет, не бойся. Автоклавирование и биореактор, – пожал плечами Док, вспоминая двоих федералов, рассыпавшихся пеплом. «Ангел заслужил такую казнь», – промелькнуло в его сознании.

– Отвратительно… Чего вы только, гринго, не придумаете… –

Гомес уставился на оружие. – Ну надо же, как похоже на бейсбольный шар…

– Ты швы нарисуй, не отличишь. Размер совпадает, – Улыбнулся Спенсер, представляя себе интенданта с битой в руках. «Нет, биту лучше держать мне. И даже пару раз ударить. Прямо по этой ухмыляющейся роже. Господи, ну какие же мы все уроды…»

– Ага… Так… – интендант положил дезинтегратор обратно в контейнер, и мгновенно стёр улыбку с лица. – И сколько ты за него хочешь?

– А сколько дашь? – Спенсеру было противно. Он никогда не торговался просто так, из любви к искусству, и сама мысль о том, чтобы устраивать это ненужное представление, была ненавистна. Но так было необходимо. «Ладно. Кловис, я тебе это припомню…»

– Ну-у, друг мой бледнолицый, скажем… Пятьдесят тысяч? – Боргес прикоснулся к экранчику наладонника, и что-то проверил.

Спенсер пожал плечами, и снова отхлебнул вина. На редкость неплохого, кстати.

– Допустим. А сто килоединиц слабо?

– За разряженный образец непонятной хрени с очередной помойки? Сто тысяч? – интендант натурально выкатил глаза, и привстал со своего стула. – Гринго, твои мозги не выносят кастильского солнца, они текут со страшной силой! Да чтоб моя сестра стала последней шлюхой, шестьдесят!

– У тебя нет сестры, Боргес. И братьев нет, – устало откинулся назад Док, ловя взгляд Гомеса.

Интендант снова полез в коммуникатор, и пригладил усики:

– Да, дьявол, нет. Но больше семидесяти всё равно не дам, и не проси…

– Мне не нужны деньги, друг, – подчёркивая последнее слово, Спенсер наклонил кувшин, снова наполняя свой бокал.

Боргес оживился, почувствовав выгоду. Смешной человек, который уже несколько десятилетий ворочал миллионными делами, обеспечивая почти весь сектор оружием, бронёй, предметами роскоши и новыми технологиями, сейчас с жаром предлагал свой товар, словно мелкий лавочник – прохожему в час пик на Трафальгарской площади Большого Лондона…

– Девочки, наркотики, современное оружие? Могу достать тяжёлую броню, почти новую, от предыдущего хозяина отмыть – и сносу не будет!

– В задницу твою броню вместе с девочками… – Спенсер посерьёзнел и сжал челюсти. «Вот оно!» – внутри замер холодок какого-то странного чувства. – Мне нужна услуга. Или информация. Смотря по тому, что ты можешь, интендант…

– Я? Я?! Интендант Боргес, который тридцать лет обеспечивает чёрный рынок Кастилии, Ламанча, Мехико и Тегусигальпе, мадре диос дель пута, первоклассным товаром – и не смогу?! Да ты охренел, гринго! – взвился Гомес, прищёлкивая пальцами и вздымая руки театральным жестом, отработанным до автоматизма.

– Не кипятись, штаны намочишь. – Док говорил медленно и тихо. – Мне нужно узнать, кто именно, когда и где проводил мне коррекцию памяти.

– Ты спятил, гринго? Это же секретная информация… – кажется, Спенсеру всё же удалось удивить интенданта. Теперь он начал нервничать, и потянулся к бутылке.

– Не можешь – так и скажи, я найду другого. А с тобой мы будем видеться немного реже, чем хотелось бы. – Спенсер подумал, и добавил: – Я не угрожаю, друг. Сам знаешь…

– Да уж… Задал ты задачку… Гринго, ты хоть понимаешь, что если тебя накроют, то ты уже не отмажешься?

Док подумал, что судьбоносные решения, пожалуй, редко принимаются в трезвом уме и полной памяти, и, внутренне наплевав на принципы, ответил:

– Знаю. Но мне как-то похрен, Боргес. Мне нужно имя. Имя и данные на специалиста.

– Я попытаюсь. Мячик забери, гринго. – Интендант отодвинул контейнер, словно тот был измаран грязью.

– Оставь себе, как предоплату. Потом поговорим о расчёте. – сказал Спенсер, и подумал, пытаясь мыслить холодно и чётко: «Кажется, это называется изменой. И я её только что совершил…» Мысль приятно леденила позвоночник.

– Ну, как знаешь. Покупатели найдутся, незарегистрированное оружие всегда в цене, да ещё и «невидимое» … – Гомес пригладил волосы, и махнул рукой. – Как предоплата, пута мадре, подойдёт. Может, даже на пиво с перцем останется, хе-хе…

– Вот и славно. Теперь я – к чикитам, надо же увольнительную закрыть, – поднялся со стула Спенсер.

– Не надорвись, гринго! – засмеялся интендант, наливая себе в стакан золотистую жидкость из большой бутыли. – Наши девочки – горячие штучки!

– Ага, аж дымятся. Не кашляй, Боргес. И не пей много текилы, а то опять гравитанк продашь сепаратистам… – попрощался Док, и покинул кабинет, провожаемый возмущёнными воплями покрасневшего интенданта, разлившего от неожиданности спиртное:

– Скотина, сколько лет вы мне все будете припоминать эту

развалину! Чтоб вы сдохли, дьявол вас съешь, гринго грёбаные!

На улице вступал в свои права влажный и тягучий вечер, свежим ветром развевая листья ленточных пальм и высоких катальп. Дома «весёлого квартала» расцвечивались зажигавшимися фонариками и гидролампами, превращаясь в сказочные замки, роскошные дворцы и иллюзорные пещеры Ала Ад-Дина… Издалека доносились обрывки танцевальных мелодий, женский смех, и звон бокалов. «Или шпаг, – подумал Спенсер, медленно направляясь к старому собору святой Марии. – Они тут все буйнопомешанные какие-то, ей-богу».

Глава 13

Только что понял: я был слеп, как котёнок в снежную пургу.

Кто из нас по-настоящему свободен? Из нас, кто служит (или служил) Корпорации? Внутренняя служба? Нет, они не видят ничего дальше того мира, где работают. Охрана? Агенты внешней Службы? Увольте-с, видеть несколько Параллелей и Линий, одни и те же, год за годом… либо, во втором случае, с высунутым языком носиться по заброшенным и ненаселенным теням миров, преследуя очередного преступника, который, может, не так уж и виновен.

Торговцы? Да для них вообще все миры сливаются в один большой базар, различающийся только товарами и цветастостью костюмов продавцов!

Исследователи и десантники? Да, они видят больше, и чаще вдыхают свежий воздух новых мест… Чтобы свалиться, посинев и корчась, от неопознанного сканерами микроорганизма, или получить стрелу с неизвестным ядом в щель между пластинами доспеха. С тем же исходом. Хотя, да – свободы у них больше, как кажется.

Но только – кажется. Мы все – рабы. Слуги. Собаки на цепи, только одних кормят помоями, а других – мясом, и длина цепи у всех разная…

Я возвращаюсь к Кодексу и Уставу, вчитываясь в их слова. Когда-то они были исполнены света и Истины, и придавали смысл жизни. Сейчас слова пусты, как заброшенный колодец в иссохшем оазисе, где скелеты деревьев заносят неторопливые дюны. Я не могу понять, как раньше верил в них.

В одном я убеждён – Сеть в том виде, в каком она сейчас существует, всё же даёт больше, чем отнимает. А когда-то давно это была великолепная идея, живая и гениальная. Так было, пока Директорат ещё существовал вне отрыва от реальности, и люди работали за идею, и ради общего дела.

Когда появились блоки лояльности и новым служащим стали стирать память, изменять личность и вообще разрешили превентивную психохирургию –

Корпорация умерла. Да здравствует Корпорация…

Организация стала монстром. Сотни и сотни миров ложились в основу Сети, новых агентов загоняли на кресла коррекции вереницами… Некоторые из них были в наручниках! Корпорация не гнушалась принимать в свои ряды изгоев и преступников (по местному законодательству, разумеется) … Действительно, почему бы и нет? Матрица личности, стирание памяти, глубокие блоки лояльности…

Чёрт, я до сих пор не могу поверить той записи, что просмотрел недавно, на Каталонии. Курва мать, нельзя же так. Двадцать молодых парней, от восемнадцати до двадцати с хвостиком. Изнасилование, ограбление, разбой, убийство, политическая неблагонадёжность, оскорбление действием… Даже вербовщики в средневековые армии были более корректны, спаивая рекрутов столетия назад – они хотя бы не убивали сразу. С этим прекрасно справлялись многочисленные поля боя…

Пятеро не выжили. Сработали блоки лояльности, выжигая мозги. Им не ставили импланты, не внедряли гаджеты – коррекция, лояльность, убрать трупы, следующая партия несчастных. Ненавижу Испанский сектор!

Впрочем, а кто я сам? Кем был до того, как влился, мать его так, в ряды Корпорации? Преступником? Шпионом? Неудачником? Или, может быть, от меня так избавились, например, конкуренты? А, может, я сам предпочёл такой изощрённый способ самоубийства? Не знаю.

Стоп. Почему не сработали блоки лояльности? Почему я вообще могу размышлять об этом свободно, и записывать мысли в дневник? Почему я могу действовать вопреки Уставу, как во время операций, так и сейчас? Непонятно. Что произошло? Что изменилось? Почему всё так происходит?

У меня нет ответов. Но обязательно будут. Как только я…

Из личного дневника С. Спенсера, сотрудника Службы Расследований Корпорации (в отставке).

Неопубликованное.

Борт транслинейного экспресса, пассажирский отсек класса «А», кают-купе 12.

Стук в дверь отвлекал. Док попытался сосредоточиться, и вернулся к мерцающему перед его внутренним зрением экрану настройки имплантов. «Уровень нанов в крови низковат, надо бы пополнить… Ближайшая Станция – через три остановки, четыре Линии севернее, – Спенсер деловито почесал нос, облезающий после жаркого каталонского солнца, и порадовался, что жару сменил холодный климат Нордического Сектора. – Так, что там происходит, чёрт возьми?»

Он провёл рукой по сенсору рядом с плотно задраенной дверью, подождал несколько секунд, и чертыхнулся. На этом экспрессе даже в классе «А» была установлена устаревшая техника, и архаичные механические устройства…

– Что случилось, стюард? – совладав с отполированной рукоятью двери, поинтересовался Док у затянутого в пышный мундир члена экипажа. – Вы мне помешали…

– Доктор, со всем уважением, – согнулся в поклоне сутулый парень, придерживая руками в белоснежных перчатках приоткрытую дверь, – капитан просил вас, господин, проследовать в центр связи. Это второй вагон, прошу простить…

– А зачем я понадобился в центре связи, капитан не просил передать? – надевая маску высокомерной раздражённости, спросил Спенсер, натягивая пиджак и поправляя манжеты серой сорочки. – У меня важная деловая встреча в Линии Мерса, и я не хотел бы прибыть туда в неподобающем состоянии рассудка…

– Никак нет, доктор, капитан не сообщил, – стюард ещё раз поклонился, обозначив направление к голове поезда. Там, за мощным локомотивом, в трёхэтажном вагоне, помещались командная рубка, каюта капитана и отделение транслинейной связи.

«Сообщение, – подумал Спенсер, следуя по мягким коврам к межвагонному шлюзу. – Но от кого? Кловис? Нет, он предпочитает менее дорогие способы связи, и любит личные беседы. Полковник? До окончания отпуска ещё довольно долго, да и зачем задействовать публичные линии, если можно послать сигнал на встроенный коммуникатор…»

Радист поднялся, и отсалютовал вошедшему в тесную каюту Спенсеру, после чего молча протянул ему тяжёлые пластиковые наушники, и ткнул пальцем в мигающую кнопку. Пока Док устраивался в неудобном кресле и натягивал на голову непривычную конструкцию, дверь скрипнула, и он остался на

посту связи один.

Сквозь шипение помех прорвался знакомый голос, диктующий шифрогруппы, а потом потоком полилась быстрая сбивчивая речь с кастильским акцентом. Импланты мгновенно подхватили поток кодированного текста, и Спенсер, прикрыв глаза, уставился на побежавший перед глазами текст.

«Друг мой, это суперинтендант Боргес. Мы с тобой не так давно виделись в неплохом трактирчике, названном в честь одного важнейшего в нашем деле органа. Напоминаю, что оставленную безделушку я уже пристроил, чему ты, наверняка обрадуешься. Остаток после моей комиссии упадёт тебе на счёт в Сетевом Банке… – в этом месте жаркая речь Гомеса на секунду прервалась, пока маленький интендант набирал воздух для следующей тирады. – Извини за беспокойство, и за этот код – но по-другому не получается. То, чем ты интересовался, будет ждать тебя в Нордхельме, на Станции, в почтовой ячейке на имя нашего общего знакомого, который так любит шляпы и накидки. Но будь осторожен – пойло адски жгучее, такой текилы я не видел уже сто лет, клянусь моими усами и честным именем! Возможно, местный бармен поможет тебе с рецептом коктейля, но я бы не рассчитывал – северяне очень плохо относятся к нашим напиткам, а уж тем более к таким ядрёным. Пей осмотрительно. На Севере очень привязчивые служители закона и комендантыы… Кстати, если нужно будет снять похмелье, обращайся к моему коллеге, он всегда держит под рукой этот проклятый рассол. За умеренную плату может даже доставить, куда скажешь. Удачного тебе пути, и, клянусь Святой Марией, хорошего отпуска! Бывай, гринго…»

Последние слова Боргес произнёс без кода, и Спенсер улыбнулся, вспоминая ушлого каталонца. Но двойное кодирование и недомолвки с оговорками серьёзно насторожили Дока – чуткое ухо агента уловило нервозность, тщательно скрываемую Гомесом за скорострельной речью и бодрым тоном. «Кажется, предприятие будет не таким уж простым, – подумал он, и напрягся. – Чёрт возьми, куда я вляпался? И где сейчас чёртов Инульгем?»

Удостоверившись, что запись стёрта, Спенсер покинул помещение, и, с благодарностью кивнув радисту, направился в вагон-ресторан, где за кружечкой светлого пива принялся размышлять о дальнейших действиях.

Забрать данные из базы Станции, запастись нанами и кое-какой аппаратурой у тамошнего интенданта, и двигаться дальше – эти шаги были понятны и естественны. «Но почему мне так маятно и странно? – подумал Док, отпивая из высокого бокала. – Словно мне в спину целятся из снайперского комплекса с

лазерным наведением. И палец уже лёг на курок, выбирая свободный ход…»

За панорамным окном мелькали заснеженные леса и холмы, лишь изредка прерываемые небольшими хуторками и заимками, окутанными серебристыми куполами силовых полей. Параллель Имирхельм славилась не только мехами и украшениями ручной работы, но и жесточайшими зимами с морозами, до минус восьмидесяти градусов универсальной шкалы. Выжить тут можно было с трудом – потому селения и прикрывались силовыми преградами, а местные жители носили огромные меховые парки, и зарывали свои жилища в снег на несколько метров. «Если бы не полезные ископаемые, Корпорация сюда и не сунулась бы, – мелькнуло в голове Спенсера, пока он созерцал сверкающий белизной пейзаж. – Жить в середине эпохи глобального оледенения и морозить задницу ради мехов и костяных фигурок – дураков нет. Пара миллионов туземцев не в счёт, да и что они могут сделать?»

Ему не было жаль фактически порабощённых жителей Имирхельма – в конце концов, у них была еда, их обеспечивали медицинской и бытовой техникой, учили и заботились о развитии. В обмен на ресурсы – но в этой вселенной принято за всё платить… «Это их судьба. Они сами её выбрали, – подумал Док, но сразу устыдился своей мысли. – Эй, что я несу? Кто их спрашивал, когда геосканеры заверещали над месторождением лантанидов или редкоземельных металлов? Ещё один мир в Сети, каждому аборигену – по унитазу с подогревом, и проходческие щиты врезаются в скалы. Чёрт. Одно и то же. Везде. Только унитазы разной формы…»

Экспресс нёс его сквозь сияющую пустыню к Станции, и с каждой проглоченной атомным поездом милей к Доку приближалась судьба. Только он не подозревал об этом.

После визита к коменданту и долгого обстоятельного разговора о целях визита Спенсер направился на поиски местного интенданта, по пути пытаясь разобраться в локальной инфосети. Она оказалась неожиданно сложной и замороченной, с множеством ловушек и фильтров, и Док с трудом смог найти нужную ячейку памяти.

Забрав необходимые в путешествии вещи, упакованные в минимизатор, Спенсер на несколько минут присел в рекреационном холле у чахлой пальмы, и, вскрыв банку энергетика, развернул инфопакет.

Данных там содержалось на удивление немного.

«Доктор медицины Льюис Джероми Гриффин, старший

оператор Медкорпуса Корпорации, Линия Европа-2158, Основная последовательность. Доказана измена Корпорации, изъятие секретной информации, нарушение Устава и уложений Медкорпуса. Местонахождение неизвестно. Подозревается в нелегальной врачебной практике и вмешательстве в процесс подготовки лояльности сотрудников. При задержании любыми способами сохранить жизнь. Награда объявлена в секторах Центр, Испания, Норд, Юг. Расследование ведётся без срока давности».

Фотография совершенно обычного человека со светлыми глазами и недовольным выражением лица.

Несколько файлов с перечнем предполагаемых мест присутствия подозреваемого: «последний раз замечен в Параллели 2041.А.21, Периферия».

И, наконец, короткая записка от Боргеса, гласившая: «Док, беги немедленно. Эта информация засекречена, и после прочтения тебя будут преследовать. Я запутал следы, как мог, но лучше нам не встречаться. Извини, так вышло». Через секунду записка стёрлась из пакета, а по спине Спенсера поползла струйка холодного пота. И как-то сразу

«Доктор Гриффин, какая же ты сволочь! Найду – прибью нахер, – собравшись, подумал агент, и приготовился быстро двигаться, много говорить, и, возможно, даже немножко убивать. – Скотина безрогая, с преступлением без срока давности. Ур-рою!»

До зала перехода было далеко.

Глава 14

– Как ты думаешь, парень справится?

– Да. Он не так плох, как кажется на первый взгляд.

– Раздолбай… В голове одни игрища и развлекушечки.

– Именно потому я и считаю, что он – справится. Для него это будет игрой, с полным эффектом присутствия и ощутимыми достижениями…

– Мне, честно, наплевать на его ощущения. Предыдущие кандидаты не находили ничего.

– Кроме Альфа. Помнишь его? Сморчок, торчок, без дозы не мог даже в туалет сходить – а три дыры нашел…

– Угу. И загнулся на последней.

– Не загнулся. Мы не нашли трупа.

– Загнулся, поверь моему опыту. Потеряв столько крови, человек не выживет. Я выдел подобное.

– Кардагар?

– Иди в жопу, тыловая крыса!

– Ладно, ладно. Не злись. Оформляй молодёжь, выдавай ему сбрую, и пусть идёт на патрулирование. Да, и не забудь повесить ему «аптечку».

– На кой, извини, хрен?

– Можешь хоть на хрен, мне без разницы. Там экспериментальный препарат…

– Слушай, Герних, тебе когда-нибудь говорили, что ты скотина?

– Да, Матиаш. Постоянно. Но я – умная скотина…

Андреас стоял перед обшарпанной дверью с плохо различимой надписью: «Исследовательский центр…», и глупо улыбался. Он до конца так и не понял, что изучали эти яйцеголовые, с унылыми рожами втиравшие ему всякую пургу целую неделю. Но в кармане хрустели новенькие бурли, целых пять тысяч, и это очень повышало настроение. Следующую неделю можно было прожить, ни в чём себе не отказывая – оплатить доступ к «Властелинам Бури», где вышло новое дополнение, и обновить прошивку на игровом железе. А, и ещё отдать долги Маху Плотному. Тот утверждал, что уже набежало почти полторы тысячи, но Андреас не стал проверять.

Он нашёл деньги, и это главное.

Завтра он заработает ещё. Может быть, хватит на новый «Максимус 9700», но это только мечты…

– Так, парень… – лысый мужик в сером халате, напоминавшем по покрою мундир, критически осмотрел Андреаса с ног до головы, и хмыкнул. Но продолжил мягким голосом, чуть подтягивая гласные, словно был уроженцем столицы: – Вот железо, вот комп, вот очки дополненной реальности, вот гарнитура для связи. Комп включаешь, он находит девайсы, и после этого ты к нему прикасаешься, только чтобы посмотреть карту. А, и ещё аптечка. Затянешь ремень на предплечье, коробку – зубцами к коже. Если вдруг станет плохо, или потребуется взбодриться – она сама тебя уколет.

Андреас пожал плечами. Ему было фиолетово на все эти прибабахи, но на наркоту садиться не хотелось.

– Ширево? А не кучеряво для первого рабочего дня? – юноша позволил себе улыбнуться, и, подрагивая коленками от собственной смелости, взглянул в глаза лысому. – Сколько вмазок до ломки?

Глаза мужчины в сером халате потемнели, приобретя оттенок предгрозового неба.

– Сынок, ты слишком мало стоишь, чтобы тратить на тебя наркотики! – он сжал кулаки, и махнул рукой на горку оборудования и ремней. – Там стимуляторы и глюкоза, дурень… Пока ты на маршруте, тебе нельзя есть, только пить. Забыл инструктаж?

«Собаке своей поори, хрен лысый! – подумал Андреас, мысленно показывая мужику средний палец. – Ладно, стимы так стимы…»

– Окей, – произнёс он вслух, и потянул сбрую, неловко пытаясь затянуть пряжки. – И кто такое придумал?

– Давай помогу, – лысый тремя движениями застегнул ремни, и зафиксировал их. – Удобно?

– Может, ещё и попрыгать? – огрызнулся Андреас. – Удобно, блин.

– Был бы ты у меня в роте, и попрыгал бы, и парашют уложил, и автомат вычистил… – нахмурился отошедший в сторону мужик. – После трёх нарядов вне очереди…

Андреас почувствовал интерес. «Так он военный! О, пля… Десантник? Но их же расформировали…»

– А вы военный, доктор? – спросил он, включая комп, мигнувший синим огоньком.

– Какой я тебе доктор… – ответил ему мужчина, присаживаясь за облезлый пластиковый стол, и зажигая большой монитор. – У тебя паршивая память, сынок. Меня зовут Матиаш Грей. Позывной «Свинец», и это вовсе не самец свиньи, как ты мог подумать.

Андреас тихонько хрюкнул, прикладывая аптечку к предплечью. Острые иголочки инъекторов кольнули кожу.

– Смешно, доктор Грей, – юноша поднял взгляд. – Потому что у меня похожий псевдоним в сети. «Свинцовый паровоз».

– Ты пока что только на дрезину тянешь, мелкий слишком, – пряча улыбку, отшутился Матиаш, но было видно, что ему приятно. – Что же касается службы… Да, было дело. Аэродесантные войска. Моя рота воевала в приграничье, в горах. Был там один паршивый городишко…

– Угу, – Андреас посмотрел на небольшой и тусклый экран компа. Там светилась едва прорисованная карта ближайших районов, на которой пульсировала тонкая красная линия. Были ещё какие-то точки, но после вчерашнего инструктажа в голове не осталось ничего – вечер в «Беседке Альвараса» был долгий и очень, э-э, нетрезвый. – Готово. Карта загружена. Доктор Грей, а вы потом мне расскажете про войну?

– Дуй на маршрут, Дрезина, – Грей усмехнулся, выводя на экран карту. – У тебя сегодня маленький участок, часа на два. Вернёшься, и поговорим, если время будет.

Он отвернулся к монитору, показывая, что разговор окончен, и показал большим пальцем на дверь.

– Окей, доктор. – Андреас вздохнул, и натянул поверх «сбруи» тонкую куртку. Осень была тёплой, но ветерок с разлива иногда задувал очень бодрящий. «До глубины души, пля». – Ну, я пошёл?

– Топай, топай. – Грей водил по карте указателем, что-то записывая в файл. – Потом сразу ко мне.

> Краткое досье.
>
> Андреас Гнейес, псевдоним «Свинцовый паровоз», позывной «Дрезина». Возраст – 18 лет. Уроженец Северного Патербурга. Этническое происхождение – титульная нация, без примесей низших рас. Характер – мягкий, склонен к лени и праздности. Имеет сетевую и игровую зависимости. В связях с криминалитетом не замечен. В настоящее время – подопытный № 2258 лаборатории д-ра Каннингема.

В очках было немного непривычно. В отличие от дешёвых моделей, они имели оправу из биопластика, и словно приклеивались к коже, избавляя от ощущения давления и неудобства. Но не это радовало Андреаса, совсем не это… Не было назойливой рекламы, не мигали социальные указатели, перед глазами не мельтешили сообщения из сети от всяких уродов. Прибор честно показывал картинку улицы в старом заводском районе, только изредка намекая неяркими указателями

на чек-пойнт маршрута. Идеальное устройство с непонятными функциями.

Тяжелее обычных визоров в три раза, с массивным корпусом, напичканной электронной требухой неясного назначения.

«Не иначе, военные испытывают новые программы. Или очки и есть самое главное? – Андреас на ходу развлекался тем, что придумывал возможные объяснения своей новой работы. Бессмысленно, на первый взгляд – ходи себе по улицам, смотри через очки, делай пометки в маршруте, и получай пятьсот бурлей в день. – Но почему так много платят? И там ещё что-то было, насчёт премии…»

Неожиданно он остановился. Просто потому, что дальше идти не хотелось. Ноги не двигались.

Перед Гнейесом в воздухе что-то было. Полупрозрачное, почти неощутимое… Напоминавшее не до конца рассеявшийся туман, сгустившийся в большую линзу – чуть наклонённую под углом к земле, и уходящую в дасфальт…

Андреас, помотав головой, сдёрнул с лица очки. Гаджет тихонько заверещал, и в наушнике сразу же раздался недовольный рык лысого десантника:

– Ты что, с… скотина, делаешь? Надень девайс на место, и не шевелись, едрёна вошь тебе в выхлоп!

– Матиаш, Матиаш, тут хрень какая-то в воздухе… была… – Андрреас недоверчиво покрутил головой, осматриваясь. Вроде бы что-то серебрилось перед ним, как паутинки, которые скоро понесёт ветер. Но при любом движении глаз это что-то исчезало, растворяясь. – Как будто пытаешься увидеть вчерашнюю галлюцинацию…

– Едрить тебя, надень очки, придурок! – Грей уже почти орал в микрофон. – Бегом, с-скотина недоношенная! И тыкай в сенсор на компе, идиот! Ты что, совсем безмозглый? Тебе же объясняли…

– Д-да, с-сейчас… – порядком струхнув, Андреас натянул визор. Биопластик стянул кожу на лбу, руку что-то кольнуло, но юноша не обратил на это внимания, всматриваясь в пространство перед собой. Смешно, но внутри билась мысль: «Пля, это же портал! А если оттуда вылезет бронированный шееед, как в „Нашествии из Зазеркалья“? Пля, я не хочу умирать от его укуса!»

Стеклянисто поблёскивавшие ниточки через очки смотрелись полноценным молочно-белым кругом, туманящимся по краям. «Он более плотный…»

– Что? – раздалось в наушнике, и Андреас понял, что сказал это вслух.

– Плотный он. Круг. В воздухе… Метра два в диаметре… – Гнейес судорожно ощупывал пластик корпуса компа, пока не обнаружил кнопку. – Вот, смотрите!

Грей помолчал, а потом быстро спросил:

– Стимуляторы колол?

– Что? Да, что-то там такое было… – Андреас заворожено наблюдал, как туман перетекает в линзе. Что-то подобное, наверное, наблюдают космолетчики, когда смотрят с орбиты на циклоны, которые медленно ползут по планете…

– Понятно. Зафиксировал, Дрезина. Обойди точку, и двигай дальше. У тебя ещё маршрут…

– Ага. Да. Сейчас…

Ему жутко хотелось сунуть руку в этот туман, и посмотреть, что будет. Но осторожность и страх всё же победили любопытство, да и Грей, который наблюдал за ним через визор, тоже не способствовал… «Вернусь сюда ночью. Место приметное. – Подумал юноша, запоминая потрескавшийся кирпич фабричного корпуса, некрашеный столб энергосети, и разбитую плиту тротуара рядом с разобранным да станины грузовиком. – Пля… Может, они пришельцы? Да и хрен с ним. Что там, за порталом?»

С этими мыслями парень вернулся на маршрут, старательно обойдя молочный туман, и двинулся дальше. Андреасу было непонятно, почему он остановился, и не мог двинуться с места. «что за херня? Я их… Могу видеть? Порталы? Пля. Пля! Я крутой! – билось в сознании, и Гнейес чувствовал, как его пробирает дрожь, а по телу разливается тепло. – У меня есть суперсила!»

«Дурень ты, Дрезина… – думал экс-капитан Грей, следя за разбитым на прямоугольники экраном. Пацан хорошо шёл, и второй портал встретил уже увереннее, нанеся его на карту, и даже умудрившись правильно нажать на кнопку. Но Матиаш представлял, что творится в не отягощённой мозгами черепушке юноши, и мог ему только посочувствовать. – Сейчас ты думаешь, что уникален. Потом ты припрёшься ночью к первой точке, и, может быть, даже её найдёшь. Сунешь туда руку… И что? Вот именно. Ничего. Чтобы пройти сквозь дырку, надо нечто большее… Потом ты будешь нас шантажировать, угрожать раскрыть тайну ГосДепартаменту, бандитам, или ещё кому. Потом сдашься, и будешь ходить по маршрутам, как собачка, гавкая на аномалии, и получая за это косточку в виде хрустящих купюр. А вот дальше… Дальше у тебя есть шанс. Не прогреби его, пожалуйста, сынок… Может, хотя бы ты найдёшь для нас лазейку

к звёздам. Может, Герних найдёт, наконец, рецептуру своего варева…»

Глава 15

Бо знал Дале в совершенстве. Он мог пересечь город за столь короткое время, пользуясь различными ходами и проходами, что ни один патруль никогда не заставал Ваняски на месте его мелких преступлений.

Старые подвалы и брошенные склады оборудования, кладбища ржавой техники и утилизационные станции, жилые кварталы и помойки. Он знал всю подземную жизнь города, ориентируясь в переходах, как крыса, почти что по запаху и чужим меткам.

С помощью Бо доктор Гриффин оказался на месте своей прежней работы всего за четверть часа. Пролезая сквозь узкие технические коридоры, сдирая кожу на плечах, которые оказались шире, чем рассчитывал Бо, Гриффин раздумывал о той минуте, когда окажется в своих апартаментах.

Всё, чего так отчаянно жаждал доктор, это коктейль от похмелья, устраняющий последствия бурных возлияний накануне похода. Хеллер не дал Гриффину возможности полностью прийти в себя, истерически возопив о скорой смерти обожаемого племянника. Гриффин только буркнул что-то о нервных содомитах, но послушно кивнул, соглашаясь отправиться за своими вещами немедленно.

С одной стороны, это было и в его интересах, поскорее разделаться с проблемой багажа. С другой… с другой стороны, тащиться обратно, вполне ожидаемо встречая у ворот клиники засаду из контролёров, он вовсе не жаждал.

– Всё. Дальше я не пойду, – сказал Бо, усаживаясь на влажный пол. Тонкая, хлипкая на ощупь, лесенка из потемневшего сплава уходила вверх, к неприметному люку в потолке.

– Можно и я не пойду? – потирая ссадины на костлявых плечах, спросил Гриффин. Ваняски взглянул на него в свете тонкой трубочки химического фонарика, придающего лицу рыжего провожатого вид несвежего мертвеца.

– В смысле? – моргнул Бо своими круглыми совиными глазами, уставившись на Гриффина. – Ты же сюда за шмотками шёл.

– А ты зачем сюда шёл?

Бо кашлянул от недоумения, дважды моргнул, становясь похожим на кустовую сову-призрака, пугающую свою добычу из засады огромными фосфоресцирующими глазами.

– Слушай, Док, это не я, а ты заминировал проход после того памятного раза…

– После того, как ты влез ко мне, обшарил мои вещи, получил два заряда парализатора из автоматической пушки охранной системы и обделался на полу, хотел ты сказать?

Бо засопел и напыжился, как карликовый пикс-терьер, собирающийся навалить кучу на полу в гостиной.

– Короче, Док, тебе надо – ты и лезь туда, – резюмировал он, демонстративно начав ковыряться в носу указательным пальцем. Какое-то время Гриффин наблюдал за действиями напарника, а потом поднялся на ноги, хлопнул его по плечу и сказал:

– Да ладно тебе, Бо. Никакого заряда там нет. Я пошутил тогда.

Ваняски замер с пальцем в ноздре, а на его лице отразились такие детские обида и негодование, что Гриффин почти поверил: вот сейчас рыжий неуч закатит в подземном коридоре самую настоящую младенческую истерику о не купленной игрушке.

– Ты… Ты, ты, ты! – вскочил Бо, вытаскивая из носа палец и потрясая им перед лицом Гриффина. – Это же нечестно! – он топнул ногой, подняв вялую кучку грязной пыли и влажных брызг.

– Ага, а влезать ко мне в кабинет по ночам? Это честно?

Ваняски сдулся и опустил узкие плечи, понурившись. По стенам коридора расползались отсветы от фонарика, переливаясь радужными всполохами по наросшему на стенах многоцветному мху. Где-то вдалеке слышались приглушённые звуки капающей с потолка воды, крысиный писк и невнятное шуршание.

– Ладно, Бо, не обижайся, – примирительно сказал Гриффин. – Скажи лучше, ты чего в тот раз хотел найти-то?

– Да я сам не знаю, – растерянно сказал Бо, пожав плечами.

Он сделал пару шагов из стороны в сторону, сунув руки в глубокие карманы широких штанов.

– Имя хотел себе сделать, – признался Ваняски наконец после целой минуты молчания. – Думал, вот влезу к тебе, местной легенде, так сказать, а потом уже никто не сможет мне тыкать, что я бесполезный прыщ в своём обществе. Ну, вроде как, доказать всем, что на меня можно положиться, что я не гнусь подкустовая, прославиться таким деянием, вроде как…

Гриффин тяжело вздохнул.

– Ну ты же Гриффин! – запальчиво сказал Бо. – К тебе даже правительство ходит за помощью, военные там всякие, у тебя должны были быть какие-то секреты. Мало ли, о чём говорят перед смертью крутые люди города. Я думал найти какие-то записи, следы, что-то такое, – он неопределённо покрутил руками в воздухе, едва не съездив по носу доктору, стоящему рядом с ним.

– Бо, ты дебил? – спросил Гриффин устало. – Ну вот ты сам подумай. Даже если бы всё было именно так, как ты говоришь, разве я стал бы записывать последние слова тех, кто при жизни мог открутить голову половине континента? Да ещё и хранить это в кабинете, оставляя его на ночь под охраной. Я доктор, был им, во всяком случае, – буркнул Гриффин мрачно. – Если бы у меня каждый день кто-то умирал на столе, ко мне бы не обращались так часто и такие люди. Смерть – это редкость. Это плевок в лицо врачу, кем бы он ни был в жизни. А самоутверждаться за счёт взлома и воровства может только исключительный клинический дебил. Ты бы ещё за счёт мастурбации в городском парке решил с женщинами знакомиться.

– Это не одно и тоже! – взвился Бо, подступая к напарнику.

– Да? – злым холодным голосом осведомился Док, презрительно поглядывая на Бо. – А разве тратить свою жизнь на поиски уважения среди старых убийц и воров это не тоже самое, что открыто признаться в своей сексуальной несостоятельности? Ты идёшь в парк показывать свою пипку, говоря всем о том, что ты извращенец-одиночка, которому не дают даже шлюхи. Или ты идёшь и тратишь юность и молодость на то, чтобы показать остальным ублюдкам, что ты такой же крутой ублюдок и отрыжка общества, которому не дают даже городские власти? Не дают образования, билета в иную жизнь, прав и обязанностей.

Ваняски коротко размахнулся и попытался врезать кулаком по лицу Гриффину, нанося удар снизу вверх и справа налево. Док легко отшатнулся, ударившись затылком о стену прохода, но перехватил кисть Ваняски, хитро заламывая её под углом. Бо застонал, пытаясь вырваться и ухватить Гриффина второй рукой.

– Не дёргайся, сломаю запястье, – бросил Док напарнику. – И поверь мне, эти переломы одни из самых сложных. Воровать так же ловко ты уже точно не сможешь.

Бо засопел, но обмяк.

– Ладно, пустое это сейчас, – буркнул Бо, постукивая свободной ладонью по стенке коридора. Гриффин медленно разжал пальцы, выпуская запястье из захвата.

– Забыли. Я тогда пойду за своими вещами. А ты можешь присоединиться. Выбор за тобой, Бо.

Доктор взялся за тонкие поручни лесенки, ведущей к люку в своём бывшем кабинете…

Вряд ли он смог бы объяснить, что случилось. Интуиция, инстинкт, предчувствие – неважно. Важным было только одно: Гриффин понял, что он не один в своём кабинете. Едва он выбрался наружу из крошечного технического люка внутри своей

обители, как обострённые чувства отправили сигнал опасности в мозг.

– Спокойно и медленно подойди сюда, – услышал он незнакомый голос. И что-то подсказывало Гриффину, что это не один из служак Корпуса правительства, и даже не Инквизитор внешнего сектора. По спине доктора пробежал давно забытый, но такой ожидаемый все эти годы холодок.

«Вот тебя и нашли, – мелькнуло в голове, – ты этого боялся? Не бойся, оно случилось. И теперь ты бесстрашен, тебе нечего больше бояться».

Доктор медленно повернулся на голос, поднял руки и пошёл к незнакомцу.

Спенсер всеми силами старался придать своему лицу безразличное выражение, а голосу добавить уверенного звучания. Оказавшись на рабочем месте предполагаемого объекта поиска, он первым делом собрал биологический материал, чтобы подтвердить или опровергнуть совпадения.

Старое изображение Льюиса Джероми Гриффина в его бытность сотрудником Корпорации сильно отличалось от файла местного изъятия. Нынешний Гриффин оказался не таким холёным, уверенным человеком со взглядом профессионала. Он был более худым, истрёпанным, и словно более блеклым. Тёмные некогда волосы стали теперь пепельного оттенка из-за появившейся седины. Длинные волосы сменила короткая стрижка на затылке и макушке, и лишь две пряди чёлки, свисавшие до подбородка, напоминали о страсти доктора к длинным ухоженным волосам.

Из его взгляда исчезла уверенность и сила, уступив место усталости и искрам безумия человека, который не дорожит ничем, включая свою жизнь.

Спенсер впервые за долгое время понял, что почти бессилен перед Гриффином. У агента Корпорации не было рычагов влияния на доктора. Льюис ничего не боялся, ничем не дорожил и не имел никаких личных привязанностей в жизни. У таких людей не бывает друзей, женщин, детей или домашних животных. Они не ценят себя, своё существование, общемировой порядок и благополучие иных граждан вокруг. Они свободны, опасны и неуправляемы.

Да, именно неуправляемость Гриффина настолько выбивала из колеи Спенсера, что тот полагался исключительно на фактор внезапности.

Действовать надо было быстро, пока Гриффин не понял, что может просто повернуться и уйти вон. В стандартной ситуации, если бы Льюис был простым заданием Спенсера, тот просто стёр

бы его в прах, или предоставил Корпорации тело. Но здесь ситуация осложнялась тем, что самому Спенсеру было что-то нужно именно от совершенно неконтролируемого им человека.

«И как я должен его заставить всё мне рассказать? Если это действительно тот самый Гриффин, сумевший ускользнуть от Корпорации, то единственное, что я в силах предпринять, умолять его, стоя на коленях».

Но для Спенсера это было уже слишком. Хотя…

– Я не принимаю, я в отпуске, – сказал Гриффин, приблизившись к Спенсеру. Беглец узнал, кто стоит перед ним. И агент знал, что Гриффин знает это. Они оба понимали, кто есть такие друг перед другом, и оба ничего не могли сделать.

Напылённый на глазное яблоко Спенсера нано-экран выдал заключение о соответствии запрошенных и введённых данных:

«Доктор Льюис Джероми Гриффин. Заданные образцы не соответствуют предоставленному материалу. Попробуйте загрузить новые образцы и повторить операцию».

Спенсер подавил желание смять в ладони все эти тупые бесполезные наны, безрезультатно плавающие в его крови. Он видел старое фото из личного дела. Он едва не умер, добывая биологические образцы и ДНК сотрудника с таким именем, как Гриффин. Он видел соответствия своими глазами. Но умная машина, проанализировавшая материалы, собранные в кабинете доктора, и загруженные в неё до этого, не видела сходства, упорно убеждая Спенсера в различии сравниваемых объектов.

– Ты знаешь, кто я, и знаешь, зачем я пришёл, – высказался Спенсер, внимательно следя за реакцией доктора перед ним. Через плотные занавеси в кабинет почти не проникал свет уличных источников, но в кабинете сработала система подготовки, залив помещения тусклым свечением, когда Гриффин появился внутри. А вот на Спенсера система безопасности и подготовки не отреагировала…

– Ты меня ни с кем не путаешь? Я просто доктор. Ожоги, переломы, сбор конечностей по вашему индивидуальному заказу. Но я уже сказал, что я в отпуске. Запишись на приём…

Гриффин понимал – времени у него нет. И даже если он моментально избавится от непрошенного гостя, у которого, наверняка, в крови под завязку последних модификаций нанов, то времени забрать своё барахло уже нет. Через пару минут в двери должны постучаться корпусники, у которых внезапно появилось множество вопросов к доктору.

– Док, у тебя проблемы, – раздался за спиной Гриффина голос Бо Ваняски. – Тут за нами по коридорам крысы бегут…

Он осёкся, увидев гостя напротив. Спенсер нехорошо

оскалился, бросив быстрый хищный взгляд на рыжего спутника Гриффина.

– Игры кончились, Док, – пафосно сказал Спенсер. – Тебе не выйти отсюда, тем более, с твоим оборудованием, которое я проверил и убедился, что оно маркировано Корпорацией. Мне нужны от тебя некие сведения о себе, а тебе нужен я, чтобы уйти отсюда.

Бо замер, предпочитая лишний раз не отсвечивать своей персоной. Шестое чувство вора сработало, осадив пыл и накал. Ваняски понимал, что перед ним столкнулись очень старые противники. Во всяком случае, это явно были люди, у которых было общее прошлое.

А вот реакция на угрозы Гриффина поразила и Бо, и Спенсера. Доктор опустил руки и расхохотался в голос, похлопывая себя по ногам.

– И что ты мне сделаешь, пёс? – отсмеявшись, спросил он. – Убьёшь? Вперёд, сделаешь одолжение, уж поверь. Тоже мне, развёл тут пафос-хуяфос.

Доктор Льюис Джероми взглянул в лицо агента Корпорации с каким-то безумным огоньком в светлых глазах. Он криво улыбался, немного оскалившись, словно зверь, загнанный в угол.

– Ну, давай, – тихо, почти ласково, с просительными нотками в голосе начал он, – давай, спусти курок. Или как вы там сейчас стираете людей? Чего тебе это стоит? Один щелчок пальцами, взгляд, кивок головой. Сделай мне одолжение, сотри меня. Чего ты ждёшь? Ты же за этим пришёл? Угрожать мне смертью? А вот оно как выходит, мил человек. Срать мне на жизнь. И на смерть срать, и на твою Корпорацию тоже срать дважды. Что ты можешь мне сделать? Только убить, а может, я этого и хочу? Давай, не тяни презерватив за колечко, всё равно не раскроется. Вот так-то, агент-хуент. Похеру мне на твои угрозы.

В какой-то момент Бо поймал себя на том, что закрыл глаза и закусил губу. Он, конечно, видел не мало трупов за свою жизнь, да и порезанное на кусочки тело его сестры, найденное на улице как-то рано по утру, до сих пор вызывало у Бо приступы тошноты. Но Ваняски ещё ни разу не приходилось присутствовать лично при таких действиях, как отъём жизни у населения.

– Срать, говоришь? – сощурился Спенсер. – Тогда зачем сюда вернулся? За своими аппаратами? А зачем они тебе? – продолжал размышлять он вслух. – А затем, что ты собрался свалить с планеты. А так как нанов в тебе давно нет, то путь у тебя один – угнать корабль, на который ты и хотел загрузить все свои примочки. Было бы так сильно срать на Корпорацию, не бегал бы от неё столько лет. Или иди и пори на улице. Кажется, за тобой

там уже пришли, Док.

Гриффин молча смотрел на Спенсера. Он понял, как именно попал сюда агент. Он прошёл через портал. А это значило только одно: Гриффину нужен был этот агент, а агенту за каким-то хером был нужен Гриффин.

– Меня зовут Спенсер, и я хочу обратно свою память, доктор Льюис, – будто прочитав его мысли, сказал агент. – Кажется, мы нужны друг другу. Я помогу тебе, ты поможешь мне.

– Тогда ты потащишь автохирург, – неожиданно легко согласился Гриффин. – Это полевая модель, разборная. Бо, идёшь со мной, я соберу сумку.

Льюис Джероми Гриффин молча прошёл мимо Спенсера, задев того плечом.

– Я не потащу один эту гробину! – запоздало возмутился Спенсер, созерцая полевой автохирург с маркировкой Корпорации на крышке. – Ты охренел?

– Да, и уже давно, – крикнул Док из дальней комнаты, громыхая приборами и оборудованием. – Без него не пойду.

Спенсер подавил совершенно неконтролируемое желание упихать в этот гроб самого доктора. Желательно, по частям. Желательно, по очень маленьким частям…

Доктор Гриффин, с вами говорит начальник службы контроля Корпуса, инквизитор внешнего сектора Патрик Вуниш. Пожалуйста, опуститесь на землю и сложите за головой руки. В противном случае мы будем вынуждены открыть огонь на поражение…

Патрик, ты не первый за сегодня со своим предложением! Крикнул Гриффин, стоя в ярком луче прожектора на крыльце клиники. На боку у него висела большая сумка, за спиной виднелся тяжёлый и до верху набитый рюкзак с медицинскими принадлежностями. Рядом стоял постоянно моргающий, как сонная сова, Бо, придерживая поставленный на ребро автохирург – святая святых доктора Гриффина, снискавшего себе славу волшебника именно за счёт этого приспособления.

– Доктор Гриффин, не делайте глупостей! – снова послышался усиленный приборами связи голос Патрика Вуниша. – Вы находитесь под наблюдением службы контроля Корпуса за угон транспортного средства, побег из следственного отдела и смерть майора Вандершанца.

– А ничего, что я этому майору жизнь спасал? – осведомился Гриффин. – У меня под дверью стоял его отряд во главе с капралом Мак Лифом.

– Доктор Гриффин, не усложняйте ситуацию. Мы должны

задать вам несколько вопросов. Но если вы забыли, то капрал Мак Лиф лично пытался помешать вам добить раненого майора Вандершанца, которого доставили к вам на перевязку после стандартного патрулирования.

Гриффин только кивнул. Из слов Патрика Вуниша, главы службы контроля, а в просторечье Инквизиции Корпуса, следовало, что это не капрал умолял спасти майора, разочарованно поглядывая на Гриффина, когда тот не пожелал нужным рассказать в подробностях о последних словах умирающего офицера. Это не Мак Лиф забирал тело майора после того, как вернулся на следующий день за останками к Гриффину. А следовало то, что несколько дней назад доктор Гриффин, следуя своим личным, непонятным окружающим индивидам, причинам просто взял и убил раненого пациента, напал на Мак Лифа, да ещё и уничтожил тело Вандершанца, после чего, как виделось самому Гриффину, хохоча убежал в закат, где и напился, чтобы на утро явиться на работу, откуда его в первый раз и транспортировали в силовых наручниках до следственного изолятора.

Спенсер слышал весь разговор. Он понимал, зачем Гриффин вступил в дискуссию с неким Вунишем. Льюис давал агенту время, о котором тот просил его, когда они обсуждали план.

Когда Корпорация только посетила эту планету, она, естественно, нашпиговала все ключевые точки своим оборудованием слежения, сбора информации и безопасности. За время отсутствия агентов Корпорации на планете в целом, и в Дале в частности, многое устарело и вышло из строя. Всё-таки, даже новейшие технологии нуждаются в уходе и обслуживании, не говоря уже о постоянных вливаниях нового программного обеспечения и умных нанов в узлы координации действий приборов.

Но кое-что ещё осталось. Об этом забыли нынешние жители города, об этом давно уже забыла сама Корпорация, выпотрошившая планету и бросившая её пустое тело на обочине, но Спенсер смог оживить информационную базу данных, которая помимо личных дел и досье на жителей Дале предоставила и обязательный пакет карт с пометками о расположении огневых точек на контрольных узлах по периметру города и за его пределами.

Визуальный нано-экран на глазных яблоках агента мигнул развернувшейся картой готовых к работе автоматических пушек со звуковыми и энергетическими импульсами.

Спенсер занёс в базу пометки о найденных целях, тут же подсветившихся красным, и отдал приказ уничтожить объекты.

С крыши клиники, на крыльце которой и стояли Бо и Гриффин, послышался жуткий скрежет медленно открываемых задвижек и распахивающихся вверх лепестков шахт.

– Уходите отсюда! – закричал Гриффин. – Радиус действия не так велик! Вуниш, уводи своих людей, пока они не сдохли!

– Доктор Гриффин, угрожать это не в ваших интересах… – раздался скептический голос Вуниша.

– Да вали ты отсюда, чёртов имбецил! – заорал Гриффин, опускаясь на колени и зажимая руками уши. – Это автоматическая система наведения, у вас нет другого шанса!

– О чём вы говорите, доктор…

Первый залп почти бесшумного оружия оборвал голос Вуниша. Со всех сторон послышались крики и стоны раненых. С крыши клиники продолжали посвистывать звуковые разряды, разрывающие плоть и обесточивающие всю электронику в заданном радиусе.

Доктор Гриффин закрыл лицо руками. Крики и стоны отодвинулись на задний план, в голове доктора стали всплывать совсем иные картины из почти забытого прошлого, так некстати вернувшегося именно сегодня.

– Нет-нет-нет, пожалуйста, перестаньте… – шептал Гриффин с закрытыми глазами. – Я согласен, согласен на вас работать…

– Док, эй, Док! Да очнись ты!

Гриффин понял, что кто-то уже давно трясёт его за плечи. Он открыл глаза и отнял от лица побелевшие от напряжения ладони. На щеках и на лбу у него остались красные царапины от своих же ногтей. Осмотревшись, Льюис понял, что перед ним стоит Бо, который и тряс его за плечи. Впереди он заметил лежащие тут и там тела солдат Корпуса, походившие сейчас на сломанные окровавленные куклы какого-то особенно злого ребёнка-садиста. Рядом из автохирурга с трудом выбирался Спенсер.

– Надо же, старое, а работает, – пробормотал он, отряхиваясь и становясь рядом с Ваняски.

– Узнаю Корпорацию, – мёртвым голосом произнёс Гриффин, поднимаясь на ноги. – И её наноцированных выблядков, вроде тебя, узнаю, – зло прошептал он, глядя на Спенсера.

– А был выбор? – брезгливо осведомился агент, осматриваясь по сторонам. Гриффин размахнулся и врезал Спенсеру кулаком в челюсть. Агент устоял, но пошатнулся, охнув и схватившись рукой за подбородок.

– Выбор есть всегда, сучья ты порода, – сказал Гриффин, потирая кулак. – Теперь ты понимаешь, почему я ушёл? Я этот выбор сделал.

– Так помоги и мне, придурок! – прошипел Спенсер, готовый

в любой момент ответить на удар доктора усиленным нанами приёмом давления на зубы с помощью кулака. – Чтобы больше такого не повторялось.

– Пошёл на хер, говна кусок, – огрызнулся Льюис. – Эта фраза на меня больше не действует. Думаешь, снова поймать меня на том же, что и агенты до тебя? Меня так уже вербовали, хватит. Я знаю, что это никогда не кончится. Можно просто не иметь отношения к такому, но изменить что-то невозможно.

Льюис Джероми Гриффин поправил лямки рюкзака, подтянул ремень сумки на плече и зашагал прочь, проходя мимо разбросанных тут и там тел, как проходил бы незримый ангел смерти по полю брани, собирая и встряхивая души, чтобы потом провожать их в тёмное царство смерти.

И в голове у бывшего доктора билась только одна мысль:

«Почему не я? Почему же снова не я?»

Глава 16

Костёр пылал ярко-зелёным пламенем, треща и плюясь изумрудными огоньками. Эфирные масла местных вечно сухих растений горели весело, распространяя воздухе ароматы изысканных духов, горелых тряпок и какой-то непередаваемой мерзости.

– Сколько можно нюхать эту вонь! – пробурчал, прикрывая лицо платком, Гриффин. – Можно подумать, что сжигают инопланетную гиену, которая посетила салон красоты «Пять Звёзд»…

Спенсер подкинул в огонь ещё кустарника, и вздохнул. Ему-то запах не мешал, носовые фильтры были свежими. Но для поддержания разговора добавил:

– Не нравится – можешь пробежаться по ночной пустыне до следующего портала. Согреешься. Если не засосут зыбучие пески или не съедят местные варанотушканчики… А, совсем забыл, ты же не можешь ходить сквозь дыры…

– Дыры-хуиры… – док плюнул в костёр, приподняв импровизированную маску, и укутался в термоизолирующую плёнку. – Святые мощи, как же холодно…

Ваняски пошевелился в спальном мешке, смачно испустив газы. Пацану явно снились кошмары.

– Надеюсь, он не обгадится, – ухмыльнулся Спенсер, шевеля золу веткой. – Спальный мешок у нас один, а ночи здесь длинные…

Гриффин промолчал. Ему было противно – не из-за физиологических особенностей спящих бандюков, или холодных ночей в пустыне иного мира. Нет, доктору было просто хреново. Хотелось разбить улыбающуюся физиономию агента, и зажарить его на медленном огне до хрустящей корочки. «Бежать, всё время бежать, потом забиться в норку, переждать… А зачем? Чтобы снова пуститься в бега? Да ещё и любоваться довольной лоснящейся физиономией этого псевдоинтеллектуального недоучки, строящего из себя нечто среднее между профессором и Капитаном Индией… Да ну это всё, извините, в анус…» – доктор содрогнулся от этих мыслей.

– Ну, раз нам ещё четыре часа куковать до освобождения спального места, – подмигнул Спенсер, откинувшийся на трещащую кучу веток, – то, может, поговорим?

Выслушав презрительное молчание, он хмыкнул, и прикоснулся кончиком пальца к губам:

– Интересно, почему за тобой все охотятся? – блеснувшие в

отблесках костра глаза Гриффина подсказали агенту, что он на верном пути. – Ты такой незаменимый, доктор… Всем нужен, все за тобой бегают, всем нужна помощь.

Спенсер доверительно улыбнулся.

Гриффин снова промолчал, издав какое-то бурчание, и шелестнув термоодеялом. Где-то за барханами, вдалеке от импровизированного лагеря, раздавались вопли местных тушканчиков, которые то ли жрали друг друга, то ли любили, то ли совмещали эти два полезных занятия.

«Едрёна вошь, ты непробиваемый, что ли? – подумал Спенсер, начиная злиться на себя и на своего собеседника. Агент никогда не любил этих душеспасительных разговоров один на один, в отличие от выступлений перед аудиторией. Но здешняя сцена была бедна на зрителей: огромная луна, карабкающаяся на небосвод с запада, одинокий костёр, смотрящий бешеным бобром Гриффин, спящий Бо и тушканы, резвящиеся за дюнами. – Дьявол, как бы тебя зацепить-то…»

Но доктор спутал ему все карты, откашлявшись, и сплюнув в исторгнувший ещё более изысканные ароматы костёр:

– С каких это пор верному псу Корпорации интересно, кто я? Вы, одноклеточные, умеете только выслеживать и уничтожать…

Спенсер с трудом подавил вспыхнувший внутри гнев, и медленно ответил:

– С тех самых пор, как пёс, едрёна вошь, понял, что он неполноценен. И кто-то оттяпал у него большой кусок памяти. В которой было вообще всё. Я даже не помню, как звучит моё настоящее имя!

Доктор снова блеснул глазами, и хрустнул суставами.

– Я сейчас расплачусь… С чего ты взял, что я – тот, кто тебя стирал? – в неверных отсветах костра лицо Льюиса напоминало гротескную маску, одновременно издевательски ухмыляющуюся, и грустную. – Я – обычный врач. Да, в бегах. Но, может, это из-за наркоты, которую я крал в местной больничке… Или из-за органов, которые я вырезал свежим покойничкам, пока они не протухли, и продавал на чёрном рынке? Не знаю, всё такое вкусное…

Спенсер вздохнул. Ему не давала покоя несходимость информации из базы данных с результатами экспресс-анализа ДНК подозреваемого… «Тьфу ты, пакость… Какой он, в жопу, подозреваемый, Спенс? – спросил он сам у себя, выводя на наноэкраны, напылённые на поверхность глазного яблока, результаты сканирования биоматериала. – Он, сука хитрожопая, теперь твой подельник и соучастник преступления…» В том, что Корпорация не оставит без ответа несанкционированное

использование своего оборудования, агент не сомневался. Да и получение секретной информации с последующим побегом и уничтожением нескольких сотрудников, несомненно, легло несмываемым пятном на личное дело Спенсера. Теперь ему оставались только окраинные Линии и лежащие в глубокой невероятности Параллели с неустойчивыми точками перехода. Любой более-менее развитый мир, включённый в Сеть, означал быструю и фактически неотвратимую гибель от рук местных сил правопорядка, или охотников Службы. Учитывая, что запасы нанов не бесконечны, а каждый переход жрёт их, как кролики – сено, нужно было двигаться как можно быстрее.

Результаты снова не сошлись, и Спенсер раздражённо смел взглядом открытые окна в трей.

– Красиво говорить и придумывать мы тут все умеем, док. Но что-то мне не верится, что специалист твоего уровня опустился бы до наркоты или торговли «мясом». Ты скорее набухаешься в хлам, или бесплатно вылечишь какого-нибудь бездомного бродягу, чем пойдёшь на нарушение закона… А маркировка на твоём замечательном автохирурге, кстати, очень красноречиво говорит сама за себя. Собственность Корпорации. Устаревшая, но работоспособная.

– Хм… Знаешь, есть такая штука, «космический корабль» называется. Так вот, они иногда падают. И на месте крушения можно обнаружить что-нибудь полезное для скромного доктора… – Гриффин сжал кулаки, потом разжал, и пристально посмотрел на агента. – Для нарушения закона тут есть ты. Пёсик с длинной шелковистой шёрсткой и умильной мордочкой, который решил, что имеет право жить обычной жизнью, а не служить за миску корма и осознание причастности к великому делу…

– А разве это не так? – Спенсер, внутренне дёрнувшись, постарался остаться бесстрастным внешне. – Многие сотни миров, варианты их развития, новые технологии и идеи. Торговля. Культурный обмен…

– Обмен-хуен… Рано или поздно понимаешь, что тебя гнусно и цинично обманули. Забрали всё, выдали ошейник, и сказали: «фас!» А там, снаружи, живут люди – любят, смеются, рожают детей, строят дома, выращивают цветы… – Гриффин прикрыл глаза, и тихонько вздохнул. Его голос, немного смягчившийся, снова обрёл скрипучесть и силу. – Но ты посажен на цепь, и всё, что ты можешь – это служить. Исполнять свою функцию. Ебать гусей. Убивать преступников. Пришивать отрезанные в пылу сражений задницы. Исследовать миры. Торговать всякой пакостью. Величественно сношать мозги целым планетам и народам, приводя их в Сеть… Лишая их будущего!

Последние слова он почти прокричал, оскалившись. Жуткая гримаса держалась недолго, и медленно перетекла в отстранённость и безразличие, щедро приправленные усталостью. В спальном мешке зашевелился Бо, что-то простонав сквозь сон.

Спенсер не смог удержаться от ответного оскала. Внутри него сейчас боролись две правды – та, что ему дали при установке блока лояльности, и другая… странная, нелогичная. Которую ему рассказывал Инульгем, и вот сейчас – Гриффин. Впервые за очень долгий промежуток времени агент не знал, чему верить. Да, он преступил закон, он стал беглецом и изгоем – ради себя, ради мечты… «Разве есть что-то в этом мире, в этих мирах, что стоит такой цены? Сломанной жизни, разрушенной карьеры, потерянного бессмертия? – подумал Спенсер, и сам ответил себе: – Да. Есть. Свобода и память». Вслух же он проговорил:

– Но если Корпорация настолько жестока и несправедлива, док, почему мы ей служим… Служили?

– Не знаю… – Гриффин отвернулся. – Может, потому, что это была мечта?

– Хватит. Хватит, слышишь?! – Спенсер вскочил на ноги, взметнув в темноту обломки стеблей, и тыча пальцем в направлении Льюиса. – В жопу такие мечты!

Доктор, отбросив в сторону одеяло, тоже поднялся с песка, и, сутулясь, встал перед агентом. Худой, нескладный, седой… С запавшими глазами и морщинами на измождённом лице, он не стал размахивать руками. Гриффин просто стоял, и смотрел в глаза Спенсеру. Но во взгляде Льюиса горело такое пламя ярости и гнева, что агент устыдился своей вспышки, и медленно опустил руку.

– А где мы с тобой, по-твоему, находимся, пёс? – медленно, делая усилие над каждым словом, проговорил Гриффин, не отводя глаз. – Вокруг нас – самая настоящая, глубокая и беспросветная жопа… Ни тебе, ни мне не выжить в одиночку. В основные Линии ходу нет. У меня заканчивается время, у тебя – наны.

Спенсер отшатнулся, но мгновенно восстановил равновесие.

– Предлагаю сделку, – продолжил доктор, сжимая и разжимая кулаки. – Ты доводишь меня как можно дальше от границ Сети. Туда, куда Корпорация не доберётся ещё долго… Я отдаю тебе то, что тебе нужно. И мы расстаёмся навсегда, пёсик…

Агент ненадолго задумался. Слова доктора звучали вполне логично, и предложение было адекватным. «Память в обмен на несколько десятилетий свободной жизни… Достойно» – подумал он, и ответил:

– Договорились. Пусть будет так. Но мне понадобится

некоторое изменение маршрута…

– Чтобы пополнить запасы? – усмехнулся Гриффин, подбирая одеяло, и заворачиваясь в него. – Понимаю… Мой автохирург к твоим услугам. Беру недорого…

– Да пошёл ты… – устало ответил Спенсер, подкармливая костёр топливом. Потом он достал из полевого набора ещё одно одеяло, и подвинулся ближе к огню. – Доктор хренов…

«Надо бы поэкономнее расходовать наны, что ли… – подумал агент, отключая искусственную терморегуляцию. Укусы неожиданно холодного ветерка заставили его завернуться в серебристую плёнку чуть ли не с головой. – Черт его знает, когда теперь получится их восполнить…

Доктор хмыкнул в ответ что-то вроде «хренов-хуенов», и уставился в пламя.

До рассвета оставалось десять часов.

Глава 17

Параллели кружились перед глазами, как сотни цветных стеклышек в детской игрушке, завораживая своими движениями, налепляясь друг на друга и смешиваясь в цветовой гамме.

Зелёные, синие, жёлтые… зелень параллели джунглей, где десятки разнопёрых цветастых птиц прыгают с ветки на ветку, оглашая пронзительными криками окрестности, проплывая над головой, сливаясь с огромным ковром цветов и растений. Безбрежная синева воздушных островов с высокими тонкими шпилями замков из невесомого пластикартона, блестящими иглами пронзающие бескрайние небеса повсюду, цепляющиеся за проплывающие мимо облака, как за хлопья мокрой ваты.

Желтизна невообразимых пустынь жаркой параллели, где золото песка легко становится бронзой, чтобы превратиться в светлую охру барханов и мелких каменистых участков столь же иссушенных и выщербленных скал на горизонте.

Белые водопады истории, впадающие в ультрамарин морского мира, параллели окраинного участка курортов и отдохновения. Коричневые пейзажи плодородных почв соседней ветки, щедро дарующей прочим свои прекрасные плоды фруктов и овощей, тучные стада рогатого скота, и чудесные нити тончайшего шерстяного полотна.

Параллель вечной зимы, трескучих под своим весом льдов, выбеленных до прозрачности пластов и нависающих снежных шапок. Параллель негостеприимной осени, чьи извечные дожди и хмурость дают то самое незабываемое чувство единения поэтам и художникам, решившимся прожить в этой бесконечной осенней тяготе дольше рекомендованного путеводителем срока.

Параллели сиесты и карнавала, войн и бедствий, тишины и темноты, звёздных лучей в кристаллах на потолках богатых усадеб и молочного света нескольких лун над ними.

Они кружились, мельтешили, звучали внутри него непередаваемой симфонией, склеивались между собой, перетекали друг в друга, проникая красками в соседние миры, в соседние участки памяти.

И вот уже он не стоит под дулом пистолета где-то на планете вечных войн, не ищет среди трупов ещё живых, но обречённых на смерть солдат. Он сидит в роскошном плетёном кресле на веранде деревянного дома, потягивая густое белое вино из высокого бокала, а рядом с ним, неразличимый в тенях ранних сумерек, притаился собеседник.

– Ты помнишь, когда сломался впервые? – спрашивает

странно знакомый, но ни на что не похожий голос рядом.

– Ты знаешь, что да, – спокойно отзывается он, продолжая ощущать на губах терпкий вкус букета, собранного почти тридцать стандартных лет назад, чтобы сейчас усладить его желания каплями белого полусладкого вина.

– Надо же, а я вот уже забыл, – по-стариковски кряхтит собеседник, ворочаясь в кресле. – Помню только какой-то вой, песок и тусклые лучи, словно они тяготели прорваться сквозь адскую песчаную бурю ко мне.

Льюис Джероми Гриффин прикрыл глаза и с удовольствием втянул ноздрями запах приближающегося с востока дождя, обострившего яркие ноты сорта винограда, послужившего основой для непередаваемого купажа в его бокале.

Офицер сопротивления был толстым, хамоватым и тяжело дышащим мужчиной старше среднего возраста. По сравнению с ним Гриффин казался тощим ублюдком, только вчера выползшим из траншеи под городской свалкой. Офицер нависал над доктором эдаким сопящим и краснеющим овощем, то и дело вопрошая его о том, где располагаются его основные части.

Гриффин интуитивно понимал, что офицер хочет знать вовсе не о частях доктора, а об отрядах военных, с которыми тот пришёл, но вопрос про основные части самого Гриффина то и дело тоже всплывал на повестке дня.

– Твоя жизни дорогая? – с безумным каркающим акцентом местного населения вопрошал офицер, придвигая к Льюису своё потное рыло. – Тебе дорогая твоя жизнь, кхор?

Кхорами называли всех, кто пришёл ставить галочку в бумагах о включении этого мира в параллели Корпорации. На жаргоне «кхор» значит «чужак». Местные жители сразу же поделились на два примерно равных лагеря. Одни смирились с высасыванием полезных ресурсов своего мира, вторые, такие как этот солдат, предпочли попытаться силой выставить непрошеных гостей вон.

Льюис устало посмотрел на офицера, стараясь поймать его взгляд, а потом согласно кивнул?:

– Да, дорогая моя жизнь. Можно неплохо навариться на ней, если будет кому продать.

– Тебе продать! – треснул мясистым кулаком по столу офицер. Лежащие в беспорядке бумаги и засаленные карты подпрыгнули, разлетаясь веером по липкому полу. Гриффин поёжился в наручниках. Руки, скованные за спинкой стула, на котором он сидел, давно затекли и потеряли чувствительность ниже запястий, но доктор то и дело пытался пошевелить

пальцами, чтобы хоть как-то подстегнуть кровоток. Если он лишится рук, он будет обречён.

В комнату для допросов неожиданно втащили командира звена, к которому был прикреплён доктор Гриффин. Избитый до неузнаваемости командир щерился в оскале оставшимися зубами, вовсе не собираясь сдаваться.

– Твоя жизнь дороже его? – спросил офицер, приставив к голове пленного командира длинный ствол старого пулевого пистолета. – Ты просил одно желание. Говори, – ткнул он стволом в пленного командира.

– Свободу дашь? – хрипло осведомился тот, щерясь беззубым распухшим ртом.

– Дам, – кивнул офицер и нажал на курок. Месиво из крови, мозгов и костей бурыми пятнами осело на крашеных в тёмно-синий цвет стенах допросной.

– Ты свободен, командир, – прошептал Гриффин, не в силах отвести взгляд от медленно стекающих брызг на стене. Тело повалилось на бок, глухо ударившись расколотым черепом о ножку стола рядом с ним.

Льюис изловчился и сумел дотянуться щекой до плеча, утирая капли крови, моросью осевшие на его лице от выстрела крупнокалиберного пистолета. В кабинете повис пряный запах крови и пороха, перебивающий все остальные запахи давно немытых тел, застарелого табака, страха, безнадёжности, обречённости и старых бумажных карт.

Гриффин с усилием отвёл взгляд от распростёршегося на полу тела командира, посмотрел в глаза ухмыляющемуся офицеру сопротивления и улыбнулся. Медленно, нерешительно, словно опасаясь, что спугнёт подступающее безумие в синих, как ночное море, глазах.

Синие стены в красных каплях, пронзительно-синие глаза доктора в красных каплях безумия. С лица отваливались тонкие корочки уже успевшей засохнуть кровавой маски, чешуйками падая на колени Гриффина.

– Свобода-хуёда, – оскалившись, прошипел Гриффин в лицо офицеру. – Дай мне свободу, белый господин.

– Тебе повезло, что тогда тебя успели вытащить отряды первой линии, – важно кивнул, причмокнув губами, невидимый собеседник, поставив свой бокал на столик рядом.

– Если бы мне повезло, я стал бы свободен, – пожал плечами Льюис.

– Разве ты сейчас несвободен? Ты же сумел это сделать, сумел сбежать от Корпорации, от нас, Гриффин. Как ты это

сделал? Как обманул следящие поля, как вывел из крови наны до того, как они стали смертоносными убийцами, как ты ускользаешь от меня, чёртов Льюис Гриффин?! – сорвался он на крик.

– Чёртов Гриффин, чёртов ты доктор, мать твою, – орал рядом Спенсер, катаясь по земле. Льюис тряхнул головой, стараясь понять, что происходит и почему этот недобитый агент так адски орёт посреди ночи. Переход в первую же параллель дался Гриффину с огромным трудом. Он настолько отвык от прыжков, а его тело так давно не испытывало подобного, что он словил так называемый синдром перехода, больше всего напоминающий сильный приход от наркотических анальгетиков у чувствительных к препаратам этого рода людей. В голове заплясали стада оленей, мозг окутался вязкой медовой плёнкой, конечности отказались подчиняться командам центральной нервной системы, замкнув почти все каналы нейронной передачи на симпатические нервные окончания, и доктор Гриффин повалился на влажную землю сразу же, как только Спенсер сбросил его с себя, как мерзкое насекомое. Симпатика посылала непрерывные ответы норадреналином на реалистичные видения доктора, провоцирующие выброс адреналина корой надпочечников.

Гриффин понятия не имел, сколько времени провалялся в таком состоянии, но сейчас, как он понимал, глядя на небо, близился рассвет. Или закат, и это уже какой-то там по счёту день его беспамятства? Крупные красноватые звёзды постепенно меркли, полоска горизонта медленно светлела, выпуская на волю заждавшееся солнце. Кругом было тепло и влажно, будто в джунглях, а пробирающийся под кожу стрёкот многочисленных насекомых наводил на мысль, что он и в самом деле где-то в одной из южных параллелей или даже в соседней линии.

– Заткнись, не ори, Асклепия ради, – кое-как прошептал Гриффин, ворочая во рту сухим языком и стараясь покрепче сдавить череп, раскалывающийся от непереносимой боли. Боль не унималась, пульсируя и нарастая, заставляя думать только о себе, отодвигая любые императивы, в том числе, и поход по естественным нуждам.

– Гриффин, мать твою, да сделай ты хоть что-то!

Доктор перевёл взгляд и увидел бледное испуганное лицо Ваняски. Бо стоял рядом, губы у него тряслись от страха, а тонкие паучьи пальцы то и дело сплетались между собой от нервного напряжения. Рыжий соучастник побега вовсе не страдал синдромом перехода, спал едва ли не крепче обычного и готов

был жрать того больше.

– Да что хоть случилось-то? – выдавил Док, вставая и ковыляя к воющему на земле Спенсеру. Внезапно тот подскочил на ноги, обвёл всех присутствующих безумными круглыми глазами и ринулся прочь, не разбирая дороги. Подвывания и стоны агента заглушил треск ломающихся веток и шелест сорванных листьев, а через пару минут до Гриффина донёсся всплеск воды.

Док мог бы поклясться, что слышал и сдавленный стон облегчения, но в то же время допускал слуховые галлюцинации из-за своего нестабильного состояния.

– У него недельный запор прорвало? – мрачно поглядывая на рыжего Бо, осведомился Гриффин, привалившись к ближайшему стволу кольчатого дерева и разжёвывая сразу две пластины анальгетика. Ваняски только нерешительно пожал плечами. Но цепкий взгляд вора углядел кое-что на земле, рядом со спальным местом Спенсера.

– Док, тут хня какая-то, – высказался он, ковырнув пальцем непонятный предмет, поднятый с земли. Гриффин подошёл поближе, забрал из рук Бо странную штуковину и отошёл к своим вещам, начав ковыряться в объёмной походной сумке врача. Через некоторое время Льюис разложил перед собой небольшую установку, напомнившую Бо остекленелую змею-водянку, чьё тело может застывать в прозрачном виде на несколько минут.

Гриффин взял пробу из оставшихся капель из личного инъектора Спенсера, брошенного им второпях прямо на землю, опустил их бережно в анализатор и нажал на кнопку активации. Приборы зажужжали, жадно впитывая препарат. На небольшом экранчике замельтешили ряды и столбцы цифр и буквенных сокращений.

Когда приборчик сыто ухнул, изрыгая результат, Гриффин уже улыбался от уха до уха. Прочитав заключение и убрав аппарат обратно в сумку, он задумчиво подбросил на ладони инъектор, хлопнул себя по ногам и радостно загоготал на всю округу, вспугнув стайку мелких серых птичек в соседних кустах.

– Меры-химеры, есть в жизни справедливость! – хлопнул он по плечу ничего не понимающего Бо и поспешил, насвистывая что-то радостное, в том направлении, в котором унёсся недавно Спенсер.

– Сидишь? – ехидно осведомился Гриффин, присаживаясь на берегу озерца из прозрачной воды. Невдалеке виднелись невысокие горные склоны, и что-то подсказывало доктору Гриффину, что водичка в этом озерке была весьма прохладной. Может быть, посиневшее лицо Спенсера, сидящего в ней по шею, а может быть, и карта местности с пометками и

характеристиками, которую он просматривал на своём примитивном навигаторе.

Спенсер предпочёл не отвечать на очевидную провокацию доктора Льюиса. Он понял, что веселье дока вызвано подтверждёнными анализатором фактами. Засопев и насупившись, Спенсер весьма аккуратно поменял своё положение в воде, отвернувшись от собеседника на берегу.

– Ну, расскажи мне, о великий и непобедимый агент Корпорации, как ты сумел ввести и активировать целый инъектор либидо-нанов?

Гриффин не удержался и захохотал.

– Не переживай, часов за двенадцать отпустит немного, – утирая слёзы, утешил он Спенсера, который в ответ только глухо зарычал, переминаясь с ноги на ногу в ледяной воде. – Если ты, конечно, раньше все причиндалы не отморозишь к чёрту. Или не сотрёшь до ожогов их вместе с ладошками. Ты для этого в воду сел, по технике безопасности противопожарной? Основных-то нанов, поди, мало осталось? Ты свистни, если что, когда надоест отмокать пельменем, мы с Бо обещаем не смотреть на твои рваные и прожжённые штаны.

– Да пошёл ты! – не сдержался Спенсер, с шумом и плеском поднимаясь на ноги во весь рост. Вода как раз доходила ему до пояса.

– Тише-тише, – примирительно выставил вперёд ладони Гриффин, – сломаешь ещё жезл справедливости! Инвентарь Корпорации как никак, потом ещё отчёт писать придётся, мол, где, как, с кем произошла утеря инвентаря…

– Это не собственность Корпорации! – зарычал Спенсер, инстинктивно опустив взгляд вниз. – Мне не указывают, что и с кем делать, – буркнул он уже спокойнее и присел обратно в воду.

– Да ладно? – протянул Гриффин, по-кошачьи щурясь на быстро всходившее слева от него солнце. – Ты же собственность Корпорации, значит и все твои части тела тоже. Если ты трахаешь кому-то мозг по заказу своих начальников, с чего ты взял, что никогда не трахал никого по их же распоряжениям? Я смотрю, у тебя же всегда был такой богатый выбор, где и с кем, да? Так что окунай свой отросток дальше, чтобы не писать потом отчётов. Хотя, если ты ценный сотрудник, – Гриффин хихикнул, – тебе сделают пластику. Или вообще другой пришьют. Будешь ходить, к примеру, с таким маленьким, жёлтеньким пенисом от самца хуай-гуай. Генетика схожая, даром что они полуразумные.

Спенсер погрузился в воду до самого подбородка и бросил в Гриффина пригоршней мелких камешков, подняв целую тучу

брызг.

– Да заткнись ты, хер тщедушный. Тоже мне, профессор антропологии и сексологии.

Льюис проследил взглядом за оседающими у береговой линии камешками, серьёзно посмотрел в глаза Спенсеру и сказал:

– Вот она, твоя свобода, агент. Хочешь, вводишь себе наны, хочешь – отмокаешь в озере. Препарат-то ты спёр, допустим. Но проверить, какой он, не догадался? Или нет, – Гриффин присел на корточки у самой воды, продолжая смотреть в красное от стыда лицо агента, – ты не мог проверить. Поверил маркировке продавцов с чёрного рынка. Но обратиться ко мне не позволила гордость, да? Решил все сам сделать, пока мы с Бо спали. Чтобы потом втихаря, внутри себя, распираться от гордости самостоятельности. Ну как же! Ты у нас самый лучший, самый уникальный, самый умный агент за всю историю Корпорации. Улизнул ото всех, скрылся, нарушил все законы. Просто супермем, как говорится. Только куда ты, куда без своих нанов-хуянов? А теперь ты сидишь голой жопой на илистом дне, отмокая свою неконтролируемую эрекцию от подпольного препарата. И всё ради того, чтобы не казаться слабаком в своих глазах. Агенты Корпорации не просят помощи у беглых докторов. Да, Спенсер?

– Да, не просят! – в сердцах выкрикнул тот, сжимая челюсти до хруста зубов.

– Ну и сиди тут, как дурак, пока на жопе чирей не вскочит, – резюмировал Льюис, вставая и отряхивая штаны от мелких листиков и налипшей грязи. – Когда пенис отвалится, приноси, у меня ещё заряд в автохирурге остался.

Гриффин неспешно направился обратно, слыша, как вслед ему летят мелкие камни и сдавленные ругательства. Вернувшись к ожидающему его Бо, он флегматично отмахнулся ото всех вопросов, сказав только:

– Совсем одиночество агента достало, – хмыкнул он. Бо закрыл рот, который открыл, чтобы задать множество вопросов. Ваняски пожал тощими плечами, пожевал губами и отошёл в сторону с видом человека, вертевшего на своём детородном органе всех и вся.

Гриффин неторопливо ковырялся в своих вещах, перебирал различные приборы, что-то откладывал, что-то бросал обратно в сумку, смешивал разные жидкости, заливал их по капле в анализатор до тех пор, пока показания на экране его полностью не удовлетворили.

Закончив приготовления, он уселся под разлапистые ветви дерева, сунув в рот травинку и начав неторопливо её пожёвывать.

– Ты чего-то ждёшь? – проницательно заметил Бо,

разглядывая дока.

– Ага, – согласно кивнул он.

– И чего именно?

Вместо ответа Льюис приложил палец к губам, заставив Бо замолчать, и кивнул в сторону озера. Ваняски прислушался и услышал уже порядком охрипший голос Спенсера:

– Гриффин, Гриффин! Вернись, волнорез тебе в задницу!

Доктор Гриффин плотоядно улыбнулся, удовлетворённо щёлкнув пальцами и подбросив на ладони инъектор Спенсера, заполненный смешанным им недавно веществом.

Глава 18

Выписка из досье.

Андреас Гнейес, позывной «Дрезина». Возраст – 23 года. С 18-ти лет является штатным сотрудником и подопытным образцом № 2258—3 лаборатории д-ра К. Прекрасно зарекомендовал себя в качестве «ищейки», способен к обучению, лоялен, хорошо переносит новые модификации вакцины. За прошедшее время прошёл образовательные курсы по дисциплинам «физика», «математика и основы нелинейного счисления», «программирование», «начала квантовой механики» под руководством д-ра К., а так же – «рукопашный бой» и «пулевая стрельба» под руководством д-ра Г.

Рекомендован к дальнейшему продвижению, и поставлен на постоянный контроль с последующим решением о включении в исследовательскую группу Проекта. Результаты выводов комиссии прилагаются в архиве 22.35.3332.

– Что ты думаешь по поводу Андре, Герних? Парень серьёзно прибавил в последнее время…

– Разве что в весе, хе-хе-хе. Ты его специально откармливаешь, что ли?

– Мальчик растёт. И иногда я вижу в нём тебя. В его целеустремлённости и намерении разгадать тайны «дырок», в желании увидеть новые миры, и…

– Матиаш, ты меня достал. Подожди ещё триместр, комиссия не принимает решений так быстро! Даже мой голос и твоё консультативное мнение не могут повлиять на исход голосования.

– Чёртовы бюрократы!

– Не без того, друг мой, не без того… Но, если бы не они, хрен бы мы сейчас грызли, как ты любишь говорить, а не в лаборатории сидели.

– Просиживали. Толку-то – кот накакал, куча «дырок», а ключа нет.

– Ключ есть. Просто мы искали не там… Я думаю… Нет, я знаю, что разгадка близка!

– То же самое ты говорил пять лет назад, помнишь? Когда мы обсуждали Дрезину.

– Да. Но теперь точно – всё. Пара изменений, и новый носитель для биомеханоидов. Я решил отказаться от кишечной

палочки, она слишком неудобна в качестве фабрики наномашин… Далеко от мозга.

– Места дальше от головы, чем жопа, я не знаю… Кроме тех случаев, когда из неё уши растут, ха!

– … Думаю, менингококк подойдёт лучше.

– Ты совсем сошёл с ума, Герних! Если ребята начнут клеить ласты, нас всех посадят на кол, и даже без смазки!

– Тьфу на тебя, Матиаш! Разумеется, ослабленный штамм, лишённый токсичности и неспособный к передаче воздушно-капельным путём… Чтобы секреты на сторону, хе-хе, не уплыли.

– Твой новый биолог, этот Сапрассас, или как его там… Его идея, признавайся?

– Моя. Но штамм – его. Не бойся, старый друг, всё будет хорошо. Мозг – вот что главное. Мозг и частоты квантовых вибраций. Наны – только инструмент, врата откроет человек…

– Надеюсь на то. Надеюсь…

Андреас стоял перед двумя «распальцованными», и улыбался. Пока местные бандиты, носившие обклеенные дешёвыми переводными голограммами с видами средних пальцев куртки-бомберы, размахивали перед его лицом самодельными нунчаками, он размышлял с отстранённым видом. Не теряя, впрочем, контроля над окружающей действительностью. Сливавшиеся в монотонный гул однообразные матерные выражения нисколько не мешали, а вот летящая в лицо деревяшка прервала эту полусонную медитацию.

Он сдвинулся вперёд и в сторону на пару дюймов, перехватывая оружие, и помогая бившему его подонку ускориться ещё немного. Подсечка и толчок бедром, краткий полёт и кирпичная стена. «Готов». Второй «распальцованный», дыша перегаром, полез куда-то за отворот бомбера, и огрёб нунчаками по черепу, сложившись вдвое.

Дрезина посмотрел на треснувшие деревяшки, хрустнул соединительной цепочкой, и отбросил остатки оружия в нещадно вонявшую сточную канаву. И вот там-то его взгляд и зацепило…

В Старый город «ищеек» направляли только по двое. И обязательно в сопровождении неприметного человека в городском камо, с повадками то ли бывшего десантника, то ли разведчика… Доктор Грей в последний год притащил очень много своих знакомых и сослуживцев, и Комплекс иногда казался армейским тренировочным лагерем, а не лабораторией. Но Андре выбил из своего наставника разрешение на самостоятельные походы, причём буквально – стремительным ударом табуреткой на экзамене по рукопашному бою. Старый капитан долго смеялся,

потирая ушибленный бок, но позволил своему ученику бродить по неблагополучному району в одиночку.

То, что Дрезину страховали, по меньшей мере, пятеро, Андре знать не полагалось.

Именно в трущобах Гнейес и наткнулся на странные «дырки». Обычные круги он видел чуть ли не с закрытыми глазами, и без всяких приборов, а после очередной смены рабочей вакцины-«бормотухи» – начал чувствовать их вибрации. Словно гудящие струны огромной бас-гитары, задетые великанским медиатором в невообразимой дали.

Часы, встроенные в коммутатор, негромко прогудели. Дрезина достал ингалятор, и впрыснул в носоглотку «бормотуху», сморщив нос от отвратительного запаха и вкуса. «Словно гнилой апельсин пополам с печенью нюхаешь, – подумал он, сдерживая желание чихнуть, и запрокинув голову. – Интересно, это Доктор придумал, или само получилось?»

Сейчас Андреас явственно чуял новую, незнакомую вибрацию. От прежних низких и гулких она отличалась тонкостью и излишней высотой – словно древняя бормашина вгрызалась в зуб на сверхвысоких оборотах. Чихать хотелось ещё сильнее, в носу свербило, и немного побаливала голова.

«Кажется, здесь, – Дрезина шажками подбирался к канаве, над которой чуткая аппаратура его очков рисовала призрачную синеватую тень тени – дрожащее ничто, фиксируемое по микродвижениям его, Андреаса, зрачков. – Да. Это что-то новое. Едва заметное. И ноет, как комар летней ночью, раздери его чума. Интересно…»

И он с лёгкостью перепрыгнул через канаву, целясь прямо в центр тени. Сердце замерло, как всегда сладко затихая в подобные моменты, вонючий воздух рванулся в лицо, а сумерки полуразрушенной улицы сменил режущий глаза синий свет…

Гнейес попытался вдохнуть, но диафрагма не слушалась, словно парализованная. Далеко впереди, нависая над отчётливо изгибающейся линией горизонта, изломанной и резкой, всходило гигантское иное Солнце. Синие лучи обжигали глаза, в глотке стояла резкая аммиачная вонь, уши заложило… Тело начало действовать само, не обращая внимания на паникующее сознание – рывок назад, оттолкнуться, и прыгнуть спиной вперёд в чёртов «круг», в рвущей жилы попытке спастись, выжить, снова дышать…

…Он с хлюпаньем и диким, рвущим горло кашлем обрушился прямо в нечистоты. Молодого человека сразу же стошнило желчью, и он едва не захлебнулся, но внутри разума билась только одна мысль: «Я смог! Я прошёл через „дырку“, и вернулся! Я видел другое солнце!» И аромат сточной канавы показался ему

в тот момент слаще, чем благоухание самых прекрасных роз…

– …Дрезина! Дрезина ты стоеросовая! Слышишь меня? – голос Грея доносится словно сквозь слой ваты, или воды, или… «Кого он зовёт? Меня?» – Салага, очнись, мать твою резиновую!

Удар по щеке. Ещё оплеуха. Голова мотается, словно чужая. Это не задевает, скорее наоборот – позволяет ещё глубже погрузиться в себя, отрешаясь от мира вокруг. Вселенная трясётся, содрогается, стучит резиновыми колёсами каталки по металлическим порожкам длинного коридора. Свет ламп проносится над ним, и он хочет закрыть глаза, но не может – тело не слушается. «Что со мной? Что случилось? Почему я голый?» – ленивые мысли шевелятся в черепе, переваливаясь от стенки к стенке, колыхаясь, расползаясь…

Голос доктора Каннингема тоже слышен издалека, распахнувшиеся двери обдают его замедленным скрипом:

– Везите сюда! В капсулу!

– Герних, ты кретин, это опытный образец! – это Грей. Кажется, капитан чего-то боится. «Я не опытный. Я очень опытный!» – мысль щекочет изнутри смехом, но вместо него снова приходит рвота, и его переваливают на бок. Глаза пересохли. Болят.

– Срать я хотел на образцы, регенератор работает! Если его не погрузить в раствор, он сдохнет на хрен… – «Кто сдохнет? Я? Да что ж это такое-то…»

– Но кролики всё равно сдохли, профессор… – это незнакомый голос. Новый сотрудник? – Раствор не калиброван, наны…

– Тихо! – Каннингем в бешенстве. – Кладите этого героя в раствор. Калибровку я сделаю сам, на лету…

Кто-то прыскает прямо в глаза какой-то пакостью, и они закрываются. Всё куда-то плывёт, и тело погружается в ласковый тёплый поток, смыкающийся над ним. Дыхание не прерывается, просто становится тяжелее делать вдохи. Голоса затихают, отрезанные пластиком, пахнущим смолой и нефтью. Сознание медленно затухает, и Андреас погружается в тяжёлый сон…

– Эй, чува-а-ак… Чува-ак, есть чо? – загорелый до черноты нарк с горящими глазами треплет его по плечу, умоляюще и заискивающе смотря в лицо. – Ну, хоть травки, чува-ак… Или кокса… Немножечко… Полдозы… Ломает же…

Дрезина ощущает себя лежащим на нагретом солнцем камне, но жар нисколько не беспокоит – наоборот, он чувствует себя легко и прекрасно. Шевелиться не хочется, но губы сами

выталкивают наружу слова.

– Ты кто?

– Чува-а-ак! Ты живой! – нарк отпускает руку Гнейеса, и пускается в пляс рядом с камнем, вздымая в воздух мелкий песок и пыль. Набедренная повязка из грязно-серой ткани колышется совсем рядом с лицом Андреаса, но он не может отвернуться. – Ты живой, чувак! Ты не поверишь, я пять лет без ширева!

– Ты кто? – повторяет Дрезина вопрос, ощущая всю нелепость ситуации. Какой-то нарк, какие-то пески, какой-то камень… «Алтарь? Да ну на хрен…»

– Слушай, чувак… Скажи доктору Кха… Каннингему, что Альф Йоргенсон жив, и уже заебался жрать местные кактусы! – нарк останавливает пляску, и склоняется над Андреасом, нос к носу, почти прикасаясь лицом к его лицу. – Чува-ак, тут так хреново без того ширева, что варил док… Скажи ему, что третья дыра открывается только после вмазки «белым», он поймёт! Чувак, слышишь?

Ощущение жары, пустыни и нагретого камня медленно сходят на нет, а голос Йоргенсона затихает во внезапно наступившей темноте:

– Чува-а-ак! Не уходи… Ёбаные жрецы, опять не угадали с жертвой…

– Ты понимаешь, Матиаш, что мы с тобой сделали? Ты был свидетелем тому, что наш труд был не напрасен! Квантовая механика, вибрации суперструн, и порталы…

– Герних, я только что видел, как один из лучших наших ребят-испытателей чуть не загнулся. И ты его чуть не угробил своим реаниматором, чтоб его кролики сожрали.

– Не-ет, мой аэродесантный друг! Я его спас от отравления аммиачно-метановой атмосферой и радиационного поражения. Наш агент Дрезина попал в систему голубого гиганта, и прожил на чужой планете несколько десятков секунд… Ты понимаешь, что это – прорыв?

– Да, я видел запись с очков Андре, сволочь ты безумная…

– Умная. Я – умная сволочь, Матиаш. И потому у нас всё получилось.

– Герних, я тебя ненавижу. Ты совершенно беспринципен…

– Матиаш, друг мой ненаглядный! Другие миры – это власть… Это новые материалы, свежие идеи, люди и ресурсы, богатство и счастье для всех нас! Это – свобода. Настоящая свобода.

– Это безумие. Этих «дырок» – сотни и тысячи, мы даже за тысячу лет не осмотрим всё.

– Это бессмертие. Регенератор и наны, квантовые скачки, перенос сознания… Это настоящее бессмертие. Ты же хочешь жить вечно?

– Я хочу умереть спокойно, друг.

– Но ты пойдёшь со мной? Пойдёшь? Ты обещал мне!

– Пойду, Каннингем. Скотина ты такая… Я – обещал.

Глава 19

Занесённые песками дворы Александрии походили на заброшенные иссохшие колодцы, открытые безжалостному солнцу сверху, и с трудом сохраняющие лоскутки прохлады в складках лохматых теней углов и выступающих плоскостей изломанных стен. На некогда ровных улицах, мощёных плитами известняка, теперь текли под порывами северного непрекращающегося ветра потоки песчинок, струйками заползая везде и всюду. Даже в герметичную палатку, оранжевым двухметровым шаром уткнувшуюся в затенённый стенами библиотеки угол небольшого патио. Пластметаллические тали, намертво заякоренные в расщелинах между плитами и камнями стен басовито гудели в тон шуршанию ползущих дюн и шелесту бумаги.

Инульгем вышел из пролома в древней стене, и сплюнул на песок. Влага мгновенно впиталась и растеклась тёмным пятном, на глазах испаряющимся под палящими лучами светила. Проследив за исчезновением бесполезно потраченной влаги, Кловис прикинул: «Примерно пять пополудни. Ещё пара стеллажей, и стемнеет. Запасов на неделю, портал откроется через пять дней. Резервная точка доступна, но можно прожить и охотой…» На пути сюда он заметил цепочки следов в барханах – мелкие травоядные, аналоги тушканчиков, пустынных зайцев и ящериц, несколько хищников размером с большеухих лис, и король местных песков – большой варан. Вершина местной пищевой цепи тогда презрительно зашипела на Инульгема, словно почувствовав конкурента, и быстро зашуршала куда-то прочь от дороги, оставляя отпечатки когтистых лап и длинного хвоста…

Охотник прочистил горло, забитое пылью рассыпающихся страниц, и глубоко вдохнул обжигающий привычный воздух глубокой пустыни. Поправив сбившееся пончо, в котором он привык ходить по пескам даже в самую страшную жару, Кловис вернулся обратно в книгохранилище. Покинутый город всё так же молчал, насупившись провалами окон. Он привык ко всему.

Инульгем открыл покоробившуюся кожу коробки-переплёта престарелого фолианта, и, морща нос от танцующей в луче мощного фонаря пыли, углубился в чтение.

…Когда-то здесь не было ничего, кроме степи, рассечённой пополам широкой полноводной рекой, невысоких холмов, и сложенного из белого камня святилища позабытых богов. Их

алтари много сотен лет не знали жертв, изваяния лишились лиц, а сам храм напоминал выбеленный солнцем череп великана, оставшийся здесь после битвы, отгремевшей эпохи назад. В какой-то мере, всё так и было. Взлёты и падения цивилизации, расцвет и распад империй, царств, теократий и республик – все эти пертурбации не задевали этот край, покрывающийся яркими точками цветов весной, и желтеющий выгоревшей степной травой – летом. Пока в храм не пришёл караван, влекущий на огромных повозках-арбах пожитки целого народа. Их предводитель, высокий и статный воин в бронзовых доспехах, преклонил колена перед храмом, и долго шептал какие-то слова. Отряхнув колени, он отдал отрывистые гортанные приказы, звенящие медью незнакомых слов, и подозвал своего жреца.

Так была основана Александрия.

Город рос, ширился, обрастал стеной, полями, пригородами, снова рос и развивался. Бронзу уже сменила сталь, где-то гремели первые залпы пороховых пушек, когда-то – взлетали первые аэропланы и поднимались в воздух дирижабли, а атомные подлодки всплывали на поверхность, готовясь к ядерному удару… Александрия же стала центром. Центром знания.

Никто не знал, откуда пришло это странное умение, сразу объявленное колдовством и запретным знанием – то ли из-за солёного и непостоянного течениями океана вместе с кораблями длинноволосых смуглых завоевателей, кормивших многочисленных богов многотысячными жертвами, то ли из пустыни, с иссохшим и идущим на чистом упрямстве караване из незнакомых зверей и исхудавших людей… Вместе с каплями крови, от учителя к ученику, сквозь десятилетия и века оно передавалось, сопровождаемое клятвами, страшными проклятиями, и словами ритуалов, пока не достигло времени и места, назначенного Создателем.

Основатель Александрии и его жрец, поклоняющийся не богам, но знанию, умели слушать и слышать. Они услышали тогда, у заброшенного храма, как их слова отозвались тонким серебряным звоном, сходным со звуками драгоценной Кифары Богов. И дверь на миг приоткрылась, плеснув на камень солнечным светом и запахом моря. Чуть иной оттенок солнца, море, до которого нужно идти не одну сотню переходов, крики птиц и иной ветер, шевельнувший пыль на полу святилища… «Мы будем здесь, – упоминала книга слова безымянного основателя. – Мы всегда будем здесь»…

Кловис утёр испарину со лба, и бросил взгляд в пролом – ему показалось, что тени снаружи странно дёрнулись. «Почудилось…»

– подумал он, передвигая кобуру с верным пороховым пистолетом из-за спины на бок, и распахивая пончо. Кругом не было ничего живого и разумного. Мёртвого и неразумного Инульгем не боялся: «Живое очень просто сделать мёртвым, а мёртвое – окончательно остановить», – так говаривал его наставник, обучая своего будущего преемника тонкостям гаданий на внутренних органах и правильному обряду жертвоприношений. – «Запомни, Койотль, и затверди. Помочь правильно умереть, и остановить уже мёртвое – вот наша настоящая цель в жизни. Смерть – это всего лишь врата, а жизнь – путь от одних врат к другим!»

Охотник улыбнулся, и вернулся к чтению. Понадобилось какое-то время, чтобы настроиться на восприятие древнего арамейского, но потом цепочка оживающих образов скрыла реальность…

…Жрецы-учёные Александрии уходили сквозь Полуденные Врата, названные так, потому что проход в иной мир открывался ровно в полдень, под светом, падавшим через отверстие в крыше храма. Они изучали и описывали новую землю, таившую в себе неизведанные народы, зверей, тайны и загадки. В далёком мире, на берегу моря жрецы встретили собратьев, щедро поделившихся с ними языком, хлебом и знаниями. Между ними завязалась странная дружба, основанная на доверии и причастности к чему-то надмирному – две Александрии связал прочный мост из книг, путешественников и караванов, переходящих в обе стороны под летящие к небесам напевы хранителей Врат.

В тамошнем городе собирали знания всего мира, всей Ойкумены. Пусть она и охватывала лишь небольшую часть огромной земли, но и этого было достаточно. Таких Ойкумен было много.

В здешней Александрии хранили и обрабатывали мудрость. Именно отсюда исходили новые веяния в философии, искусстве, науках и ремёслах. Именно сюда стекались в поисках тайн люди десятков миров, связанных Вратами. Империя Знания простёрла свои железные крылья легионов широко в стороны, стараясь привести к просвещению как можно больше заблудших и погрязших во тьме…

Проходили столетия. Александрийская библиотека в тени пирамид пала и была предана огню закованными в железо римскими центуриями. Полуденные Врата приняли в себя большую часть рукописей и свитков, оставив разрушителям только плохие копии. Некоторые писцы и грамматики остались в родном мире, но остальные предпочли преклонить колени в Храме, и обрить голову во славу Знания. Жрецы-воины несли

свет и слово в другие Ойкумены. Легионы печатали шаг, и под сенью их знамён, украшенными молниями, вставала тень нового порядка…

Но всё когда-нибудь заканчивается. Любая империя, сколь бы она не была богата или велика, как и каждый из людей, рождающихся и умирающих во славу её, смертна. Приходит ли гибель изнутри, разваливая страну на части, или снаружи, в виде молодых и горячих варварских племён, раздирающей её на кровоточащие куски, не суть.

Александрия не стала исключением. Но причина падения Царства Ойкумен крылась глубже, и казалась трагичнее прочих. Однажды та самая капля крови, что передавалась между многими десятками поколений жрецов, учёных и воинов, не принесла новому посвящённому священной власти над Вратами. Полуденная дверь осталась закрытой и в полдень, и в полночь. Старые хранители не утратили тайного умения, но преемников им не воспоследовало. С уходом в мир теней каждого жреца Ойкумену покидала частица той самой таинственной силы, соединившей миры разных времён и вселенных. Врата гасли, музыка сфер прерывалась, Империя гибла.

Храм держался до последнего. Наступающая пустыня и бегущие от неё жители не пугали оставшихся в пустеющем городе хранителей древнего знания. Тысячелетие пути и мудрость многих миров научили их не только терпению, но и важности мудрости. Всё, что происходило тогда, до мельчайших подробностей фиксировалось в обработанных особыми составами книгах, упакованных в специальные деревянные короба, обшитые кожей, и сохранялось в верхнем ярусе подвальных помещений библиотеки.

Нижние этажи, уходившие во тьму подземелья на сотни и сотни шагов, обрушили тщательно рассчитанными зарядами взрывного зелья. Песок торопливо, за какие-то десятилетия, сожрал окрестности Александрии, высушил обмелевшую реку, и медленно обволакивал город…

Но все эти исторические подробности мало интересовали Кловиса, который, предчувствуя окончание своего поиска, стал читать всё быстрее, чихая от пыли, и тихо бурча проклятия на родном языке.

…Последние жрецы Храма Знания, понимая, что наступающая пустыня скоро убьёт их, оставили эти записи, и склянки с кровью. Своей и своих неудачливых учеников.

Последние страницы книги содержали просьбу-прощание – старый хранитель по имени Моше завещал тем, кто придёт сюда, в мёртвое сердце погибшей страны, узнать, что за проклятие постигло их. И записать это знание в священные книги.

– Пошёл к чёрту, старик! Где ты спрятал эти треклятые сосуды?! – взвыл Инульгем, вчитываясь в неровные строчки. Наконец, найдя указания, он захохотал, и, подхватив фонарь, выскочил наружу, в стремительно холодеющий от наступающей ночи воздух. – Вот старый хитрец. Ха-ха-ха, насмешил!

Кловис, окрылённый ощущением близкой разгадки, подскочил к своей палатке, и со звоном перерубил удерживавшие её на месте тросы. Отбросив в сторону сферу, он ножом поддел тонкую известняковую плиту, и осторожно отвалил в сторону. В песке находился каменный ларец, перехваченный серебряными полосами. Пыхтя, Инульгем вытащил ковчег наружу, едва не порвав сухожилия от натуги, и, отдуваясь, присел рядом.

– Так. Теперь самое главное, – сказал он сам себе, и поднял глаза к небу. В темнеющем небе наливались сиянием крупные звёзды, покалывая зрачки своими тонкими лучами. Луна в эту ночь предпочла не показываться на небе, и звериная составляющая Кловиса, часть смеющегося бога-Койота, не высовывалась наружу Лишь чутко настораживала уши с наступлением ночи. – Брат-обманщик, неужели всё началось отсюда?

Поковырявшись в палатке, Инульгем достал пояс с инструментами, плоский металлический кейс и матовый глобус осветителя. Вспыхнувший спустя минуту свет разогнал тени и темноту на много метров вокруг, выхватив ларец, блестящие жала полевого универсального набора и раскрытый чемоданчик анализатора, который попискивая, выходил на рабочий режим.

Повозившись с оковкой каменного сундука, Кловис разрезал грубо заклёпанные полосы серебра, спрятав обрезки в припасённый рюкзак, и отвалил в сторону крышку. Прикрыв лицо полой своего пончо, он заглянул внутрь, подсвечивая себе фонариком, и осторожно достал древние стеклянные бутыли. Перенеся коричневые ёмкости к анализатору, он подумал, что знает, как именно погибли жрецы. «От геморрагического шока. В каждой бутылке – литра по полтора. Сцеживали из сонной артерии, что ли? Идиоты…» – настороженно оглядываясь вокруг, размышлял Инульгем, отбирая щупами чешуйки свернувшейся столетия назад влаги жизни. Микроскопические отверстия в залитых смолой пробках он сразу же заклеивал быстротвердеющим клеем, а пробы помещал в камеру

анализатора. Запустив программу сканирования ДНК и анализа биоматериала, охотник отнёс ёмкости обратно в ларец, а потом встал лицом к тёмным улицам, и долго всматривался в темноту, прислушиваясь. Что-то легонько давило на сознание, вызывая беспокойство и зуд в переносице. «Словно, Койот их заешь, под прицелом. Когда палец снайпера уже лёг на курок „Баррета“, и выбрал свободный ход… – Кловис внутренне напрягся, и положил правую руку на рукоять револьвера. – Боги пустыни! Здесь нет никого на мили вокруг. Только развалины и память. И миллионы рукописей, погребённых под песком и камнем…»

Анализатор мерзко пискнул, оповещая о завершении программы, и развернул голограмму с результатами. Инульгем, поёживаясь от укусов холодного ветра, забирающегося под пончо, разжал пальцы, закостеневшие на оружии, и медленно подошёл, загребая сапогами песок, к аппарату.

«Анализ завершён. Девять образцов, трёх основных групп крови, принадлежат гуманоидам мужского пола, совместимость с Линией Ноль – 98 %. Наблюдаются несколько незначительных генетических отклонений, результаты сброшены в банк памяти. Анализ на яды растительного, минерального и животного происхождения – результат отрицательный. Болезнетворные агенты – результат отрицательный. Микроорганизмы – следовые количества, опасности не представляют. Неизвестные формы жизни – результат отрицательный, – бежали строки на колеблющемся от ветра экране. – Искусственные формы жизни – результат положительный, обнаружен незарегистрированный нановирус, пробы с первой по третью, седьмая и девятая. Мутированная форма нановируса – пробы с четвёртой по шестую и восьмая! Рекомендовано немедленно доложить в ближайшее отделение Корпорации! Опасность третьего уровня!»

Инульгем потыкал в сенсоры, выводя информацию о наномашинах на дополнительный экран, и скривился. Он слабо разбирался в наномедицине, нахватавшись знаний по верхам, но даже ему было понятно, с чем он имеет дело. В защищённом тонкой на вид бронёй и силовыми полями чреве полевого анализатора сейчас находились два штамма нанов, очень напоминавших тех, что циркулировали в крови самого Кловиса и прочих агентов. Более грубые, примитивные, и очень древние, они выполняли ту же самую функцию, что и наиболее охраняемый секрет Корпорации – открывали порталы между Линиями и Параллелями.

«Точнее, один из них открывал, а другой – уже нет, – всмотрелся в схемы и блоки кода Инульгем. – Мутация из-за накопившихся системных ошибок. Что, собственно, и следовало

ожидать… Хм, интересно. Наши портальные наны построены на основе микробов, поражающих головной мозг. Эти, в основном, должны были концентрироваться в крови. И, если чемодан и книги не врут, их носитель не видит порталы, а слышит…»

– Ну не пиздец ли… – прошептал он, стягивая с рук тончайшие мономолекулярные перчатки, и заливая внутренность каменного ковчега, прежде чем столкнуть его обратно в яму, консервирующим гелем из распылителя. – Создать объединение из нескольких миров, крупнейшую библиотеку, и всё потерять из-за мутации нанов… Боги, как вы любите шутить! Теперь бы понять, как именно этот чёртов микроб попал в руки Корпорации и в Линию Ноль.

Упаковав анализатор, Инульгем прислушался к звукам пустыни и развалин. Ему показалось, что где-то далеко за барханами взрёвывает мотор внутреннего сгорания. Надо было торопиться.

«И вот зачем вам, люди, вся эта мудрость? – думал он, забрасывая песком углубление с ковчегом, и насыпая сверху микромины-ловушки. Консерв-гель предохранит бутыли от разрушения, а мины гарантированно уничтожат всех любителей покопаться в сундуке. – Помогла она вам? Пустыня не отступила, врата закрылись, наны протухли, империя распалась…»

Палатка опала в серебристом всплеске распада молекулярных связей, рассыпавшись пеплом. Быстро собрав необходимые вещи, Кловис навьючил рюкзак на плечи, и быстро побежал сквозь развалины в направлении, противоположном тому, откуда могла последовать погоня. Остановившись на секунду, он чертыхнулся – забытая им глобула по-прежнему заливала бестеневым сиянием угол двора близ входа в Библиотеку. Чтобы не терять времени на стрельбу из револьвера, он быстро достал из-за пазухи маленький излучатель, и выстрелил в источник света. Акустический луч раскрошил верхний слой известняка в радиусе нескольких метров от цели, и превратил сферу в кучку обугленных осколков и лужицу быстро испаряющегося наногеля.

Удовлетворённо кивнув наступившей темноте, Кловис натянул на уши свой поношенный «Стетсон», и исчез в лабиринте развалин. Теперь он знал больше, чем раньше. Цель стала ближе ещё на шаг.

Глава 20

Силовая ловушка захлопнулась за ним, едва он присел, чтобы вытащить из тайника порцию нанов. В просторном заброшенном ангаре, где по углам до сих пор ржавели выпотрошенные корпуса атмосферных скиммеров, звук стазис-поля ловушки пронёсся звенящим роем мошкары. Едва заметная силовая сфера, накрывшая его с головой, слабо замерцала белым свечением. Спенсер резко развернулся, отдёрнув руку от плиты в полу, откуда только что извлёк законсервированный контейнер с препаратами.

Тёмно-серый комбинезон плотно облегал тело Спенсера, защищая его от тепловых или биологических датчиков, скрывая появление агента на любой местности и при любой погоде, но он не спас бы его, решись Спенсер продраться сквозь тонкую плёнку ловушки.

Исходя из опыта, он знал, что сигнал о срабатывании уже поступил на ближайший пункт слежения. Если ловушка была поставлена не на него, то прибудет только один отряд патруля. А вот если ждали именно Спенсера, то из ближайшего штаба обязан был прибыть такой же агент, как и сам Спенсер.

Он повернул голову, осматриваясь, и зеркальный щиток шлема отразил слабое свечение сферы. Тёмно-серый комбинезон поглощал исходящий свет, размывая очертания фигуры доктора.

Дезактиватор сработал как раз в тот момент, когда в ангар вошла группа местных сил правопорядка, щёлкая затворами карабинов. Сфера мигнула в последний раз, и Спенсер, воспользовавшись этим, метнулся в сторону, выхватывая из наплечной кобуры игломет.

Двое адептов закона с жёлтыми шевронами на рукавах в форме двуглавой змеи повалились на грязный пол, зажимая раны в шее. Состав, которым Гриффин заменил стандартный убийственный раствор в иглах Спенсера, не оставлял такого уж явного следа применения оружия Корпорации. Как раз на тот случай, если придётся пользоваться оружием.

Случай представился, и теперь Спенсер, перекатываясь и прячась за ржавыми остовами транспорта, расстреливал необученных патрульных, являющихся для опытного агента прекрасными мишенями.

Гриффин уверял доктора, что состав не убьёт человека, если не всадить в него три или четыре иглы сразу, а лишь временно выключит двигательную функцию организма, давая возможность

скрыться. Дополнительный компонент вызывал кратковременную эйфорию и галлюцинации, способные скрыть любой ментальный отпечаток внешности. Спенсер не стал полагаться на кустарные изобретения Гриффина, предпочтя отправиться за нанами в боевом костюме и шлеме, со споротыми знаками принадлежности к конкретному подразделению.

Расстреляв первую обойму, он щёлкнул задвижкой, роняя пустую себе в карман, и тут же поставил на её место новую. Но не успел Спенсер навести прицел на последнего противника, как что-то ударило его в затылок, раскалывая шлем, частично предохранивший от перелома шеи. В глазах потемнело, и Спенсеру думалось, что это вовсе не от вышедшего из строя визора…

Он пришёл в себя пристёгнутым к щетинящемуся в пространство остову скиммера, стоящему почти у самого выхода из ангара. Над ним возвышался сутулый мужчина с редкими чёрными усиками над верхней губой, склонившийся над Спенсером в позе птицы-падальщика, с нетерпением ожидающей скорой смерти добычи. На мужчине было тонкое серое пальто отличного покроя, на лацканах которого поблёскивал медью знак Корпорации.

– Надо же, Вуниш не обманул, – пробормотал человек, семеня рядом со Спенсером, – жаль, эти идиоты из местных решили отличиться, – он поджал тонкие бескровные губы, бросая неодобрительный взгляд на распростёртые тела в глубине ангара. – Ты их убил? – резко наклонился к нему мужчина в сером, хищно всматриваясь в лицо Спенсера круглыми глазами с желтоватыми белками и блёклой радужкой. Его редкие каштановые волосы встрепенулись, как издыхающие змеи от резкого наклона, а сам представитель правосудия стал напоминать замершую на болоте цаплю.

– Ты кто такой? – борясь с головокружением и болью в затылке, спросил Спенсер. Поднятые вверх запястья в магнитных наручниках, привязанных узкой цепью к мотору скиммера, отозвались болью и ломотой.

«Кажется, этот таракан мне на руку наступил. Интересно, чем приложил по затылку так больно?» – подумал Спенсер, осторожно шевеля пальцами. Он чувствовал, как на затылке слипается, застывая, корка крови из рассечённой кожи под волосами, и с тоской думал о том, что зеркальный щиток шлема сейчас уволил бы его от этих мерзких шевелящихся под носом усиков. Если представитель Корпорации и сломал что-то при задержании, оставшиеся наны уже подлатали доктора философии достаточно

для жизни.

– Дознаватель первого уровня, отдел «А», – сухо представился тот. – В отдел я уже доложил, скоро за тобой прибудет транспорт.

Спенсер осмотрелся. В ангаре как раз не хватало последнего «героя» недавнего задержания. Он, видимо, и был послан прочь под предлогом вызвать помощь, но что-то подсказывало Спенсеру, что дознаватель просто желал остаться наедине с агентом.

Словно прочитав его мысли, дознаватель аккуратно запустил в карман руки, затянутые в чёрные кожаные перчатки, и извлёк маленький пистолет со странно раздутым дулом и крошечным отверстием в центре ствола. Из второго кармана дознаватель вытащил энергетическую пластину, щёлкнув ею в креплении пистолета.

«Звуковой дезинтегратор, – мелькнуло в голове Спенсера, – от меня даже ДНК не останется».

Подумать о том, откуда у простого представителя Корпорации на захудалой планете звуковой дезинтегратор, Спенсер не успел. Дознаватель приставил оружие ко лбу доктора и потянул за ребристую гашетку.

В этот момент его голова разлетелась кровавой смесью костей и мозга, залив Спенсера с головы до ног. Тело усатого педанта повалилось на бок совершенно бесшумно.

Спенсер проморгался от брызнувшей в лицо крови и увидел стоящего прямо перед ним Гриффина с опущенным плазменником в руке. Из длинного ствола всё ещё клубился лёгкий дымок.

– Ни хрена себе ты доктор, – пробормотал Спенсер.

– Я врач, а не пацифист, – стараясь не смотреть в глаза агенту, пробормотал Гриффин, обыскивая карманы убитого дознавателя. Выудив, наконец, связку тонких ключ-пластин, он выбрал одну и провёл ею по замку магнитных наручников. Спенсер с удовольствием опустил порядком затёкшие руки.

– Я бы сказал тебе спасибо, – начал Спенсер, не торопясь подниматься, – если бы было, за что.

Он выразительно взглянул на что-то позади согнувшегося над ним Гриффина. В тот же момент Док услышал за своей спиной громкий щелчок и едва уловимый гудящий звук нагревающейся плазмы.

– Медленно развернулся, подняв руки, – послышался хрипловатый женский голос. Гриффин поднял руки, становясь похожим на ныряльщика перед прыжком.

– А разогнуться можно? – осведомился он.

– Можно, – сказала женщина, отходя в сторону и продолжая держать на мушке мужчин. Спенсер закатил глаза, всем своим

видом показывая, что в гробу видал такую помощь и таких женщин. Льюис медленно развернулся и профессиональным взглядом осмотрел незнакомку. Высокая, стройная, с коротко стриженными каштановыми волосами и ярко-зелёными глазами. Она была одета в обтягивающий комбинезон, похожий на тот, в котором был Спенсер, но со множеством карманов и креплений для оружия и запасных обойм.

Гриффин без стеснения продолжал пялиться на весьма недурственные формы незнакомки, словно не она, а он держал её под прицелом.

Нарастающий с каждой секундой ветер начал заносить в ангар мелкие листики и обрывки каких-то бумаг, смешанных с камешками и пылью. Спенсер уловил гул садящегося невдалеке транспорта, о котором, судя по всему, и говорил дознаватель.

– Кавалерия прискакала, – флегматично высказался Спенсер.

– Кавалерия-артиллерия, – протянул Гриффин, покачиваясь с мыса на пятку.

Женщина жестом показала в сторону, красноречиво подбодрив к движению пленных мужчин, поведя тяжёлым пистолетом. Загнав Спенсера и Гриффина в самый дальний и тёмный угол ангара, она заставила их сесть на старый скиммер, внешне походивший на часть той же рухляди, которая стояла повсюду. Одной парой наручников незнакомка сковала руки парочке докторов, второй пристегнула эту связку к спинке сидения.

– Он же одноместный, – высказался Спенсер.

– Тогда вы можете сойти здесь, – буркнула женщина, пристёгивая пистолет к креплению на бедре.

Она лихо вскочила в кресло пилота, щёлкнула сразу несколькими переключателями и машина ожила, взревев мотором и выбрасывая в атмосферу клубы едкого чёрного дыма.

– Это… это… Бензин? – Спенсер не мог поверить в то, что видел.

– Зато глушилками не вырубается, как ваша электроника, – язвительно ответил Гриффин. – Не бойся, адепт технологий, тут движок гибридный, только запуск барахлит видимо.

Женщина-пилот ничего не сказала, выкручивая рукояти скорости и высоты до максимума. Агента и доктора подбросило вверх, заставив схватиться руками за скиммер и повиснуть в воздухе

Незнакомка почти врезалась в прогнившую крышу ангара, когда заряд из тяжёлого плазменного пистолета разнёс одну из секций, дождём расплавленных осколков окатившую Гриффина и Спенсера.

Скиммер вырвался в вечернее небо Каддифы-прайм, удаляясь от места стычки и увозя ценный груз, болтавшийся сбоку, как мешки с дерьмом.

– Это и есть твоё «я всё сделаю тихо, я профессионал»? – прокричал Гриффин, перекрикивая вой ветра в ушах. Спенсер мрачно и сосредоточено молчал, не удостоив доктора ответом.

Патрик Вуниш вошёл в ангар всего через полминуты после того, как скиммер с пленниками удалился на безопасное расстояние, оставив после себя в ангаре ядовитый выхлоп и мёртвую тишину.

Расстрелянные иглами силы местного патруля планеты потихоньку приходили в себя, выгребаясь из яркого мира галлюцинаций и видений. Тела ещё плохо слушались, импульсы мозга доходили по оглушённым и расслабленным нервным окончаниям с задержкой, а вот сфинктеры не замедлили расслабиться. Ангар наполнился запахом мочи и других испражнений.

Патрик медленно прошёл вглубь ангара, внимательно рассматривая всё вокруг и то и дело сжимая и разжимая кулаки. После восстановления правого плечевого сустава и раскуроченных связок он никак не мог привыкнуть к синтетическим имплантам, позволившим ему покинуть госпиталь в рекордно короткие сроки. Сроки эти, как подозревал Патрик, были ещё больше ускорены высоким худощавым представителем Корпорации, ознакомившим Патрика с досье на беглого агента, и позаботившегося о тех самых имплантах на захудалой планетке, где о них и не слышали. Второй беглец, подозревавшийся в преступлениях на его планете, некий доктор Гриффин, посетителя, казалось, не интересовал вовсе. Но Патрик достаточно прослужил в Инквизиции, чтобы понимать – целью странного гостя, похожего на остроухого койота, был именно ничем непримечательный Гриффин. Второй же преступник интересовал его меньше, являясь удобной отговоркой, чтобы направить по следу самые лучшие отряды. Патрик в очередной раз раздражённо потёр места, где должны были находиться импланты, словно всеми силами стараясь избавиться от чужеродных вещей, являющихся для него едва ли не религиозным оскорблением.

Он получил неограниченный доступ и право реквизировать всё, что угодно, от транспорта до человеческих единиц, если это потребуется.

Вуниш прохаживался от одной стены ангара до другой, размышляя надо всем произошедшим и чувствуя себя

марионеткой.

По каким-то причинам гость, навестивший его в госпитале и представившийся незапоминающимся именем, не имел возможности провести полномасштабную операцию с привлечением всех сил Корпорации. Но и пользоваться авторитетом оной не мог, прекрасно понимая, что планета за долгие годы разрушений и забвения Малидакана, где и началась погоня за Гриффином, не поспешит бросать все свои внутренние конфликты, отряжая вдогонку кому-то там, насравшему в тапки Корпорации, лучших и последних людей.

Одним махом тощий визитёр решил все проблемы. Сбежавший Гриффин стал удобным предлогом послать по его следу Патрика.

– Нам крайне важно задержать преступника, он бывший агент, – доверительным тоном просветил Вуниша визитёр, сидя в кресле и вытянув длинные тощие ноги. – У вас же нет возможности бегать за каким-то там докторишкой. А если они вместе, заодно и его прихватите. Полномочия я вам уже выписал, – напоследок добавил он, холодно сверкнув тёмными глазами.

– Погоня за агентами-предателями не дело инквизиции, – попытался возразить тогда Вуниш.

– А если агент подозревается в краже двойника, переносе сознания, нарушении режима секретности стирания личности до приёма на работу? – вкрадчиво поинтересовался гость. И вот тогда у инквизитора не осталось доводов против начала совместной операции.

Теперь же Патрик размышлял, скорее, не над тем, как именно выполнить задание странного представителя Корпорации, а над тем, как после этого самому не сгинуть где-то в окраинах этой самой Корпорации.

Он потёр правое плечо, где потребовалось наибольшее вмешательство и замена повреждённых мышц. Единственное, что спасло его в тот день, когда сбежал Гриффин, это броня, но она же и нанесла непоправимые увечья, буквально смяв плечевой пояс в фарш, когда от нескольких попаданий из винтовок своих же дезориентированных людей её разворотило и сплющило.

Вуниш вяло ковырнул носком высокого ботинка запёкшееся пятно крови, натёкшее из тела дознавателя, сморщился и отошёл подальше.

Эта работа нравилась ему всё меньше и меньше, а вот вопросов к Корпорации появлялось всё больше и больше…

Глава 21

Вишнёвое солнце медленно погружалось в тёмные воды моря, плавя облака у горизонта, и окрашивая их во все оттенки алого. Спокойную гладь рассекали только несколько пенных полос, тянущихся за небольшими корабликами, движущихся на северо-запад, чтобы в скором времени скрыться за коричневым нагромождением скал, закрывавшем обзор с террасы.

Хозяину поместья уже много лет предлагали взорвать эти бесполезные камни, чтобы можно было любоваться северным берегом полуострова, не вставая с любимого кресла. Но он неизменно улыбался и отказывал своим старым друзьям, каждый раз придумывая новые доводы против уничтожения камней. В последний раз он осадил старого адмирала Мендосу, который, разогретый выдержанным односолодовым виски, уже приказал развернуть орудия своего линкора, находящегося на орбите, и прицелиться в «задолбавшие каменюки». Выслушав отповедь насчёт уникального биоценоза мхов и лишайников, эндемичны, редких, занесённых в «Бриллиантовую Книгу», и потому жутко ценных, старик раскраснелся ещё сильнее, и отправился дегустировать коньяки в библиотеку.

Особенно его добила калькуляция примерной стоимости скал с лишайниками, без учёта расходов на сбор и поддержание популяции. «Два линкора! Два гребучих линкора со всем оснащением и судами сопровождения! – бурчал себе под нос Мендоса, поглощая коньяк стоимостью в свой официальный месячный оклад, как воду. – За какие-то три скалы и долбанную растительность! Раздери меня астероид, три торпеды в задницу этим шибанутым на голову сухопутным мартышкам… Совсем с ума двинулись в своей Сети…»

А радушный владелец владения «Святой Янус» пригласил своих гостей на террасу – насладиться вишнёво-алым закатом, и дегустировать мятный кофе, обмениваясь информацией в задушевных разговорах…

Среди слухов, бизнес-сплетен и обсуждения фондовых рынков Главной Последовательности неожиданно царапнула слух случайная фраза. Так бывает, когда кто-нибудь говорит глупость именно в тот момент, когда все остальные разговоры утихают… И человек, произнёсший неловкие слова, замирает под горячими лучами взглядов, понимая неловкость ситуации.

– Даль, а что твои «бегущие человечки», сильно ли оторвались от преследования? – повторил, слегка улыбаясь,

незнакомый хозяину худощавый мужчина с загорелым лицом, одетый в стильный деловой костюм тёмно-зелёного оттенка. На его вытянутом лице не было заметно и следа смущения – скорее, наоборот. Уверенный взгляд карих глаз, расслабленная поза, прямая спина и широко расставленные под столом ноги… Сканер запустился автоматически, и автоматика выдала результаты поиска по базе данных. «В списках не значится. Допуск высший. Приоритет обслуживания высший. Просьба оказывать всяческое содействие, – шепнул в уши лёгки голосок аудиопризрака, и добавил уже от лица телохранителя: – Вызвать поддержку?»

Даль легонько повёл глазами по меткам на напылённом на глаза экране, отменяя повышенный уровень безопасности, и вежливо переспросил гостя:

– Простите, сударь, а вы, собственно, о чём?

Неизвестный широко улыбнулся:

– Я спросил, как обстоят дела с гонкой-преследованием, которая сейчас проходит на Периферии? Чего непонятного?

Нагловатый тон слегка ошеломил гостей, начавшихся перешёптываться, а Майлз Стейтон, известный на половину Сети художник-авангардист, второй профессией избравший мастерство оружейника, наполовину вытащил из наплечной кобуры своё очередное творение, больше походившее на комок спутанной проволоки с торчащими из него кристаллами.

Короткого взгляда Даль хватило, чтобы Стейтон, смешавшись, спрятал излучатель обратно, и углубился в свой кофе, затягиваясь короткой чёрной сигарой.

– Непонятного, на самом деле, много, мой дорогой друг… – протянул Даль, вставая с кресла и закуривая сигару.

Сейчас все внимательно смотрели на него. Даль Пьетро, богатейший человек планеты, владелец сотен предприятий и холдингов, меценат и покровитель изящных искусств, ежедневно тратящий миллиарды крон, и зарабатывающий в два раза больше… Сейчас он пребывал в странно приподнятом настроении, словно заключил величайшую сделку в жизни. «С дьяволом» – шепнуло подсознание, и умолкло после укола автоматической аптечки, встроенной в массивный наручный браслет. Поправив широкие рукава своей тонкой рубашки из лилового шёлка, Даль оперся на мраморную балюстраду, и жестом подозвал своего оппонента к себе. «Иди сюда, молодой наглец, – словно говорил он тем самым. – Ты прорвался на закрытую вечеринку, создал себе непрошибаемую легенду, привлёк всеобщее внимание. Теперь, собственно, можешь излагать своё предложение. Я тебя выслушаю».

В библиотеке взревел Мендоса, на быстром испаньоле разнося в прах и пепел дежурную вахту линкора «Неподражаемый идальго». «Изящные матюки, которые в пулемётном темпе

исторгаются лужёной глоткой пьяного адмирала, способны пробить даже систему акустического подавления, – в очередной раз поразился Даль, наблюдая за медленно идущим к нему незнакомцем. – Надо бы отгружать старика на орбиту, пока он не разнёс главным калибром что-нибудь…»

Странно закололо в боку, словно сбоил контур имплантов, ответственных за энергетику. Лицо гостя, расплывающееся в тёплых закатных лучах, смутно напоминало кого-то… Шелестнуло раскрывшееся индивидуальное силовое поле, разрезавшее воздух двумя слоями энергетических линий, текущих перпендикулярно. Теперь Пьетро был абсолютно защищён от всех ядов, взрывчатки, энергетического и волнового оружия… «На всякий случай. Во избежание… – подумал он, прищурившись.

– Итак? – вежливо спросил Даль, внимательно изучая наглеца.

– Сапрассас, ведь я тебя узнал, – тихо ответил тот, смотря Далю прямо в глаза. – Ты всё такой же властолюбивый сукин сын.

Пьетро вздрогнул от неожиданности. «Как он узнал?! – колыхнулась внутри волна паники, вызвав десяток уколов браслета. – Кто он? Не может быть…»

– Не понимаю вас, – холодно произнёс он, готовясь вызвать охрану. Под балюстрадой открылись портики боевых дронов, и раздалось тихое жужжание их двигателей. – Вы, кажется, хотели обсудить неких «человечков», не так ли, господин…?

– Йожин Сбажен, эсквайр, – издевательски хохотнул худощавый, опираясь рукой на мрамор. Дистанцию приватного разговора он держал великолепно – полтора метра, ни сантиметром больше, и только прямой взгляд-вызов нарушал каноны переговоров, принятых на Янусе. – Я здесь проездом. И решил заглянуть, уточнить, как у тебя дела, Зассапрас. Ты забился в свою уютную норку, окружил себя почитателями и лизоблюдами, создал себе образ благодетеля и мецената…

– Это так. В современном мире невозможно существовать вне общества. Рано или поздно…

– Херня. Это всё – херня, и чушь, – осклабился Йожин. Впрочем, Даль не сомневался, что это имя – такое же настоящее, как и его собственное. Фальшивка. Маркер. Предупреждение. – Признайся, тебе надоело пытаться изменить систему, и ты решил ей не противодействовать?

Гости, отделённые от их диалога полосой защитного поля, продолжили свои разговоры, приветствуя автоматы, разносившие перемену блюд и опустошавшие пепельницы. Пьетро скользнул по ним отрешённым взглядом, размышляя. Его невинная игра, приносившая массу удовольствия и, что уж греха таить, много денег, была единственным, что он не смог оставить в прошлом. Или не захотел. «Теперь, когда слово прозвучало, придётся на время отойти от дел, и переложить всё на исполнителей, вмешиваясь только в самых срочных случаях… – Даль не любил, когда его комбинации нарушают так легко и нагло. Решение на ликвидацию эсквайра Сбажен легло в стек команд. – Но каков хам!»

– Да, признаю. Идея с охотой-преследованием целиком моя, – осторожно начал Пьетро, выбирая момент. – И был очень невежливо с вашей стороны, эсквайр, вмешаться и предать огласке моё в ней участие.

– Дерек, ты говно. Хитрое говнецо, которое, устав всё время подчиняться – обстоятельствам ли, людям, времени, судьбе – решило всех обвести вокруг пальца, и устроить им алес гемахт. Полный пинцет, – назвавшийся Йожином покачал рукой в воздухе, иллюстрируя, что его слова стоит рассматривать в общем смысле. – Сколько раз уже проходили эти крысиные бега? Сколько раз, а? Тебе не надоело?

Даль улыбнулся, но внутри него всё сжалось. Давно и тысячекратно забытые страхи всколыхнулись тугой волной. Метка над разрешением на атаку налилась багровым.

– Не надоело, – ответил он, сдавливая мраморные перила рукой, и не замечая, как откалывается мелкая крошка белого камня. – Это не может надоесть. Они все совершают ошибки, тыкаются носом в запертые двери, ищут выход…

– А ты, весь в белом, сидишь в своём имении, и дёргаешь за ниточки, да?

– Да, чёрт возьми, да! – Пьетро промокнул платочком испарину на лбу, и недоумённо посмотрел на раскрошившийся участок перил. – И я радуюсь, если им удаётся дойти до финала. Искренне радуюсь.

– Транслируя свою радость в записи на сотни миров? Хе-хе, да ты хитрая мстительная задница, Сапрассас! «Бегущие человечки», «Гонка на выживание», «Побег из Рая» – сотни названий, разные обёртки, но всегда одно и то же. Одни и те же.

– Я бизнесмен. Я должен получать прибыль, – Даль коснулся браслета, открыто вызывая охрану. – Прошу вас меня покинуть.

– Ты так ничего и не понял за все эти времена… – Йожин полез в карман, и вытащил золотистый портсигар. Его загорелые

руки пробежались по камням в крышке аксессуара, и из браслета Пьетро послышался недовольный писк отмены приказа. – Я, собственно, и не надеялся…

Сапрассас оторопел. Его код по умолчанию считался первым в вертикали Януса, и отмене не подлежал. Когда защитное поле с тихим шорохом исчезло, он начал дрожать. Страх, от которого он старался избавиться всю свою долгую жизнь, снова ожил. Боязнь наказания.

Йожин захохотал, и, одним движением переместившись вплотную к бывшему биогенетику лабораторий Каннингема, покровительственно похлопал его по плечу:

– Не трусь, заморыш! Никто тебя не тронет, живи как жил… Просто заканчивай эту бесконечную трансляцию. Это неуважительно по отношению ко многим хорошим людям, которых я знал лично. Всё, бывай здоров! – отвернувшись от бледного, взмокшего и жалкого Дерека, Сбажен неспешно прошёл через террасу к лестнице в холл, прощаясь с другими гостями.

Даль Пьетро, он же – Дерек Сапрассас, один из учёных-биогенетиков, создавших саму основу Корпорации, остался стоять у балюстрады, чувствуя, как его запястье под браслетом превращается в подушечку для иголок от бесконечных уколов микроинъекторов. Организм никак не мог восстановить эмоциональный и гормональный баланс, даже при помощи аптечки. Внутри медленно загорались огни боли, подбиралась вечная усталость, и хотелось немедленно умереть. Тонущее в море вишнёвое солнце испускало последние лучи света, и терраса погружалась в сумерки, не получив команды от контрольного центра на включение освещения. Дерек, пошатываясь и перехватывая перила, добрался до лифта, скрытого в колонне. Зашипев, капсула провалилась вниз, к скрытому в глубине скальной породы убежищу.

«Кто это был? Почему он ничего не сделал? Какой, к чертям, Сбажен?! – думал он, забираясь в попискивающий регенератор спустя несколько минут. – Что происходит?»

Небольшой синий круг портала, расположенного в глубинах извилистых пещер недалеко от виллы Пьетро, вспыхнул и соприкоснулся с реальностью, соединяя между собой точки пространства, разделённые миллионами световых лет. Две Линии соприкоснулись, образовав шаткий звёздный мост, по которому шагнул человек – из одного мира в другой. Из одной жизни – к другой. На той стороне он обернулся, зажмурив глаза от бьющего

в лицо жёлтого солнечного света, и взмахнул рукой, закрывая «дырку».

– Молодец, Инульгем… Всё правильно сделал, – прошептал он себе, улыбаясь. И, широко раскрыв глаза, добавил: – Интересно, кем был этот несчастный Йожен?

Глава 22

– Почему не получается, ну почему?

– Успокойся… Вот, выпей спирта. Он поможет.

– Кхе… Фу-у-у, какая гадость, кхы-кхы…

– Тихо, тихо, вдыхай глубже. Вот тебе грибочек, закуси.

– Д-да пошёл ты… Мне хреново.

– Знаю. Мне самому хреново, Герних. Мои ребята тоже там остались. Но я верю, что они смогут вернутся.

– Но наны точно работают! Я сам их делал… Я знаю точно, они работают…

– Работают, друг, работают… Ты молодец, ты всё правильно сделал. И даже больше.

– К ч-чёрту! Ненавижу. Ненавижу всю эту мышиную возню! Подопытные не видят «дырок», видят, но не могут открыть, а те, кто открывает – не могут вернуться! Даже, мать его, Дрезина, чтоб ему… Вот где эта скотина, когда он так нужен?

– Тихо, на Андре не наезжай, он парень правильный. Лучше на ещё мензурку, выпей. До дна, до дна… И грибочек сверху. Вот, видишь, легче стало…

– Ик. Ик, бля! Почему они не возвращаются?

– Вернутся, обязательно. Нужно подождать.

– А если они уже все мертвы? Если там мир с ядовитой атмосферой? Как первый, в который провалился Андре, помнишь?

– Каннингем, я ненавижу твою фотографическую память. Помню, помню. Ещё спирту? Или закурим?

– Ты знаешь, я не курю… Хотя, подавись ты генотипом, давай. Уже всё равно. Лёгкие заменим…

– Умница. Покури пока, а я с ребятами свяжусь, может, новости есть…

– Матиаш, кха, как ты куришь эту гадость? Это же невыносимо…

– Зато без всяких примесей, чистый табак. Сам выращиваю. На крыше. Лучше уж он, чем то, что продают в маркетах…

– Идиот, тут же канцерогены! И…

– Кажется, есть…

– Конечно, есть! Надо курить рекомбинированный табак с модифицированными генами!

– Заткнись. Есть информация. Кажется, Дрезина вернулся…

– Не может быть… Срочно, машину!

– Уймись, скотина пьяная. Вертолёт я уже заказал. Будем там через пятнадцать минут. Подъём, бля!

Когда-то давно Андреас был мелким сетевым хулиганом. После очередного витка эпидемии гриппа стал сиротой. Связался с бандами. Задолжал. Был избит и «поставлен на счётчик». Потом вытащил, как казалось, счастливую карту в виде лабораторий Каннингема, и начал учиться.

Сейчас Гнейес уже не считал, что ему повезло. Везение и невезение в таких делах, как квантовые порталы и путешествия между мирами, были категориями неприменимыми – если ты шагнул в «дырку», и прошёл в другую Вселенную, тебе уже повезло. Изначально. Правильная комбинация неслучайных случайностей, генов, нанов, и ещё чёрт его знает чего привела тебя к двери, а дальше простите, уже сам. «Один, бля. Без ансамбля… – повторил Андре присказку из армейского прошлого доктора Грея, и попытался улыбнуться. Получилось хреново. – Кажется, день не задался…»

– Дрезина! Дрезина! – очкастый биолог продрался через подлесок, и, сжимая в руках голокамеру, прыжками понёсся по поляне к палатке, где полулежал Андре. – Смотри, какой роскошный зверь! Явно млекопитающий, но покрыт чешуёй и размером с автомобиль! Это не глиптодонт, но очень похож! Травоядный…

– Витольд… – Андре закашлялся, и головная боль накатила с невыносимой силой. Казалось, в череп залили расплавленный свинец, и он перекатывается внутри, выжигая мозг. – Где остальные?

– Не знаю, – отмахнулся биолог, кладя камеру перед палаткой, и запуская воспроизведение. Через пару секунд он уже копошился в тюках со снаряжением, бормоча: «где же был пробоотборник? Я же помню, что его клали сюда!»

«И вот нахрена мне твои глиптодонты, маньяк ты юрско-кембрийский? – тоскливо подумал Гнейес, наблюдая, как голографический зверь жрёт кустарники, довольно топорща чешую, и откладывает дымящуюся кучу навоза. – Мне бы тут не сдохнуть… Господь вседержитель, как же голова болит-то… Тошнит, температура высокая… Нет, непорядок…»

– Доктор когда вернётся? – Андре достал фляжку с водой, и жадно выпил треть. Это сожрало весь его запас сил, и он откинулся на своей лежанке. – Он же обещал…

– Не знаю… Вот, нашёл! – Витольд потряс в воздухе дистанционным пробоотборником-микрокоптером. Приборчик недовольно пискнул пультом управления. – Доктор у разведчиков, что-то они там нашли такое… Мне до лампочки. Но какая тут фауна, мама дорогая! Вымершие виды, неизвестные науке! Словно в голофильм попал…

«Смотри, в желудок не попади к своему «фильму», – подумал Гнейес, прикрывая глаза. Вокруг полянки, в центре которой высилась груда ящиков, уложенных вокруг портала, в джунглях царила мелкая животная и гигантская растительная жизнь. Вопли, свист и крики мелких ящериц и чего-то вроде крыс, рёв крупных динозавров вдалеке, жужжание крупных ярких насекомых… Треск зарослей, гулкие капли воды по широким листьям…

Для городского жителя, природу видевшего только в фильмах и в зоопарке, Андреас справлялся неплохо: научился не дёргаться от каждого шороха, не ломиться по кустам, как медведь с поносом, отводить ветви в сторону при ходьбе, и держать под рукой впрыскиватель с антидотом. Если бы не внезапная болезнь, накатившая после перехода, он бы сейчас, скорее всего, шагал с разведчиками к северному нагорью, где были замечены с беспилотника какие-то странные металлические конструкции… Увы, через несколько минут после того, как портал закрылся, научный сотрудник Дрезина свалился в судорогах, и потом долго ещё радовал доктора скачками температуры, обильным потоотделением, тошнотой и рвотой… Сейчас вроде стало полегче, но слабость, накатывавшая волнами, адская головная боль, которую снимали только наркотики, и тошнота всё ещё оставались.

Док на прямые вопросы не отвечал, отделываясь общими словами. Разводил руками, и рылся в файлах и результатах анализа, но Андре подозревал, что дело тут совсем не в местных микробах. Он вспомнил, как по мановению его рук, театрально распахнутых перед Точкой Двести Пять, белёсый круг диаметром больше двух метров засветился насыщенным белым сиянием, басовито загудел, и «распахнулся». Гнейес не мог пока подобрать иного слова, правильно описывающего тот процесс, что он наблюдал – когда его сознание зацепило краешек чего-то туго свёрнутого где-то на границах самих основ вселенной, и потянуло на себя огромное полотнище, изукрашенной блёстками звёзд… Потом он видел обрывистые нити, расходящиеся кругом от точек, и танцевал по ним, как по струнам, выбирая, подбирая, и так и не делая выбора – пока одна светлая искра не кольнула его странным узнаванием, и желанием увидеть, что там. В этот момент свернулись все плоскости, образуя зеркальный тоннель, изгибающийся в совершенно невероятных направлениях и измерениях. Путь открылся.

В диск, к которому спешно пристроили пандус, влез тягач, тянущий кабель оптоволокна, а за ним полезли автотележки с

грузом. Спецгруппа разведки и силовой поддержки с оружием наизготовку попарно сопровождали платформы со снаряжением. Научная группа шла последней, а замыкающим – Андре.

Пока люди шли в зеркало портала, он всё так же стоял, разведя руки, и боялся вздохнуть. А где-то внутри, за глазами, зрела тягучая свинцовая боль небывалой мигрени. Когда последние люди входили в диск, ему внезапно захотелось свести руки, и тихо сесть на землю – так накатила усталость… С трудом сделав несколько шагов к пандусу, он почти упал в «дыру». Охранявшие переход солдаты подхватили его под руки, и помогли сделать последний шаг.

Вот тут-то его и «торкнуло».

«Творец всеблагой, в душу тебя, как же я себя ненавижу-то… Новый мир, а „открывающий двери“ валяется копытами вверх, и готов их отбросить. – Гнейес тоскливо вздохнул, меняя позу. Боль одарила его щедрой волной. – Твою мать… Интересно другое – не наны ли тому виной? Больно уж странно всё. Поражение головного мозга, вирусной и бактериальной активности нет, но и болезнь не развивается. Опухолей и прочей дряни не обнаружено, ядов тоже… Остаётся два варианта – наны, или переутомление. Или оба сразу».

Зашипела коммуникационная станция, лежавшая рядом с Андре. Он неловко зацепил гарнитуру, и коснулся сенсора. Сквозь помехи и пульсирующий шум пробился голос командира спецгруппы, которая уже возвращалась в лагерь вместе с доктором. Короткий доклад Гнейес занёс в журнал, и снова улёгся.

– Если мне не станет легче, нужно будет объявлять эвакуацию, – произнёс он вслух, облизав сухие губы. – Или мы тут надолго застрянем…

Когда из портала выехали первые платформы, группа прикрытия немедленно оповестила Лаборатории. Каннингем, полторы недели до этого не слезавший с канала связи, не отзывался, и сигнал перевели на Грея. Когда вертолёт прибыл к заброшенным угольным шахтам, там уже развернулась бурная деятельность – спецназ занял двойную линию обороны, от внутренней и внешних угроз, беря прилегающую территорию в колючее кольцо, медики разворачивали первичный карантинный блок и наборы первой помощи, немногочисленные учёные сидели в кунге и следили за регистраторами, направленными на портал, из которого выезжали платформы с грузом и людьми.

Андре через портал внесли два дюжих спецназовца. Каннингем моментально протрезвел, и побежал к обмякшему на руках бойцов Дрезине, наплевав на карантин и условности.

– Это становится традицией, не находишь? – Герних, дыша перегаром, вколол Андре порцию стимулятора, и подключил систему с изотоническим раствором к катетеру. – Ты всегда возвращаешься в таком состоянии, что проще сразу к патологоанатому отправлять…

Грей, сидящий рядом с пилотом, обернулся:

– Эй, парень! Ты, главное, возвращайся… – прокричал он сквозь гул разогревающихся турбин. – А мы уж тебя подлатаем.

– Я всегда возвращаюсь… – прошептал Андре непослушными губами.

– У меня до сих пор дрожат руки, представляешь, Матиаш?

– Представляю. Сам изнервничался весь.

– Нет, друг, ты не представляешь! Истощение организма, воспаление мозговых оболочек… И он терпел это неделю!

– Андре? Да, парень молодец…

– Нет, он не молодец. Он – идиот! Нужно было возвращаться сразу же, как только он заболел! А если такое случилось с другими группами…

– То нужно понять, в чём проблема. В чём дело, Герних? Почему Дрезина чуть не помер, а?

– Исследовательский отдел копается в нанах. Воспаление вызвано ими, а вот истощение… Тут какая-то загадка. Все остальные участники экспедиции здоровы, кроме этого непоседы-зоолога, которому откусили руку.

– Да, я вижу это в журнале. Вот идиот – полез считать зубы местному динозавру, или кому там…

– Нет, тут что-то ещё. Почему сотрудники опытного отдела только видят порталы? Почему этот молодой человек и ещё трое могут их открывать?

– Каннингем, успокойся. Ну, что может быть общего, в самом деле, между этой четвёркой? Они из разных городов…

– Общего у них только то, что они – люди. Хм. Люди-человеки… А что общее у всех людей, и одновременно – различное?

– Мозги?

– Нет. Гены. Дело в геноме.

– Но это не объясняет, почему Андре свалился с горячкой и истощением.

– А мы, Матиаш, знаем, как работают порталы? Нет. Не

знаем. Но что-то мне подсказывает, что им нужен источник энергии…

– Да, действительно… Герних, но в прошлый раз…

– Он вернулся с аммиачным отравлением и прочими симптомами, которые банально скрыли истощение. А потом был регенератор. Нужно отправлять с каждой группой полевую версию. Иначе мы потеряем всех проводников.

– Верно. Я распоряжусь.

– Матиаш, ты представляешь, что мы сейчас делаем?

– Работаем. А что?

– Нет, друг мой. Мы расширяем нашу вселенную. Когда-нибудь все миры объединятся в единую сеть… Мы решим проблему перенаселения, болезней, голода, смерти, и человечество вступит в Золотой Век!

– Ну-ну. Что-то мне подсказывает, что человечество ступит разве что на старые добрые грабли… Но – ладно. Надо работать.

Глава 23

Они сидели вдвоём на маленькой грязной кухоньке, располагавшейся прямо над гаражом. Внизу, в обширном помещении стояли несколько разобранных флиттеров, приснопамятный скиммер, на котором Спенсер и Гриффин покинули поле боя, и грузовой глайдер, разрисованный рекламой фирмы по доставке кормов для домашних животных. Судя по размеру грузовика, корма предполагалось возить для стада слонов средних размеров. Шаткая металлическая лесенка в дальнем углу ангара вела в кухню, за которой находились хитро встроенные в перекрытия здания спальные места-пеналы с металлическими крышками, напомнившими Спенсеру люки торпедных аппаратов на паровом эсминце в одной отдалённой Параллели. Голая функциональность, надёжность и простота конструкции.

Гриффин вышел из двери на другой стороне кухни, брезгливо отряхивая вымытые руки.

– Что за место… В душе – грибок, к унитазу прикасаться страшно, и сушка не работает! – пробурчал он, устраиваясь на шатком стуле.

– И полотенец нет… – в тон ему угрюмо заметил Спенсер, гадая, что сильнее бесит дока – отсутствие комфорта, или недостаток необходимого.

– Проблема не в том, что их нет, мой дорогой косорукий друг, а в том, что они скоро заживут собственной насыщенной жизнью.

Снизу, из-под лестницы, громыхнуло металлом. «Наверное, это наша негостеприимная хозяйка вернулась, – подумал Спенс, прислушиваясь к шагам. – Интересно, кто это с ней?»

Женщина, сменившая обтягивающий чёрный комбинезон на просторные серые штаны, кожаную куртку, оттопыривавшуюся подмышкой, поднялась по лестнице, и окинула кухню взглядом, словно фиксируя в прицеле своих гостей. Кивнув, она направилась в один из пеналов-спален, заваленный коробками.

– Какие люди! – жизнерадостно улыбающийся Бо Ваняски был не самым желанным зрелищем в данной ситуации, как считал Спенсер. Судя по взгляду Гриффина, Льюис считал примерно так же, но их мнения никто не спрашивал. – Как жизнь, как дела, как сходили на дело? Слыхал, случилось много шухера…

Гриффин поморщился.

– Шухера-мухера… У некоторых агентов руки напрямую подсоединены к мускулюс глютеус максимус, а в этих случаях

даже самая продвинутая медицина бессильна, – кисло заметил он, посматривая на Спенсера.

Агент выдержал паузу, и кивнул. Ему хотелось придушить и доктора, и Бо, и ещё раз, но лично, прикончить дознавателя, но внешне это проявилось только в слегка раздувшихся ноздрях и сжавшихся губах.

– Если бы не наша прекраснейшая спасительница, – изящным взмахом руки он указал на появившуюся с коробкой в руках женщину, – мы бы не имели возможности беседовать в этом достойном месте…

– Меня зовут Мишель, – отрывисто ответила она, поставив коробку на длинный исцарапанный стол, и швырнув перед гостями по серебристому пакету, напоминавшему армейский паёк. – Вам помощь нужна?

– Нет, – ответил Гриффин, осторожно отодвигая в сторону надувшуюся горячим пластиком упаковку.

– Разве похожи мы на людей, которым необходима помощь? – добавил Спенсер, внимательно рассматривая Мишель, опёршуюся спиной на пластиковую стену, отделявшую кухню от ангара, и увешанную плакатами местных музыкальных групп, банд и прочих ансамблей.

– Вообще-то похожи, – Бо уверенно взял третий стул, и развалился на нём. – Особенно после вчерашнего.

С мелким воришкой за время пребывания на Каддифа-прайм произошли разительные перемены. Для Спенсера они были заметны меньше, для Гриффина – намного больше, доктор знал Ваняски не первый день, и сразу отметил уверенность и некоторую вальяжность, появившиеся в поведении Бо.

«Такое ощущение, что он попал в то место, где ему нравится, и он чувствует себя необходимым, – подумал Льюис, тыкая в упаковку пайка пальцем. Есть не хотелось, но нужно было хоть как-то поддержать организм относительно свежей порцией белков и углеводов. – С ним всё правильно. Следовательно…»

Мишель угрюмо взглянула на них, и резким движением поправила чёлку.

– Так вот, – продолжил Бо, улыбаясь, – я тут нашёл пару местечек, ну, вы понимаете… Где можно встретиться с нужными людьми, перетереть там, договориться… Ну, и договорился.

Спенсер и Гриффин переглянулись, правильно истолковав слова их спутника.

Оба доктора были осведомлены о так называемой «теневой экономике» Сети – один по долгу службы, другой потому, что достаточно долго скрывался и бежал. И они знали, что, несмотря на все усилия сил охраны порядка планетарных правительств

и Корпорации, преступность искоренить не удавалось нигде и никогда. Скорее, наоборот. Доступ к Сети открывал не только новые пути для бизнеса относительно честного, но и для дел сомнительной законности.

Обычные для всех миров грабёж, разбой, убийства, торговля наркотиками, проституция и мошенничество никуда не исчезали, но дополнялись кражей, куплей и перепродажей новых технологий, контрабандой современного вооружения и систем защиты, подделкой регистрационных документов пребывания, подпольной разборкой людей на органы и торговлей ими… И уж совсем экзотические услуги тоже стоило упомянуть, такие как псионический контроль сознания, подделку и замену воспоминаний, стирание памяти и личности. Наконец, незарегистрированные или значившиеся «нестабильными» либо «бесперспективными» порталы и люди, их обслуживающие…

Консорциум набрал свои обороты давно, прочно и с неукротимостью спущенного с вершины горы камня.

Спенсеру внезапно подумалось, что, возможно, мир совсем не таков, каким он ему казался. «Может быть, сеть порталов Корпорации сравнима с сетью Консорциума. Может быть, последняя даже более разветвлена… Если это так… – думал бывший агент, и его настроение, пребывавшее в глубоком пике после вчерашнего фиаско, немного улучшилось. – У нас есть способ решения проблемы контроля перемещений!»

Гриффин, вспомнив свой опыт общения с представителями «теневой экономики», тоже осознавал возможности, открывающиеся при контакте с Консорциумом. Но он ещё и понимал, что за подобного рода услуги необходимо платить, и иногда – слишком дорого. «Ладно я. Врач, он и в глухих дебрях врач, без работы не останусь… – Льюис хмыкнул, когда пластик пайка с треском лопнул, распространяя запах белково-концентратных котлет и овощного пюре неизвестного происхождения. – А вот агенту придётся тяжеловато…»

– Вы жрать будете? – хрипло спросила Мишель, постукивая по пластику стены. – Тут не ресторан, разносолов не будет.

Глава 24

Льюис стоял на пристани, сунув руки в карманы и разглядывая звёздное небо над головой. Он насвистывал какую-то мелодию, безбожно фальшивя и сбиваясь, покуда Спенсер продолжал чертыхаться и орошать пространство вариантами адских мук, грозящих Бо Ваняски. Доктор философии сидел на перевёрнутой лодке, бросал вдаль песок и мелкие камешки, то и дело встряхивая головой, словно лев своей гривой.

– Ну чего ты орёшь? – флегматично осведомился Гриффин. – Вполне себе неплохое местечко, система анклавов и поселений, границы чётко определены. Зато можно выбирать всё, что душе угодно, – продолжал он, устремив взгляд в ночной бархат небес. – Вот ты когда-нибудь наркоманом быть хотел? – с интересом спросил он у Спенсера. Тот настолько обалдел от вопроса, что даже перестал швыряться песком в темноту пляжа.

– Не особенно, – процедил он сквозь зубы. – А ты думаешь попробовать?

Гриффин неопределённо пожал плечами.

– Нет, наверное, – ответил Льюис. – Хотя тут явно бы было интересно окончить жизнь подобным образом. В конце концов, здесь это разрешено. Хочешь бухать – бухай. Выбирай открытый для этого анклав, и понеслась. Алкоголь, наркотики, содомия, извращения с детишками, проституция там. Делай, что угодно, только в строго определённой зоне. И старайся границ её не пересекать. Безграничная же лафа, если подумать.

– Ну и на хрена такая лафа? – мрачно вопросил Спенсер, угрюмо глядя вперёд. – Как они нам сказали? «А что вы делать умеете?» тоже мне, блин, судьи.

– Лафа-хуефа, судьи…

– Не продолжай, – рыкнул Спенсер. – Достал уже со своими рифмовками. Делать-то что будем? Ваняски хорошо, он там остался в своей тарелке. Местный божок мафиозной структуры. А как подобрался, как перья распушил!

Бывший агент разразился долгой проникновенной речью с нелицеприятными эпитетами в адрес рыжего Бо, предпочетшего своим временным соратникам место управляющего теневой группировки в покинутом ими мире. Льюис не слушал напарника. Он всматривался в узоры звёзд и начинавших наползать с запада лёгких перистых облачков, грозящих затянуть всю эту тёмную красоту безликими волнами пелены.

– А действительно, Спенсер, – неожиданно хлопнул он в ладоши, – что ты умеешь-то? Кроме того, чтобы выслеживать по

следам предателей Корпорации и стирать их новомодными гаджетами в пыль и прах. У тебя во временном пропуске, вроде бы, стояли какие-то отметки? Куда изволите отправиться с ними, великий белый господин?

Доктор Спенсер замычал что-то нечленораздельное, порылся в карманах и извлёк скомканный пропуск на территорию нейтральной зоны, располагающейся на побережье, куда их вывел нелегальный портал от Консорциума, стоивший агенту половины имеющихся накоплений на различных безликих счетах.

Сам по себе анклав таковым, по сути, не являлся, а служил лишь буферной, или перевалочной, зоной между пунктами назначения. Но, в отличие от остальных зон, здесь был только один закон: запрещалось всё. Какие бы ни были права у граждан государств или стран на этом клочке суши, но в пограничных зонах перехода они должны были оставаться не более трёх суток местного времени, стараться не дышать, не пердеть и даже не показываться на глаза. Предполагалось, что прибывшие быстренько свалят по своим делам, выберут себе конечную точку для дальнейшей жизни и не оставят о себе плохой памяти.

Спенсер кое-как прочёл в неверном свете местной луны корявую запись о том, к чему его можно было приложить в данном мире и сокрушённо покачал головой.

– А у тебя что стоит? – убито вопросил он у Гриффина, скрипнув зубами и уже предполагая реакцию Льюиса на свою запись. – Местный падишах, поди.

Гриффин картинно порылся в карманах, выловил аккуратно сложенный пропуск и продекламировал для Спенсера:

– Пометка об особом назначении и допуске в любой анклав и зону, включая закрытые и малочисленные населённые пункты. Особо рекомендуется для поселения в зоне с нехваткой специалистов в области медицины, вирусологии, биогенетики, химии, агропромышленности, экономики и…

– Заткнись, – глухо буркнул Спенсер. Льюис послушно замолчал, всем своим видом показывая, что был бы весьма не против узнать о рекомендациях своего напарника.

– Разнорабочий с перспективой к силовым заданиям, – неохотно признался тот.

– И? – не отказав себе в удовольствии сладко протянуть слова, спросил Гриффин. – И это всё? Ты можешь быть копателем? Грузчиком? Вышибалой?

Спенсер до хруста сжал кулаки, чувствуя, как в висках начинает пульсировать кровь от нарастающего бешенства и плохо контролируемой ярости.

– Да ладно тебе, успокойся ты, – успокаивающе сказал

Гриффин, – оформлю тебя моим помощником, – мстительно добавил он. – Будешь воду таскать, пока я роды принимаю у очередной мамаши-наркоманки, или осматривать парочки однополых влюблённых, ну или можешь пациента подержать, если мы в религиозную общину попадём, где они отказываются от любых лекарств.

Спенсер глубоко вздохнул и встал с перевёрнутой лодки. Он прошёлся из стороны в сторону, поковырялся в карманах своей потрёпанной одежды и извлёк оттуда дорогой портсигар со знаком Корпорации, украшенным драгоценными камнями и инкрустированным тонкими золотыми полосками.

– Ну, пошли тогда хоть пожрать купим, что ли, – мотнул он головой в сторону мерцающих вдалеке огоньков прибрежной зоны.

– А у тебя деньги есть? – оживился Гриффин.

– Деньги будут, – Спенсер подкинул на ладони и поймал свой портсигар. – Много за него не дадут, но хоть что-то выручим.

Бывший агент отряхнул штанины от налипшего песка и сухих водорослей, и медленно побрёл по песку к фонарикам, отделявшим тёмную прибрежную полосу пляжа от белеющих в темноте строений и булыжной мостовой. «Интересно. Люди в исследованных мирах способны приспособиться к чему угодно. А уж системы социальных взаимодействий, которые они создают, способны вогнать в ступор даже самого неортодоксального специалиста по этике… – мимолётно подумал он, слушая шелест песка под подошвами ботинок доктора, и шорох прибоя. Многолетняя привычка находить отдушину в подобного рода измышлениях принесла Спенсеру не только странноватый, даже по меркам Корпорации, титул доктора философии, но и осознание того, что всё в мире тленно. Особенно подобного рода мысли. – Да и хрен с ними, если разобраться. Если система живёт, значит, она устойчива. Посмотрим, за что можно зацепиться. Агент я, или хрен собачий?»

Гриффин хмыкнул, и Спенсер понял, что произнёс последнюю фразу вслух, задумавшись.

Но Льюис неожиданно не стал продолжать пикировку, только буркнул что-то себе под нос.

Поднявшись по широкой дорожке, вымощенной плитами из дикого камня с вырезанными на каждой барельефами из жизни аборигенов – острый глаз агента, усиленный пассивными нанами ночного видения, рассмотрел там сцены жертвоприношений, оргий, мирного труда, сражений и постельных утех – они с Гриффином оказались на открытой всем ветрам площади. Заросли кустарника, подстриженные в геометрическом стиле,

ограничивали многометровое пространство, мощёное брусчаткой, и окружавшие площадь строения. Молочно-белый камень зданий, казалось, мягко светился в рассеянном свете электрических фонариков, располагавшихся в тщательно продуманном, как показалось Спенсеру, беспорядке.

От площади во все стороны света отходили изгибающиеся улицы, обозначенные высокими арками с высеченными надписями и орнаментами. Несмотря на позднее время, на брусчатке были расставлены лотки, палатки и навесы, над которыми вились разноцветные светлячки.

– Рынок? Ночью? В пограничной зоне? – удивился Спенсер, приглядываясь к неспешно прогуливающимся по площади людям и неожиданно тихим «торговцам», сидящим или стоящим у своих мест.

– А почему нет? – Гриффин пожал плечами, и указал на ближайшую палатку, украшенную психоделическими узорами и изображением безошибочно узнаваемого листа конопли. – Только вот кажется, что продают и покупают тут совсем не товар.

– А что же? – удивлённый агент сделал нарочито глупый вид, чтобы вызвать своего спутника на откровенность, что и незамедлительно получил.

– Людей, – доктор хихикнул, ткнув пальцем в лоток с вырезанными на дереве сценами насилия и пыток. – Спокойно, мой друг, тебя я продавать не буду, ты мне ещё пригодишься, инструменты таскать и анестезию ставить.

Спенсер зашипел в ответ, оскалившись.

– Ты же у нас философ и политолог? Вот и анализируй, пока не поздно… – Гриффин довольно поклонился изукрашенной браслетами и нашейными кольцами дородной даме, завёрнутой в тёмную ткань. – Анклавы предлагают людям выбор.

Агент, молча проглотив обиду, посмотрел на ночную площадь с другой точки зрения, и понял, что его спутник был прав.

«Не знаю, сколько анклавов здесь есть, но, судя по числу торговых мест, очень много. Десятки и десятки, – Спенсер наблюдал, как люди подходят и изучают предлагаемые им картины жизни того или иного анклава, и иногда получают от представителя кольцо, браслет или карточку, после чего направляются в высокое для здешних мест трёхэтажное здание в дальнем конце площади. – Кольцо, скорее всего, временный гостевой пропуск. Браслет, вероятно, означает более долгий срок пребывания. Карточки… Хм. Интересно». Тут он сопоставил татуировки и шрамы на телах некоторых представителей, и понял, как именно означается постоянная принадлежность к

анклаву.

Всё происходило в какой-то небывалой, почти невозможной тишине – лёгкие шаги по камню, шелест одеяний и скрип кожи, изредка – бряцание металла. Дуновение ветерка. Тонкий аромат соли, песка и каких-то цветов, сладковатых и душистых. Почти без слов. Почти без лишних движений. Словно исполняя некий устоявшийся ритуал, люди перемещались, уходили, стекаясь с узких улочек…

Гриффин и Спенсер прогуливались вместе со всеми. Сначала они заглянули в «наркоманскую палатку», как обозвал её агент. Там их встретил удолбаный по самое не могу светлокожий детина в меховом жилете и набедренной повязке, вертевший косячки из одуряюще пахнущей травы. Тряся многочисленными мелкими косичками, нарк сноровисто скручивал листья в аккуратные самокрутки, и скреплял их тонкими металлическими колечками, напевая что-то протяжно-гортанное. Кроме стола с наспех сделанными голограммами, сундука, пары коробок и плетёного кресла, под натянутой тканью не было ничего.

– Уважаемый, не подскажете ли, где можно совершить небольшой взаимовыгодный обмен? – Спенсер помахал своим портсигаром перед носом «представителя анклава Меска», как гласила разноцветная надпись на картонке у входа, но особой реакции не дождался.

– А как можно к вам присоединиться? – подал голос Гриффин, внимательно изучая самокрутку и пробуя листочек языком. – Хотя бы на время…

Представитель, не прекращая напевать свой заунывный мотив, раскурил свой косячок, и ткнул грязноватым пальцем в сундук, шлёпнув другой ладонью по ляжке.

– Ага, понятно, спасибо, – доктор переглянулся со Спенсером, и они заглянули внутрь.

Догадка подтвердилась. Кольца, браслеты и карточки с изображением листа конопли были перемешаны с подозрительными пакетиками и коробочками, источавшими различные ароматы растительного, животного и химического происхождения.

Следующий стенд, собранный из металлических трубок и обтянутый полупрозрачной плёнкой, повествовал в красках и голограммах о преимуществах жизни анклава «Анкер-Мазох». Обтянутые кожей тела, плётки, цепи, крючки, загнанные в неожиданные места… Гриффин хмыкал, оценивая фантазию и знания анатомии авторов голографий, а Спенсер слегка сбледнул с лица. Не потому, что он боялся садистов или мазохистов, отнюдь. Стоявший слегка в стороне кроваво-красный деревянный

павильончик, привлёкший его внимание, оказался представительством анклава каннибалов. «Папуа-Нахо»… Выставленные голо были очень крупного размера, и вызывали стойкое отвращение…

– Нет, Льюис, туда мы точно не пойдём, – произнёс сдавленным голосом бывший агент. – Может, прогуляемся в другую сторону? Там, кажется, продавали выпивку…

– А что, очень неплохие разрезы… – отметил Гриффин, вглядываясь в объёмные картины. – Шучу, шучу. Только там не продают, это анклав «Колдырия» представляет свои продукты. Алкоголики…

Потом были представительства фермерской общины религиозной направленности «Хрю-хрю», милитаристского сообщества «Кхорн и компания», анклава кузнецов «Тяжёлый молот», организации гомосексуалов «Заднее крыльцо» и ринг «Бойцового Клуба». В полном молчании два тяжеловеса месили друг друга пудовыми кулаками, падая в пыль, и поднимаясь. Приглянувшееся агенту заведение в строгих серых тонах открыло ему тайную суть девичьей любви «Правые Уши», а стоящая рядом палатка «Тру Фем» познакомила не только со смесью каких-то революционных лозунгов и агит-плакатов в красных тонах, но и с бойкой маленькой девушкой, пытавшейся врезать подошедшему мужчине в челюсть и тем самым доказать своё равенство с ним.

Спенсер к тому моменту умудрился обменять у кузнецов свой портсигар на местные серебряные монеты, напоминавшие по форме слёзы, и теперь присматривался к окружавшим площадь зданиям, ища что-нибудь вроде таверны или ещё какой едальни…

– Ещё не определились, доктор? – раздалось из-за их спин, когда Гриффин и Спенсер придирчиво изучали брошюры «Общества Сияющего Света» у изукрашенного изображениями солнца лоточка, за которым неподвижно сидел улыбающийся представитель. Кажется, он спал с открытыми глазами.

Обернувшись, они обнаружили троицу хмурых заросших мужиков с короткими дубинками в руках и тем самым выражением широких лиц, которое непременно отличает представителей власти в любом мире. Смесь пренебрежения к окружающим и осознания собственной важности на физиономиях, не испорченных интеллектом, смотрелась необычно. Освежающе, можно сказать.

– Собственно, пока присматриваемся… – протянул Спенсер, изучая сотрудников местных полицейских сил, или их аналога. Татуировки в виде полосатого жезла на лбу, тяжёлые челюсти, и пальцы-сосиски, усаженные шипастыми кольцами, не добавляли шарма.

– Заткнись, быдло, – рыкнул один из полицейских, – не с тобой говорят.

– Доктор, анклав «Боро-боро» нуждается в смелом и ловком враче, у них очередная эпидемия кислотного задницееда, – на удивление вежливо продолжил его собрат, жезл на лбу которого был особенно крупным. – И общество «Истинного Креста» тоже искало специалиста по колотым ранам, как и «Медовая полянка». У этих вечно проблемы с, э-э-э, женской частью. Ну, потёртости, разрывы и прочие неприятности. Вы бы определились…

– Или можете остаться в транзитной зоне, наш доктор недавно ушёл, – прогудел дотоле молчавший громила, пожёвывая свою дубинку. – А без доктора нельзя…

– Мне очень… лестно слышать такие слова, – Гриффин напряг всю свою дипломатичность, которой пользовался ужасающе редко. – А куда делся ваш прежний врач? Умер?

Спенсер скрыл издевательскую улыбку, сделав вид, что рассматривает булыжники, и подумал: «Или с ума съехал, что немудрено в этом идиотском мире».

– Нет, улетел, – полицейский вздохнул. – Утром третьего дня собрал вещи, и ушёл в космопорт. Устроился на космический мусоровоз.

– А-а, – промычал Гриффин. – Понятно. Синдром путешествующего садового гномика, знаю, да. Случается у медицинских работников… А где тут поесть можно, уважаемые? Уж не в космопорту ли?

– Можно и в нём, только там невкусно. А можно и неподалёку, у перехода в анклав рыбаков… – правоохранитель взмахнул дубинкой в сторону. – Для вас бесплатно.

– Спасибо! – Гриффин кивнул Спенсеру, и направился в указанном направлении, кивнув отодвинувшимся с его пути громилам.

Глава 25

Космопорт был оцеплен. Судя по собравшимся вдоль периметра людям, это не было здесь рядовым явлением. Несколько высоких мужчин в форме работников разгрузочной зоны басовито переговаривались друг с другом, щедро сдабривая диалог нецензурными словами и сленговыми выражениями.

– Да там, едрить в корень, типа культисты какие-то, вроде, гондон им на голову, – отмахивался один из них. – Что-то, вроде бы, случилось с одним из них, чтобы его порвало надвое.

– И что, блин, мы теперь тут до утра будем стоять? – вознегодовал второй, помладше и понапористей своего приятеля. – У меня смена идёт, блин, пока они там свои практики практикуют.

– Да тебе-то что, ядри тебя в корень? – пробасил первый. – Смена-то идёт.

Он громко засмеялся, хлопая младшего соратника по плечу. Тот неодобрительно посмотрел на старшего товарища и, скроив на лице осуждающую мину, отошёл чуть в сторону.

Внезапно где-то совсем рядом раздался душераздирающий женский крик, прокатившийся над собравшейся толпой. Многие тут же осенили себя различными знаками защиты, принятыми в их анклавах, а прочие поспешили разойтись восвояси, дабы не притягивать зло. С несколькими анклавами религиозных или культистских практик никто не желал связываться добровольно, за исключением адептов самого представительства той или иной веры.

А то вот так вот перешагнёшь через кучу мусора, и не узнаешь, за что тебя потом казнили. А то не куча была, а инсталляция в честь очередного великого Разложателя, Размножателя или ещё какого – зажателя. На территории таких анклавов и срать-то садиться надо было только при свидетелях, если уж заносило народ на такие земли. Чтобы не меньше трёх сопровождающих знали, видели и одобряли деяние твоё. И чтобы не было потом обвинений в осквернении очередного кургана святого Потрошителя или просветлённого сына Ямовыгребущего.

Крик прокатился снова. Теперь он сопровождался приглушёнными стонами и всхлипами, постепенно затихающими вместе с эхом над огороженной площадкой пятого и шестого разгрузочного сектора. Спенсер и Гриффин как раз подходили к этой территории, чтобы пропустить по стаканчику чего-то спиртосодержащего и подумать о дальнейших передвижениях в этом мире. Льюис всю дорогу размышлял, куда бы ему можно

было приткнуться со своими навыками, как бы скрыть от новых работодателей инвентарь с маркировкой Корпорации, который он временно складировал в хранилище для новоприбывших, и как бы получше пристроить рядом Спенсера.

Доктор философии мрачно пинал мелкие камешки, шествуя рядом с размышляющим вслух спутником, и думал о своём, не желая делиться этим со своим напарником.

Когда до Гриффина долетел первый крик женщины, он сбился с шага, озираясь по сторонам. Во второй раз он уже целенаправленно начал проталкиваться через толпу в зону отчуждения, работая локтями и коленями для расчистки дороги.

– Какой анклав? – преградил ему дорогу охранник со значком в виде огненного черепа на груди. Гриффин смерил его взглядом с головы до ног, сплюнул перед собой и просто попытался пройти мимо.

– Документы покажи, – присоединился к своему коллеге второй охранник с таким же знаком на форменной куртке. Льюис почти физически слышал, как его покрывает матом следующий за ним Спенсер.

– Вы хотите, чтобы она умерла? – осведомился Гриффин, прожигая охрану взглядом потемневших синих глаз. – У женщины явно проблемы, а я могу помочь, я врач.

– И из какого же ты анклава, врач? – иронически осведомился первый охранник, демонстративно положив руку на кобуру с оружием на поясе.

– Из нашего, из братьев он, – прогундосил кто-то позади охраны. Парни мигом расступились, отпрыгивая друг от друга, словно ударенные током. Из-за их спин показался невысокий щуплый мужичок с жидкой бородкой и прилизанными светлыми волосами. Его огромные, напоминающие жука, чёрные глаза пристально и въедливо осматривали стоящего перед ним Гриффина.

– МакФэрелл… – кривясь, как от зубной боли, протянул Льюис, узнав подошедшего мужчину.

– Гриффин-хуифин, – обнажил он в улыбке мелкие жёлтые зубы. – Вот уж не думал, что ты куда-то сдриснешь со своей помойной кучи.

Льюис только зубы стиснул посильнее, да сжал кулаки, предусмотрительно сунув перед этим руки в карманы.

– Миры тесные, – процедил он сквозь зубы.

– Кто там орёт-то? – ровным и спокойным голосом поинтересовался подошедший Спенсер, картинно отряхивая брюки и рубашку от пыли. МакФэрел перевёл на него взгляд неестественно выпуклых глаз, некоторое время изучал Спенсера,

а потом ответил:

– Моя дочь. Она рожает нам прядильщика судеб.

Спенсер и Гриффин переглянулись. Бывший агент посмотрел на Льюиса со смесью интереса и иронии.

– Твой старый знакомый, док? – кивнул он на МакФэрела. – Дружишь со святыми братьями?

– Это Адам МакФэрел, бывший доктор той самой клиники, в которой ты меня нашёл, – пожал плечами Гриффин, старательно делая вид, что потерял интерес к происходящему. В тот же момент над замершими секциями космопорта снова разнёсся душераздирающий крик женщины. Льюис стиснул зубы, отворачиваясь, чтобы уйти прочь.

– Тут и без меня докторов достаточно, – обронил он, отвечая на вопросительный взгляд Спенсера. – Да и мало ли, кого она там родит…

Мак Фэрел, тем временем, связался с кем-то по переговорному устройству. От его былой нахальности и самоуверенности не осталось и следа. Лицо бывшего врача вытянулось, приобретая бледный вид, огромные глаза потускнели, а бескровные губы задрожали, кривясь от натуги.

– Гриффин! – окликнул он уходящего Льюиса. – Гриффин, подожди! Мне нужна твоя помощь.

Льюис резко развернулся на пятках, едва не столкнувшись нос к носу со спешащим за ним МакФэрелом, прожигая его взглядом.

– Помощь моя понадобилась? – прошипел Льюис, сверкнув глазами. – Ты когда евгеникой баловался, когда мутации пестовал, когда из людей сшивал солдат безмозглых, ты тогда во мне не нуждался? Или когда ты целый приют на опыты оформил? Или, может, когда я пришёл в твою обитель Нового Света, может тогда ты во мне нуждался? Кто-то, вроде, обещал найти меня и нашпиговать личинками мухи-мышцееда?

– Это было давно, Льюис, – через силу выдавил Адам, отводя взгляд, – ты занял моё место, объявил меня преступником. Да и практика у тебя была, чего уж греха таить, куда лучше моей…

– Может, потому что нехуй было божьим словом всех лечить? – рявкнул Льюис. – Как же вы достали-то с этим, – устало закончил он, качая головой. Спенсер всё это время наблюдал за сценой со стороны. Он пытался не вмешиваться даже эмоционально, но у него плохо получалось совсем уж не думать о происходящем. С одной стороны та же самая Корпорация не раз подвергала переделке человеческие тела, да и наны трудно было назвать чем-то естественным и необходимым. С другой стороны Спенсер, как ни странно, сейчас мог понять негодование

Гриффина, как врача. Ему самому вряд ли бы понравилось, если бы на его лекциях выросло такое вот поколение плесени, как этот религиознутый придурок с медицинским образованием.

«А действительно, – задумался бывший агент, – я же никогда не проверял и не смотрел, кто и как понимает мои лекции. Что вообще происходит с тем материалом, который я так любовно пестую и редактирую перед каждым прочтением».

Мысль показалась ему такой неожиданной и дикой, что он едва не пропустил завершающий аккорд спора между докторами. МакФэрел что-то горячо шептал, стоя вплотную к Гриффину, который беспомощно озирался по сторонам, не в силах найти выход и сбежать куда подальше. До бывшего агента долетело последнее предложение Адама:

– Помоги Прядильщику родиться, жизнь носителя мне не так уж важна. Тогда я выпишу тебе и твоему другу пропуск в анклав. Или хотя бы прикреплю вас к нему номинально, чтобы у вас появились права и свобода.

Спенсер увидел, как Гриффина передёрнуло. Губы доктора сжались в узкую линию, глаза полыхнули дикой яростью, а длинные тонкие пальцы судорожно сжались в поисках оружия. Но табельного пистолета военного врача Гриффин давно не носил, да и смирился с мыслью, что никогда ему не встретится человек, способный вызвать у Льюиса желание не подарить, а лишить его жизни. Он молча двинулся вперёд, с силой оттолкнув плечом МакФэрела. Тот пошатнулся, но устоял, засеменив вслед за Льюисом и бормоча молитвы во славу Прядильщика. Льюис Джероми то и дело пинал носками ботинок камешки на дороге, пока его длинная чёлка, свисающая со лба, подрагивала в такт шагам.

– Погоди, – догнал доктора Спенсер и развернул мрачно шагающего вперёд дока к себе лицом, – ты действительно решил продаться за какую-то нашивку этому бесноватому поклоннику идиотизма?

– А ты внезапно стал моралистом, пёс? – холодно бросил Гриффин, сбрасывая ладонь агента со своего плеча. – Я сделаю то, что не могу не сделать, – сказал он разворачиваясь обратно и размашисто шагая прочь.

Крошечный накопитель для пассажиров грузового транспорта, решивших сэкономить на поездке и прибывших в грязных трюмах попутных грузовиков, представлял собой площадку с двойными герметичными дверями размером два на два метра. Посреди площадки на каких-то тряпках лежала, извиваясь в горячке, молодая женщина. Мокрые от пота волосы

кофейного цвета облепили лоб страдалицы, а вокруг неё собралась вся братия настоятеля МакФэрела. Люди распевали какие-то мантры, жгли безумно вонючие свечи и благовония, способные удушить и здорового человека, не говоря уже о роженице.

Дочь Адама металась в бреду, то и дело выкрикивая что-то на гортанном наречии, на котором, видимо, принято было общаться в анклаве поклонников данной религии.

– Освободи мне помещение, – сказал Гриффин Адаму, опускаясь на колени рядом с женщиной.

– Это святая братия, сопровождавшая мою дочь в паломничестве на…

Льюис выразительно посмотрел на Спенсера. Тот пожал плечами, достал из кармана что-то продолговатое и направил это в потолок. Раздался оглушительный взрыв, сверху полетели куски обшивки и мелкое крошево. Святая братия в ужасе ломанулась прочь, снося собой закрытые двери во внутренние помещения. Гриффин только зубами скрипнул.

– Ты не говорил, что у тебя есть оружие, – процедил он, начиная осторожно осматривать пациентку.

– А это не оружие, – снова пожал плечами Спенсер, – это ракетница.

Льюис кивнул каким-то своим мыслям относительно осмотра, уже напрочь выбросив из головы происшествие с хлопушкой. Неподалёку он заметил указатель, из которого следовало, что совсем рядом есть медпункт зоны прибытия. Вскочив на ноги, Гриффин метнулся туда.

Он прибыл через несколько минут, облачённый в одноразовый хирургический костюм, на котором, однако, виднелись застиранные пятна от прошлых операций. В руках доктор тащил громоздкий аппарат и веер инструментов, упакованных в дезинфицирующую плёнку. Наспех вскрывая один за другим предметы, Гриффин складывал их в специальный лоток, нашедшийся рядом с хранилищем инструментария в медпункте.

Затем Льюис присоединил аппарат к женщине, обколов её десятком иголок, подсоединённых к тонким прозрачным трубочкам. По нескольким из них тут же заструились жидкости. Женщина перестала кричать и метаться, впадая в глубокий спокойный сон. Гриффин порылся во чреве агрегата, достал оттуда дыхательную маску и надел на лицо женщины. Затем он виртуозно вскрыл очередной пакет, и блеснул скальпелем.

Спенсер не мог отвести взгляда от происходящего. Бывшему агенту казалось, что он спит и видит дурной сон. Вот Гриффин

что-то там нарыл, притащил и подсоединил. Вот он пробежался пальцами по клавишам громоздкого аппарата, калибруя и настраивая его на нужный вид работы. Вот он присел рядом с симпатичной молодой женщиной, чей живот был несоразмерно велик для хрупкого бледного тела. Затем Гриффин сверкнул острым скальпелем и вскрыл человеческую плоть.

Спенсер сглотнул. Он не относил себя к разряду слабонервных или психически неустойчивых людей по ряду причин, первой из которых была полевая работа на Корпорацию. Но, глядя на то, как Гриффин вскрывает живот беременной женщины, виртуозно зажимая края раны, перекладывая и промокая что-то, как он копошится внутри, доставая на свет…

– Святые небеса, что это за говнище? – потрясённо выдохнул Спенсер, рассмотрев новорождённого. Аппарат, к которому была подключена женщина, тревожно запищал и впрыснул в тонкие трубки разноцветные жидкости. Роженица слабо застонала.

Гриффин сгрузил с рук новорождённого, даже не попытавшись освободить его от слизи или крови. Огромное членистоногое, зашевелившись сразу же после рождения, брезгливо стряхивало с тонких волосяных лапок дрожащую слизь и сгустки крови. Льюис не обращал на него внимания, стараясь спасти жизнь пациентке. Приборы уже завывали в голос, предупреждая о критическом состоянии тех или иных органов, которые, казалось, просто отказывались работать. В какой-то момент женщина распахнула такие же огромные, как и у своего отца, чёрные глаза, осмотрелась и, завидев своё дитя, улыбнулась, умирая.

Аппарат зашёлся в визгливом крике, на крошечном мониторе появилась прямая линия. Гриффин издал полустон, едва не проламывая грудную клетку женщины, пытаясь вернуть её к жизни старым способом полевого медика, от которого давно отказались, полагаясь на приборы и технику.

Непрямой массаж сердца не давал результатов, и через несколько минут Льюис сдался, оставшись сидеть рядом с трупом роженицы и смотреть в пустоту остекленевшим взглядом.

Спенсер решился подойти и тронуть его за плечо. Гриффин не шелохнулся, только пробубнил:

– Давно не умирали у меня просто…

– Док… – Спенсер помялся прежде чем сказать, – тут такое дело… Ты бы её и не спас. Она была своего рода контейнером. Чехол для перевозки этой вот мерзости, – он кивнул на Адама, цапнувшего членистоногое существо и потащившее его прочь из павильона накопителя. – Биоконтейнер такой, созданный этим чмошником специально для этой цели. Я тут подслушал кое-что

от братии, пока ты занят был. Настоятель создал контейнер, похожий на человека, отправил его на планету чужих, там его загрузили и послали обратно. Смотри, она уже распадается. Самоутилизация, видимо, была встроенной.

Гриффин перевёл усталый взгляд на тело молодой женщины. То и впрямь иссыхало на глазах, превращаясь в серую пыль. Органы и ткани ссыхались, плоть распадалась, будто при ускоренном разложении, но кости скелета продолжали оставаться целыми.

– Он взял за основу тело человека, – пробормотал Гриффин, всматриваясь в скелет, – а дальше я не могу себе представить.

Он осмотрелся по сторонам, но ни Адама, ни его шайки уже видно не было. Спенсер и Гриффин остались вдвоём, без документов и свидетелей, способных рассказать, что тут произошло. Льюис сидел посреди лежанки грязных тряпок адептов секты, курил дрянные сигареты из автомата поблизости, опираясь спиной на отключённый аппарат жизнеобеспечения, пригнанный из медпункта. Спенсер прохаживался рядом, раздумывая о чём-то своём, покручивая в пальцах зажжённую сигарету, а от пункта контроля к ним уже шёл отряд охраны, истово желающий выяснить подробности произошедшего.

Глава 26

«Согласно правилам ежегодных гонок Тридцати Трёх Миров „Осенний сюрприз“, устроители имеют право изменять правила непосредственно в процессе соревнований, если того требует спортивный дух состязания»

Выдержка из официального свода правил и уложений гонок «Осенний Сюрприз», пункт 132.12.

«Основное правило – никаких правил».

Неофициальные правила гонок «Осенний Сюрприз», пункт первый и единственный.

Орбитальный комплекс «Коготь-12», орбита Орбис Тертиус Бета, причальные доки. За несколько недель до прибытия Спенсера и Гриффина на Глэдис.

– Триста миллионов?! Да ты с ума сошёл, милый, – женщина в строгом костюме из метаткани лилового цвета с красными вставками медленно повернулась к высокому мужчине, стоявшему рядом.

Тот поправил свой серый рабочий комбинезон, оттянутый тяжёлой кобурой многофункционального инструмента, сбившийся в складочки на поясе, и указал на медленно вплывающий в парковочный ангар контейнер, который вели два буксира-робота:

– Приз в три миллиарда бывает крайне редко, дорогая. А с нашей малышкой, которой серьёзно добавили прыти, пока ты ездила к своей родне, у нас появляются все шансы.

За прозрачным метапластом, усиленным силовым полем третьего класса, контейнер неторопливо складывал свою внешнюю оболочку, по частям открывая обтекаемый силуэт космической яхты. Серебристо-чёрный, покрытый пятнами пустотного камуфляжа, корабль блеснул вынесенным вперёд блистером рубки, над которой красовалась свежая красная надпись «Александрийская Рулетка», выполненная староготическим шрифтом. Панели транспортного блока тем

временем сползли с кормовой части, и женщина отступила от поручней на шаг, поражённая увиденным.

– Если бы я не считала, что свист, выражающий восхищение, невежлив, то сейчас бы твои уши лопнули!

Мужчина рассмеялся, довольный эффектом, и тряхнул своими длинными волосами:

– Мон ами, помнишь ту историю про брошенный крейсер времён войны за Рудный Пояс? Так вот, на нашей красавице стоят два маршевых двигателя и вспомогательный реактор с ККФ «Непотопляемый»… И ещё кое-что по мелочи, – он мечтательно закатил глаза. – Было интересно, и не стоило нам ни цента.

– Точнее, мы даже остались в плюсе, – голос его супруги слегка поплыл, когда перед ней сгустилось голографическое облако базы данных. – На триста тысяч, помеченных как «сдача со сдачи»? Это что за финансовый термин такой, гений ты доморощенный?

– Сдача, оставшаяся после сдачи в металлолом остатков крейсера, естественно, – мужчина снова улыбнулся, блеснув зубами. – Зато теперь мы сделаем всех не только на манёврах, но и на разгоне…

Женщина погасила голограмму, и облокотилась на поручень, постукивая магнитным каблучком по металлу пола. Она задумалась, и долго молчала, смотря на ярко освещённую лучами прожекторов «Александрийскую Рулетку», к которой протянулись заправочные рукава, кабели и стыковочный переход, наполняемый воздухом.

– Ладно, мон амур, пойдём, посмотрим на то, что ты сотворил с нашим кораблём… – она резко взмахнула рукой, словно отбрасывая что-то невидимое, и быстро зашагала по направлению к шлюзу.

Мужчина пожал плечами, и двинулся следом, по привычке положив правую руку на пояс, поближе к кобуре.

Орбита Глэдис, тринадцатый этап гонок «Осенние Сюрпризы», настоящее время.

После финиша «Александрийская Рулетка», потерявшая за последнюю неделю былой лоск, и изукрашенная несколькими шрамами от плазменных и лазерных излучателей, начала манёвр стыковки с орбитальными верфями. Маскировочные заслонки бывшего грузового трюма слегка заедало после взрыва пробившей силовое поле пиратской ракеты. Схватка была жаркой, но, к счастью, короткой – сдвоенный залп орудий вспомогательного калибра крейсера, подвешенных в спарку под брюхом яхты, убедительно доказал превосходство «Рулетки» не только в

скорости. Ракетный корвет тогда порвало в лоскуты, а его истребители сопровождения переложили курс, и скрылись по направлению к астероидному полю на окраине пыльной системы с одиноким газовым гигантом, медленно вращающимся вокруг красновато-оранжевой звёздочки.

Заслонки, однако, надо было чинить, и чем скорее, тем лучше. Судя по увеличившемуся количеству несчастных случаев, нападений пиратов, гравитационных аномалий и бурь в гиперпространстве, организаторы гонок были, мягко говоря, выведены из равновесия удачей, неизменно сопутствовавшей «Рулетке» и её владельцам.

Вокодер пискнул, принимая сообщение, и по обзорному экрану поползли строчки. Пилот, пробежав глазами текст, ударил кулаком по краю контактной доски, и зашипел от боли.

– Что случилось, Эль? – женщина в капитанском кресле, когда-то украшавшем мостик крейсера, сдвинула массивный виртуальный шлем навигационной системы, сопряжённой с прицелами орудий, и заинтересованно взглянула на обзорник.

– Алира, мон амур, эти сволочи в очередной раз изменили правила, чтоб им сгореть в сверхновой! – пилот убавил тягу, и вызвал верфь по связи. Пока линк устанавливался, он повернулся вместе со своим креслом, и посмотрел на свою супругу яркими голубыми глазами. – Требуется посадка на планету. Уроды трижды трахнутые…

Алира изучила текст сообщения, сморщившись, словно ей пришлось надкусить неспелый лайм, и тряхнула чёлкой. Ей перестали нравится правила гонки ещё три этапа назад, а организаторы, корпорация «Магнус», вызывали отвращение с самого старта.

– И где мы в этой дыре найдём доктора, полнофункциональный автохирург второго класса и ещё одного идиота? – женщина провела ярко-алым ногтем по щеке, задумавшись.

– Меня больше беспокоит, где мы найдём ещё по десять кубометров личного пространства на каждого члена экипажа, – в тон ей ответил Эль, прикидывая что-то на карманном компе. – Боюсь, придётся ставить переборки в малом трюме… И куда мы денем припасы, интересно?

– В большой трюм… А, дьявол… – Алира прищёлкнула пальцами, вспомнив, что у «Александрийской Рулетки» находится в трюме, и как далеко оно стреляет.

– Угу. Вот именно. Ладно, придумаю что-нибудь, но нужно будет достать пластальные панели и запасные фильтры к регенераторной системе, эти долго не протянут при двойной

нагрузке…

– Сначала на верфи за пласталью и ремонтом, потом – вниз, на шарик, за врачом и автохирургом, – подвела итог совладелица яхты, вздохнув, и непроизвольно стряхнув несуществующие пылинки со своего комбинезона. Мягко звякнули браслеты на левом запястье.

– Точно так, мой милый генерал, – улыбнулся Эль, проглядывая справку по планете на голоэкране. Его лицо удивлённо вытянулось, и он присвистнул: – Мать моя женщина, вот идиоты… Здесь очень оригинальное устройство общества…

– Некротеократия или криптофашизм? – оживилась Алира. – Интересно…

– Хуже. Анклавы. Полная свобода в каждом из них, и саморегулирующаяся анархия в целом.

Капитанское кресло протестующе скрипнуло. Удивлённая женщина непроизвольно вцепилась в подлокотники, едва не выдернув их напрочь:

– И система работает? Не может быть!

– Может, как видишь. И это сильно усложняет наши дела… Особенно по части врачебного персонала.

Космопорт Анклавов, Глэдис, нейтральная территория.

Небольшой по меркам иных миров, космический порт планеты Глэдис находился на севере зоны прибытия, вдалеке от побережья. На скальном основании, залитом несколькими метрами жаропрочного бетона, были устроены несколько посадочных площадок, почерневших и потрескавшихся за многие десятилетия эксплуатации, парковочный участок для маломерных судов с сиротливо торчавшей лоцманской шлюпкой, маленький пассажирско-грузовой терминал и комплекс для отдыха транзитных пассажиров.

Именно в транзитной зоне и отсиживались сейчас Спенсер с Гриффином. Здешний бар предлагал широкий спектр недорогих алкогольных и наркотических напитков местного производства, но перед агентом на столе дымилась большая глиняная кружка с отвратительным кофе. «Пожалуй, это самая мерзкая бурда, которую я пил в жизни, – думал бывший агент, старательно помешивая ложечкой чёрную жижу. Металл медленно растворялся в жидкости, вместе с надеждами выбраться из этой трясины. – Что-то Льюис раскис, на него не похоже даже… Вот дьявол».

Гриффин уткнулся лицом в руки, и невидящим взглядом, полным чёрной тоски, смотрел сквозь пальцы на стоящий перед

ним бокал с прозрачным, как слеза, спиртом высшей очистки. Кружок лимона, заботливо водружённый барменом на край бокала, выглядел сущим издевательством.

– Льюис, – Спенсер вытащил изъеденную ложку из своей кружки, и аккуратно положил её на керамическую столешницу. Он ожидал какой угодно реакции от обычно вспыльчивого и резкого на язык доктора, но тот даже не пошевелился. – Док, очнись! Слышишь?

Гриффин дёрнул плечом, показывая, что слышит, но не изменил позы и промолчал.

– Послушай, я понимаю, что для тебя это было очень серьёзным шоком… – Спенсер говорил мягко, ненавязчиво, пытаясь найти правильные слова, чтобы если не вытащить своего спутника из той задницы, в которую он сейчас погружался, то хотя бы затормозить процесс. «Не приведи Создатель, док сейчас съедет с катушек, или, что хуже, ударится во все тяжкие». – Но, поверь, всё не так плохо.

– Всё ещё хуже. – Гриффин ответил тихо, почти неслышно, сквозь сжатые зубы.

Если бы бывший агент не знал Льюиса, то мог бы подумать, что тот сейчас расплачется. Но Спенсер понимал, что сейчас рискует получить неприкрытую агрессию в свой адрес. Это его устраивало.

– Хуже, чем что? Что тебе напомнил этот случай, друг?

Доктор со свистом втянул воздух сквозь зубы, и издал тихое гортанное ворчание. «Ну же! Давай, вылезай из своей норки!» – подумал Спенсер.

– Не помню, – сдавленно ответил Льюис, и сжал виски пальцами. – Боги, как тяжко…

Снаружи, над портом, раздался акустический удар, и вой посадочных двигателей. Из помутневших от времени стеклянных панелей транзитной зоны можно было наблюдать, как в небесах загорается маленькое, но яркое солнышко, превращающееся в сигарообразный корабль примерно сорока метров в длину.

«Космическая яхта или фрегат, – мельком отметил Спенсер, отвлекаясь от Льюиса. – Интересно, зачем его сюда занесло?»

Яхта полыхнула последним импульсом коррекции, и, подняв в воздух пыль и кусочки покрытия, медленно опустилась на изящные опоры. Раздутая корма скрывала мощные маршевые двигатели, а борта судна были покрыты ожогами, которые оставляет плазма. Трюм на брюхе корабля недавно чинили, судя по свежей сварке и панелям из блестящей пластали.

– Гоночная яхта «Александрийская Рулетка», бортовой номер

435, тринадцатый этап соревнования «Осенние Сюрпризы», совершила посадку в первом секторе… – гнусаво проквакала система оповещения, прервав сообщение шумом помех и статики.

– Какие интересные у них тут гонки… – протянул Спенсер, наблюдая за подъехавшим к яхте потрёпанным каром на гравиподвеске. – Очень даже невъебенные такие, с тяжёлой плазмой и боевыми разворотами.

Гриффин приоткрыл глаза, и тоже вгляделся в корабль на посадочном поле.

Разносчик, подошедший к столу, выставил тарелки с заказанным ранее рагу, и, размазав грязь по столешнице нестиранным фартуком, авторитетно заявил:

– В этом году через нашу систему проходит трасса гонок без правил, которые устраивает корпорация «Магнус». Это большое событие!

При слове «корпорация» Спенсера передёрнуло, а Льюис страдальчески поморщился, и отставил в сторону нетронутый бокал со спиртом.

– Скажи-ка, а что это за гонки? – агент подтолкнул к разносчику мелкую монетку, и вызвал на своём лице выражение сильной заинтересованности. – Просто мы с другом не местные, и не в курсе…

– О, в нашем секторе космоса это самое крутое событие! – официант смахнул деньги со стола в карман, и оперся рукой на спинку массивного пластикового стула. Другой рукой он активно жестикулировал, показывая масштабы гонки. – Гоняются богатые пилоты. Вносят большие деньжищи, а победитель получает все взносы. Если доживает, конечно. Говорят, что иногда не выживает никто. Пираты, аномалии, гипербури… Ну, знаете, в космосе, типа, опасно… Но в этом году был шанс, что все три миллиарда уйдут владельцам этой посудины, что сейчас села у нас.

– Да-да, – Спенсер глотнул из кружки, изображая интерес. Желудок взвыл, протестуя. – Кхе… Тьфу, мерзость какая… А почему шанс «был»?

– Потому что никому не хочется расставаться с деньгами, пёс, – проворчал Гриффин, разгибаясь и потирая помятое лицо.

– Ага, точно! – официант щербато улыбнулся, и облокотился на спинку стула. – Сейчас сообщили по линку с верфи, что правила поменяли. Четыре тела в экипаже, и один из них должен иметь образование врача. И ещё автохерург…

– Автохирург… – автоматически поправил разносчика Спенсер.

– Да мне похеру, – официант забрал бокал со спиртом и ещё раз протёр столешницу. – Вон, пилот с «Рулетки», его и

спрашивайте. А мне за разговоры не платят…

Намёк разносчика пропал втуне. Денег у докторов оставалось всего ничего, и Спенсер предпочёл состроить морду кирпичом.

Льюис поднялся, скрежетнув пластиком стула по полу, и нетвёрдым шагом направился к высокому мужчине с длинными тёмными волосами, одетому в серо-чёрный комбинезон. Пилот сел за угловой столик, и брезгливо изучал засаленное меню. Бывший агент Корпорации последовал за своим напарником, чертыхаясь про себя.

– Кажется, вам нужен врач? – Гриффин не стал разводить особых церемоний, и сел на отодвинутый стул, закинув ногу на ногу. Скрещённые на колене пальцы подрагивали от волнения.

Спенсер прикинулся тупым недоумком, и встал за левым плечом доктора.

– Я что, так плохо выгляжу? – недоумённо спросил пилот, поднимая на них взгляд голубых глаз. И, помолчав, добавил: – А… Все уже в курсе дела, как я вижу.

Льюис набычился, и угрюмо произнёс:

– Можно подумать, у вас есть выбор. Дело-хуело… У меня есть опыт работы в полевых условиях, хороший автохирург, оборудование и помощник-анестизиолог.

– Это вот этот, да? – мужчина усмехнулся, указав подбородком на Спенсера. – Выглядит не очень опасным. Кастет, дубинка, или нейропарализатор?

– Аппаратура производства Корпорации, – продолжил Гриффин, пропустив мимо ушей язвительный комментарий, – если вы знаете, о чём я…

Спенсер перехватил заинтересованный взгляд пилота, и понял – клюнуло.

– Дорогой, ты разместил объявления? – неслышно подошедшая невысокая женщина, одетая в чёрные штаны из псевдокожи, удобные тупоносые ботинки и тёмно-красную шёлковую блузу, окинула взглядом всю компанию, поправив волосы лёгким движением тонкой руки.

– Да, мон амур. То есть, нет, – мужчина в пилотском комбинезоне нахмурился, потом снова улыбнулся. – Я уже нашёл нам экипаж и автохирург…

Несколькими часами позже, борт яхты «Александрийская Рулетка»

– Итак, куда вы направляетесь? – спросил их пилот, прогревая двигатели. – Если выиграем гонку, доставим вас, куда скажете…

– Не если, а когда, кэп, – поправила его женщина, затянутая в форменный чёрный китель, сшитый на заказ, и бриджи,

заправленные в ботинки на магнитной подошве, устроившаяся в капитанском кресле. – Мы обречены на победу.

– И пусть всё летит в тартарары! – хохотнул мужчина, бегая пальцами по старомодным сенсорам контактного пульта. – И всё же, куда вам?

Спенсер, прищурившись, посмотрел на Льюиса, потом – на хозяйку гоночной яхты, и, вздохнув, произнёс:

– Нам бы подальше отсюда… Для начала.

Женщина едва заметно искривила губы, прикоснувшись указательным пальцем к подбородку:

– Каков наглец… «Для начала». Ну-ну. А потом?

– Мон ами, напоминаю, они нам нужны на весь остаток дистанции, – пилот положил руки на рукоятки тяги, начиная предстартовый отсчёт. – Съесть их до окончания регаты никак не получится. Иначе…

– Да мы и не навязывались, в общем-то… – тихо проговорил Гриффин, думая, не повредится ли при старте автохирург и прочее оборудование, закреплённое впопыхах.

– Тихо! – Мадам пристукнула кулаком по подлокотнику. – Карго, молчать. Я подтверждаю намерение довезти вас до пункта назначения. Назовите вашу цель. Быстро. Иначе пойдёте пешком.

Глава 27

Инструктаж был кратким и предельно простым. Алира, криво улыбнувшись, лично подошла к каждому из докторов и произнесла одну и ту же фразу:

– Браслеты не снимать, далеко не убегать, быть на яхте к моменту старта в целом виде, – произнесла она, постукивая пальцами по обшивке импровизированных кают, понятно, дорогие мои? Дорогие – в прямом смысле, – добавила она, дёрнув бровью. Льюис и Спенсер мрачно переглянулись и поёжились под прямым суровым взглядом женщины. Затем она и её спутник покинули яхту, наскоро объяснив попутчикам, как войти обратно так, чтобы не превратиться в кучку дымящихся органических останков.

– Гулять пойдёшь? – спросил бывший агент, потирая на запястье свежий, ещё пахнущий пластиком браслет, выданный сразу же после определения их с Гриффином в команду. – Астрало Каталь не такая уж плохая планета. Во всяком случае, была таковой, – добавил он, поразмыслив немного. Льюис молча отвернулся к стене, поджав ноги. Помещение малого трюма, наспех переделанное под жильё свалившихся на голову яхтсменов попутчиков, не блистало свободным пространством, если можно было так выразиться о двух квадратах на человека, включавших в себя и спальное место.

Гриффин поджал под себя ноги, упёршись коленками в пластик стены. Узкая и слишком короткая откидная койка то и дело поскрипывала под весом доктора, которому оставалось только гадать, как же она выдерживает вес немаленького и достаточно широкоплечего агента Корпорации. После того, как Льюис лично наблюдал свешивающегося со спального места Спенсера, закрепившего себя страховочными ремнями для безопасности, он понял, что в его случае всё не так уж и плохо.

Бывшему агенту приходилось куда хуже. Широкие плечи и высокий рост не позволяли Спенсеру лечь так, чтобы не упереться в стену головой или ногами, да и одно плечо агента явно не помещалось на кровати, торча эдаким выступом во мраке помещения.

– Да ладно тебе, Льюис, – постаравшись придать своему голосу мягкость, снова произнёс Спенсер. – Пойдём, прогуляемся. Выпьем чего-нибудь. Хоть поедим нормально.

– А у тебя местная валюта есть? – глухо буркнул Гриффин, продолжая взглядом гипнотизировать стену. – Или мама нам карманные деньги оставила?

Агента перекосило. Он чувствовал всю нелепость ситуации, но предпочитал не поддаваться мрачному настрою Гриффина, осознавая тот факт, что если и он погрузится в эту непреодолимую мрачность, им обоим останется только обняться и зарыдать на брудершафт.

Гордость доктора философии вопила и билась в истерике, не в силах сносить такое положение дел, как полная, в том числе, и финансовая зависимость от случайных попутчиков. Спенсер чувствовал себя попрошайкой. Нищим на паперти, вынужденным жить на подаяние, протягивая грязную прокажённую руку и устремляя на прохожих молящий смиренный взгляд. Воспользоваться счетами, наверняка, уже замороженными после измены агента, он никак не мог. Да и спалить себя настолько бездарно, указав хотя бы какой-то след после стольких мытарств…

Его затошнило. На лице агента появилось такое выражение, что он непременно бы испугался сам себя, если бы мог видеть своё отражение в данный момент. Гриффин, тем временем, повернулся лицом в противоположную от стены сторону и медленно присвистнул, оценив гримасу Спенсера.

– Да уж, друг мой, ты, похоже, не привык к такому раскладу ещё больше, чем я, – поражённо выдал он, рассматривая собеседника с каким-то научным интересом. – Да брось ты, я же не хотел тебя задеть, – он постучал пальцем по браслету на своём запястье, – здесь есть немного финансов, чтобы мы смогли хорошенько отдохнуть, но не смогли отлично оттянуться, – сказал он.

– И в чём разница? – недоверчиво протянул агент. Льюис растянул тонкие губы в хищной улыбке.

– Хорошенько отдохнуть можно, потягивая коктейль, обнимая девушку и покуривая неплохие сигареты из местных барных запасов. А вот отлично оттянуться можно только тогда, когда просыпаешься утром в незнакомом месте, побитый, до сих пор пьяный, без трусов и в пиджаке, а фразу про оттяг тебе задумчиво говорит местный следователь по особо тяжким преступлениям…

Спенсер присвистнул.

– Опыт был? – блеснул он глазами, внимательно изучая помятое и невыспавшееся лицо Гриффина. Льюис промямлил что-то невразумительное про бурное детство в солдатском корпусе, когда судьба заносила его в профессию полевого врача.

– Ладно, уговорил, – внезапно соскочил он с койки, немедленно треснувшись головой о низкий потолок. – Понавешали тут, – потирая ушибленную голову, проворчал он, – пошли, прогуляемся по местным заведениям.

Спенсер, уже начавший привыкать к таким спонтанным переменам настроения товарища, только пожал плечами, осторожно протискиваясь через узкую дверь к выходу и вжимая голову в плечи, чтобы не повторять плачевный опыт ушибленного Гриффина.

Увеселительное заведение при космопорте, куда примостилась «Александрийская Рулетка» всего полчаса назад, встретило друзей десятками сверкающих голографических проекций, рваными ритмами танцевальной музыки, запахами жареного на гриле мяса и сотнями голосов, старающихся перекричать гул и шум вокруг. Между столиками танцевали, извиваясь в самых разных костюмах, девушки и парни, отражая прыгающие по их телам лучи световых установок, от чего особое покрытие, нанесённое на кожу работников заведения, начинало светиться молочно-белым.

Танцоры позвякивали цепочками, блестели ремешками лакированной кожи на телах, гремели различными заклёпками и застёжками на высоких ботинках или сапогах, демонстрировали посетителям десятки переливающихся и двигающихся татуировок на своих телах, трясли длинными косичками совершенно невообразимых цветов, некоторые из которых светились в полумраке разными красками.

Работники заведения были на любой вкус, цвет, запах и предпочтение. Конусы бьющих в глаза осветительных установок, следуя за ритмом музыки, переключали спектр, частоту и угол освещения, иногда складываясь в причудливые картины, казавшиеся статичными в общей суматохе и веселье.

Спенсер удовлетворённо улыбнулся, втягивая полной грудью запах свободы. На входе невежливый и суровый охранник провёл ручным считывателем по браслетам гостей, удовлетворённо кивнул, увидев отметку о том, к какому судну приписаны два новых посетителя, и указал на двери позади себя.

– Там можно отдохнуть? – спросил Льюис. Охранник скроил на лице такую мину, как будто ему задали задачу по высшей навигационной математике. Он беспомощно перевёл взгляд на Спенсера. Тот принял удар с честью, состроив совершенно невозмутимое выражение на лице, кивнул, цепко взял Гриффина под локоть и поволок внутрь.

Едва агент перешагнул барьер силового поля, отрезающего звук заведения от обычных звуков космопорта, как тут же почувствовал себя в своей тарелке. Льюис недоверчиво озирался, сдвинув брови и сунув руки в карманы широких штанов. Но не успел Спенсер открыть рот, чтобы прочитать долгую и

пафосную лекцию о правилах поведения в подобных местах, как Гриффин юркнул в сторону и исчез в толпе. Спенсер беспомощно огляделся, поискав взглядом друга, а затем, огорчённый несостоявшимся выступлением на тему, поплёлся к бару.

Весёлый бармен, напомнивший Спенсеру выходцев из мексиканского сектора, как раз лихо жонглировал бутылками, то и дело опрокидывая их в стаканы и смешивая разноцветные слоёные коктейли. У барной стойки толклись несколько порядком набравшихся посетителей, бурно обсуждая удачную сделку. Невдалеке сидели парами девушки в таких нарядах, словно пытались выиграть конкурс на самое оригинальное нижнее бельё. Далее по списку шли несколько торговых агентов в строгих костюмах и даже один из корабельных инженеров, о чём свидетельствовала голографическая нашивка на рукаве его куртки.

Спенсер пробежал взглядом по собравшейся толпе, но так и не заметил Гриффина. Зато он заметил весьма привлекательную особу, старательно державшуюся особняком, хотя только за последние пару минут к ней пытались подходить по очереди двое настойчивых претендентов. Элегантный деловой костюм светлого цвета подчёркивал заманчивые формы женщины. На взгляд агента, она с равной долей вероятности могла быть как юристом местных компаний при космопорте, так и заезжей дамочкой, путешествующей по делам и выбравшей это место, как возможность скоротать время до отправления пересадочного рейса. Второе, впрочем, было маловероятно. Деловая женщина, скорее, выбрала бы номер в отеле, нежели шумное место для знакомств. О третьем варианте Спенсер старался не думать, хотя в случае его отступничества напороться на преследователя от Корпорации было весьма логично.

Женщина, однако, не пыталась прощупать агента, не смотрела в его сторону и не собиралась делать резких движений. Она только изучающе осматривала кандидатов, пытающихся затащить её в койку.

Первым был самодовольный и прилично набравшийся торговец, распушивший перья и принявший боевую петушиную стойку. Вторым оказался щуплый татуированный мужчина, плавно передвигающийся профессиональной походкой наёмника.

Сидевшая в сторонке женщина спокойно отправила восвояси и напыщенного торговца, и заинтересовавшегося ею наёмника. Спенсер как раз заказал себе выпить, когда незнакомка подняла голову, почувствовав на себе пристальный взгляд агента. Он не пытался отвести взгляд в сторону. Он поднял свой бокал и отсалютовал незнакомке. Она пожала плечами и махнула ему

рукой, приглашая за свой столик.

Агент не стал долго раздумывать, пробираясь сквозь извивающуюся толпу к ней. Она оказалась высокой, стройной брюнеткой с холодными серыми глазами, которые, казалось, прожигали дырки в каждом, кто пытался с нею знакомиться. Спенсер такие уловки не воспринимал. Долгая служба на Корпорацию научила агента отстраняться от подобных влияний. Женщина придирчиво осмотрела Спенсера, словно собиралась купить его, а затем кивнула, приглашая присесть.

– Хочешь спросить, почему ты? – резко произнесла она, пока Спенсер разглядывал её костюм.

– А что было не так с предыдущими кандидатами?

– Они пытались меня снять, – пожала плечами брюнетка.

– А я не пытаюсь? – постарался обворожительно улыбнуться Спенсер.

– Нет.

Агента даже немного задело такое откровенное неверие в его способности.

«Старею, что ли? – промелькнула у него в голове мысль. – Неужели, уже и на роль мужчины на одну ночь не подхожу?»

– Ну и зачем тогда ты меня позвала?

– Чтобы ты спокойно выпил свой напиток, а я посидела рядом с мужчиной, – ответила женщина, приподняв недоумённо брови. – Неужели непонятно? Я закончу дела, ты посидишь рядом. Ко мне не будут подходить всякие там, – она скривилась, – а ты не будешь выглядеть одиноким неудачником, от которого сбежал партнёр, – она достала коммуникатор и продолжила прерванное с появлением агента занятие, отбивая на планшетке какие-то команды.

Что-то в словах этой женщины не просто задело, а искренне уязвило доктора. Он отхлебнул из своего стакана, потом ещё и ещё раз, и только после этого решился спросить:

– В каком смысле, партнёра?

– Ну, твоего любовника. Вы же вместе пришли, – пожала плечами женщина. Спенсер едва удержался от того, чтобы не открыть в изумление рот. Он залпом допил свой напиток, осмотрелся по сторонам и заметил, что с этого места, где сидела брюнетка, действительно отлично просматривался вход в заведение. Женщина нервно постучала пальцами по столику, поджала губы и поднялась, чтобы уйти, спрятав в небольшую сумочку деловые информационные планшетки, которые лежали перед нею аккуратной стопочкой.

– Спасибо за компанию, – поблагодарила она, исчезая в толпе и оставляя ошарашенного агента одного.

Он рывком распахнул дверь одной из комнат на втором этаже. Эти помещения были отлично изолированы друг от друга, да и в коридорах здесь не слышалось ни одного лишнего звука. Сразу было видно, что комнаты отдыха строились со значением, которое понимали все. Но, кажется, только Гриффин умудрился использовать комнату отдыха именно для отдыха.

В широкой кровати, застеленной свежими простынями, раскинув в разные стороны руки, храпел во весь голос доктор Льюис Джероми Гриффин. Рядом с ним лежала, свернувшись калачиком, юная девушка. Она была одета и даже накрашена, что явно говорило о том, что эти двое действительно просто спали на общей кровати.

От увиденного Спенсер даже выронил початую бутылку виски «Весёлый Гротшильд». Бутылка из небьющегося пластика глухо стукнулась о ковёр с длинным ворсом, устилавший пол в комнате, и покатилась прочь. Агент поднял её в шаге от кровати. Как раз в тот момент мирно спящий Гриффин приоткрыл один глаз и осведомился хриплым спросонья голосом:

– Пора на яхту?

– Ты… ты… – Спенсер не мог подобрать нужных слов. Весь оставшийся до возвращения вечер он сидел и целенаправленно самоуничижался по поводу и без. Обдумывая то, как он смотрится в паре с Льюисом, что о нём, добропорядочном гетеросексуале, думают разные там привлекательные брюнетки, и как вообще получилось докатиться до такой глубины падения нравов. Он раздумывал об обстоятельствах, вынудивших его оказаться так непозволительно далеко от привычной сытой и холёной жизни циничного и мудрого доктора философии, инженера человеческих душ. Спенсер потратил три часа только на то, чтобы прочитать себе и случайным посетителям лекцию о несправедливости и превратностях судьбы.

А Гриффин всё это время мирно спал. На удобной кровати. Да ещё и не один.

– Ты… – вновь сдавленно пискнул Спенсер, чувствуя, как начинает задыхаться от негодования. – Ты тут не один! – выдавил он наконец. Льюис потёр глаза кулаками, смерив Спенсера мрачным взглядом, и произнёс:

– Ну да, сюда одного меня не пускали. Пришлось за неё заплатить, как будто мне секс был нужен. А так мы вместе поспали, – непонимающе всматривался он в лицо агента, кипящего от негодования. – А тебя что так взбесило-то? Мог бы со мной пойти, тоже бы на нормальной кровати поспал…

Спенсер открыл и закрыл рот, как большая рыба в огромном

аквариуме. Гриффин смотрел на него ничего непонимающим взглядом, как на неразумного ребёнка, задающего глупые и банальные вопросы взрослым. А Спенсер, которого несколько часов назад и так приняли за мужчину нетрадиционной ориентации, ещё больше выводил из себя факт предложения Льюиса.

И бывший агент даже понимал краешком мозга, что доктор вовсе не со зла, да и без умысла, предложил ему поспать рядом. Но не мог же агент сказать своему товарищу правду.

«Как это должно быть? – подумал он. – Хей, Гриффин, нас только что приняли за геев, так что твоё предложение поспать в одной кровати было весьма прикольным! А ещё я мудак и идиот, что не сообразил сам просто взять и пойти выспаться, пока есть такая возможность. Так, что ли, это должно быть?»

Агента перекосило от одной мысли о том, что пришлось бы всё это сказать Гриффину. Он так и видел его медленно расползающуюся ухмылку во все тридцать два, когда Спенсер произносит признание в собственной глупости.

Нет, на это он пойти не мог. Собрав остатки силы воли, агент молча кивнул на дверь и выразительно постучал себя по наручному хронометру, вшитому в тонкий пластиковый браслет. Сейчас циферблат показывал обратный отсчёт до старта яхты.

И времени на разборки уже не оставалось…

Глава 28

Патрик сидел в своей каюте на борту крейсера «Новая Заря», и третий час подряд методично просматривал на голографическом планшете списки участников регаты «Осенние Сюрпризы». Личные дела, снимки, характеристики кораблей, списки экипажа, отметки таможенных терминалов… Дело было долгое, нудное, и навевало на него адскую скуку. Но начальник службы контроля Корпуса не давал себе спуску, зная, что больше этим заняться некому – полевые агенты, разосланные по сектору, добывали информацию, он её анализировал. И принимал решения. Собственный отдел обработки данных Корпуса Вуниш задействовать не мог, по меньшей мере, по трём важным причинам. Первая из них заключалась в огромном расстоянии до Малидакана и столицы сектора, что давало очень сильную задержку во времени – даже с учётом дорогущей и ненадёжной гиперсвязи. Второй причиной была абсолютная секретность операции и полученные от одного хитрозадого незнакомца исключительные полномочия, позволившие реквизировать стоявший на рейде крейсер Королевского Космического флота Гишпании со всей командой, даже без ликвидации командного состава корабля. И третьей, финальной причиной, так сказать, «вишенкой» на горько-кислом тортике, который ему подсунула судьба, было банальное нежелание вмешивать сюда своё руководство.

Ему лично хотелось взять за грудки тех двух засранцев, за которыми высокопоставленному офицеру Корпуса пришлось скакать по всему сектору, как скальному зайцу в буран, не успевая ни акклиматизироваться к очередному миру, ни по-человечески поесть, ни поспать… Не то чтобы Патрик страдал от неудобств, но осознавал, что порядком поотвык от полевой жизни за годы работы в центральном управлении.

«Пугать зазвездившихся засранцев в ранге от полковника и выше, и раз в год выезжать на контроль особо важных дел – разве об этом ты мечтал, когда шёл в Корпус? – спросил Вуниш сам у себя, отрываясь от голопланшета, чтобы сделать глоток остывшего кофе, запивая обезболивающее. – Тебе грезились погони, перестрелки, раскрытие шпионских сетей и тонкая дедуктивная работа по планированию изящных операций… Как ты был наивен, братец. Наивен и, чего уж, глуп».

Он отставил в сторону пластиковый стакан, и, давая отдых усталым глазам, начал оглядывать скудную обстановку каюты, фокусируя взгляд на разных предметах, напрягая и расслабляя

мышцы. Бронированные стены, покрытые рядами заклёпок, металлические полки с Уставами и уложениями по боевым специальностям ККФ, несколько аляповатых эстампов с изображениями видов чужих планет, среди которых затесался детский рисунок непонятного зверя, выполненный маркером на куске обёрточного пластика. Жёсткая гравикойка с привязными ремнями, заправленная синим эрзац-одеялом, оранжевый куб тумбочки с аварийным комплектом, пустая оружейная стойка, на которой висела наплечная кобура Вуниша с табельным иглометом. Стол, привинченный к полу, неудобный стул, на котором сидел Патрик, устройство связи рядом с дверью – вот и все.

– Да, небогато живут политические офицеры флота, – вслух произнёс он, потерев веки и возвращаясь к планшету. – И это правильно. Враг – он чаще всего внутри, а не снаружи.

Внутренне улыбнувшись нехитрой шутке, высказанной специально для подслушивающих устройств, которую обильно насовали в принадлежавшую некогда политофицеру крейсера местные контрразведчики, Патрик открыл следующую папку. «Йозхан Думбпельникель… Дери тебя черти! – прочитал он имя владельца яхты «Грёзы Щербозуба». Радость от всплывшей поперёк экрана надписи «Погиб в системе 554.22.11 на пятом этапе гонки «ОС» у бывшего Инквизитора была совершенно неподдельной, хотя и тщательно скрываемой от потенциальных наблюдателей.

Пискнувший сигнал входящего инфопакета прервал мелькание на экране страниц очередного унылого отчёта о финансовых делах некоей госпожи-владелицы очередного гоночного корыта. Эта, без сомнения, достойная леди потратила на модернизацию судна порядка полумиллиона, полученных в результате сомнительной аферы по продаже металлолома и бывших в употреблении частей призового корабля, обнаруженного её мужем в туманности поблизости от ядра сектора… Однако, данные от агента были во сто крат важнее денежных операций, пусть даже и сомнительных. Вуниш отметил для себя название корабля, и открыл стек входящих пакетов.

Сообщение от агента Мольер пришло из системы Каталь, находившейся на самой границе сектора, и содержало, помимо архива отчёта, несколько графических файлов, изображавших высокого широкоплечего мужчину. Общий план, снимок в толпе, снимок в движении, лицо крупным планом. Короткие тёмные волосы, тяжёлый взгляд из-под низких надбровных дуг, прямой нос с характерной аристократической горбинкой…

– Попался, голубчик. – Патрик запустил отчёт Мольер на

полную расшифровку, и выстукал пальцами по столешнице победный марш. – Так, посмотрим, что у нас здесь…

Агент Мольер подошла к делу творчески и ответственно, умудрившись собрать даже образцы генетического материала со стакана беглого агента Корпорации. Данные анализа подтверждали его личность, хотя на подробный запрос в информационную сеть ответа не последовало. Но Вуниш не удивился – Корпорация редко делилась своими знаниями с кем-то извне, а уж личные дела сотрудников хранились, как зеница ока.

В донесении упоминалось, что бывший агент Спенсер посетил развлекательное заведение в космопорту планеты Астрало Каталь в сопровождении своего спутника. Мольер удалось снять информацию с идентификационного браслета Спенсера, гласившую, что он зачислен в экипаж гоночной яхты «Александрийская Рулетка» в должности палубного матроса. Число, подпись владельца корабля.

Мягко навязанный работодателем агент Мольер оказалась действительно полезной.

Когда-то давно Патрик верил в судьбу, и в то, что мир относится к людям благосклонно – как в общем, так и к нему лично, в частности. Последующие годы порядком подточили эту веру, просто потому, что люди, в массе своей, были редкостными сволочами. И он тоже. Пришлось стать, чтобы соответствовать… Сейчас же, вчитываясь в описание яхты, взятое из базы данных устроителей регаты, Вуниш был готов снова поверить в судьбу. «Ненадолго, на пару недель, пока не возьму за жабры этих двоих, – мысленно попросил он. – Пусть всё будет хорошо. Без провалов и эксцессов».

Но мгновением позже он отмёл в сторону эту прорвавшуюся из прошлого слепую веру, и холодно усмехнулся, набивая срочные приказы полевым агентам. Полагаться на судьбу имело смысл только тем, кто не мог её изменить. Вуниш же относился к совсем другому сорту людей, и понимал, что добиться результата можно только долгой, упорной и тяжёлой работой, и уповать на случай или удачное стечение обстоятельств, по меньшей мере, глупо.

Крейсер содрогнулся от запуска маршевых двигателей, и мелко вибрируя переборками, ложился на курс к точке перехода. Навигатор «Новой Зари» рассчитал курс в систему Меланкор, и до прыжка оставались считанные минуты. Там, в обширных астероидных полях и пылевых облаках ничем не примечательного жёлтого карлика, вскоре должен будет начаться следующий этап «Осенних Сюрпризов». Для некоторых участников регаты он обещал стать последним, не только в силу сложной

астронавигационной обстановки в системе, но и во многом благодаря крейсеру ККФ. Вуниш не планировал церемониться с «Александрийской Рулеткой» – взорванные двигатели и несколько дырок в трюме, в целом, способствуют сговорчивости и открытости. Особенно если десантный бот уже стыкуется, а связь в округе глушится системами РЭБ…

«С другой стороны, владельцы яхты не виноваты в том, что наняли в экипаж двух беглецов, – думал Патрик, пристёгиваясь к койке, узковатой и коротковатой для него, и пытаясь устроиться поудобнее. – Прикажу отбуксировать их судно до ближайшего дока, пусть чинятся и летят, куда хотят. Естественно, с отметкой в личном деле и подпиской о неразглашении».

Какой-то предмет в кармане форменных брюк мешал ему улечься нормально, впиваясь в бедро при каждом движении. Ослабив ремни, Вуниш извлёк помеху из кармана, и уставился на неё, словно видел впервые. Тяжёлый металлический медальон в форме стилизованной буквы «I» Стандартного алфавита, перечёркнутый тремя косыми чёрточками, и залитый чёрной эмалью. Его вручил Патрику пресловутый представитель Корпорации, прощаясь.

Что-то забытое и тяжёлое шевельнулось внутри сотрудника Корпуса. Серебристо-чёрный медальон, нагретый теплом его тела, покачивался на короткой цепочке, словно подмигивая Вунишу. Символ напомнил ему о детских годах, когда он прочёл книгу о фантастических приключениях инквизитора по имени Рейвен Орр. «Откуда этот корпорат узнал об этой книге? – подумал Патрик, вспоминая прошлое, и испытывая очень странные чувства, от стыдливости до ностальгии. – И этот знак, который носил Орр на груди… Ведь такие подарки никто не делает просто так. О чём он хотел сказать?..»

Переход в гиперпространство обрушился на Вуниша, как тяжёлый удар. Освещение мигнуло, когда изношенные двигатели «Новой Зари» пропихивали крейсер в разлом метрики пространства-времени. Патрик выпустил медальон и забылся коротким тревожным сном.

– Значит, ты говоришь, не заметил наблюдения… – Гриффин отложил в сторону планшет, на котором продолжали подёргиваться картинки, записанные в баре при космопорте. Наны системы видеофиксации в мозгу агента продолжали прилежно гнать поток информации по линку, продёрнутому Льюисом к планшетке, но доктор уже увидел всё, что хотел.

Точнее, не хотел, но пришлось.

Спенсер, фиксированный на кушетке, подёргивал головой,

словно пролистывая страницы, и что-то бормотал. «Не переборщил ли я с транквилизаторами? – подумал Гриффин, и устало махнул рукой. – Ничего, переживёт. Организм сильный, тренированный, справится».

На плоском экране крупным планом изображалась женщина в строгом деловом костюме, сидящая совсем близко от агента. Картинка то и дело подрагивала, когда взгляд фиксировался на небольшом декольте, скорее подчёркивавшем, нежели открывавшем взору высокую грудь привлекательной округлой формы.

– Бабник ты, Спенс. Неудовлетворённый сукин сын, – Льюис неодобрительно взглянул на экран, и покачал головой. – И на её лицо ты почти не смотрел… А зря.

«Лицо-хуецо», – привычно срифмовало подсознание, но вслух Гриффин это не произнёс, пристально рассматривая увеличенное изображение небольшой родинки на шее дамы.

Он хмыкнул, и ещё сильнее увеличил картинку. На пределе разрешающей способности экран показал странную пигментацию на поверхности родинки, под определённым углом складывающуюся в стилизованный щит и меч.

«Спецслужбы никогда не меняются, – подумал доктор, снова откладывая в сторону планшет. Дальнейшая запись его не волновала. В самом деле, кому интересно наблюдать за самим собой, развалившимся на кровати в обществе беззаветно дрыхнущей шлюшки? – Щит, меч, орёл, прости создатель, всякие глаза и молнии… В общем, пёс крупно попал. И я тоже».

После короткого шипения инъектора Спенсер прекратил дёргаться, и забылся коротким сном. Через пятнадцать минут агент проснётся, и будет выпрашивать у Гриффина что-нибудь от головы. Доктор собирался предложить беспокойному созданию виброскальпель, лазерную горелку и пилу для костей – на выбор.

Глава 29

– Эль, приготовься к манёвру, – тихо скомандовала Алира, вглядываясь в окружающее «Александрийскую Рулетку» пространство. «Мусорно до жути. Астероидные поля третьего уровня плотности, пылевые облака с высоким содержанием металлов, гравитационные аномалии, восемь кометных поясов, и нестабильное солнце. На нём пятен больше, чем пиявок на груйволле! – думала она, разгоняя сенсоры кораблика до максимально возможной частоты. – Смена места проведения очередного этапа гонки прямо в процессе этапа… Немыслимо. Может, я параноик, но нас хотят убить. Задницей чувствую. Своей красивой подтянутой сексуальной задницей». – Впереди астероидный хлам, плотность восемь, тяжёлые металлы глушат частоты.

Эль, при входе в систему восхищённо матерившийся на нескольких языках, сейчас притих и даже натянул на голову пилотский вирт-шлем. Он не любил прямое подключение за то, что после приходилось долго привыкать к своему маленькому и слабому белковому телу, но в этой каше ещё несформировавшихся и уже рассыпавшихся под действием гравитационных градиентов планет без расширения восприятия было не полетать. Он наскоро прикинул векторы и расстояния до основных потоков камней, и ответил своей любимой:

– Да, драгоценная. Уже маневрирую. Обхожу справа.

Говорить было совсем не обязательно, в пространстве внутренней реальности «Рулетки» обмен мыслями и чувствами протекал быстрее и ярче простой речи, но ему нравилось говорить. И транслировать при этом эмоции.

Трюмные маскировочные щиты и заслонки начали втягиваться в пазы, и укладываться там, открывая тонкую фольгу, за которой начало прогрев орудие.

Два разума, слившихся воедино, выработали общее мнение о реальности угрозы нападения, и сейчас работали над противодействием ему. Как говорится, «что умеем – то и можем». «Александрийская Рулетка» имела несколько неприятных для возможных агрессоров сюрпризов.

Гриффин и Спенсер коротали время в смежной с рубкой кают-е, когда-то предназначенной под рубку связи, но сейчас превращённую в резервный пункт управления. Когда в тестах, устроенных на долгом перегоне в гипере, оба «карго» показали неплохие результаты в стрельбе из турелей непосредственной

обороны, совладельцы яхты решили использовать их в случае нападения пиратов. Спенсер потом даже некоторое время дулся на дока, обставившего его в прицеливании и точности стрельбы на близких дистанциях, пока Эль не поймал бывшего агента, и не объяснил, что Гриффину подсунули облегчённую версию испытания. «Понимаешь, доктор будет стрелять из турели, пока не понадобится его помощь как врача. Стимулятор там поставить, или нейромедиатор… – сказал он Спенсеру тогда. И улыбнулся. – Поверь, ты – отличный стрелок, и в реальном бою будешь хорошим подспорьем для нас, друг. Тем более, что от твоей меткости зависят наши задницы. Главный калибр – это отлично, но борта и хвост прикрыть тоже не помешает. А я, уж извини, разорваться не могу, пять целей – это предел. Ты, Спенс, справляешься с девятью, как в тире».

Агент погладил старомодные рукояти управления огнём, отлитые из пластипена, с подрагивающими сенсорными участками. Развернув левую турель на астероиды, вращающиеся по левому борту, он начал проворачивать установку в стороны, случайным образом беря в прицел блестящие кристаллами и рудными жилами обломки камня. Среди резких теней и сверкания ему померещилось неподвижное серое тело небольшого корабля. медленно кувыркающийся астероид закрыл то место, где Спенсер заметил противника, но, переведя прицел чуть в сторону, агент отметил серебрящееся облачко газа, напоминавшее выхлоп малозаметных азотных двигателей, применявшихся в скафандрах и некоторых шлюпках. «Что-то тут не то… – подумал он, увеличивая поле обзора, и пытаясь рассмотреть поле из сотен тысяч камней различной величины, беспорядочно вращавшихся и сталкивающихся друг с другом. – Твою мать!»

– Абанама-а-а-ат! – синхронно ему донёсся разрываемый статическими помехами вопль из акустической системы.

Из астероидов, вспыхивая дюзами, медленно выползали три серых обшарпанных фрегата, чьи обтекаемые некогда борта украшали пристыкованные на пилонах десантные шлюпки и истребители. Над стыковочным шлюзом, ближе к корме, красовался оранжевый череп, лаково поблёскивавший в лучах местного светила. Пилоны на двух фрегатах выдвигались в стороны, готовя истребители к старту.

– Три отметки по левому борту! – вскрикнул Спенсер, ловя в прицел ближайший корабль. Верхняя полусфера, курс на перехват…

Прицельные отметки горели красным, показывая слишком большую дистанцию до цели.

– Видим, – прошелестел в акустике голос Алиры. Из подключения он звучал немного загробно. – Сбивайте мелочь, фрегаты мы сделаем сами.

Гриффин нехорошо улыбнулся, и пододвинул ногой поближе к себе полевой медкомплект. Рук с рукоятей огневой системы он не снимал, и только водил головой по сторонам, приноравливаясь к вирт-прицелу, выводимому на голоэкраны его очков.

«Рулетка» глухо бухнула запущенными на половинную мощность двигателями, и рванулась в сторону от астероидного роя, вынуждая пиратов начать преследование. Иначе цель могла выйти далеко за границы действия их орудий, и отстреливать москитный флот с безопасной дистанции.

Фрегаты ускорились, и открыли беспорядочный огонь по ловко уклоняющейся яхте.

Взвывшие где-то внизу сервомоторы вывели главный калибр на линию прицеливания, так, что ствол почти упёрся в свой левый ограничитель, за которым начинались обтекатели двигателей. «Рулетка» рыскнула вправо, потом заложила вираж, поворачиваясь своим левым бортом к преследователям. Бортовое освещение мигнуло, когда жерло прогревшейся наконец пушки извергло переливающийся всеми оттенками черноты шар нестабильной микросингулярности. Распадающаяся чёрная дыра, размером с небольшой мяч для игры в кробол, окружённая яркими белыми вспышками поглощаемой массы, частично превращающейся в энергию, покинула фокусирующее поле, и рванулась в сторону одного из фрегатов.

По линиям связи щедро полился яростный мат пиратов, сообразивших, что казавшаяся беззащитной жертва превратилась в смертельно опасного хищника. Корабль, к которому летела чёрная дыра, попытался уклониться от разбухающей на глазах аномалии, но с тем же успехом мог не делать ничего – сингулярность изменила свой курс, и с яркой синей вспышкой врезалась в корпус. Вопли и крики в эфире изменили тональность с яростной на испуганную и обратно, когда за доли секунды фрегат со всей командой превратился сначала в исковерканную конструкцию, проваливающуюся саму в себя, а потом, когда сингулярность исчерпала свой срок жизни – в яркую вспышку жёсткого излучения, и волну частиц с разной степенью ускорения.

– Ни хрена ж себе… – потрясённый Спенсер протёр слезящиеся глаза, пытаясь сморгнуть тёмные пятна.

– Представь себе, да, – Льюис протёр вспотевшие ладони о ткань брюк, и нервно хихикнул: – Знаешь, сколько радиации

сейчас получили пиратики в уцелевших кораблях? Детей у них точно не будет, пёс. Хотя, я бы их лучше по старинке, скальпелем…

– Уверяю, у тебя ещё будет такая возможность, – Спенсер с опасением взглянул на дока сквозь прицельные очки. – Гриффин, ты совсем с катушек съехал? Откуда такая кровожадность?

– Ну должен же я как-то расслабляться, – док поёрзал на неудобном кресле. – И кто бы мне ещё говорил о кровожадности, агент.

– Время на перезарядку – две минуты, – Эль даже из подключения был на редкость доброжелателен. – Придётся потерпеть, сейчас немного потрясёт…

– Меня уже потрясло… – проворчал Гриффин. – Потрясающее орудие!

– Сэр. Подходим к расчётной точке, – капитан «Новой Зари» был затянут в чёрную форму, блестел золотыми позументами, и казался Патрику Вунишу совершенно бесполезным украшением командного мостика. Надпись над нагрудным карманом «Кпт 2Р Богрес А. А.» не добавляла доверия в глазах инквизитора к лидерским талантам этого напыщенного низкорослого человека с тщательно ухоженной бородкой и в щегольских сапогах из псевдокожи. Вуниш прекрасно знал, как именно происходит карьерный рост в Гишпании, и уже начинал жалеть, что не пустил Богреса в расход при первой возможности.

«Люди, покупающие себе должность капитана второго ранга, подлежат быстрой переработке в удобрения. Особенно, если командуют каким-никаким, но крейсером, – Патрик дёрнул уголком рта, и покинул капитанское кресло. – Но проблема в том, что я здесь один, и бороться ещё и с бунтующей командой мне просто некогда».

– Энергетическая активность в скоплении астероидов рядом с точкой, мощный выброс радиации, – доложили из астронавигационной секции мостика. Лейтенант, сидевший за сканером, старательно ловил глазами взгляд прогуливавшегося по мостику Вуниша. «Лизнул, лизнул, – с отвращением подумал тот, и понял, насколько ему здесь всё обрыдло. До боли напоминало родную планету, и Корпус. – Хороший мальчик, чтоб тебя…»

– Похоже на взрыв реактора, – задумчиво произнёс капитан, опираясь на спинку своего кресла, но не смея в него опуститься. Ему до смерти надоело бояться таинственного Инквизитора, но предпринять что-либо против него Богрес не смел. Чрезвычайные

полномочия Корпорации делали своё дело – никто не хотел связываться с всесильной структурой, и становиться изгоем и парией. Особенно, если в погоню за тобой могут сорвать крейсер, не интересуясь ни его боевой задачей, ни степенью готовности или износа агрегатов. – Ваши указания, сэр?

– Двигайтесь к точке рандеву, – Вуниш пригляделся к голографической проекции системы, пестрящей помехами и призрачными засечками, мысленно сплюнул, и вернулся обратно в кресло.

– Принято. Орудия в предбоевую готовность, курс на точку «А-Ноль»! – Богрес незаметно вздохнул, и чуть ослабил слишком тугую застёжку воротника. – Расчётное время десять минут.

Второй фрегат, испещрённый оспинами и заплатками брони, оказался удачливее, и сумел подобраться достаточно близко к «Рулетке». Сбросив все малые суда, как абордажные, так и истребительные, корабль открыл огонь из всех орудий. Его командир целился в двигатели, и, пусть не сразу, но добился своего. Третий или четвёртый залп пробил ослабленное перезарядкой орудия силовое поле, и проломил внешнюю броню.

Эль не преминул использовать случай, и, сделав вид, что внутренний слой брони тоже пробит, а двигатели выведены из строя, сбросил мощность и перевёл почти всю энергию в накопители. «Александрийская Рулетка», прекратив ускорение, начала замедляться, поворачиваясь к противникам правым бортом.

Турели, установленные на борту и в верхней части корпуса, щедро рассыпали сферы плазменных сгустков, и сбили три из пяти пиратских истребителей. Остальные отвернули к остававшемуся в аръергарде фрегату. Десантные корабли дрейфовали в космосе, из чего можно было сделать вывод, что они пусты.

Но щербатому фрегату закономерно не повезло – перезарядившийся генератор чёрных дыр отправил его со всей командой в загробный мир. От очередной вспышки жёсткого излучения яхту тряхнуло, и заныли резервные генераторы силового поля – основные вышли из строя, и ушли на самовосстановление.

Абордажные модули внезапно включили двигатели, и рванулись к «Рулетке» на предельных режимах своих двигателей, сжигая их в последнем усилии.

Сквозь заградительный огонь турелей прорвались три из них, а ещё два остались медленно плыть в никуда, разваливаясь на части после метких попаданий в ускорители и взрывов реакторов.

Уцелевшие боты пристыковались на спину яхты, в районе машинного отделения. Выпустив захваты, напоминавшие раздутые губы, они присосались к броневой обшивке, и вспыхнули мощными резаками. Через несколько десятков секунд одно из абордажных судов исчезло в ярчайшей вспышке плазмы, вырвавшейся из прорезанной им дыры в броне «Рулетки». Два остальных пиратских бота начали высаживать десант.

Вуниш наблюдал за дрейфующей яхтой, на спине которой прилепились два уродливых серых капли, растопырившихся пакетами маневровых ускорителей. Вспышка плазмы, уничтожившей третьего абордажника, вызвала сдержанный гул на мостике.

– Плазменный накопитель… Моторный отсек нестандартно расположен, со смещением к носу, – авторитетно заявил глава инженерной секции, престарелый капитан с одутловатым красным лицом адепта зелёного змия.

– Отставить разговорчики! – Капитан повысил голос, срываясь на фальцет.

– Дайте линк, – Патрик тихо попросил у связиста горошину гарнитуры. Его сильный баритон перекрыл вопли Богреса и крики на внешних каналах связи: – Внимание всем! Крейсер Королевского Космического Флота «Новая Заря» вызывает яхту «Александрийская Рулетка»! На вашем борту находятся опасные преступники. Приготовьтесь к приёму десантной партии для досмотра и их ареста! При условии отсутствия сопротивления гарантирую соблюдение ваших прав и гражданских свобод.

Повторив это сообщение дважды, Вуниш вызвал злорадные неразборчивые комментарии со стороны пиратов, которые двигались на фрегате в сопровождении истребителей к яхте. Начав свою речь в третий раз, он было подумал, что экипаж яхты уже мёртв или захвачен, когда получил чёткий ответ с «Рулетки»:

– Да пошёл ты в задницу! Не видишь, что ли – нас берут на абордаж… Или помоги, или не мешай, – хрипловатый женский голос звучал слегка надтреснуто, но содержал такой заряд эмоций, что у Патрика зашевелились волоски на теле. – Урод военно-космический!

– Сэр, может быть, стоит помочь гражданским? – капитан «Новой Зари» пригладил чёрные волосы, и водрузил фуражку обратно на голову. – Пираты – это серьёзно, особенно здешние.

– У них на борту – опасные преступники, капитан, – Патрик покачал головой. – Если честно, то я бы с удовольствием отдал приказ на бортовой залп, а потом констатировал факт гибели судна.

– Согласно кодексу астронавтики, мы обязаны помочь гражданскому кораблю, терпящему бедствие, – Богрес почувствовал, что сейчас хороший момент для того, чтобы отвоевать назад немного потерянной им власти. – Они потеряли ход и находятся в опасности.

– Они не подавали сигнала СОС, – Вуниш подумал немного, усмехнулся, и добавил: – И вообще, послали нас в задницу.

– Сэр, при всём уважении…

– Отставить, – Патрик выработал решение. Он отдавал команды чётким тоном, ровно, без лишней патетики: – Сброс десантного бота, орудийным расчётам взять в прицел пиратский фрегат, огонь по готовности. Бот – стыковка с яхтой, левый шлюз. Гражданских парализовать, пиратов уничтожить.

– Сэр, есть, сэр! – Капитан Богрес посветлел лицом, и быстро продублировал команду на орудийную палубу и десанту. – Залп!

Фрегат испарился в яркой вспышке, разлетевшись на мельчайшие частицы от совмещённого бортового залпа крейсера.

Яхта дрейфовала в космосе, подёргиваясь от импульсов маневровых двигателей, и тускло пламенея дюзами. В эфире шипела статика, которую нарушил лишь голос командира десантного отделения.

– Бот у цели. Стыковка. Режем шлюз. Командир Глок Скайоркер доклад закончил.

Патрик прошёлся по мостику, поглядывая на тактический штурмовой дисплей, где пятнадцать камер транслировали обзор из шлемов десантников. Внутренности бота заливал красно-оранжевый свет плазменной горелки, выпиливающей ровный круг во внешней двери шлюзовой камеры АР. Подрагивающие картинки то и дело покрывались сеткой помех.

Спенсер с Элем двигались по центральному коридору, проходившему вдоль длинной оси яхты, переговариваясь.

– Что это так бахнуло? Топливо? – агент проверял выданный ему Элем кассетный дробовик с немного разболтавшимся затвором.

– Почти, – ответил тот, сжимая в руках длинный ствол снайперской винтовки. – Как ты думаешь, чем мы кормим нашу детку, у которой два здоровенных мотора и толстая крепкая пушка под юбкой? Реактор, даже вспомогательный с военного корабля, всё равно не справится. Вот и пришлось большую часть свободного пространства яхты отдать под ячейки плазмогенераторных накопителей.

– Мы все летаем на плазменной бомбе. Как оригинально, – вклинился в разговор Льюис, оставшийся в медблоке. – Я готов,

скоро вас догоню…

– Ну да. Только за всё время ходовых испытаний это первый случай. – Эль улыбнулся, и тряхнул головой. – Ну, вот кто просил этих идиотов вскрывать корпус именно там…

– Теперь их стало на полтора десятка меньше, – заметил Спенсер, осматриваясь. Оружейная комната, куда они направлялись за снаряжением, была неподалёку.

– А у нас на тридцать процентов стало меньше энергоресурса! – Алира не сдерживала кипящей в ней ярости, и, даже искажённый системой связи, её голос звучал, как шипение разозлённой змеи. – И мне посрать, сколько этих говнюков сгорело – всё равно мало!

– Сейчас их станет ещё меньше, дорогая… – пилот переключил накопитель винтовки, и включил охладитель.

– Поторопись, мон ами, – Алира холодно усмехнулась. – Автоматические системы внутренней защиты выбиты. Моторный отсек захвачен. Они направляются к вам через грузовой трюм…

– Сколько их, Спенс?

– Не называй меня так, твою мать! Десять… – отрывисто выталкивал слова агент, перезаряжая старенький дробовик. Внезапно почувствовав что-то, он дослал последний картридж с картечью, и, выставив ствол из-за угла контейнера, нажал на спуск. Раздавшийся грохот и последовавший за ним булькающий вопль порадовали стрелка. – Девять.

– Восемь, – продолжил счёт Эль, разряжая в выкатившегося в проход пирата, прикрывшегося титалевым щитом, фузионную винтовку. Оплавленная дыра в броне, сквозь которую было видно противоположную стену, заставила пилота цокнуть языком. – Красавчик. Какой богатый внутренний мир…

– Льюис, что ты там ковыряешься? – Спенсер подтянул к себе труп пирата с размозжённой выстрелом дробовика головой, и вытащил из его кобуры плазменный пистолет. Две обоймы перекочевали в карманы агента. – У меня скоро закончатся заряды.

Из прохода, ведущего к цейхгаузу и носовой части корабля, донёсся хриплый голос Гриффина:

– Сейчас, сейчас… Только памперс натяну.

– Абанамат! – заорал один из пиратов, швыряя круглый шарик гранаты в распахнутую диафрагму выхода. Его голова испарилась от выстрела Эля, но взрыва это уже не могло предотвратить.

Спенсер дёрнулся к двери, но на его укрытие обрушился шквал огня, и какое-то время агент был немного занят, разряжая

последние кассеты дробовика в противника. Стальные конусы рикошетили от стен и металлических плоскостей, несколько картечин разорвали агенту ухо, и прошили мышцы руки, но он подавил боль, и продолжил отстреливаться.

– Гриффин! Льюис, мать твою операционную, и сестру твою хирургическую! – Спенсер перезарядил плазменник. – Ты там живой?

– Живой… Сейчас… Вот, держи. В самом низу лежали, – хрипя, с трудом произнёс Льюис, со стоном приваливаясь к ребру тяжёлого контейнера. – Кх-ха…

Спенсер откинул крышку кофра, и кивнул. В мягком пластике тускло отблёскивал синевой ребристого ствола-охладителя охотничий плазменный карабин. Хозяева яхты не мелочились, и всё оружие на корабле, кроме табельного, обладало повышенной мощностью.

Агент перевёл взгляд на дока, и собрался ещё сильнее. То ли тому поспособствовало бледное лицо Льюиса, покрытое крупными каплями пота, то ли торчащий из его торса зазубренный осколок пластиковой обшивки стен…

– Гриффин, урод ты чёртов… – Спенсер схватился за маленькую сумочку, висевшую на шее, и запустил в неё дрожащие пальцы. – Сейчас, сейчас…

Эль из своего «гнезда» блеснул оптикой прицельного комплекса, и, поняв ситуацию правильно, стал дырявить переборки из своей фузионки, целясь в сервомеханизмы пиратских скафандров.

– Даже и не думай… – Льюис сплюнул, и влажно закашлялся. – Не смей пачкать меня своей наномерзостью. Лучше сними аптечку. С пояса. Рука, кхха, отнимается…

Агент недовольно мотнул головой, и извлёк из сумочки капсульный шприц размером с монетку:

– Это обезболка. Без нанов.

«Хуянов» – шевельнул губами док по привычке, когда Спенсер впрыснул наркотик ему в яремную вену.

Бывший агент корпорации взял в руки аптечку, и, покрутив её в руках, разломил на части.

Глава 30

– Придётся тебе побыть моими руками, Спенсер, – Гриффин закашлялся, и залышал чаще. – Хоть они у тебя и не мытые, но выбирать, кхе, не приходится.

Агент, привычно схвативший красный распылитель, окрысился в ответ:

– Льюис, хорош трепаться не по делу, затрахал уже! Руки, понимаешь, хуюки… С пневмотораксом я уже сталкивался. Справлюсь.

В стандартную корабельную и армейскую аптечки всегда входило минимальное количество мощных и универсальных средств, распределённых по разноцветным распылителям и инъекторам, отмеченных разными насечками на ёмкостях. Чтобы сослепу не поставить себе слабительное вместо обезболивающего… И порядок действий при проникающих ранениях был простейшим. Красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, синий или фиолетовый. Если не помогло – то чёрная капсула, или выстрел в голову.

– Оранжевый не тронь. У меня после твоей последней инъекции, кхе, «простой обезболки», ещё эйфория не прошла, – Льюис прикрыл глаза, пока агент разбрызгивал вокруг раны содержимое распылителя. Взвесь, попадая на окровавленную одежду, застывала хлопьями, увеличиваясь в размерах, и быстро опадала, оставляя лаково блестящую плёнку на чистой коже, покрасневшей и вспухшей вокруг осколка. Ткань рубашки доктора растворилась вместе с кровью и осыпалась. Осколок подрагивал в такт дыханию Гриффина, слегка запаздывая за другой половиной груди.

– Так. Отлично. Хороший пёс. – Льюис вздрогнул, когда Спенсер прикоснулся к зазубренным граням длинного ребристого осколка. – Теперь приготовь зелёный комплект. И трубку с насосом.

– Угу. И белые тапочки. Где-то в каюте валялись. – Агент сжал осколок, не обращая внимания на то, что он режет ему ладонь, и резко дёрнул.

Из раны, пузырясь, полилась толчками ярко-красная кровь. Спенсер, прислушиваясь к звукам перестрелки, возникшей в тылу у засевших в противоположном краю грузового отсека пиратов, отбросил кусок пластика, и схватил зелёный пакетик. Засунув его прямо в отверстие на груди доктора, агент коснулся уголка мягкого пластика, и поток крови быстро иссяк. Следом пошли в ход синий распылитель с длинной трубкой, содержащий мощный

регенерационный состав, смешанный с клеточным клеем, которым, по слухам, умудрялись приживить на место отрезанные руки и ноги. Если пациент, конечно, не отбрасывал ботинки от шока и кровопотери.

Перестрелка усилилась.

– Втыкай насос, не тяни, – доктор побелел, и дышал через раз. – Скорее, Спенс, скорее… Уже схватилось.

Агент, мысленно сплюнув, коротко описал место рождения Гриффина, его сексуальные пристрастия и образ жизни, закончив тираду смачным: «… и трибубённый ты осёл!» При этом он вставил в края сужающейся буквально на глазах раны серебристый гладкий конус, размером и диаметром с палец, зафиксировав его тонкой полоской биоклея. Устройство завибрировало, отсасывая остатки крови и восстанавливая разность давлений между плевральной полостью, лёгким и атмосферой.

– Не забыть потом вытащить… – доктор немного порозовел, но старался дышать неглубоко и не двигаться.

– Я тебе вытащу! – Спенсер оттёр руки квадратиком салфетки, и, подумав, вкатил Гриффину ещё дозу обезболивающего. – Спи давай…

Осторожно выглянув из укрытия, агент различил вспышки выстрелов и услышал шум боя в пиратском тылу. И почувствовал, что его медленно, но неуклонно накрывает волной гнева и ярости. Смешно сказать, но, несмотря на взаимные пикировки и, зачастую, обидные слова, Спенсер привык к обществу дока. Притерпелся. Да и награда за терпение была велика. «Вернуть себя, свою память… – думал агент, механически подбирая карабин, и заряжая энергоячейки в длинный подствольный паз. – Мой последний шанс. И его у меня хотели забрать какие-то ублюдки… Не допущу. Не отдам. Моё!»

Посмотрев на лежащего Гриффина, с торчащим между рёбер цилиндриком насоса, Спенсер тихонько зарычал. Его в первый раз за много лет уносило прочь бешеным желанием убивать, убивать и ещё раз убивать. Хотелось рвать жертву на куски и пить кровь, выть над поверженными врагами и грызть им глотки.

Всё то напряжение и недовольство, что скопилось внутри агента за годы службы на Корпорацию, сейчас рвалось наружу, сметая все преграды. Предохранители и психоблоки, встроенные когда-то агенту, сгорали и растворялись в кипящей чёрной волне. «А, может быть, так оно и надо, – подумал он, устало расслабляясь, и позволяя ярости захлестнуть себя с головой. – Может быть, это мина замедленного действия, которая включается, если сотрудник слишком долго не контактирует

с Корпорацией…»

Спенсер встал, повернулся к контейнерам, где засели пираты, и медленно пошёл туда, покачивая стволом охотничьего плазмомёта из стороны в сторону. В его глазах мягко поднималась кровавая муть запредельного боевого режима, который мог выжечь неосторожного агента дотла. Но ему было нисколечко не жаль – Спенсер знал, на что и ради кого он шёл.

Эль, наблюдавший за ним сквозь прицел, дёрнул плечами, и пожалел, что не видит сейчас лица агента. Но, спускаясь из своего укрытия на опоясывающей трюм галереи, пилот понял, что оно и к лучшему. Первого своего пирата Спенсер, оставив плазмаган на полу, забил до смерти небольшим, но тяжёлым контейнером. Второму вырвал глотку скрюченными пальцами. Третий, вооружённый только лазерной винтовкой, попытался выстрелить в агента…

Тут Эль чуть не сорвался с лестницы, позабыв обо всём – Спенсер, который уже не успевал увернуться от луча, странно выгнулся, и громко чихнул, образовав перед собой туманное облако, висящее в воздухе. Лазерный импульс, пройдя через взвесь, рассеялся и потерял большую часть мощности, оставив на куртке агента небольшую полосу потемневшей ткани. Ответный выстрел Спенсера из плазмомёта оставил от пирата только обгорелые ноги, закованные в остатки ножной брони – всё остальное испарилось от взрыва горячего огненного шара.

«Вот теперь я верю, что Спенс – корпорат. Боевые наны. С ума сойти… – подумал Эль, перебираясь к доктору. – Но почему тогда доктору потребовалось применить аптечку? Он не из Корпорации? Или у него нет нанов? А как же аппаратура? Чёрт».

Из ведущего к моторному отсеку прохода раздавались вопли, хряск разрываемого металла, выстрелы из плазменников и резкий вой иглометов.

– Капитан! Сэр… – голос сержанта Скайоркера прерывался треском, а картинка его камеры то и дело шла волнами, словно рядом находился мощный источник помех. – Мы… с ожесточённым сопротивлением… Потери… из строя… половина…

Патрик качал головой, наблюдая, как одна за другой гасли участки голоэкрана, демонстрировавшего вид из тактических камер отделения десантников. А как многообещающе всё начиналось…

Тяжеловооружённые и закованные в немного устаревшую, но мощную и прочную броню солдаты покрошили в мелкий фарш

пиратов, захвативших моторный отсек, за считанные минуты, и уже собирались покончить с оставшимися негодяями, чтобы перейти ко второй фазе операции, когда столкнулись с чем-то невероятным.

Из грузового трюма, прямо на десантников, выбежал орущий пират, за которым длинными прыжками передвигался рычащий мужчина в рваной окровавленной одежде, с горящими глазами. В одной руке этот демон сжимал длинный плазмомет с ребристым стволом, а в другой – оторванную руку в броне, оставлявшую кровавый след.

Выстрел из его излучателя испарил туловище пирата без остатка, щедро разметав крупинки зажарившейся крови и ошмётки горелых внутренностей по переходу. Ближайший к месту событий солдат потянулся за парализатором, выполняя приказ, но не успел. Выстрел из плазмомета, и обезглавленный бронекостюм повалился навзничь, а разряженная винтовка полетела, как копьё, в начавшего оборачиваться на шум следующего десантника.

Потом всё слилось в кровавую кашу, прерываемую только вспышками случайных выстрелов.

Вуниш вывел на отдельный экран запись первых моментов столкновения с неизвестным, и побледнел. Искажённое низкокачественной голосъемкой и выражением ярости, смешанной с болью и ненавистью, лицо беглого агента Корпорации С. Спенсера вызвало у закалённого долгими годами службы в Корпусе инквизитора резкий укол животного страха. Налитые кровью глаза, казалось, смотрят прямо на Патрика, выискивая слабые уязвимые места, и прицеливаясь…

«Мифы про ликвидаторов Корпорации можно наполовину признать объективной реальностью, – подумал Вуниш, убирая картинку. На линии связи было тихо, только потрескивали пакеты помех. Все малые тактические экраны были темны и мертвы. Отделение сержанта Глока Скайоркера перестало существовать за сорок пять секунд. – И, более того, стараться действовать при нейтрализации с максимальным применением тяжёлых вооружений и техники. Вплоть до антиматерии и гравибомб. Это… Это ужасно».

– Эй ты, урод космический! – раздался на мостике хриплый усталый голос хозяйки яхты, заставив вздрогнуть от неожиданности большинство присутствующих. – «Новая», трам-тарарам, «Заря», или как вас там… Вы ещё тут?

Патрик пошевелил губами.

– «Александрийская Рулетка», приказываю вам сдать оружие

и выдать в иммобилизованном состоянии двух опасных преступников, находящихся на борту вашей яхты!

– Иначе что? – в голосе Алиры послышался вызов. – Вы нас закидаете, э-м-м-м, свежим говном? Ваши, так сказать, десантники, чуть не разнесли мою яхту. После чего с ними случился… несчастный случай.

– В случае сопротивления будет применено летальное оружие! – Патрик всегда чувствовал себя глупо, когда произносил подобные слова. – Или…

– Можете поцеловать меня в задницу. Всё. Мне надоело. Можете любиться в этой системе с местными пиратами, сколько вам влезет, а у нас тут регата, – хозяйка «Рулетки» разозлилась не на шутку. – Аста ла виста, уроды… Эль, заводи!

«Александрийская Рулетка», удачно развернувшаяся в дрейфе стволом своего орудия по направлению к крейсеру, выплюнула из малозаметных люков стайку серебристых торпед, с этого расстояния казавшихся мелкими блесками, а спустя двадцать секунд из разогревшегося жерла генератора чёрных дыр добавила кувыркающейся сингулярностью. Торпеды, оказавшиеся подавителями силового поля, распустились сиреневыми зонтиками гравимагнитных взрывов, в круге которых вращалась быстро увеличивающаяся чёрная дыра, летевшая в корму «Новой Зари».

– Огонь на поражение! Уничтожить яхту! – взвился капитан Богрес, и осел в своё кресло

– Отмена! Огонь по сингулярности! Запустить все ракеты и торпеды по левому борту! – надсаживаясь, заорал Вуниш, сжавший кулаки до хруста, откашливаясь и хрипя: – Выполнять, сучьи сраки…

– Бунт на корабле?! – Богрес медленно развернулся к инквизитору, вскинув подбородок, когда корабль тряхнуло от залпа. – Расстреляю!

– Хотите умереть – стреляйте. – Патрик нехорошо улыбнулся. – А пока вы думаете, я пробую спасти наши жизни. Огонь всех орудий на чёрную дыру!

В это время яхта, прогрев ничуть не повреждённые двигатели, рванулась к точке перехода, ведущей прочь из системы.

Сингулярность схлопнулась, едва успев достигнуть кормы «Новой Зари». Двигатели крейсера частично вышли из строя, и один взорвался, разнеся часть моторного отсека. Вспышка

рентгеновского излучения, поглощённая по большей части броневыми поясами корабля, всё же выбила часть навигационных и энергопитающих мощностей.

Лишённый хода, искалеченный и местами очень радиоактивный крейсер, тем не менее, выжил. Экипаж, кроме команды машинистов, отделался лёгким испугом и курсом радиотерапии.

Патрик Вуниш все дни до прихода ремонтно-восстановительного судна не выходил из своей каюты. Инквизитор очень много думал в эти долгие тягучие часы – о долге, чести и совести. Сложно сказать точно, к каким выводам пришёл начальник службы Корпуса, но известно, что он покинул борт крейсера в порту, и больше никогда не пересекался с военно-космическими силами Гишпании.

Глава 31

Патрик сидел на летней веранде, потягивая свежевыжатый апельсиновый сок. Планета Гелео Прайм славилась своими курортами и зонами отдыха, к которым слетались, словно пчёлы на мёд, десятки прогулочных яхт и пассажирских лайнеров с туристами. Приятный мягкий климат, множество маленьких озёр в окружении красивых пейзажей в пасторальных тонах, высокое зеленовато-голубое небо и яркое жёлтое солнце, так напоминающее звезду далёкой Терры.

Каждый уголок Гелео Прайм был наполнен домами и домиками отдыха, частными гостиницами и пансионатами, санаториями и специализированными клиниками, где проходили процедуры реабилитации сотни людей. К тому же, эта планета славилась своим статусом нейтралитета, подчёркивая это при каждом удобном случае, отгораживаясь от претензий иммунитетом популярного и обширного курорта трёх ближайших субсекторов.

Гелео Прайм привечала не только людей, но и ксеносов. Конечно, особые требования предъявлялись к ним в жёсткой мере, но не допустить на планету-курорт кого-либо из условно дружественных рас правительство не могло.

Деньги, как и технологии, всегда в цене. С последними эта поговорка становилась особенно привлекательной.

Патрик сидел на плетёном стуле с высокой спинкой, на котором для удобства и приятного расслабления лежали несколько маленьких разноцветных подушечек. Перед ним на таком же плетёном столике стоял недоеденный завтрак, насыщая ароматами превосходного омлета с зеленью и помидорами окружающее пространство. Апельсиновый сок в тонкостенном запотевшем стакане приятно ласкал взгляд задорным оранжевым цветом.

«Просто Рай какой-то, – подумал Патрик, делая ещё один глоток прохладного сока. – Никогда бы не подумал, что могу оказаться в таком месте».

– Причём, совершенно бесплатно, – раздался приятный женский голос. За столик к инквизитору присела стройная брюнетка в лёгком полупрозрачном платье нежно-зелёного цвета. Свои длинные волосы она заплела в сложную причёску, оголив плечи, по которым спускались тоненькие бретельки платья. Патрик взглянул в лицо агента Мольер безо всякого интереса.

– Умеешь читать мысли? – спросил он. Женщина холодно улыбнулась, поправляя волосы.

– Догадалась по выражению твоего лица. Ну да мы не о курортах. Корпорация хочет знать, почему ты бросил преследование и решил отправиться именно на Гелео Прайм?

Патрик смерил агента Мольер взглядом блёклых глаз, склонил голову набок, чувствуя, как отросшие за время его задания светлые волосы щекочут спину под тонкой тканью рубашки.

– Мадмуазель Мольер, – произнёс он, поглаживая кончиками пальцев высокий стакан с соком, – зачем гоняться за какой-то яхтой, способной, прошу заметить, отбиться от превосходящих сил пиратов, если можно просто подождать её в точке окончания регаты? Вашему начальству так принципиально именно преследование объектов или результат?

Брюнетка не показала никакого смущения, лишь коротко кивнула в знак согласия, откинувшись на спинку стула и приглаживая струящуюся ткань платья, расправляя его на груди.

Патрик проследил её жест, едва заметно улыбнулся краешком губ, но взгляд его не потеплел.

– Послушайте, мадмуазель Мольер, – подавшись вперёд и глядя женщине прямо в глаза, произнёс Патрик, – я инквизитор субсектора какой-то там засраной планетки, покинутой вашей Корпорацией хрен знает, когда. И на меня не действуют ни угрозы, ни попытки соблазнения, ни тонкие игры разума с вашей стороны. Вы можете читать мои мысли, раздеться передо мной прямо здесь или выстрелить мне в голову на глазах окружающих. Я знаю, что вас даже не попытаются задержать. Но, – он сделал паузу, – пожалуйста, не надо делать из меня идиота, – закончил Патрик, откидываясь обратно на спинку стула. – «Александрийская Рулетка» выиграет гонку даже при учёте повреждений и потери времени из-за вынужденного срочного ремонта. И ваши объекты никуда не денутся в космосе, если только не выйдут в безвоздушное пространство и не погребут прочь в скафандрах прямо в вакууме. И я не вижу смысла бегать за ними, теряя людей и самоуважение.

Женщина поднялась со своего места, одарив Патрика надменным взглядом.

– Давайте поступим так, инквизитор, – холодно произнесла она, – вы ответите мне только на один вопрос, и я уйду.

– Тогда уж и вы ответите мне на вопрос, – согласно кивнул Вуниш. Тон инквизитора не оставлял сомнений, что иного ответа, кроме согласия, он не приемлет. По сути, Патрик знал, что заставить агента Мольер откровенничать с ним он не в силах. Но и ей вовсе не требовалось узнавать его планы или какие-либо иные сведения, спрашивая о них. Эта женщина, и тут Патрик был

почти уверен, могла бы просто извлечь всю необходимую информацию из его мозга. Сохранность черепа при этой процедуре явно не предполагалась…

– Вы собрались просто подойти к объектам и попросить их отправиться с вами? – иронично осведомилась брюнетка.

– Я не просто попрошу, а вежливо, – улыбнулся Патрик, давая понять, что Мольер права, и в этом состоит его план. Женщина посмотрела на инквизитора каким-то странно долгим пронзительным взглядом, в котором явственно читалось осознание сумасшествия Вуниша. Впрочем, ничем иным она не выразила своего неодобрения. Она повернулась и направилась прочь.

– Постойте, мадмуазель! – окликнул её Патрик, – а как же ответ на мой вопрос?

Мольер замерла на месте, медленно оборачиваясь к инквизитору.

– Почему именно Мольер? – с улыбкой осведомился он. – Вы поклонница творчества французского драматурга?

– Нет, – пожала она плечами, – моё имя Ванесса Поклен.

Патрик сдержанно кивнул, приподняв бокал с соком и отсалютовав им агенту Мольер. Женщина снова окинула взглядом инквизитора, словно сомневаясь, стоит ли спросить его настоящее имя, но потом её лицо снова стало непроницаемым и холодным. Она быстро направилась прочь, не оглядываясь, и оставив Патрика в одиночестве наслаждаться чудесным пением ярких птичек в ветвях деревьев, окружавших летнюю веранду небольшой гостиницы.

Спал он плохо. Патрика мучила бессонница, но едва ему удавалось забыться неглубоким беспокойным сном, он то и дело видел, как один за другим гаснут изображения с картинками захвата яхты «Александрийская Рулетка». За этими видениями в мозг настойчиво пролезали воспоминания с родной планеты, попытки захватить Гриффина ещё там, след, приведший инквизитора к убитому дознавателю, красное пятно крови на полу в старом ангаре и настойчивые воспоминания о множестве перекопанных данных в последствие. Да и биоимпланты, поставленные в правое плечо, не давали ему покоя, словно инородные захватчики, проникшие под кожу. За время пути и погони большая часть их давно отслужила своё, а применение мощных стимуляторов роста мышечных волокон и костной ткани довершили процесс заживления. Но ощущение скверны в теле осталось до сих пор, неясным нервным чувством мешая спокойно поспать.

В конце концов, Вуниш сдался, прекратив бесполезные попытки выспаться. Он вышел на летнюю веранду небольшого домика, в котором ожидал последние несколько дней окончания космической гонки. «Осенние Сюрпризы» оказались неожиданными не только для участников регаты. Сам Патрик даже не предполагал, что его устроенная и, в общем-то, размеренная жизнь насытится подобными приключениями, зачастую сопряжёнными с риском для карьеры и жизни.

Он опустился на стул с плетёной спинкой, чувствуя прохладу и свежесть приближающегося рассвета. Опухшие, красные от недосыпа глаза слезились и беспрестанно чесались. Патрик тёр их кулаками, то и дело смаргивая набегающие слёзы. В голове крутились сюжеты из снов.

«Тебе есть, о чём подумать, – говорил он сам себе. – Ведь Гриффину ещё на Малидакане помогли сбежать. Та странная история с его обвинением в смерти майора Вандершанца не показалась тебе странной, – продолжал он внутренний диалог, – да и показания Мак Лифа были весьма убедительны. А ты знаешь правду. Знаешь ли?»

Некоторое время Патрик взирал на разгорающуюся полоску рассвета на востоке. Небо начало светлеть, темнота медленно и неохотно отползала прочь. Звёзды гасли одна за другой, а в ветвях начинали чирикать вездесущие пичуги, приветствуя новый день.

День обещал быть приятным и комфортным, как и вся жизнь в самых обласканных мирах под контролем Корпорации. Курорты, развлечения, наука, техника, развитие на благо будущего. Знакомые и уже порядком набившие оскомину лозунги, лезущие в голову каждого человека из всех унитазов на любой планете.

Пропаганда лояльности и любви, сплочения и объединения. Приходите к нам, у нас есть печеньки! А для особо строптивых они у нас с гвоздями…

До сего дня Патрик особо и не задумывался, как обстоят дела там, далеко, ближе к середине централизации власти Корпорации. На таких вот обжитых и уютных планетах, как Гелео Прайм, снискавшей славу элитного и самого известного места отдыха во всех секторах Корпорации.

Патрик порылся в карманах лёгкого халата, наброшенного на узкие голые плечи, чтобы ночная прохлада не отвлекала от размышлений. Достав смятую пачку сигарет, он закурил, медленно и задумчиво выдыхая дым вверх. Сизый туман закручивался причудливыми спиральками, а затем растворялся в воздухе.

Он продолжал размышлять, сосредоточенно и хладнокровно

вспоминая все звенья цепочки, приведшей его сюда.

Насколько он мог знать, со слов Давлатова при администрации военного отделения на Малидакане, Гриффина обвиняли в умышленной смерти майора Вандершанца. Дескать, лейтенант Мак Лиф, находящийся под командованием майора, доставил доктору вполне живого и легко раненого начальника. После чего получил назад изуродованное тело майора без объяснений случившегося за дверями доктора Гриффина.

Со слов того же Давлатова, к Льюису было направленно несколько запросов о предоставлении на осмотр его оборудования с целью установления, действительно ли помощь, оказанная Вандершанцу, была квалифицированной.

Патрик вполне понимал, почему Гриффин отказался предоставлять на всеобщее обозрение свои инструменты с маркировкой Корпорации. Один только автохирург мог подвести Льюиса под невыездную статью на Малидакане до конца его дней. А вот запертым в клетке специалистом Гриффин быть вовсе не желал. Свобода, как и незаметность, устраивали его чуть более, чем полностью.

После замятой несколько лет назад истории с доктором Адамом МакФэреллом, пойманном на проведении весьма странных евгенических опытов с людьми и генами ксеносов, подобное положение дел, как и специалист высшего класса, вполне устраивали и военных, и власти планеты.

«Значит, это болото кто-то должен был расшевелить, – подумал Патрик, затушив сигарету в ажурной пепельнице, стоявшей на краю столика. – А не был ли этот некто тем самым, кто повёл линии действий как раз туда, куда ему и было нужно?»

Инквизитор закурил подряд вторую сигарету, потирая слезящиеся глаза и чувствуя, как в голове нарастает боль.

«Сначала ему необходимо было расшевелить наш недалёкий, положивший моржовый хер на Корпорацию, мирок, чтобы выкурить искомый объект и заставить его бежать, проявив себя. Для этого этот Некто и устроил подлог с обвинением, замяв полноценный и подробный донос Вандершанца на своего молодого лейтенанта Мак Лифа о предательстве и покушении на жизнь майора. Иначе добрый доктор просто осел бы в любой другой клинике планеты. Но не тогда, когда за его голову назначена награда, а слава раскурочившего спецтранспорт военных летит впереди прошлых дел. После выманивания настала вторая стадия, а именно, загон. Гриффина вынудили принять помощь некоего агента, чтобы легче было следить за странным доктором Льюисом».

Патрик сдвинул брови, покручивая в руках зажжённую

сигарету. Столбики серого пепла не спеша падали вниз, бесшумно рассыпаясь у ног Вуниша.

«А вот насчёт этого самого агента я пока ничего не могу сказать, – продолжал размышления инквизитор. – Вполне возможно, что он вовсе и не отступник, но удачно играет его роль, добиваясь доверия Гриффина. Но вполне возможно, что агенту что-то нужно от доктора. Тогда встаёт вопрос, а что именно?»

Исходя из поступивших отчётов и собранной информации с «Александрийской Рулетки», когда та вежливо сгрузила все трупы в открытый космос, Патрик знал о характере повреждений и нанесённых смертельных ранений отделению десанта, погибшему на борту яхты. И, судя по тому, что сумел увидеть Вуниш, военных порвали на части. Некоторых – в прямом смысле слова. В том, что это вовсе не методы доктора Гриффина, Патрик не сомневался. Да и мирные гражданские яхтсмены вряд ли открыли бы в себе такие стороны. А вот агент Корпорации, пусть и бывший, вполне мог.

Боевая программа под воздействием нанов очень даже соответствовала картине повреждений от рук ликвидатора.

«Значит, у агента наны, – хмуро подумал Патрик. – Что это нам даёт? А даёт многое. Если у агента наны, значит ему нужен доктор, умеющий с ними обращаться. Элементарно проверять новые партии на жизнеспособность. Тогда связка складывается. Агенту нужен доктор, доктору – способный прыгать по порталам агент. Но почему тогда они отправились на яхте?»

Эта часть размышлений Патрика давала сбой.

– Они экономят, – пробормотал он, затушив и вторую сигарету. – У них нет запасов нанов. И они могут двигаться только туда, где они есть. Значит, конечная точка побега пока не определена? – спросил он сам себя.

По всему выходило, что сейчас два бывших сотрудника Корпорации просто бежали, сломя голову, в никуда. Без цели, средств, чёткой задачи и намерений. Но если бы Патрик мог оставить их в покое на некоторое время… он сумел бы понять, куда движутся объекты.

Единственное, что пока оставалось неясным для Вуниша, чем именно так уникален Гриффин, что даже агент Корпорации решился прибегнуть к его помощи и изменить своим хозяевам. Ещё одна вещь, тёмным пятном ложащаяся на разум инквизитора, состояла в том, что он не мог не замечать некоторых совпадений.

Гриффина выкурили из обжитого гнезда тогда, когда это понадобилось. В этом Патрик почти не сомневался. Вопрос в том, почему понадобилось именно сейчас. Далее доктора вынудили

сотрудничать с агентом, упрочив их связь взаимной необходимостью. Но для того, чтобы эти двое пустились в бега, должно было удачно сложиться несколько факторов.

Первое – спецтранспорт с Гриффином подбили из законсервированных звуковых пушек, установленных в горной зоне приграничья с сектором владения повстанцев. Вернее, кто-то очень хотел, чтобы это выглядело именно так. Патрик лично осматривал транспорт на месте падения и знал, что импульс был слишком маломощным, чтобы долететь с приграничья.

Транспорт просто уничтожили, оформив всё, как случайность или действия несуществующих сообщников Льюиса. Далее Гриффин получил обвинения, после которых не мог оставаться на планете. И именно Патрика направили решать дело местных вояк, уведомив его о том, что подозреваемый является первым звеном, опять же, к несуществующей группе заговорщиков, подозреваясь в нелегальном использовании биоматериала, смены личности или захвата чужой оболочки с целью скрыться от властей. Именно такая формулировка и обязывала передать дело инквизитору Корпуса на Малидакане, а не оставлять его в руках обычных военных или сил полиции.

Патрик припомнил тот день, когда его информатор определил местоположение Гриффина в клинике. Будучи инквизитором Корпуса, Патрик Вуниш был единственным, кто имел возможность облачиться в действительно подходящую защиту для операции по аресту Гриффина.

Только вот сама идея о наличии некоего общества заговорщиков казалась ему теперь навязанной кем-то. Кем-то, кто подделал дело Гриффина с ложными обвинениями. Кем-то, кто сумел сбить спецтранспорт с заключённым на борту так, чтобы сам заключённый уцелел и начал дёргаться. И ещё этот кто-то потрудился организовать дееспособность звуковых пушек на крыше клиники, заменив недостающие детали в них, давно уже разворованные местными умельцами.

Что и сказать. Малидакан не ждал возвращения Корпорации, не следил за оставленным оборудованием и тихо разбирал его на части.

Но больше всего Патрика интересовала его нынешняя роль в этом деле. В том, что его вели, охраняли и вовремя подсовывали информацию, он был уверен.

Вуниш припомнил высокого худощавого мужчину с острыми чертами лица, который дал ему некий медальон на короткой цепочке со стилизованной буквой «I» и тремя косыми чёрточками на ней. Своеобразное удостоверение полномочий агента Корпорации, нанятого для особых случаев, оказывалось полезным

вне Малидакана, так как иных документов и полномочий Патрик не имел.

«Почему же игра началась именно сейчас? – думал он, чувствуя, как медленно выползающее из-за горизонта солнце начинает согревать озябшие плечи первыми лучами. – Что же вы там раскопали такого, что вам понадобился этот самый Гриффин, ради которого вы даже пожертвовали агентом?»

Инквизитор понимал, что найти ответ на этот вопрос самостоятельно он не сможет. Оставалось только одно: пойти и спросить. Только вот у кого? Передать свои мысли через Мольер? Вряд ли тогда он дотянет до следующего утра живым. Обратиться со своими размышлениями к своему начальству на Малидакане? Вуниш даже тихо засмеялся, представив это. Провинциальные вояки с отдалённой и всеми забытой планетки это вовсе не то, что способно было защитить Патрика.

Оставался последний вариант – обратиться к беглецам. Вполне возможно, что те даже и не догадывались о причинах своих же действий. Впрочем, как и о том, зачем нужны Корпорации, спокойно мирившейся с их жизнью столько лет.

Но для того, чтобы воспользоваться этим вариантом Патрику Вунишу предстояло решить, готов ли он присоединиться к компании беглецов, если никак не сможет оправдать своего разговора с ними перед лицом Мольер или её неприятного начальства.

Глава 32

«Александрийская Рулетка» медленно подползала к огромному, приветственно сияющему многочисленными огнями металлическому кольцу зоны финиша. Быстроразборное сооружение, возведённое орбитальными монтажниками за считанные дни, напоминало Элю огромное сидение от древнего унитаза для великанов, обильно усыпанное светодиодами. Он тихо хрюкнул от смеха, и послал образ Алире, которая вернула его обратно, уснастив подробностями в виде сияющей золотым голограммы человеческих фекалий в центре кольца, и дальше они смеялись вместе.

Имели право.

Яхта, перед началом регаты блистающая металлом и серебрящаяся полировкой, сейчас больше напоминала вырвавшийся из блокады крейсер – обугленные пластины, рваные дыры на обшивке в месте подрыва пиратских десант-ботов, сорванные обтекатели двигателей, открывающие всем взглядам огромные дюзы… От космического камуфляжа остались одни воспоминания, а про стыковочные огни пришлось забыть после первого же боя – пираты с присущим им чувством чёрного юмора старались в первую голову расстреливать именно световые маркеры.

Картину разрухи и славного боевого прошлого «Рулетки» прекрасно дополнял генератор сингулярности, вызывающе торчащий в разверстом фальштрюме. Жерло излучателя помигивало силовым полем и фазовыми инверторами, от чего у сведущих людей сводило сфинктеры. Встречающий выживших участников регаты эсминец местного флота сил планетарной самообороны предпочёл медленно отползти под прикрытие орбитальной пересадочной станции, и оттуда наблюдать за процедурой стыковки с зоной финиша.

О реакции устроителей и организаторов гонки можно было лишь догадываться по взволнованному тону речей и окутавшему круизный лайнер силовому полю десятого класса.

Впрочем, это ничуть не омрачило настроения Алиры и Эля, которые сняли боевое питание со своей пушки только при входе в атмосферу. Зона финиша была только первой из всех необходимых формальностей на извилистом пути к трём миллиардам.

«Рулетка», скрипя шпангоутами и набором корпуса, мягко

коснулась посадочными опорами ровного кералитового посадочного поля космопорта имени Жан-Поля Баньяна, и замерла, словно экспонат выставки «первопроходимцы космоса». От здания порта, сияющего голографическими изображениями и лазерными вспышками, к яхте стрелой помчались три глайдера с обслуживающим персоналом, таможенниками и представителями координационного комитета «Осенних Сюрпризов», за которыми, словно стая гигантских пчёл, следовала туча микро – и мини-дронов, съёмочных роботов и нанокоптеров, принадлежащих новостным службам, частным репортёрам, техношпионам и просто любознательным личностям.

– И пока я не увижу подтверждения перевода средств на счёт в банке «Империум», я буду стоически молчать и трагически вздыхать в камеры, описывая бедственное положение космических трасс в этом секторе, – Алира, не выключая голографического экрана, висящего перед глазами, спустилась по слегка погнутому трапу на посадочное поле.

– И что теперь? – мрачно осведомился Гриффин у стоящего рядом агента. – Мы можем быть свободны, нас уже закидали носками?

Доктор был не в лучшем настроении. Он, конечно, понимал всю тяжесть сложившейся ситуации, полевые условия и прочие мелочи, вынудившие его просить помощи у Спенсера после ранения при попытке штурма яхты, но смириться с этим не мог.

Этот чёртов шовчик не давал ему покоя. После того, как Спенсер вернулся и лично запихал доктора Гриффина в его же автохирург, хранящийся в трюме, агент зачем-то подвязался чинить рубашку Льюиса, совершенно изодранную в клочья. Не то от нечего делать, не то от великой заботы, но Спенсер зашил прорванные осколком места на ткани так, что теперь эти швы снились Льюису в кошмарах. Он то и дело представлял себе, как ему приходится отдаваться в руки агента, и тот проделывает с его телом те же манипуляции, повергая в фатальное уныние всё чувство прекрасного, какое только может быть внутри хирурга.

На самом деле Гриффину было немного завидно. По всему получалось, что Спенсер спас ему жизнь, да ещё и одежду починил, а её, надо сказать, у беглецов было немного.

Единственное, чем утешался Гриффин, меркантильное чувство надобности со стороны Спенсера.

– Ну, мы тоже должны пойти туда, – Спенсер махнул рукой куда-то в сторону шумного сборища людей неподалёку. – Пока нас никто не рассчитал, багаж не выдал, да и подвезти ребята обещали… так что, придётся нам пережить всю эту круговерть

почестей и внимания.

– Буди, когда закончат, я буду в автохирурге, – резко развернувшись на месте, попытался сбежать Гриффин. Спенсер цепко ухватил его за руку.

– Ну уж хрен! – взвыл он. – Только попробуй оставить меня наедине с этими… барракудами в перьях.

– Акулами пера, – огрызнулся Льюис. – Акулы-хуюлы, – привычно выругался он.

Толпа, тем временем, заметив отсутствие ещё двух членов экипажа, качнулась в их сторону, заставив Гриффина побледнеть, а Спенсера инстинктивно принять боевую сосредоточенность, отразившуюся на лице.

Спускаться им всё же пришлось. Спенсер шёл первым, с каменным выражением на лице раздвигая своим телом скопившихся репортёров и любопытных почитателей гонок. Льюис шёл чуть сзади. В какой-то момент, когда до земли оставалось несколько шагов, он заметил в толпе человека. Ничего примечательного в нём не было. Невысокий, худощавый блондин вежливо улыбался и смотрел прямо в лицо Льюису, словно давно знал его.

Гриффин хотел было окликнуть Спенсера, но того уже унесло волной галдящих людей. Незнакомец продолжал спокойно стоять посреди моря волнующихся и возбуждённо орущих людей. Гриффин сделал вид, что всё в порядке и продолжил следовать за агентом.

Когда доктор поравнялся с незнакомым худощавым блондином, тот медленно вытащил и покрутил в руках искорёженный и помятый наплечник от брони.

Льюис почувствовал, как в голове ухающими ударами пульсирует кровь, заглушавшая все остальные звуки. Блондин чуть склонил голову на бок и бросил наплечник, растворяясь в толпе. Он шёл спокойно, будто невидимая сила немного раздвигала шумный народ на его пути, а за ним тут же плотно сжималось кольцо людей, напирающих и наседающих на Гриффина и Спенсера, задающих им нелепые и дурацкие вопросы о том, что с ними случилось в пути…

Спенсер, не меняя выражения морды лица, пробирался сквозь толпу разгорячённых фанатов и репортёров, и старался не потерять из виду двигавшихся чуть впереди Эля и Алиру, которые умудрялись просачиваться между людьми как бы невзначай, обтекая препятствия, словно вода, бегущая между камней по руслу горной реки. Так же стремительно и неостановимо. Агент даже задумался, работая руками и стараясь беречь свою одежду,

которую самые неугомонные пытались разорвать на сувениры. «Где можно было научиться так двигаться? При том, что в обычной жизни Эль выглядит неуклюжим и неловким… Это что-то совершенно невообразимое. Я бы сказал, выходящее за рамки представлений об обыденном».

Гриффин, догнавший его в начале коридора безопасности, спешно выстроенного представителями местной полиции, был потен, краснолиц и необычно молчалив, а на приглашающий жест Спенсера, пропустившего дока вперёд, ответил только бурчанием.

Внутри VIP-зала космопорта, арендованного корпорацией «Магнус», было прохладно и тесно. Летняя жара, царившая снаружи, и марево от покрытия посадочного поля сменилась шелестом системы кондиционирования, постукиванием искусственных пласталевых листьев декоративных пальм, и гулом голосов людей, рассаживающихся за изящные столики. Среди праздной публики, одетой в очень широком диапазоне мод и направлений, мелькали юркие живые официанты, разносившие прохладительные напитки. Посреди зала был воздвигнут своеобразный подиум, на котором парил диск мобильной конференц-платформы, и стояли с десяток неудобных изукрашенных кресел. Острый глаз агента разглядел инвентарные номера на ножках, и Спенсер понял, что седалища взяли из комнаты отдыха персонала космопорта. «Могли бы и не экономить, – подумал он, но потом понял, что сморозил чушь. Если бы выиграл кто-то другой, праздник бы организовали на совсем другом уровне. – Да, потеря трёх миллиардов чувствительно ударит по корпорации „Магнус“. Да и ладно».

Алира и Эль уже уселись в кресла на центральном подиуме, и Спенсер, взяв на буксир Льюиса, который внимательно изучал окружавших их людей, направился туда же. Возле конференц-платформы, настраивая микрофоны, возился техник, которому что-то объяснял высокий худощавый мужчина в ярко-синем костюме из искрящейся ткани и чёрных туфлях. Сзади он напомнил Спенсеру Кловиса, и агент напрягся. Но ведущий, взяв тонкую трубочку микрофона у техника, повернулся в профиль, и Спенсер расслабил напрягшиеся мышцы. Лицом шоумен нисколько не походил на хитрого Койота, даже форма костей черепа была иной – более широкие скулы, узкий подбородок, слегка низковатый лоб.

– Давайте сюда! – прошептал Эль в браслет, и его голос ретранслировали полоски пластика на запястьях докторов. Льюис пожал плечами, и направился к сцене.

Дальнейшее слилось в круговорот торжественных речей, которые произносили по очереди представители комитета гонок, планетарного правительства, местных олигархий, корпораций и консорциумов. «Поздравляем… Желаем… Соболезнуем… Приподнимаем и слегка нагибаем…»

Спенсер с трудом сдерживал зевоту, и едва не вывихнул челюсть, дожидаясь окончания говорильни. Ведущий сыпал остротами, вызывавшими оскомину и раздражение, камеры жужжали и вились в воздухе, вспыхивая подсветкой. Кондиционирование едва справлялось.

Наконец, виновников торжества отпустили со сцены. Эль и Алира, вцепившись в лысого невысокого толстяка из правления «Магнуса», увели его в огороженный пальмами угол для переговоров, а Гриффин и Спенсер устроились за угловым столиком, с видом на посадочное поле и бурлящий жизнью зал.

– Теперь ты понимаешь, почему я так не люблю людей… – Льюис отпил воды из высокого запотевшего стакана, и устало откинулся на спинку стула. – Их слишком много. И они все говорят. Сразу.

Спенсер, почувствовав приближение приступа голода, мучившего его уже не первый день, щелчком пальцев подозвал официанта, и облегчил его поднос на тарелку с острыми жареными крылышками какой-то разновидности курицы. Большой бокал со светлым пивом прекрасно заполнил промежутки между словами и хрустом тонких косточек.

– Я отвык от пребывания в обществе, – признался агент, вытирая губы салфеткой. – Даже в таком… специфичном. С момента публичных лекций в Параллели А2180 мне не приходилось видеть перед собой столько людей сразу. А уж со сцены…

– Сцены-яхтсмены… – Гриффин опустил подбородок на сжатый кулак, и внимательно посмотрел на аппетитно жующего агента, профессионально отметив про себя, что тот ещё не полностью восстановился после боевого режима. Даже инъекции нанов из НЗ не очень помогли – Спенсер похудел на десять килограммов, и периодически впадал в жор, стремясь вернуть себе форму. Причём, это было подсознательное стремление, что его сильно тяготило. Впрочем, виноватое лицо Спенсера, застуканного на камбузе ночью, в одних плавках и с брикетом клонированной ветчины, доктор собирался хранить в памяти ещё долго. – Ты уже выступил? Выступил. Потешил своё чувство гордости? Потешил. А теперь расскажи мне, как ты видишь наши дальнейшие действия.

– Дождёмся наших нанимателей, узнаём их планы, – пожал

плечами Спенсер, дожёвывая крылышко. – Я не думаю, что яхта сейчас способна на долгие переходы, сам видишь – дырка на дырке. Удивительно, что за последние три дня скафандры пришлось надевать всего трижды…

Льюис вспомнил вкус воздуха с примесью сероводорода и поморщился:

– Я понимаю, ты сейчас в восторженном настроении, и всё такое, но… Не забывай, что у нас есть багаж. И его надо как-то перевозить, так что транспорт сейчас важнее, чем комфорт.

Доктор немного задумался, вспоминая увиденного им в толпе блондина с покорёженным наплечником, и никак не мог решить – рассказать Спенсеру о нём, или не стоит? Но сделать выбор не успел. Промокнувший губы салфеткой агент внезапно напрягся, словно увидел призрака. Или тяжеловооружённого штурмовика Корпорации…

– Подожди здесь, – бросил он Льюису, поднимаясь из-за стола, – я сейчас…

– Стой! – Гриффин, едва не потеряв равновесие, вцепился пальцами в запястье Спенсера. – Куда ты? – проследив направление его взгляда, доктор заметил красивую темноволосую женщину с великолепной фигурой.

Тёмно-вишнёвое платье из натуральной замши подчёркивало нереальное совершенство линий тела, а, когда незнакомка повернулась за бокалом шампанского, обрисовало контур великолепной груди. Льюис удивился стоимости и сложности комплекса операций и генной терапии, необходимой для поддержания такой телесной красоты. Либо – наноимплантации, что автоматически выводило их обладательницу в тысячу самых богатых людей этой планеты.

– Жди здесь, – Спенсер осторожно разжал пальцы доктора, и, словно по тонкой ниточке, направился прямо к женщине, которая сейчас удалялась в направлении помещений санитарно-гигиенического комплекса. – Я вернусь буквально через пару минут.

– Спенс! – Гриффин привстал со стула, уронив его. – Да куда же ты, дурень…

– У меня встреча с одной тайной, – загадочно ответил агент, ускоряя шаг.

– Да подожди ты, – зашипел Гриффин, пытаясь удержать агента, – мне тебе надо кое-что сказать. Я тут встретил одного человека…

Спенсер одним лёгким движением стряхнул с себя руку доктора, бросив что-то резкое через плечо, и удалился прочь, вслед за эффектной темноволосой женщиной.

– Спенсер, мать твою! – в отчаянии крикнул Льюис, но его спутник уже слился с толпой гостей. – Ну и пошёл ты, псина тупая, – зло сказал доктор, намереваясь уйти прочь. В этот момент кто-то мягко тронул его за рукав рубашки, обращая на себя внимание. Льюис развернулся, чтобы дать нелицеприятную отповедь очередному наглому журналисту или тупой поклоннице, но осёкся. На него спокойно смотрел тот самый блондин, которого он видел в толпе.

– Доктор Гриффин, прошу вас, нам надо поговорить, – обратился он к Льюису. И вот теперь он узнал его голос. Патрик Вуниш, инквизитор военного Корпуса субсектора Малидакана, возглавлявший операцию по задержанию Гриффина на одноимённой планете. Льюис осознал и то, что за наплечник был в руках Патрика.

В тот самый момент, когда Спенсер, закрытый в автохирурге, активировал звуковые и энергетические пушки на крыше клиники, Вуниш сумел уцелеть благодаря броне, счастливым обладателем которой являлся тогда только он из всего отряда злых и агрессивных военных патрульных.

Льюис хотел было отшить инквизитора, попытаться удрать, скрыться, но передумал. Идти ему было некуда, инструменты и приборы остались на «Александрийской Рулетке», Спенсер просто бросил его, променяв на какую-то миловидную тупую бабу.

– Хорошо, – легко пожал плечами Льюис. – Почему бы и нет? Раз уж вы так настаиваете, что даже сувениры с последней встречи храните.

Патрик не сдержал искренней улыбки.

– Может, это покажется странным, – сказал он, – но мне бы не хотелось, чтобы меня видели рядом с вами.

Гриффин удивлённо присвистнул. Они вышли через чёрный ход и остановились в тёмном переулке за рядами мусорных контейнеров. Ароматы тлена и безысходности сбивали с ног всякого, кто рискнул бы здесь оказаться, но ни Патрика, ни Льюиса это не волновало. Эти двое в своей жизни сталкивались и не с такими запахами. Вонь заживо разлагающегося тела или запахи испражнений, рвотных масс или застарелого пота трудно было переоценить или вычеркнуть из памяти и тому, и другому переговорщику.

– Мог бы просто арестовать, – пожал плечами Льюис, всё ещё кипящий от злости на Спенсера и его легкомысленность. – Или пристрелить.

Патрик отрицательно покачал головой и протянул доктору пачку хороших сигарет. Гриффин взял одну, чиркнул своей

зажигалкой и закурил. Сигаретный дым отлично отбивал остальные запахи. Во всяком случае, делал их менее тошнотворными и резкими. Инквизитор тоже закурил, выпуская колечки густого терпкого дыма вишнёвого табака.

– Ты же не убивал Вандершанца, – утвердительно сказал Патрик, не глядя на Гриффина. – Да и транспорт не сбивали твои мнимые сообщники. Ты один. Один был, один и остаёшься, Льюис.

Гриффин скрипнул зубами. Слова инквизитора просто провоцировали его сказать очередную резкость или хотя бы сделать вид, что Льюису всё равно. Но недавний поступок Спенсера не давал доктору уверенности в своей правоте, и он промолчал, спокойно разглядывая Вуниша.

– Вряд ли человек, способный на перечисленные обвинения, станет беспокоиться о том, выживут ли какие-то там люди из группы захвата. Ты бы не стал пытаться убедить меня отвести моих людей тогда, у клиники, если бы являлся просто маньяком, съехавшим с катушек. Подумаешь, одной жертвой больше, одной меньше…

– Ты сейчас ко мне так подмазаться пытаешься? – холодно усмехнулся Льюис, глубоко затягиваясь вишневым табаком. – Можешь даже не пытаться. На лесть не ведусь уже давно.

– С тех пор, как покинул Корпорацию? – с едва уловимым нажимом произнёс Патрик. Льюис согласно кивнул, и только потом осознал, что подчинился, расслабился и впустил в мысли этого странного инквизитора. Гриффин попытался собраться, выстроить новую стену непроницаемости и безразличия, на которых строилась его неуязвимая защита, но передумал.

«А на кой хрен? – спросил он сам себя. – Если меня ради первой же попавшейся бабы кинули, чем я лучше должен быть?»

– Ладно, что тебе надо, инквизитор? Арест, как я понял, не предполагается, убийство у помойки тоже. Не покурить же ты меня за школу позвал, пока мамка не видит.

Льюис смотрел на невысокого худощавого инквизитора и обдумывал, хватит ли у него самого сил справиться с этим человеком в случае чего-то непредвиденного. С одной стороны, Гриффин был в той же весовой категории, что и Вуниш, только выше его на полголовы, что, в общем-то, было несущественным. С другой стороны, вряд ли Патрик был весь такой тонкий и ломкий, раз уж до сих пор состоял на службе Корпуса в должности инквизитора.

Вуниш молча вытащил из внутреннего кармана медальон со стилизованной буквой «I» и спросил:

– Знаешь человека по имени Кловис?

Гриффин отступил на шаг, побледнел и начал озираться по сторонам. Зрачки доктора расширились, взгляд стал странным, будто Льюис смотрел внутрь себя, в свою память. Покачивающийся на цепочке медальон едва уловимо поблёскивал, отражая свет далёких звёзд, как метроном, успокаивая и настраивая на…

Льюис вцепился в свою голову руками, едва не вырвав клок волос, и сдавленно застонал, сгибаясь пополам.

– Убери… – прохрипел он, – убери это…

Патрик непонимающе взглянул на Льюиса, но медальон спрятал. Гриффин резко отвернулся, бросаясь в сторону и скрываясь за одним из контейнеров. Патрик хотел последовать за ним, но услышал характерные звуки опорожнения желудка и остался на месте, закурив вторую сигарету.

Через пару минут Гриффин вернулся. Всклокоченный, бледный и злой, как чёрт.

– Я не знал, – спокойно объяснил инквизитор. И Гриффин, открывший рот для отповеди в его сторону, медленно кивнул. Он понял, что Патрик действительно не знал, какой эффект произведёт его, казалось бы, игрушечная бляха на доктора.

– Закурить дай, – ворчливо попросил доктор. Вуниш молча протянул ему пачку сигарет.

– А что случилось? – решился спросить Патрик. Доктор тяжело вздохнул, пару раз глубоко затянулся табаком, отправил щелчком пальцев недокуренную сигарету прочь и сказал:

– Да так, вспомнил кое-что… ты мне расскажешь, чего позвал или так и будем тут мусором дышать?

Патрик рассказал всё, до чего додумался накануне. Льюис никак не проявлял своей реакции, ни подтверждая, ни опровергая слов Вуниша, а над некоторыми выводами, вроде того, что Корпорация могла бы и раньше его побеспокоить, казалось, серьёзно задумался.

Спенсер двигался, то ускоряя, то замедляя шаг, за женщиной в тёмно-вишнёвой замше. Что творилось в его голове в этот момент, было сложно передать. Воспоминания теснились и прыгали, подобно стае сбесившихся котолаков, и агент безуспешно пытался успокоиться. Всплывали подробности инцидента в той Параллели, где он прожил так долго, что даже сделал попытку завязать какие-то отношения. «Любовь ли это была? Возможно, что и любовь… – думал Спенсер, ощущая, как в его ногах вспыхивают отголоски той боли, что терзала его месяцами. К счастью, психосоматику ему сейчас удалось подавить сразу. – Гнилая, простая, искорёженная любовь изгоя и местной

наивной дурочки».

На самом деле – и агент понимал это – уничижительные слова, прозвучавшие в его сознании, принадлежали Спенсеру тогдашнему. Сейчас, растеряв большую часть своей вальяжности и ощущения собственной значимости, агент понимал: очень часто в прошлом он совершал ошибки. Причём, не понимая неправильности своих решений, и не делая выводов из них. Тот же случай с Тайной… Сейчас он бы поступил по-другому. И чувства, которые в тот момент управляли им, в настоящее время казались… неправильными, что ли. Ведь можно было…

– Извините, сэр! – вылетевший из бокового прохода юноша-курьер в униформе обслуги космопорта не рассчитал траекторию, и врезался в агента, как раз справившегося с болью в ногах. – Простите, пожалуйста!

– Ничего, бывает… – Спенсер расслабил руки, одна из которых автоматически сжала правое запястье курьера, а другая – вцепилась в воротник его куртки. Отголоски боевого режима всё ещё пробивались наружу. – Аккуратнее будь.

Агент, отпустив умчавшегося к VIP-залу курьера, окинул взглядом ярко освещённый переход, заставленный вдоль стен каменными статуэтками, кадками с пластиковыми растениями и рекламными стойками туристических агентств в металлических рамках. Людей было немного, и широкий проход просматривался почти весь – от выхода в главный зал порта до поворотов к санитарному блоку, камерам хранения и таможенному посту. Тайны он не заметил, и это было странно. «Куда она могла деться? В, извините, сортир? Хм. Ладно, – Спенсер пожал плечами, и направился к санблоку, насторожившись. – Что-то здесь не так».

Курьер, сбивший его с мысли, вместе с тем выбил и излишне романтичный настрой, вернув агенту собранность и способность внятно анализировать обстановку.

«Тайна осталась в клинике этого жирного доктора, как его? Борова? Бормана? А, Мюллера, да, – Спенсер остановился возле рекламы туристических бунгало „О. Семёнович и Ко“, и сделал вид, что изучает условия аренды трёхэтажных домиков на тропических островах. – Тех денег, что я оставил этому козлу, вполне хватило бы на долгую и красивую жизнь на протяжении многих лет. Понятное дело, если не играть в сквиш и не делать ставки на кроличьих бегах. А, да и хрен с ним, с этим мешком говна! Тайна забыла всё. Я видел записи. Как она оказалась здесь? Зачем?»

Прикинувшийся ветошью агент внимательно просматривал переход, и делал для себя отметки в памяти. Задумчиво подперев

подбородок кулаком, он старательно шевелил губами, изображая потенциального клиента неизвестного ему О. Семёнович и компании.

Когда из ответвления перехода, ведущего к санблоку, появилась она, Спенсеру удалось удержать на лице отсутствующе-нейтральное выражение, хотя сердце в его груди стучало так сильно, словно старалось пробить рёбра и выбраться наружу.

Тёмно-каштановые волосы, уложенные в кажущуюся простой причёску, небольшая диадема из неброской платины и небольших гранатов, лёгкий макияж, подчёркивающий тонкие черты лица и лёгкую раскосость глаз. Несколько тонких браслетов из золота и серебра на руках, маленькая сумочка из бардовой кожи.

Всё это Спенсер увидел сразу, объёмно и чётко, словно стоял не в почти десяти метрах, рядом с женщиной. Которую когда-то любил, как мог и как умел… Сердце, гулко бьющееся до того, замерло, когда рядом с Тайной появился высокий худой мужчина в изысканном дорогом смокинге, смотревшемся на нём, как на вешалке. Холодок пробежал по спине агента, и его бросило в пот.

Мужчина неожиданно изящно взял под руку улыбнувшуюся ему с обожанием Тайну, и они двинулись к выходу в главный зал. Обтянутое смуглой кожей лицо человека в смокинге – с тонкой ниточкой усов над верхней губой и заплетёнными в косичку чёрными волосами – сейчас, как никогда, походило на нагло усмехающуюся морду хищника из семейства псовых.

Кловис Инульгем хитро прищурился в сторону замершего Спенсера, как бы говоря: «видишь ли, друг, я тут просто проходил мимо…». Агент встретился с Кловисом глазами… и сделал вид, что не узнал ни его, ни его спутницы. Только один Создатель знает, каких усилий со стороны Спенсера потребовало это простое действие.

Инульгем с Тайной исчезли в силовом поле дверей главного зала космопорта, и только тогда Спенсер выдохнул. Сердце заходилось в бешеном стуке, кровь пульсировала в висках набатом, а внутренности, казалось, завязались узлом. Агент осознал явленное ему предупреждение, и, развернувшись, поспешил обратно в VIP-зал, к столику, где оставил доктора Гриффина.

«Дьявол… Надо было послушать Льюиса… – мысли неслись в голове, как пули из анахроничного автомата. – Повёлся, как маленький! Чёртов Инульгем всё это время следил за нами. Тайна с ним, и в его власти. Чёрт…»

– Да что ты от меня хочешь, Саймон?! – закричал Льюис на своего друга. – Она тебя не любит, понимаешь? Что я могу

сделать с этим?

Гриффин в сердцах стукнул кулаком по столу, от чего стоящие на нём маленькие стаканчики с образцами генетического материала подпрыгнули и зазвенели. Его лучший друг, Саймон Кост, хмуро смотрел на Льюиса, разгорячённого ссорой.

– Смею напомнить, что это не ты, а я с ней познакомился. И почему, почему она предпочла тебя? Что ты можешь ей дать? Тоже мне, подающий надежды учёный-биолог, хирург-недоучка, каждый день потрошащий чужую память на благо Корпорации!

– А что можешь дать ты, агент-хуент? Думаешь, все вокруг должны сраться при твоём появлении? А некоторые даже бабочками?

Льюис был крайне зол. Ещё никогда до этого он не испытывал настолько жгучей злости и ярости к своему другу. Он и Саймон прошли долгий путь от никому неизвестных работников Корпорации до выдающегося специалиста по корректировке и удалению памяти, и одного из самых неуловимых и неуязвимых агентов. И вот теперь между ними встала одна проблема. Одна изящная, хрупкая и миниатюрная проблема со светлыми волосами и карими глазами, которая предпочла агенту его не столь заметного друга.

– Посмотрим, что я могу, – сказал Саймон, громко хлопнув напоследок дверью в кабинет Гриффина. Льюис с досады ударил раскрытой ладонью по краю стола. Несчастные склянки снова звякнули в своих креплениях. Доктор был зол. На самого себя, что не пожелал жертвовать своими чувствами ради амбиций и желаний лучшего друга. На свою избранницу, которая, пусть и случайно, но встала между ними. На Саймона, неожиданно проявившего себя с такой тёмной стороны, чтобы опуститься до угроз.

Но если бы Льюис Джероми знал, к чему приведёт его отказ, он вряд ли бы отказался.

– Как вас зовут?

Голос раздавался отовсюду и ниоткуда сразу. Мягкое свечение комнаты коррекции памяти мешало чётко рассмотреть предметы и сидящего напротив доктора высокого худощавого мужчину в костюме.

– Льюис Джероми Гриффин, – ответил доктор.

– Какую должность вы занимаете?

– Ведущий специалист в проекте коррекции и удаления памяти.

До плановой проверки оставался ещё месяц, и этот неожиданный вызов на прохождение проверки лояльности выбил

Гриффина из привычного графика. Он не понимал, что происходит, почему в нём усомнились, и кто мог донести на него. Впрочем, последнее уже не было таким уж загадочным.

– Вы готовы подтвердить свою преданность и профессиональное соответствие занимаемой должности? – спросил мужчина скучающим голосом. Льюис утвердительно кивнул.

– Отлично, – в голосе собеседника прозвучали удовлетворительные нотки. – Тогда приступайте к своим прямым обязанностям. Наблюдатель Кловис Инульгем приступил к работе в 11:00 стандартного времени, – сухо бросил он в пространство записывающей и фиксирующей аппаратуры.

Гриффин пожал плечами и шагнул к креслу корректировки. Высокая анатомическая спинка скрывала сидящего в кресле человека полностью, не было видно даже макушки головы. Мягкий свет сменился приятным и нерезким освещением расслабляющего спектра, в котором привык работать Льюис. Он пробубнил стандартную формулу для каждого, кто оказывался в его кресле. Что-то о расслаблении, бесполезности попыток сопротивления и пожеланиях полностью успокоиться. Затем он запустил первичный анализ данных, взял в руки небольшой полушлем с торчащими из него цветными проводками и прозрачными трубочками и развернул кресло с пациентом лицом к себе.

В нём сидела, безучастно глядя перед собой, миниатюрная блондинка с большими карими глазами…

Гриффина всё ещё тошнило. Вуниш не стал вызывать своего начальства, пытаться уговорить доктора пойти с ними ли как-то задержать его. Он поделился своими мыслями насчёт Корпорации в общем, и насчёт них со Спенсером, в частности. После чего Патрик попросил Льюиса пару раз дать ему в челюсть для достоверности. Доктор был настолько зол на агента, бросившего его ради каких-то там сисько-писек, что исполнил пожелание инквизитора даже чересчур старательно, едва не выбив Патрику зуб. Инквизитор сплюнул кровь из разбитой губы, как-то странно посмотрел на Гриффина, кивнул и удалился прочь, предупредив, что долго поддерживать режим секретности он не сможет.

А Гриффин опустился на перевёрнутый мусорный контейнер, сжал руками голову и попытался не скулить от нахлынувших воспоминаний, пробуждённых этим чёртовым медальоном Патрика…

Глава 33

Агент осторожно раздвинул мясистые листья неизвестного кустарника, и посмотрел в образовавшуюся щель. Крупный муравей-десантник щёлкнул чёрными челюстями прямо перед его глазами, но потом развернулся, и удрал прочь, забавно перебирая лапками по покрытому восковым налётом стволу. На поляне, большую часть которой Спенсер мог сейчас видеть из своего импровизированного укрытия, было спокойно. Листва кустарников и деревьев нижнего яруса джунглевого подлеска была почти неподвижной, только капли влаги, падающие сверху, вызывали подрагивание зелёных и фиолетовых ветвей.

Рядом тихонько засопел Льюис, щелчком отбивший в сторону помесь жука с ежом, обильно украшенного шипами и усиками, и, щекоча дыханием ухо Спенсера, спросил:

– Ну?

Агент осторожно выпрямился, выставив голову над кустами, и осмотрелся более пристально.

– Пойдём, друг, – Спенсер распрямился во весь рост, и двинулся через поляну к мощному стволу бутылочного дерева. – Пигмеев нет.

– Пигмеев-хуеев… – пробурчал Гриффин, отряхивая ботинки веточкой от заползших на них нескольких мелких, но, судя по раскраске, очень ядовитых змеек, приветственно зашипевших на доктора. – Что мы вообще здесь забыли, скажите на милость…

Спенсер выругался, с чваканием наступив во что-то мягкое и дурно пахнущее. Волна поднявшегося запаха вызвала ещё большее возмущение со стороны агента, и сдержанный восторг стоящего в отдалении Льюиса.

– Да ты никак нашёл потерянный нужник всего племени, о великий следопыт! – доктор, посмеиваясь, распаковал и натянул на лицо одноразовый фильтрующий респиратор, позволив скользкой плёнке облепить челюсти, подбородок, и заползти в ноздри.

Агент, обтирая подошвы огромным листом, сорванным рядом с кучей, философски заметил:

– Зато теперь меня не тронут хищники, – и, принюхавшись, добавил: – и не хищники тоже.

Гриффин тяжело вздохнул, и обошёл Спенсера с наветренной стороны.

– Осторож… – начал говорить агент, указывая на натянувшуюся серебристую проволочку, блеснувшую в жирной зелёной листве, но не успел договорить.

Проволочка дрогнула под башмаком доктора, и сплетённая из лиан сеть, спеленав Гриффина по рукам и ногам, рванулась вверх, пробивая листья деревьев. От неожиданности Льюис даже не успел крикнуть, издав лишь задушенный хрип.

Спенсер только и смог, что выдавить из себя потрясённое:

– Твою пигмейскую мать…

После чего, обречённо вздохнув, наступил на такую же проволочку, поблёскивавшую в растительности рядом с кучей навоза. Тугой удар сети, обхватившей его тело, Спенсер удачно скомпенсировал и получил возможность относительно свободно двигать руками. Затихающие колебания двух сетей, болтавшихся рядом под веткой лесного гиганта, напоминавшего секвойю, сопровождались долгим матерным комментарием, которым агент сопровождал каждое движение скрипящих под его весом лиан. Просто так, чтобы отвести душу.

– Да прекрати ты лаять… – прохрипел Льюис, вращаясь в своём зелёно-коричневом коконе. – Уши в трубочку сворачиваются, ни вкуса, ни красоты. Сплошные «мать» и «лять».

– …трижды в задницу иметый хрен! – выпалил Спенсер, и вдохнул. Потом выдохнул, и осторожно потянулся к кармашкам на поясе.

– Чтоб я ещё раз доверился рекламе этих агентств… – вздохнул Гриффин. – Особенно называющихся «Романов и сыновья». Хуевья, скальпель мне в ухо!

– Экстрим-туры на лоне девственной природы? Джунгли, пустыня, солёные озёра и бескрайние степи? Охота на крупных и не очень хищников? Дикие племена каннибалов? Выживание в невероятно прекрасных местах, – агент заржал, вытянув небольшое лезвие из пояса. – Да, я тоже оценил красоту рекламного слога, особенно в части «ритуального жертвоприношения богине плодородия Мбунгу». Там, кажется, туристов жарят в носороге?

Доктор задумчиво прищурился, и заметил:

– Ты пока сеть не разрезай. Лучше скажи, чья это была гениальная идея – отправиться сюда, в джунгли?

– Моя. А что? – Спенсер хитро улыбнулся, и продолжил пилить лианы. – Ну, признаюсь, мне подсказал Эль. Они с Алирой уже охотились тут.

Гриффин помолчал. Снизу поднимался тяжёлый запах навоза, смешанный с соком сломанных ловушками мясистых листьев. Вопли, крики и жужжание, доносившиеся из зарослей, не добавляли оптимизма. «Как же я не люблю дождевые леса, тропики, насекомых и некоторых людей… – подумал он, облизывая пересохшие губы и прислушиваясь к гулкому стуку

крови в висках. – Какого, спрашивается, ляда пёс тоже вляпался в ловушку? Он же видел, куда наступал… Или нет?» Доктор вспомнил, как Спенсер вляпался в кучу, и потряс головой.

Агент, внутренне смеясь, допиливал сопротивлявшуюся лиану. Судя по прочности и хрусту, в ней было много кремнезёма, и даже усиленная силовым полем сталь не могла прорезать больше пары волокон за движение:

– А почему ты считаешь, что мне не стоит пытаться освободиться?

– Потому что за нами уже пришли, – мрачно ответил Гриффин, ядовито заметив: – Извини, не могу показать, кто и где, руки заняты… Да и тыкать в людей пальцами невежливо.

Спенсер завозился в своей сети, но раздавшийся снизу цокот и короткий свист недвусмысленно говорили, что доктора были уже не одни.

– А вот и пигмеи… – радостно заметил агент, пряча нож в пояс. – кажется, нас сегодня съедят!

– Мной отравятся, а тобой подавятся… – Льюис хмыкнул, чувствуя, как вибрирует ловушка.

Бесшумно воткнувшиеся в мышцы тонкие дротики, выпущенные из духовой трубки, положили конец разговорам. Высунувшийся из сплетения ветвей коричнево-чёрный человечек довольно улыбнулся, наблюдая за спуском обмякших тел туристов вниз. Облизнувшись, он почесал спутанную копну своих волос, с вплетёнными дротиками, кусками коры и листьев, и исчез в листве.

– Скажи, бвана Пенс, зачем бежал далеко? Зачем обижал воинов? Ты большой, мы маленький, – вождь, лысый, как колено, похлопал себя по натянувшемуся после трапезы, как барабан, животу, и заклекотал. – Маленький обижать нехорошо, удача нет.

– Пенс-хуенс… – чуть не подавился куском дымящейся носотрехрожины Гриффин, и протянул руку к плошке с вкусным, свежим, хоть и мутноватым, соком гуаявы. – Ну, агент…

Спенсер сверкнул глазами, но спокойно продолжил светскую беседу с Коленом. Непроизносимое имя вождя он воспроизвести даже не пытался, присвоив ему простой идентификатор, и стараясь обращаться безлично.

– О, великий вождь, да не иссякнет вымя твоих коз, и не оскудеет охота! – взгляды серых глаз агента и почти чёрных гляделок пигмея встретились. Спенсер был готов поклясться, что тому смешно. – Шаману, которого я сопровождал, понадобилось поговорить с духами, и я не мог противиться его воле.

Гриффин снова закашлялся.

Вождь уважительно склонил голову.

– Я счастлив, что духи леса приняли твоих, бвана. – он почесал иссиня-чёрную макушку, пришибив несколько мух-вертолётов обратным тягучим движением, и продолжил: – Если бы вас съел нуанге, полковник бы спустил шкуру с задница всё племя. Сидеть больно было бы, да.

Принесли ритуальные трубки, уже подожжённые угольками из особого очага. Смешливые пигмейки, одетые только в браслеты, подали курительную принадлежность вождю, а тот передал её Спенсеру.

Принюхавшись, он различил горькое смердение местных растений и сладковатый аромат лёгкого наркотика. Ещё почему-то несло горелым дерьмом.

Игнорируя предупреждающий оклик Гриффина, агент затянулся ядрёной смесью. Первой его мыслью было «Не тошнить!», за которой прибежала ещё одна. «Не кашлять!!!» – было написано на её пушистом теле, подергивавшемся дымкой сизого цвета. «Наверное, это носорог недожаренный попался» – подумал Спенсер, и шагнул в дымку.

Льюис, определив по запаху лилейник Шиффса, мудро воздержался от употребления сильного галлюциногена. Оценив состояние «поплывшего» после первой затяжки агента, доктор покачал головой, и подумал, что дела идут не очень хорошо. Наны, восполненные после боя на яхте, не функционировали в полную силу. Тот факт, что Спенсера выбила из колеи такая небольшая доза наркотика, говорил, что организм агента начал утрачивать контроль над нанороботами. Гриффин глотнул ещё сока, рыгнул, показывая хозяевам, что сыт, и задумался.

Спенсер вынырнул из отливающей фиолетовым дымки у длинного приземистого дома, сложенного из толстых золотистых брёвен. Одной стороной строение уходило в склон холма, покрытого небольшими соснами, а мощными дверями, способными впустить внутрь краулер, выходило к берегу небольшого озерца. В отдалении были обустроены хозяйственные постройки из камня, крытые листами пластиформа, и метапластовый гараж. Тропинка от дома вела прямо к озеру, где у небольшого причала покачивалась на мелкой волне лодка из того же золотистого дерева.

В этом маленьком поместье странно сочетались современные материалы и архаичное дерево, простые и удобные формы, и современные веяния в дизайне. Агент посмотрел на изломанную в как минимум трёх измерениях антенну гиперсвязи на крыше гаража, и, скривившись, отвёл взгляд. «Некоторые вещи лучше

оставлять гнить в мозгах их создателей, – подумал он. – Не могу понять я дизайнеров…»

Спенсер двинулся по посыпанной крупным песком тропинке к длинному дому, пытаясь вспомнить, как тут очутился. Поместье «Иртыш» являлось одновременно и офисом экстрим-агентства путешествий «Романов и Сыновья», в котором они с Гриффином не так давно побывал.

Тогда их принимал сам владелец турагентства, и Спенсер поразился сдержанной мощи и какой-то первобытной красоте высокого широкоплечего мужчины, встретившего их возле посадочного поля глайдеров. Сейчас площадку закрывал сосновый холм, но тогда им пришлось пройти несколько сотен метров, чтобы пообщаться с Романовым. Агент вспомнил, как всю дорогу присматривался к нестарому ещё человеку в чёрной форме неизвестной армии со споротыми знаками различия, и находил массу странностей. Например, внешняя молодость без признака наноимплантации, биокоррекции или иных способов продления жизни – и тяжёлый взгляд глаз неопределённого цвета, казавшихся то серыми, то синими, то зелёными. Взгляд прожившего очень много человека и заметная седина в коротко, по-военному, стриженных волосах. Гулкий голос, которым хорошо отдавать команды в поле – и тонкий, грустный и едкий юмор.

Больше всего Спенсера тогда поразило, как этот человек двигался. Легко, экономно, словно скользя по земле. Даже агент, много лет осваивавший разнообразные боевые искусства, и добившийся на этом пути определённых успехов, поймал себя на мысли, что завидует этому бывшему солдату. Так мог передвигаться великий мастер у-шу, или один из легендарных основателей каратэ-до, или…

Агент медленно подошёл к массивным дверям, и попытался толкнуть их рукой, но конечность прошла доски насквозь. Спенсер вытащил руку обратно, посмотрел на ладонь, но особого удивления почему-то не испытал. И шагнул через дверь, подсознательно закрыв глаза в ожидании удара о дерево.

Удара не последовало, но в помещении было очень темно. От прежней обстановки, какой её запомнил агент, не осталось и следа, как и от внутренней стены прихожей. Комната, занимавшая всё пространство внутри дома, и, казалось, изгибавшаяся куда-то далеко за его пределы, была погружена во тьму. Кое-где мягко светились жёлтые сферы, почти не разгонявшие мрак, да на великанском столе, раскинувшем резные лапы вдоль одной из стен, разливала круг света массивная бронзовая лампа с зелёным абажуром.

Полковник сидел за столом, ссутулившись и закинув ногу на

ногу. В его руках дымилась длинная трубка с тонким чубуком, а на столешнице, чуть в стороне, поблёскивал гранями хрустальный графин с прозрачной жидкостью, покрытый изморозью, и несколько рюмок.

Романов кого-то ждал.

Агент, стараясь не шуметь, хотя и понимая, что шуметь ему нечем, сделал несколько шагов вперёд, ощущая ползущий по спине холод и чувствуя… Нет, не страх, но что-то близкое. Иррациональное понимание нереальности и чуждости происходящего.

По ушам ударил странный гул, и в противоположной стене ярко вспыхнул расплавленным золотом круг, словно вырезанный из внутренностей звезды – так сильно ударило по глазам сияние. Спенсер отвернулся, прикрыв глаза рукой, но продолжая видеть сполохи темноты и золотого огня. Внутри агента шевельнулось странное чувство, которое обычно сопровождало открытие портала, и он вспотел от догадки. Но такие зоны перехода – мощные и врывающиеся в пространство, не обращая внимание ни на что – он встречал впервые. Привычные молочно-белые или голубоватые плоскости порталов, которыми управляли агент Корпорации отличались от этого монстра примерно также, как кошка – от мутированного тигра, и это вызывало оторопь. «Создатель, сколько же энергии нужно, чтобы его открыть и поддерживать…» – обалдело подумал Спенсер, моргая. Оказывается, рука пропускала золотой свет насквозь, словно её и не было тут вовсе, как материального объекта.

Постепенно зрение восстановилось, и агент смог различить комнату, в которой стало чуть светлее от вращающегося колеса жёлтого огня. Возле портала стоял, потирая лоб, высокий широкоплечий, но худощавый мужчина, чем-то неуловимо похожий на оставшегося неподвижным полковника. Узкое лицо с волевым подбородком пересекал тонкий шрам, заставлявший бледные губы искривляться в усмешке. Белые, как снег, короткие волосы, налитые золотом глаза, в которых невозможно было различить радужку и зрачок, и гладкая, словно лишённая волос, кожа лица довершали портрет. «Позёр, – подумал Спенсер, разглядывая незнакомца, одетого в помятый белый плащ, слегка измаранный в чём-то серебристом, и длинную рукоять искривлённого меча, торчавшую из-за правого плеча, – позёр и сноб».

Так не понравившийся ему субъект подошёл к столу, и оперся о столешницу руками. Спенсер видел только напрягшуюся спину, но по позе и общему ощущению можно было сказать, что гость полковника устал, и подавлен, или испытывает сильную

неловкость.

Агент собрался было осторожно подойти поближе к столу, и уже занёс ногу, когда по ушам и мозгу ударила новая волна открывающегося портала. Рядом с золотым колесом полыхнуло чёрное, подёрнутое синевой и серым сиянием. Снова отворачиваясь, Спенсер тихо ругнулся: «Бля! Как вы заколебали уже свои дырки открывать!», и снова вынужден был ждать, пока восстановится зрение, отключившееся от вспышки серого цвета.

В комнате стало на одного человека больше. «Полноте, человек ли это?! – обмер агент, разглядывая лаково поблёскивающее чёрными пластинами брони чудовище с двумя культями крыльев, выступающих из массивных плеч. Так мог бы выглядеть дракон с обрубленными крыльями, вставший на дыбы. Но голова дракона распалась поперёк, и раскрылась, обнажив поблёскивающее от пота лицо мужчины, похожего на вышедшего ранее из золотого портала, как две капли воды.

Культи крыльев оказались какими-то излучателями, а за тело дракона Спенсер принял тяжёлый бронекостюм неизвестной модели. Грудная пластина брони была украшена двуглавым орлом, вызвавшем в агенте смутное напряжение и ощущение почесухи между полушариями мозга.

Полковник открыл глаза, слабо светившиеся лиловым в сгустившейся темноте комнаты, встал с табурета, откладывая погасшую трубку, и шагнул навстречу гостям. Его руки потянулись к ним, словно в приветствии, но в тот же миг мужчина в белом взглянул на Спенсера, наморщил лоб, и его глаза вспыхнули.

Агента поволокло прочь сквозь сгустившийся туман, мир опрокинулся, и одинокая луна, вращаясь в небе пустой миской, обгрызенной неведомым зверем, неслась навстречу.

Гриффин, откинувшийся на плетёную циновку, ещё раз сыто рыгнул, на сей раз – уже не притворяясь. Вождь довольно ухмыльнулся, и залопотал подскочившим женщинам что-то на своём наречии. Пятеро молодых пигмеек, блестя в отражении пламени очагов тёмной кожей, подхватили потерявшего сознание от смеси лилейника и носорожьего говна агента, и уволокли в хижину неподалёку. Доктор, мысленно пожелав Спенсеру приятного препровождения и умеренного возбуждения, остался возле вождя наблюдать за ширящимся праздником, захватывавшим всё больше и больше участников. Племя собралось почтить богиню плодородия с очередным непроизносимым именем, для чего приготовили хмельное, еду и запасы афродизиаков…

– Теперь шаман посмотреть, как наши женщины славят богиню! – засмеялся вождь, когда на главную площадь деревни выволокли огромную бадью из листьев, обмазанных глиной. С десяток молодых девушек запрыгнули внутрь, расплескав содержимое, и принялись обмазывать друг друга тёмной массой, скользкой даже на вид. – Это обряд Скользкого Ужа, да!

Льюис заинтересованно наблюдал, как женщины скользили между мужчинами, танцуя в странно ломаном ритме. Мужчины, смеясь, ловили их, но покрытые смазкой тела выворачивались из их рук, и только отдельным охотникам улыбалось счастье. Образовавшиеся парочки удалились в большую хижину, которая начала раскачиваться под набирающий обертоны хор закутанных в белые покрывала жрецов, бьющих в маленькие барабанчики.

Доктор припомнил из базового курса этнографии, что обряды плодородия обычно связаны со свальным грехом, неумеренными возлияниями, чревоугодием и отсутствием элементарной гигиены… И, вздохнув, глотнул освежающий сок из плошки.

– О великий вождь, что за обряд творится теперь? – стараясь выглядеть поважнее, спросил он. Внутри доктор посмеивался, наблюдая за попытками десятка пигмеев вытащить к бадье упирающегося носорога, мычащего и протестующего всеми фибрами своей души. Животное оглушительно испустило газы, обдав тяжёлым запахом всю деревню и вызвав взрыв смеха среди пляшущих охотников.

– Сейчас самый смелый мужчина оседлает дикого трехрога, и направит его к алтарю богини, – ответил хитро прищурившийся пигмей. – Потом жрица принесёт в жертву богине Абунго-Мббенге-Кхулу сердце животного, а у племени будет много вкусного жареного мяса.

– И кто же будет укрощать зверя сегодня, о мудрейший? – поинтересовался доктор, пытаясь угадать среди казавшимися одинаковыми темнокожих мужчин с копнами курчавых волос таинственного избранника богини. – Уж не тот ли достойный воин, что помог привести нас с Пенсом?

Вождь шлёпнул себя по лысине, и дёрнул за мочку уха, радостно заклекотав.

– Нет, шаман! Не угадал! Этого воина выбирает сама богиня! – и рука пигмея, украшенная браслетами из тех самых проволочек, что использовались для установки ловушек на докторов, указала на хижину, куда чуть ранее уволокли Спенсера.

Оттуда раздался дикий рёв, от которого присел даже носотрехрог, навалivший от неожиданности кучу. Из строения, своротив плечом столбик, на котором держалась заменявшая дверь циновка, вывалился Спенсер. Абсолютно голый, покрытый

потом и с повисшей на шее пигмейкой, агент был страшен. Глаза грозили вылезти из орбит, лицо перекосило, из рта текла слюна… «Белочка прискакала. Точнее – острая наркотическая интоксикация, учитывая лилейник, – спокойно отметил Гриффин, прикидывая, чем из полевого набора можно было седировать пациента. Получалось не очень хорошо – нейролептиков там было мало, от слова „ни хрена“. – Ну, действительно, зачем в полевой аптечке дихлорперидол? Да ни за чем… Кто ж в поле с ума-то сходит?»

– Богиня выбрала! – рассмеялся вождь, шлёпая себя по лысине и ляжкам.

Гриффин дёрнулся было вперёд, но пигмей остановил его лёгким прикосновением сухонькой лапки.

– Пусть богиня возьмёт своё… – произнёс он.

Агент тем временем выбрал цель, и, осторожно ссадив женщину с шеи на ветку дерева, побежал к обалдевшему носорогу, который вращал налитыми кровью глазами, от чего-то стараясь не поворачиваться к безумному агенту спиной.

Спенсер очнулся от того, что в лицо ему било яркое солнце. Тело ломило немилосердно, в голове стучали пневматические молоты, а во рту, казалось, останавливался на привал батальон штурмового десанта в сопровождении маркитантской роты.

– О-о-о-ох… – простонал он, закрывая глаза рукой. – Где я? Кто я? Что происходит?

– Ты на крыше гостевой хижины в деревне пигмеев, глубоко в джунглях… – услышал он знакомый голос, звучавший с заметным сарказмом. – Кто ты – это не ко мне, это к психиатру. И вообще, агент-охуент, ты чего вчера вытворял? А, не помнишь… Ну, бывает.

Спенсер медленно поднялся, и приоткрыл один глаз. В лицо ему смотрела фляжка с охлаждённой водой, в которой пузырились, растворяясь, капсулы тоника. Гриффин, сжимавший ёмкость, сунул её в протянутую руку агента, и отвернулся, буркнув:

– Да уж, только сексуального террориста мне рядом и не хватало.

Спенсер медленно пил, и к нему потихоньку возвращалась память.

– Кхе… Ну, да… Перебрал малость… – смущённо ответил он, возвращая флягу. – Все живы?

– Кроме носотрехрога – всё, – Гриффин усмехнулся. – Только жриц ты, кажется, несколько утомил. И скажи мне, зачем ты курил вчера носорожье дерьмо?

– К-какое дерьмо? – спросил агент, неожиданно вспомнив запах трубки и последовавшие потом видения. – Разве то, что я видел – неправда?

– А что ты видел? – заинтересовавшись, Льюис поймал запястье Спенсера, и прикоснулся к нему универсальным сенсором.

Глава 34

– Сегодня в нашей студии новый гость. Агентство Сетевых Новостей и ваш покорный слуга, Иоганн Себастьян Трипер-Гулицкий рады представить вам загадочного и никому не известного сотрудника Корпорации. Встречайте – Эль Койотль!

Звучит бравурная музыка, напоминающая искажённый гимн Корпорации, «Боже, храни Императора» и марш стильболльных фанатиков. В студию выезжает золочёное гравикресло, на котором восседает гость. Он одет в старое пончо с выцветшим рисунком и несколькими дырами на груди, сквозь которые просвечивает что-то серое, кожаные штаны и чёрные перчатки. На ногах мужчины – высокие универсальные сапоги, испачканные в рыжей глине, а лицо почти полностью скрыто широкополой шляпой, популярной в Испанском секторе.

– Здравствуйте, уважаемый Эль! Или лучше обращаться к вам по фамилии? – ведущий обаятельно улыбается в мельтешащие камеры. Одна из камер подлетает к Койотлю, стараясь заглянуть под надвинутую на глаза шляпу, изображение дёргается, и камера падает, отключаясь. – Может быть, вы предпочитаете обезличивание или анонимизацию? – обращаясь к зрителям: – Напоминаю, этим способом защиты личности посвящены наши следующие три передачи, смотрите и внимайте!

Гость лениво шевелит пальцами, словно перебирая чётки, и глухим невыразительным голосом отвечает:

– Можете обращаться ко мне, как пожелаете. Мне *(срабатывает система блокировки нелицензированных выражений)*.

– Хорошо… – Иоганн на мгновение теряет контроль над собой, и по его лицу пробегает гримаса отвращения. – Уважаемый, традиционно Корпорация предполагает невмешательство в дела планетарных и секторальных правительств. Но вы, как сотрудник, работающий в отделе силового взаимодействия, наверняка имеете на этот счёт своё мнение. Не соблаговолите ли…

Койотль издает тихий смешок, похожий на свистящий кашель.

– Нет, – прерывает он ведущего. – У меня нет мнения на этот счёт.

– Но вы предпочитаете…

– Не предпочитаю.

– Но…

– *(Срабатывает система блокировки нелицензированных*

выражений), Трипер ты копчёный! Я пришёл сюда, потому что меня пригласили на беседу о пустынях и выживании, – Койотль говорит рвано, голос неприятно отдаётся в ушах, словно лай. – Тебя и твоей передачи в планах не было. Я буду говорить о пустыне. Ты можешь спрашивать всё, что угодно.

Ведущий нервно сглатывает, и на некоторых камерах видно, что сквозь гелевую плёнку грима проступают крупные капли пота.

– П-пустыни?.. – Трипер делает над собой усилие, и восстанавливает душевное равновесие. Автомат «К-12003» съёмочной группы отмечает опасно высокий уровень кровяного давления ведущего, и отправляет данные в дата-центр АСН. – Хорошо… Пустыни. Что вы думаете о пустыне?

– Я не думаю. Я там живу.

– В каком смысле? У вас там дом? Или резиденция в Пахо-Альто, где два года назад произошло столкновение сил Охраны Корпорации и граждан, борющихся за свои права?

Из-под шляпы доносится рычание. На пол падают еще два парящих съёмочных устройства, и К-12003 отводит оставшиеся на безопасное расстояние.

– Я. Живу. В пустыне. В любой. Там хорошо. Тихо. Нет журналистов, – Койотль сжимает пальцы, и на пол сыплются осколки прочного пластикета, из которого сделаны подлокотники кресла. – Они там не выживают.

– Скажите, ваше… э-э-э, предвзятое отношение к представителям нашей профессии – это следствие продолжения взглядов Корпорации, её официальная позиция, или ваша личная психологическая травма, полученная во время исполнения, э-э-э, в пустынях приговоров честным и чистым духовно оппозиционерам?

– *(срабатывает система блокировки нелицензированных выражений)*! С-скотина…

Изображение на всех камерах гаснет, автомат К-12003 выходит из строя, не успевая послать сигнал в полицию. Освещение отключается. В тёмной студии раздаются звуки глухих ударов тупым предметом, вопли Трипера и сдавленное рычание.

– Агент Кловис! Вы представляете, как низко опустили рейтинг нашей организации в глазах общественности? Вы вообще там охренели в своих пустынях! – седоватый полный мужчина в мундире вице-генерала Сектора силового взаимодействия размеренно прохаживался перед стоящим по стойке «вольно» Инульгемом, сдерживающим раздражение. – Скажите, старший агент, вы давно разгребали говна на передовой, подавляя мятеж? Или эвакуируя семьи и детей сотрудников Корпорации из

политически нестабильных территорий? Или… Впрочем, можете не отвечать. Вы, Кловис, мудак! То есть, одиночка и похуист…

Инульгем скосил глаза в сторону генерала, и мысленно пообещал принести его в жертву богу-Койоту. Разнос длился уже час, но начальство не унималось…

Проводив Тайну прочь, к станции перемещения и заботливым рукам мастеров перемещения, Койотль уселся поудобнее в ёрзающее массажными валиками кресло, и задумался:

«Я ведь не злодей. Не классический «Чёрный Властелин», как пишут до сих пор в местных низкопробных фант-боевиках и голосюжетах. У меня нет трона, если, конечно, не считать им это убожество, которое своим куцым интеллектом не может понять особенностей моей не слишком стандартной фигуры, и массирует воздух. Я не отправляю в бой полчища преданных мне морлоков, орков, драконов, десантников тьмы и демонов хаоса… Не наслаждаюсь мучениями очередной жертвы, дрожащей на растянутой дыбе в ожидании прикосновения палача. Не…

Да, Койот, драное ты моё божество, я даже сердца в жертву тебе приношу клонированные. Тем не менее, все, абсолютно все считают меня дьяволопоклонником и отщепенцем, способным отрезать голову младенцу и напиться его крови. Моя проблема в том, что я действительно могу это сделать – если будет необходимо. И кровь… В пустыне не место сантиментам. Пустыня ошибок не прощает, если надо пить кровь, чтобы выжить – я буду это делать».

Инульгем вздохнул, отключая кресло и низводя его сенсоры до пассивного состояния. Из всех технологических новшеств этого периода он больше всего ненавидел интеллектронику. После случая с активно-агрессивной кроватью, едва не лишившей его некоторых весьма важных частей тела, Кловис старался изводить мебель в пределах досягаемости до логического замыкания в схемах и отключения всех функций, кроме стандартных.

«И, клянусь хвостом, эти времена ещё благословенно просты – квазиживые сервоматы не распространились, – передёрнувшись, подумал он. Обхватившие шишковатые колени пальцы едва заметно вздрогнули. – Эх, Спенсер, Спенсер, дурачок… Неужели ты думал, что сможешь убежать по-настоящему?»

Над столешницей, повинуясь движению глаз, развернулось сплетение пересекавшихся и перетекавших друг в друга разноцветных полотнищ, плоскостей и ярких линий, украшенных набухшими, как лимфоузлы под дряблой кожей, бесформенными утолщениями. Карта подстроилась под данные со спутников, и вывела координаты в нулевом формате для ближайших узлов

Сети, вспыхнувших синим. Оранжевая пульсирующая звёздочка в некотором отдалении от центрального сгустка Линий и Параллелей выделяла местонахождение цели.

«Ты так трогательно поверил мой нынешней истории… Как было, извини, смешно наблюдать твои загоревшиеся глаза, когда я рассказывал про свой, кхе, родной мир и несправедливость вирусной атаки на туземное население. Ты полыхнул, как костёр, куда плеснули биотопливо. И лавина стронулась с места в тебе, погнав вперёд, за памятью и за осознанием себя…

Но вот беда: все эти прыжки и ужимки, преследование, космическая регата и Инквизитор… Это – только дымовая завеса над тем, что мне от вас по-настоящему нужно».

Мысли Койотля вернулись к Александрии, затерянной в песках, и добытой там информации. Результаты не радовали. В предыдущие периоды не было такого цейнтнота, как сейчас.

«Тогда мы успевали. И рекондиционирование никогда не тратило столько ресурсов, усилий и времени. Да, мы выжили. И выживем сейчас. Но какой ценой? Что вообще можно отдать за выживание такой структуры, как Корпорация? Жизнь? Свободу? Память? Но наши жизни и свобода нам не принадлежат, а память… Память мы теряем так же легко, как и время. И с каждым разом восстанавливать её всё труднее и труднее»

Пиликнул тон входящего вызова, и перед картой развернулась тёмная плоскость, заполнившаяся светлыми муравьями экспресс-кода. Инульгем пробежал сообщение взглядом, потом внимательно перечитал ещё раз, и нахмурился.

– Такое чувство, что наш мир – совсем не то, чем он нам кажется… – забыв о вероятных прослушивающих устройствах, произнёс он вслух. – Особенно паршиво, что мы сами не знаем причины событий. И их следствий.

На Валидии Терцио сбой портала привёл к остановке обогатительного контура орбитального реактора. «Дырка», служившая для сброса отработанного бозонного конгломерата в ближайшую чёрную дыру, не открылась, в отличие от портала ввода топлива. Надкритическая масса частиц перешла в активную форму, начав процесс синтеза обычной материи из энергии, и потоки быстрых нейтронов, нейтрино и прочего зоопарка трансатомной и квантовой физики вырвались из силовых полей реактора. Несколько сотен тысяч жертв, планета заражена радиацией, производственные циклы верфей и доков прерваны. Причина сбоя неизвестна.

Лёгким движением отправив сообщение в архив, Кловис встал с кресла, и потянулся. Если расчёты верны, то частота подобных случайностей будет нарастать. И скоро придётся

расконсервировать архаичные атомные реакторы, накопители солнечной энергии и биогенераторы, чтобы используемая в этом и ближайших секторах квантовая энергетика не разнесла все планеты в мелкую пыль.

– Как же мне надоели эти планеты, звёзды, порталы и постоянные проблемы, Койот меня задери! – в сердцах произнёс Инульгем, метким пинком отправляя пискнувшее синтетическими мышцами кресло в угол кабинета, и выходя в затянутый плёнкой силового поля проём выхода. – Вот брошу всё к ёбаной матери, и уйду в пустыню… И ебитесь, как хотите, сволочи. Сколько можно уже! Сколько лет! Заебали…

– И тут я ка-ак вдарил ему с ноги! – молодой парень, затянутый в хрустящую «чёртову кожу», топнул по дощатому полу ботфортом гравициклиста, подчёркивая свои слова. Доски хрустнули. – Руки-то у меня были заняты, вот. Гранатомёт на тяжёлый ховер наводил. Бабах! И нету конвоя…

– Хорош заливать, Бо, – проворчал кто-то из окруживших стойку посетителей бара «Нечистая Совесть». – Не было там ховера, только коптер. Бля буду, звиздишь!

– Сам ты звиздишь! Можешь у Мишель спросить, она подтвердит… – обиделся Ваняски, отхлёбывая пиво из залапанного бокала.

– Да иди ты в зад, вытребень! – распихал соседей плечистый гравициклист с татуированными щеками. – Твою подстилку спрашивать?! Да я…

В его лбу образовалась аккуратная дырочка диаметром с палец, из которой, мгновенно застыв, показалась капелька крови. Татуированный замер на полуслове, и, подёргиваясь, упал под стойку, сшибив несколько табуретов вместе с недовольно заоравшими подростками.

К стойке медленно подошла Мишель, одетая в такой же, как и у всех собравшихся, кожаный костюм, и, мазнув взглядом по белеющим в полумраке лицам, спрятала в набедренную кобуру потёртый излучатель. За её спиной из темноты вышел высокий худой мужчина с узким лицом, в надвинутой на самые глаза широкополой шляпе и коричневом плаще, затянутом поясом с серебристой пряжкой.

– Кто ещё хочет назвать меня как-нибудь… неправильно? – спокойно отодвинув высокий табурет, и усевшись на него, спросила Мишель. Её низкий голос сейчас звучал особенно грубо, словно сочась гневом. – Не стесняйтесь, девочки, зарядов на всех хватит…

Гравициклисты предпочли не связываться с нею, и, прихватив

пиво, расползлись по столикам прокуренного зала.

– Бо, – Мишель постучала костяшками по нашитому на плечо притихшего Ваняски генератору силового поля, – слушай сюда. Я привела очень… интересного человека, который хочет поговорить с тобой.

– А я не хочу ни с кем разговаривать! – молодой человек враждебно зыркнул в сторону улыбающегося незнакомца, который блеснул в ответ глазами из-под шляпы. – Со всякими эск… эсс… эксгибиционистами в плащах – тем более!

Мужчина в шляпе улыбнулся ещё шире, показав клыки, и ткнув пальцем в сторону зала, тихо сказал:

– Я хочу нанять вас. Всех.

– Да кто ты такой… – Бо, пошатнувшись, встал и подошёл вплотную к потенциальному заказчику. Это было ошибкой – Ваняски с его небольшим ростом, как оказалось, доставал головой только до подмышки гостя, и говорить приходилось, глядя снизу вверх. – Дядя, тебя сюда не звали, понял?

– Бо, послушай, – Мишель подошла сзади, и взяла Ваняски за плечо. – Это очень важно.

Он, набычившись, сбросил её руку, и попытался схватить незнакомца за грудки. Но тот легко увернулся, и придержал потерявшего равновесие Бо, усадив его на табурет.

Ваняски почувствовал, с какой силой тонкие пальцы сжали его плечи, и понял, что с этим человеком лучше не спорить. Какой-то он был стрёмный.

Глава 35

С покрытых широкими листами крыш хижин гостеприимного племени стекали потоки проливного дождя. Тропические ливни, так некстати застигшие путешественников на последнем дне их экскурсии, грозили затянуться на несколько недель. Вождь племени, хитрый лысый туземец, только качал головой и улыбался. Он-то считал дождь наградой за удачное жертвоприношение представителя местной фауны. Впрочем, «великий шаман» считал, что после выходки Спенсера на празднике плодородия, когда он оплодородил половину племени сам лично, крыша потекла даже у неба.

День медленно перетекал в вечер, густые заросли высоких деревьев вокруг свободной от растительности площадки с домами цепляли макушками пенную взвесь облаков, а неугомонный дождь всё шуршал и шуршал по ярко-зелёным листьям незнакомых пальм и ползучих кустарников вокруг.

Сейчас Льюис сидел под длинным навесом на небольшом выступе у входа в жилище, вдыхал ароматы промокшей растительности и круто падал в свою меланхолию.

Агент пришёл в себя достаточно быстро, хотя следы бурной ночи после праздника ещё два дня сохранялись на его мрачном и угрюмом лице. Гриффин сильно сомневался в грусти и сожалении о проделанном в голове Спенсера, списывая его неразговорчивость на какие-то повреждения агрегата для оплодотворивания местных женщин. А после того, как доктор невзначай поинтересовался, а давно ли Спенсер проводил имплантацию капсулы безопасности, тот вообще сник.

Спермоцин вводился каждому агенту вне зависимости от его желания или прочих этических проблем. Во всяком случае, так говорили сотрудникам. Корпорация, конечно, была всемогуща и вездесуща, но разбираться с потомками своих полевых агентов совершенно не желала. Да и мало ли, кто там появится, после таких-то доз нанов-хуянов, как считал Гриффин.

А мнению штатного врача Корпорации можно было верить, пусть даже он и бывший сотрудник.

– Нам бы, это, свалить отсюда, – кисло взглянул на Гриффина агент, усаживаясь рядом с ним и закуривая очередную самокрутку из чьего-то там говна и звёздной пыли. – Отдохнули и хватит.

Льюис смерил друга долгим изучающим взглядом.

– И куда на этот раз? – иронично осведомился он. – На яхте покатались, в поход сходили, поужинали, потанцевали. Может, к

тебе?

Агент заскрипел зубами.

– Да иди ты, я не из этих. И у нас тут не свидание, а…

– А что? – резко и холодно прервал его Гриффин. – О да, ты доказал, что у тебя стандартная ориентация. Вон, половина деревни ходит и улыбается, – желчно добавил он. – Только дальше-то что? Мы все бегаем, рискуем, куда-то прячемся, от кого-то убегаем. Я едва без лёгкого не остался. А можно спросить, агент-хуент, какого дьявола ты вообще меня выдернул с моей планеты? Только для того, чтобы провести уикенд вдвоём, вдали от цивилизации и шума городов, как было в том рекламном проспекте фирмы Романова?

– Чтобы ты вернул мне память, – зарычал Спенсер, побагровев.

– Отлично! – Гриффин щёлкнул длинными тонкими пальцами. – Память возвращена! Теперь я пойду?

Спенсер осёкся на полуслове. Несколько секунд он молча смотрел на друга, моргая в немом изумлении, будто действительно ожидал возвращения памяти. Потом до него дошло…

– А чего ты ожидал?! – заорал на него Гриффин, когда Спенсер не сдержался и двинул доктору в челюсть за надругательство над своей персоной. – Ты чего хотел, идиот? Думал, стащишь меня с места, отволочёшь в кусты и – вуаля! Я щёлкну пальцами, введу тебе антиблокиратор, да и отпущу тебя восвояси, с напутствиями и мантрами? Ты совсем дурак? Оглянись вокруг, агент! Всё, что мы можем, бегать, блядь, и прятаться. На что ты рассчитывал?

Спенсер в последний момент отвёл удар сжатого кулака в сторону, с силой впечатав его в непрочную стену хижины. Стена тут же проломилась, и в образовавшуюся дыру начала затекать дождевая вода.

– Отлично, – доктор угрюмо потёр ушибленную челюсть, проверяя её на целостность. – Ломаешь ты здорово.

– С собой же ты как-то справился, – сказал Спенсер, зло глядя на Гриффина, на челюсти которого набухал и разрастался багровый синяк. – Наны вывел, память вернул. Как ты это сделал?

Спенсер стоял, уперев руки в бока и нависая над доктором. Он требовательно смотрел на Гриффина, собираясь ждать ответа хоть бесконечно долго. Льюис открыл рот, сморщился от боли в челюсти и отвёл взгляд, намереваясь уйти подальше, пусть и под проливной дождь. Агент вовсе не желал отпускать добычу, но тут рядом с их жилищем появилась туземка. Невысокая, с достаточно широкими плечами, коренастая и смуглокожая, как и все

представители племени, она была мокрой с головы до ног, и улыбалась, глядя на спутников.

– Вождь звал тебя, великий охотник, – обратилась она к Спенсеру, хитро поглядывая на него. – Дожди затянутся, а вам пора уходить. Он хотел обсудить варианты.

Её речь была чистой и безо всякого акцента. Гриффин с любопытством рассматривал туземку, которая только казалась таковой. Смуглая кожа, как понял, присмотревшись, доктор, была лишь загаром, тёмные волосы, спутавшись и повиснув сосульками не завивались, как у всех туземцев, а глаза были не чёрными, а тёмно-зелёными.

Спенсер медленно кивнул, шагая прочь.

– Мы не закончили, – бросил он Гриффину через плечо. Тот лишь фыркнул и шепнул Спенсеру в ухо:

– Вождя только не трахай, он нам ещё пригодится.

Агент заскрипел зубами, но смолчал. В каком-то смысле он чувствовал свою вину перед Льюисом. Когда он поймал его вытаскивающим свои пожитки из багажного трюма «Александрийской Рулетки», Гриффин едва не вмазал ему по морде, не собираясь выслушивать агента с его объяснениями. Спенсер уговорил его успокоиться, и Льюис, в свойственной ему манере, развернулся на сто восемьдесят градусов, моментально остыв к ссоре и спорам. Спенсер сжато рассказал про Тайну и про Кловиса, скупо упомянув о своём прошлом увлечении этой девушкой с тёмными волосами и о том, как именно Инульгем заронил в него зерно мятежа.

Гриффин тогда рассмеялся так громко, что, казалось, весь космопорт сбежится на его стенания и хрипы. Когда доктор проржался, он поведал Спенсеру про встречу с Патриком Вунишем и о его размышлениях на все эти темы. Спенсер взгрустнул, опустил плечи и молчал всю дорогу до пункта выхода на экскурсию.

Теперь же, как думалось агенту, стало ещё хуже. От его былой уверенности, впрочем, как и от самоуверенности, не осталось и следа. Он паниковал, метался, совершал ошибки, что-то доказывал себе и окружающим, бегал, стрелял и убивал.

А когда Гриффин задал, в общем-то, самый логичный вопрос о том, чего агент от него ожидал и какова их конечная цель, Спенсер, вместо того чтобы нормально поговорить, врезал Льюису в челюсть. И за что? Только лишь за то, что сам же и натворил.

Спенсер уныло месил грязь по дороге к величавой хижине вождя, размышляя о том, в кого же он превратился. Беглец, преступник, а говоря по правде, просто бомж. Одичавший, напуганный и нервный бомж, которому проще сбежать, напиться,

подраться, чем признаться самому себе – он проиграл ещё до начала всей этой истории.

Конечно, Корпорация и не выпускала его из виду. Естественно, Кловис нашёл его при первом же удобном случае, махнул перед ним его же тайной… Его Тайной…

Спенсеру захотелось дать по морде самому себе…

Гриффин зашёл обратно в дом, налил из глиняного кувшина холодный напиток в большую кружку, в которой тут же появился одинокий и несчастный, как подумалось доктору, жёлтый листик, плавающий от стенки к стенке. Льюис уже собирался подумать о том, что и его жизнь похожа на этот дрейфующий листок, сравнить себя с плывущим по жизни дерьмом, но тут кто-то деликатно кашлянул, привлекая его внимание.

Льюис оглянулся на проём двери. За ним было достаточно темно от сгущающихся вечерних сумерек и сплошной пелены дождя. Крупные капли ручейками стекали по листьям крыши, собирались в озёрца и огромнее лужи у порога, стекали по пузатым бокам хижины и скапливались в специальных водоотводах, предназначенных для сбора воды про запас.

Гриффин проковылял к двери, чувствуя, как синяк на челюсти распух настолько, что речь уже даётся с трудом. На пороге стояла всё та же женщина, которая приходила за агентом.

– Меня зовут Таикудупу-Кулалумпура-Окунакутаси, – с улыбкой сказала она, – можно Таи, – быстро добавила женщина, увидев офигевший взгляд «великого шамана».

– М-м-м, – только и промычал доктор, кивая, – Кхе-кхе, – добавил он, подумав. Таи переминалась с ноги на ногу, пока Гриффин не додумался пригласить её войти. Таи присела на корточки, и множество тоненьких ручейков, сбегавших с её нехитрой одежды, тут же образовали рядом лужу дождевой воды. Женщина провела рукой по лицу, смахивая капли и посмотрела на Гриффина с улыбкой в тёмно-зелёных глазах.

– Достойному воину не понравилось твоё предсказание, великий шаман? – стараясь не улыбаться, кивнула Таи на синяк Льюиса. Тот собирался сказать что-то едкое и колкое, в свойственной ему манере покончив разговор до его начала, но вздохнул и, мысленно послав к чертям всех подряд, ответил:

– Ты же не из племени, Таи. Да и мы не воин с шаманом.

Таи хмыкнула.

– Я так давно живу среди этих людей, что даже получила от них моё имя. Так ли важно, единая у меня с ними кровь или нет? Твой друг ведь тоже не твоя родня, но вы идёте вместе, помогаете друг другу в пути и скованы одной цепью событий. Не будешь же

ты бросать его в беде только потому, что он не из твоего племени?

Гриффин подавился напитком из кружки. Таких глубоких мыслей от этой невзрачной туземки он никак не ожидал. Впрочем, а чего он вообще ожидал? Доктор хотел сказать, что Спенсер ему вовсе и не друг, а так, вынужденный товарищ, но осёкся.

Сколько у него было возможностей просто сбежать, оставив агента одного, или хотя бы не спасать его жизнь, не выводить те либидо-наны из крови, просто не рисковать собой на борту космической яхты или раствориться в любом мире, через которые шла регата. Он не сделал этого. Да, в начале Спенсер убедил его в том, что он ему нужен для побега. Агент обещал Льюису оставить его в покое, едва тот вернёт ему память. Но как объяснить этому упёртому идиоту, что память невозможно вернуть по заказу? Да и впоследствии, когда у Гриффина была уйма времени подумать и прикинуть план побега, он даже не собирался этим заниматься.

А теперь получалось так, что у него есть друг. Но теперь же вставал вопрос правды, которую Льюис так не хотел ворочать внутри своих мыслей, словно она могла проснуться, запустить в него едкие щупальца памяти и сожрать мозг.

А правда была простой и немудрёной. При самом лучшем стечении обстоятельств, в которое доктор не верил, в голове Спенсера стоят блоки памяти. Много, со вкусом, с толком и с расстановкой. Их можно убрать, но для этого нужны, как минимум, две вещи – время и необходимые инструменты.

В худшем случае, к которому и склонялся Льюис, память Спенсера просто была стёрта, а на её место давно была наложена другая личность. И тогда восстанавливать просто нечего. Единственным выходом в этом случае были архивы Корпорации, где должны храниться все данные о прошлом агента. А здание Информатория находилось на Терре, впрочем, как и штаб-квартира Корпорации, все её самые лучшие и элитные войска и отряды генетически модифицированных улучшенных, людей, агентов и персонала.

– Я не знаю, как сказать моему… другу, – последнее слово Гриффин выдавил сквозь сжатые зубы, – что он обманулся в своих надеждах на мою помощь в его жизни, – наконец закончил он. Таи внимательно посмотрела на стоящего перед ней мужчину. Она поднялась на ноги, от чего множество бусинок и гремящих побрякушек на её юбке тревожно зашуршали, откинула мокрые пряди волос с лица и встала перед Гриффином. Ростом Таи была ему ровно по плечо, и доктору приходилось опускать голову, разговаривая с женщиной. Таи смотрела прямо и открыто,

искренне недоумевая.

– Вы пришли вместе, но ты не хочешь ему помочь? Разве такое бывает?

Гриффину было откровенно жаль эту маленькую женщину, так долго прожившую в племени пигмеев, что она совершенно не представляла, что творится в огромном котле миров Корпорации.

– Даже если бы я хотел, я вряд ли бы смог, – Льюис поставил глиняную кружку на столик позади себя, внезапно ощутив неловкость от того, что до сих пор стоит с ней, как дурак. – В жизни есть такие вещи, которые весьма неоднозначны…

– А что такое жизнь? – снова уселась на пол Таи. – Где она, как её посмотреть? Жизнь – это то, что окружает тебя, чему ты позволяешь себя окружать, позволяешь врастать в тебя каждый день. И во что врастаешь сам.

Гриффин моргнул. Он пытался осознать лекцию о философии от одичавшей поклонницы туземцев.

– У меня есть кувшин, – продолжала Таи, – я пользуюсь им и таскаю в нём воду. Если он станет мне не нужен, я оставлю его и вернусь за ним, когда он мне понадобится. Но могу ли я назвать кувшин моей жизнью? – Таи задорно усмехнулась. – Думаешь, я просто дикарка, великий шаман? Нет, – она покачала головой. – В прошлой жизни я была энтомологом, как ни странно. Антропология, ксенобиология, медицина и прочие науки от меня были так же далеко, как я сейчас от благополучия городской жизни. Мне пришлось выбирать, учиться ли чему-то тут или оставаться в своей науке, но далеко отсюда.

– Люди не кувшины, – попытался поспорить Льюис. Таи согласно кивнула и продолжила:

– Хочешь сказать мне про живых людей, мораль, этику, долг перед обществом, обязанности и привычки, шаман? Но тут есть и другая сторона дела. Однажды мой кувшин кто-то выпачкал клейкой смолой и он приклеился к моим рукам. Мне пришлось разбить его, ибо он не хотел меня отпускать, а мне он был не нужен. Так и с людьми, как ни странно. Если тебя не отпускают долги прошлого, бремя воспоминаний, угрызения совести или тяжкая вина, тебе надо разбить их. Правда, тут для начала стоит подумать, а не нужны ли они тебе на самом деле. Возможно, не они, а ты не желаешь их отпускать. Всё, что ты хотел мне перечислить, есть везде, – Таи кивнула в сторону двери, за которой всё ещё лил дождь. – И мораль, и обязанности, и прошлое. Мне приятно было выбрать это, а не свою жизнь в городе, где у меня были другие вещи со схожей функцией. А если ты бежишь от жизни, а она никак не хочет оставить тебя в покое, значит кто-то вымазал твой кувшин души клеем.

Таи поднялась на ноги и шагнула к выходу. На пороге она помедлила, оглянувшись на Гриффина с непонятной тревогой в глазах. Доктор не был силен в философии, до сих пор силясь понять метафоры Таи.

«И чего бы ей это всё Спенсеру не сказать? – с тоской подумал Льюис. – Пёс точно разбирается во всех этих метафорах-хуяфорах».

Он тоже шагнул вперёд, с твёрдым намерением найти агента и вытрясти с него перевод всей этой непонятной философии от Таи.

– Не бросишь старый кувшин? – с улыбкой спросила женщина, стоя прямо перед пеленой дождя. Мелкие капельки моросью оседали на её загорелом лице, скатываясь по скулам и капая с носа.

– Воин хоть и тот ещё кувшин с простоквашей, но пока не такой уж и старый, – улыбнулся в ответ Гриффин, выходя под дождь.

«Есть ли жизнь, нет ли жизни, какая, к чёрту, разница? – думал Льюис, поскальзываясь в липкой грязи, в которую превратились тропинки между хижинами. – Я не знаю всех обстоятельств, почему энтомолог Таи бросила всё и осталась тут жить. Может, у неё некого было разбивать, отклеивать или оставлять. А может, с ней так и поступили, что и привело к таким результатам. Одно мне точно ясно: кто-то нахуячил мне клея на стул, и теперь я с ним так и бегаю, не перестать, не обосраться. Вот сейчас найду этого придурка, вмажу разок за попорченный вид и мы решим, кто, куда и от кого действительно тут бегает».

Гриффин почти ничего не видел из-за дождя, то и дело оскальзываясь и падая в липкую дрянь под ногами. Он уже почти до макушки перепачкался в глине, листьях и текущих по канавкам кучках испражнений, когда, наконец, добрался до большой хижины вождя. За дверью было подозрительно тихо и как-то непохоже на ведение бурной беседы по поводу провожатых для туристов.

Глава 36

– Придётся пересматривать всю космогонию и картину мира. Теория Всего не то, чтобы мертва, но явно испытывает сложности с самочувствием…

– Опять ты полез в метафизику. Скажи проще: мы не знаем, как это называется, и почему работает.

– Знаем, как работает. А названия придумать несложно. Например, я предлагаю назвать наш мир «Линия Ноль», для упрощения отсчёта.

– Почему «Линия»? Словно на уроке геометрии, ёрш…

– Наши поисковые группы переходят новый мир, но другую линию вероятности. Отсюда – «Линия». Но, если принять во внимание, что каждый мир имеет разные параллельные ответвления… Хм. Пусть будут «Параллели». Да, так проще.

– Стоп. Эксперимент в Эоле?

– Да, верно. Там мы смогли проникнуть сквозь квантовый портал в параллельный мир, где вместо пустыни и источенных ветрами скал увидели зелёную цветущую планету.

– И потеряли там взвод Майрела. Глупо…

– Поверь, они погибли не просто так, а во имя науки. Памятник не обещаю, но мемориальную доску..

– Знаешь, что? Засунь её себе в задницу. И проверни… Ребят это не вернёт…

– Да. Знаю. Прости, друг.

– Э, ладно. Бывает. Что будем делать с…?

– Пусть пока полежит в регенераторе. Он не в лучшей форме, организм изношен.

– Он передал сообщение с Андре, помнишь? Сдаётся мне, что кактусы там не такие безвредные…

– К чёрту кактусы. Он видит, как надо открывать порталы, и Линии, куда они ведут. Это важнее.

Андре отложил в сторону тонкий листок планшета, и вздохнул. Тянуло шею, болела от долгого сидения за столом спина, и ныла поясница. Удобный на первый взгляд стул превращался к концу дня в орудие пыток средневековых маньяков, терзая онемевшую задницу каждым миллиметром покрытия.

«И на кой хрен я согласился сидеть здесь, а не взял отпуск, как предлагали? – Дрезина помассировал переносицу, и прикрыл глаза, откинувшись на спинку стула. До конца реабилитации оставались ещё две недели, из которых большую часть он

проведёт тут, в унылых серых стенах аналитического центра Лабораторий Каннингема. – Сам вызвался, идиот. Разобрать материалы по экспедициям, систематизировать и комментировать моменты, связанные с транспортировкой… Эх… Чудила, одним словом».

Да, это было так. Он сам предложил посильную помощь, и Грей, не мудрствуя лукаво, отправил своего протеже в аналитику. Сейчас «в поле» работали все пять групп, и на базе остались лишь несколько сотрудников, не считая нанятых загадочными друзьями доктора охранников с военной выправкой и тусклыми, словно оловянными, глазами. Каждый человек был на счету, но… Андре, попробовав вкус другого мира, ощущал, что его родина порядком потеряла очарование. Ему хотелось снова открыть «дырку», и шагнуть в новую реальность, где ещё не было никого из жителей его планеты.

Он вспомнил приключенческие книжки, написанные век-полтора назад, в которых описывались истории покорения неизведанных земель и географических открытий, и улыбнулся. Тогда, в детстве, он морщил лоб, читая Кука, Кубера и Берна, и откровенно не понимая, что в этих «белых пятнах» такого, что заставляло людей бросать свою устроенную жизнь, и бежать, плыть, лететь туда, в Terra Incognita. И в скудном воображении всплывали туманные картины, как мужчины в тропических костюмах, вооружённые почему-то многоствольными винтовками, верхом на лошадях и верблюдах въезжали на покрытые белым туманом земли, и дымка рассеивалась. Открывались джунгли с древними храмами неизвестных племён, пески пустыни с затерянными городами, полными джиннов и сокровищ, горные ущелья, поросшие кривыми соснами…

Тогда это казалось глупым и скучным. Идти к Эль Дорадо, теряя участников экспедиции от укусов насекомых и отравленных стрел коварных туземцев. Найти остатки стен и разрушенные ступени пирамид, и вернуться назад, оставив в джунглях большую часть отряда… Или вмёрзнуть в лёд вместе с кораблями, и медленно умирать от холода, голода, цинги и полярных медведей, кажущихся злыми духами. Или… Сколько их было, этих историй.

Но теперь Андре понимал, что именно гнало вперёд исследователей. Незабываемое ощущение первооткрывателя и покорителя новых земель. Переживание победы и преодоления самого себя, когда ты вышел за жёстко очерченные рамки, и развеял туман, скрывавший тайны. Возбуждение, сравнимое с сексуальным… И неутолимая жажда.

Доктор Каннингем обмолвился как-то об этом

психологическом выверте, объяснив его генетической памятью относительно молодой человеческой расы и стремлением захватывать как можно большие территории, чтобы родное племя могло прокормиться и выжить. «Комплекс пионера» – так, кажется, он его назвал. Что же, хорошее название. Правильное.

На экране развернулись новые интерактивные отчёты, уползавшие ровными строчками, слегка разбавленными видео и графикой, в виртуальную бесконечность. Каждый участник экспедиции оставлял после себя многие мегабайты информации: картинок, записей, текста и телеметрии. Как правило, они были бесполезны в массе своей, содержа ненужный мусор повседневных действий. Но иногда в груде хлама могла блеснуть монетка факта, не замеченная ранее.

Так, несколько дней назад, проматывая видео из нагрудной камеры одного из учёных-зоологов группы 54, изучавших скалистые ущелья, Андре с удивлением обнаружил, что полосы на одной из скал выглядят, как нанесённые рукой человека. Прикрытые козырьком каменного выступа, они попали в кадр ненадолго, но качество записи позволило сделать выборочное увеличение, и, после обработки на графической станции, на стол профессора Каннингема легло изображение наскального рисунка, серьёзно повреждённого временем и погодой. Полосы краски выцвели, но удалось восстановить фрагмент картины, изображавшей сильно упрощённый набросок какого-то травоядного животного, украшенного рогами, и фигурку человека с копьём или палкой в руке. Так рисуют дети, или представители первобытных племён…

Рисунку было несколько столетий, если принять во внимание действие дождя, солнца и ветра. И было неизвестно, откочевало ли племя художников, или, может быть, вымерло от голода и болезней…

Ещё Андре помнил, как совершенно случайно, глядя на карту лагеря экспедиции 12, стартовавшей через несколько недель после возвращения его группы, он увидел что-то знакомое. Большие базальтовые плиты и вытянутые валуны задели какую-то струну в памяти. После нескольких часов напряжённых поисков перед ним висели два рисунка – один из нового мира, а другой – из старого исследования Фон Дённикена, посвящённого дольменам Старого Света. Перед Андре был план Стоунхенджа, повторённый в ином мире с достаточно высокой точностью. Не совпадали только внешние кольца камней, имевшие в тамошней версии большие промежутки, и положение «алтарного камня» в центре кромлеха. И синие в этом мире валуны были зеленоватыми там…

«Сколько же незамеченного осталось в этих записях и отчётах? – подумал Андре, отхлебнув кислого кофе, и снова закапываясь в тексты. Ему отчаянно хотелось в спортзал, и на стрельбище, но до конца фрагмента оставалось ещё много. – Чёрт, мне кажется, что учёные смотрят куда угодно, но не туда, куда нужно! Ну как можно было не заметить таких артефактов?»

– Дрезина, бросай свои бумажки и дуй в оперативный центр! – рявкнул, подпрыгнув, интерком голосом Грея. – Пять минут! Время пошло, агент!

– Так точно, капитан… – Андре недоумённо пожал плечами, и, встав со стула, подхватил куртку. Набросив её на плечи, он поёжился – в комнате было тепло, но коридоры центра почему-то охлаждались до неприличной температуры в семь градусов, и передвигаться по ним было неприятно. Снаружи крепких стен жарило июльское солнце, и после рабочего дня выход из лаборатории был сродни погружению в расплавленную магму. – Ладушки, сейчас буду.

– И что вам понадобилось? – спросил он у молчавшего интеркома, и подмигнул куску пластика с выдавленным логотипом производителя, направляясь к выходу. Ответа Андре не ждал.

– Позвольте представить, – доктор Каннингем, сидевший во главе стола, махнул рукой в сторону кресла для перевозки больных, в котором, скособочившись, сидел знакомый Андре по одному давнему глюку загорелый худющий нарк из пустыни, сейчас завёрнутый в одноразовую больничную робу, – Альф Йоргенсон, один из первых испытателей.

Альф, стараясь не потревожить трубки старомодных капельниц, торчавших из разноцветных катетеров в руках, под ключицей и под коленом, помахал ладонью, и улыбнулся. Взглянувший на чёрные пеньки зубов во рту чернокожего и слегка красноглазого исследователя Андре внутренне содрогнулся, но потом подумал, что сам бы выглядел не лучше в такой ситуации, и улыбнулся в ответ. Дюжий санитар, стоявший за спинкой кресла, посмотрел на него тяжёлым взглядом, и поправил капельницу.

– Гхм… – откашлялся капитан, и, окинув взглядом присутствующих, развернул на стене экран с тактической схемой. – Альфа обнаружила экспедиция на Эол. Группа 34 смогла открыть переход и, после развёртывания временной базы и термоядерного энергоблока для обеспечения возвращения, локализовала местонахождение испытателя в расположенном неподалёку храмовом комплексе…

Каннингем, который слушал Грея, положив подбородок на сплетённые пальцы, перебил капитана:

– К сожалению, процесс реабилитации и хелатирующей детоксикации проходил сложно, и только сейчас пациент пришёл в достаточно хорошую форму.

Грей, проглотивший окончание своей фразы, пожевал губами, и продолжил:

– В итоге мы смогли ответить на ряд вопросов, связанных с перемещением, и, после контакта с местным условно дружественным населением, выявили…

– Что, оказывается, мы – далеко не первые, кто освоил перемещение через порталы, – улыбнулся Каннингем, наблюдая за побагровевшим Греем. Капитан очень не любил, когда его прерывали, а доктору нравилось бесить своего старого друга. – Туземные легенды говорят, что много поколений назад через аномалии приходили добрые люди с дарами и товарами. А потом торговля и обмен внезапно прекратились, как будто их и не было.

Альф пошевелился в неудобном кресле, и поднял иссохшую руку, обтянутую почти чёрной кожей:

– Док правду говорит, да. Приходили, учили, ели кактусы, – негр сморщился, скривив губы. – Потом, через много-много лун перестали приходить. Последний из чужеземцев ушёл в дыру, чтобы выяснить, что случилось… И не вернулся. Чуваки, там не круто…

Андре задумался. Последние находки укладывались в теорию об обмене и торговле. Два похожих мегалита, ступенчатые пирамиды на Эоле, украшенные финикийскими буквами, металлические орудия из бронзы в захоронении, найденном группой 12…

– Но кем они были, эти путешественники? – спросил он у своих начальников. – И почему перестали ходить сквозь порталы?

– Этнографы на Эоле пока смогли выяснить только одно название, местности или города… – Грей вывел на экран снимок высеченных на камне знаков. – Александрия…

Глава 37

Дождь кончился, и на бархатистом ночном небе лениво оскалилась щербинами угловатая фиолетовая луна, заливая всё вокруг призрачным мистическим светом. Сотни тысяч разноцветных звёзд, выглянувших из прорех в тяжёлых тучах, искрились и мерцали над самой головой, становясь в этой части планеты ближе и ярче. Воздух тяжёлыми пластами плыл вокруг построек, напоённый сыростью и прелыми ароматами неизвестных тропических цветов.

Лёгкие боевые машины класса «Иллизиум» бесшумно пробирались по джунглям, вышагивая на длинных многосуставчатых конечностях, напоминая огромных пауков. Совершенные в своей простоте конструкции, и безупречные в своём минимализме, системы обеспечивали наилучшую огневую поддержку и проходимость в таких местах. Двигательные сочленения надёжно защищались универсальными подвижными креплениями в суставах, смазка оберегала механизмы от влажности и вездесущих насекомых, а простота и быстродействие машин не позволяли им проседать и проваливаться в тропических лесах с податливой рыхлой почвой.

– Объект движется в северо-западном направлении, – передал по каналу связи командир группы «пауков», – внимание всем машинам, огонь на поражение запрещён. Переключить орудия на стазис-поле.

Четверо ведомых отрапортовали о готовности стрелять стазисом при попадании цели в сетку прицела. Бо Ваняски опустил на голову зеркальный щиток шлема и удовлетворённо улыбнулся.

– Командир, – появился на линии хриплый голос Мишель, – второй объект не обнаружен.

– Продолжать преследование первого, – обронил Бо, направляя машину на северо-запад от деревни пигмеев.

Гриффин открыл глаза и попытался всмотреться в темноту. Фиолетовые отсветы луны создавали размытую картину нереального пространства, словно заливая всё вокруг расплавленной сеткой помех. Он потряс головой, стараясь прогнать туман и избавиться от звона в ушах, но так и не преуспел в этом. Кто-то осторожно тронул его за плечо. Льюис медленно, словно кот, развернулся и уставился в лицо Патрика Вуниша.

– Ты чего тут забыл? – недружелюбно осведомился Гриффин,

сдвинув брови. Инквизитор только хмыкнул, кивая в знак согласия, будто и не ожидал от доктора иной реакции.

– Служба такая, – спокойно ответил он. – Зашёл поговорить с агентом, а тут моё начальство пожаловало. Да не лично, а каких-то наёмников пригнало. Успел тебя выдернуть, что с твоим другом, я не знаю, – просветил Льюиса в ситуации Вуниш. Гриффин сплюнул на влажную землю, досадливо махнув рукой.

– Мне надо забрать сумку, – сказал он, решительно сделав шаг в темноту. Патрик неуловимым движением возник напротив Льюиса, преградив ему путь.

– Твоих веще нет, я в ваш дом уже наведывался. Ничего не осталось, кто-то всё вынес.

– И что ты предлагаешь? – сложив руки на груди, с вызовом спросил Гриффин. – Сидеть тут и кормить насекомых?

– Судя по тому, куда двигаются «пауки», твой друг бежит к точке перехода обратно на базу турагенства.

Вуниш сверился с портативным устройством связи, закреплённым у него на запястье.

– Пошли, – снова двинулся вперёд Гриффин, оттесняя плечом инквизитора. Патрик сдержанно кашлянул, похлопал Гриффина по плечу и деликатно заметил, разворачивая доктора в сторону:

– Северо-запад – это туда.

Льюис кивнул, пожал плечами и начал продираться сквозь густые заросли лиан и ползучих растений, быстро и неотвратимо запутавшись в них, как муха в паутине. Горько хмыкнув внутри себя над сложившейся аналогией, Льюис перестал дёргаться и оглянулся. Патрик всё ещё стоял на месте, едва заметно улыбаясь.

– Что? – с раздражением осведомился доктор, вырываясь из цепких пут растений. – Спасатель-хуятель, блин… даже мачете прихватить не мог.

– Почему не мог? Мог, – сдержано ответил инквизитор, доставая блеснувшее фиолетовым отсветом в лунном свете лезвие. – Ты не спрашивал.

Патрик сделал пару взмахов, и острейшее лезвие длинного и тяжёлого оружия с хирургической точностью отсекло лишние растения от тела доктора. Гриффин восхитился точностью ударов, потирая царапины и ссадины от мелких колючек на теле.

– Инквизиторский Корпус Малидакана, – скромно сказал Патрик, шагая вперёд и начиная прорубать дорогу сквозь лианы. Льюис внезапно подумал о том, что Корпорация, привлёкшая на работу такого, откровенно говоря, невзрачного пособника, явно просчиталась в отношении Вуниша. Не блистающий если уж честно, выдающимися внешними данными, по сравнению с тем же

Спенсером, Патрик, однако имел в своём резерве некоторые способности и навыки, которые, вкупе с его характером и острым умом, могли стать опасным обоюдоострым лезвием для его начальства.

Оружия у агента не было. Маломощный пистолет, подаренный ему Элем, он за нормальную боевую единицу не считал. С того самого момента, когда он увидел в хижине запакованного в матово-серую броню штурмовика Корпорации, Спенсер действовал на рефлексах. Одним махом проломив хлипкую дверь дома, он выпал наружу, придавив кого-то за ней. Спенсер сильно надеялся, что его тяжёлые прыжки доставили очередному агенту неприятности. О том, что за дверью стоял в то время Гриффин, по которому и пробежался Спенсер всей массой тела, он даже не догадывался. Впрочем, как и о том, что из-под рухнувшей двери Гриффина выдернул Патрик, оправдавший свои действия в мыслях преследованием и задержанием одного из беглецов.

Сейчас Спенсер пробирался прочь, в точку экстренного перехода из зоны отдыха, с помощью Таи находя верный путь. Женщина прихватила и вещи доктора, включая медицинскую сумку Льюиса. На вопрос Спенсера, а почему она тогда не забрала и его пожитки, а просто выбросила их подальше, Таи как-то странно улыбнулась и пожала плечами.

Они двигались чуть в стороне от торной тропы, поднимаясь на возвышение пирамидального вида, бывшее когда-то в дремучие века низкой горной грядой. Климат сменился, горы осыпались и сильно опустились, утратив былое величие и остроту пиков, а их поверхность поросла густой растительностью, став почти непроходимым местом.

Но Таи уверенно тащила за собой агента, то и дело путавшегося в корнях и свисающих с ветвей ползучих растениях. Спенсер уже сто раз пожалел об отсутствие какой-нибудь сабли или, хотя бы, длинного ножа. Когда совсем стемнело, агент почти приуныл. Жалкие остатки нанов в крови не позволяли полноценно чувствовать себя в своей тарелке, глаза начали слезиться, а непривычное отсутствие возможностей полевого агента выводили из себя. Спенсер плохо видел, плохо ориентировался, плохо двигался и плохо думал о себе, как о человеке. Он бросил Гриффина одного, поддавшись на уговоры женщины, обещавшей после всего привести сюда и Льюиса.

Сама же Таи поразила агента не меньше собственной слабости. В фиолетовых отсветах луны её кожа начала слабо светиться, будто покрытая пыльцой ночной бабочки, а в глазах

появился едва уловимый зеленоватый отсвет. Таи явно видела в темноте куда лучше агента, а различные насекомые и гнусные крылатые твари покрупнее просто облетали её, стараясь убраться подальше.

В своей монотонной ходьбе Спенсер задумался, где мог видеть нечто похожее на эту женщину.

– Думал, вы не выбираетесь со своих планет, – придав голосу безразличие и спокойствие, сказал он, наблюдая за реакцией женщины. – Мотыльки не жалуют людей.

Таи остановилась, почти исчезнув в тенях дождевого леса, но потом ответила ровным голосом:

– Во мне куда меньше генов ксеносов, чем ты думаешь. Я не Мотылёк, я считаюсь человеком.

– Видимо, не для всех, – сказал агент, имея в виду её побег от цивилизации в эти места. – Ты же не местная?

– В совершенном и толерантном мире Корпорации, где различия между людьми возведены в ранг преимуществ и гордости, для такого человека, как я, места не нашлось, – сказала она. – Но я вижу, что и ты, генетически чистый представитель людей, как-то не особо жаждешь вернуться обратно. И в чём тогда наша разница?

Спенсер тихо выматерился, когда тонкая ветка хлестнула его по щеке, оставив кровоточащую царапину и ответил:

– А я и не говорил, что эта разница есть. Ты поэтому мне помогаешь? Потому что я бегу от остального мира, не найдя там места?

– Не только, – Таи возникла прямо перед агентом, в последний момент подавившим желание отскочить назад, – мне нравится твой друг.

Спенсер открыл и закрыл рот, так и не найдя, что сказать.

Огонь открыли сразу с двух сторон. Веерный обстрел состригал мясистые листья и мелкие ветки деревьев, освещая темноту вспышками летящих снарядов. Боевые машины под командованием Бо мгновенно рассредоточились, занимая боевое построение, и открыли ответный огонь. Сам Ваняски, как и его подопечные, даже не поняли, что произошло. Вложенные в «пауков» программы защиты сработали автоматически, перехватывая командование и выводя на экраны неизменную надпись «доступ к управлению запрещён».

– Какого чёрта тут происходит?! – заорал Ваняски. – Кто нас обстреливает? Объект был не вооружён!

– Бо, ты не поверишь… – раздался удивлённый голос Мишель, прорвавшийся сквозь помехи и треск, – это инквизиция

Корпуса Малидакана! Запрашивают выдать тебя, как беглого преступника.

– Инквизиция? Малидакана? – Бо нервно хихикнул. – У нас же полномочия Корпорации! – осенило его. – Надо передать им сигнал!

– Твою же матерь в бога душу, – выругалась Мишель. Судя по звукам её нешуточно тряхнуло в её машине. Связь на некоторое время пропала, а когда снова восстановилась, женщина горько высказалась в самых нецензурных выражениях, что она думает об инквизиции, беглых идиотах и о самом Бо лично. После чего добавила обречённо:

– Они знают о наших полномочиях. Считают, что мы подделали позывной, так как у них точно такая же лицензия от той же чёртовой инквизиции под контролем Корпорации.

– Кто командир? – деловито осведомился Ваняски, уцепившись за крепление в командном отсеке, когда в его машину попал тяжёлый снаряд и переломил сразу две передних суставчатых ноги «паука». Машина грузно осела, накренившись, на панели управления замигали красные огоньки, которые ничего не говорили Ваняски, кроме одного: всё пиздецки хуёво и надо убираться подальше.

– Патрик Вуниш с Малидакана, – перекрикивая вой сирены внутри своей машины, отозвалась Мишель. – Ты как хочешь, а я сваливаю нахер отсюда. Нас не для войны нанимали.

– Следую твоему примеру, детка, – ударил по кнопке экстренной эвакуации Бо, впрыгивая в командирское кресло. Его тело тут же туго сдавили ремни безопасности, над головой открылся люк и пусковая система вытолкнула кресло прочь, наглухо запечатав крышку машины класса «Иллизиум».

Каменная арка перехода, украшенная затейливой вязью росписи по камню, выступала прямо из отвесной поверхности небольшого кургана на пути Спенсера. Таи кивнула на неё как раз в тот момент, когда открытое пространство прорезали первые выстрелы тяжёлых снарядов. Агенту казалось, будто кто-то кричит ему что-то, но он не смог разобрать ни смысла, ни слов. Спенсер вжался в узкую щель неактивированной арки, закрывая собой Таи, скорчившейся за ним и присевшей на землю.

Если бы у агента в крови оставалось достаточно нанов, он без труда смог бы вычислить не только места, откуда вёлся обстрел, но и разобрать класс боевой машины или обезвредить парочку из них, пользуясь нечеловеческими способностями к передвижению и силой.

Но спенсер устал. Он был исцарапан, в порванной одежде,

весь в синяках и ссадинах, да ещё и почти у самой арки сумел подвернуть ногу, прохромав последние метры до укрытия. Таи прижимала к себе сумку Гриффина, словно оберег, стараясь не поднимать головы и не шевелиться. На небольшую полянку перед аркой выползли лёгкие боевые машины Корпорации, умело и быстро перебирая многосуставчатыми паучьими конечностями. Судя по всему, пилоты давно покинули машины, которые действовали по запущенной программе одного из множества боевых расписаний. Пауки маневрировали, пускали в темноту струи огня и посылали ракеты, оставляющие за собой чёткий светящийся след. Через некоторое время напротив появились два отделения тёмных силуэтов, напоминающих человеческие, но гораздо выше и шире в плечах. Солдаты сливались с темнотой, выбирая те участки, куда не проникал лунный свет. Только на миг противник показался в фиолетовом свечении спутника планеты, чтобы Спенсер сумел заметить, как они выглядят. Высокие, нечеловечески огромные и широкие, они, тем не менее, не были лишены грации, скорости и лёгкости движений. Матово-чёрная броня, состоящая из мелких чешуек, не отражала, а поглощала любой свет, падавший на покрытие брони.

Солдат, которого сумел рассмотреть Спенсер, подошёл достаточно близко, заставив агента напрячься и изготовиться к сражению. Но чёрная громадина оценила беглецов, развернулась к ним спиной и приготовилась защищать безоружных людей. Но не успел агент вздохнуть свободно, как сразу пара серебристых ракет, выпущенных горящим уже «пауком», разнесла силуэт в дребезги. По каменной арке засвистели осколки брони и разорвавшихся капсул ракеты, начинённой множеством высокопрочных поражающих элементов.

Спенсер почувствовал толчки. Грудь, живот и плечи обожгло болью, но он продолжал стоять, понимая, что за ним сейчас прячется женщина, которая вряд ли перенесёт обстрел и ранения так же легко, как накаченный нанами агент… На этом мысли Спенсера остановились. Он вспомнил, что совершенно пуст. И в этот момент пришла боль, ослепление вспышкой разорвавшихся ракет, оглушающие звуки и навалившаяся тяжесть, молотом припечатавшая его к земле. Где-то позади тихо заплакала Таи…

– Что это такое?

Гриффин пытался выскочить из укрытия, едва «пауки» выдвинулись на полянку и раздались первые выстрелы и ответный огонь. Он что-то кричал Спенсеру, да и обязательно бросился бы вперёд, заметив у арки своего друга и кого-то ещё, но Патрик вовремя остановил его, с силой впечатав в землю.

Разбитая давеча скула Льюиса с треском ухнула, и доктору показалось, что он сейчас будет собирать осколки зубов во рту. Челюсть, однако, выдержала, но ослепляющая волна боли прокатилась по всему телу, засев в черепе раскалённой иглой.

– Я должен был что-то сделать! – пытался воззвать к его разуму Вуниш. – Не могу же я лично вас отбивать от четырёх «пауков»! Да послушай ты, придурок, – он снова утянул Гриффина на землю, – сейчас личная гвардия учредителя всей этой заповедной зоны разберётся с несанкционированным проникновением, а дальше все будут думать, что вы либо погибли, либо снова от меня сбежали!

Льюис затих, осознавая частью мозга правоту Патрика. Вторая, покалеченная долгом и совестью, половина разума доктора решительно желала наплевать на все обстоятельства и ползти на помощь другу прямо под пулями.

– Мне пришлось обратиться к Романову, я дал ему полномочия инквизиции Малидакана и особые полномочия Корпорации, которыми меня любезно наградили, – быстро говорил Патрик, – сейчас его гвардия перебьёт «пауков» и вы сможете спокойно уйти обратно на базу агентства.

Льюис встал, отряхнулся и посмотрел на арку. Спенсера загородил нереально огромный солдат в чёрной броне, который почти тут же разлетелся веером огненных брызг и клочков кибертела. Гриффин от души вмазал Патрику, оттолкнув его от себя, и бросился вперёд, не обращая внимания на свистящие снаряды, энергетические лучи и вспышки лазерных прицелов.

– Да куда ты, придурок! – крикнул вслед Патрик, но было уже поздно. – Ладно, зато достоверность истории про побег явно никто не оспорит, – утешил он себя, потирая ушибленное лицо и сплёвывая кровавую слюну. – Надо же, как понравилось инквизитору по морде бить…

Несколько пуль просвистели совсем рядом. Одна порвала брюки доктора, вторая царапнула его по виску, оставляя после себя кровавый след. Над головой пронёсся, уходя выше, заряд тонкого лазера, оплавивший изрядное количество волос на голове Гриффина. Он бежал вперёд, не обращая внимания на происходящее. Проскользнув между тонких лап боевой машины, увернувшись от шагов второй, он нёсся прямо на чёрных гвардейцев, не обращая внимания, что начисто перекрывает им сектор обстрела. Один из огромных солдат поднял руку со встроенным в неё оружием и нацелился прямо на Гриффина. В последний момент доктор плашмя упал на землю и пополз вперёд. Заряд из тяжёлой пушки пролетел у него над головой, врезавшись в элегантное тело «паука» позади.

Влажная после дождя земля приняла удар Льюиса, смягчив его. Доктор тут же снова оказался весь перемазанный в грязи и перегное. К лицу, ранам и ко всему телу прилипли мелкие листики и веточки. Чёрный гвардеец шагнул вперёд, оставляя доктора лежать на земле, а прямо перед ним бесстрастный свет осколочной фиолетовой луны высвечивал лежащее на земле тело Спенсера. Вся грудь, живот, плечи и половина лица агента были в крови. Из ранок торчали блестящие головки начинки для ракет, выглядывая наружу, как грибы после дождя. В самом тёмном углу всхлипывала Таи, прижимая к груди вещи Гриффина. Льюис схватил свою сумку, рывком распахнув крышку. Таи смотрела на него с неподдельным ужасом. А тот, казалось, ничего не замечал вокруг.

Первым делом доктор, разорвав одежду на теле Спенсера, зубами сорвал крышку с большой бутыли обеззараживающего раствора, плеснув его себе на руки, а затем щедро полив им тело агента. Кровь зашипела, сползая красноватыми струйками, и обнажая жуткие рваные раны. Гриффин не глядя схватил дорожную планшетку с хирургическим набором и принялся выковыривать куски стальной шрапнели из ран Спенсера. Тот даже не пошевелился. Вытащив самые опасные куски стали, Гриффин одной рукой подключил к шее Спенсера портативную аптечку, замигавшую оранжевыми и красными огоньками, а второй рукой достал из сумки перевязочный комплект. Когда раствор смыл кровь, ничего угрожающего жизни Гриффин не обнаружил, но давление агента оставалось критически низким, тахикардия и бледность кожи, мертвенно фиолетовой в свете луны, опасно нарастали, а вот дыхание было прерывистым и неглубоким. Льюис поднял веко и посмотрел в расширенные зрачки Спенсера, касаясь неестественно холодной кожи на лице агента.

Он что-то пропустил, он знал это, он видел это. Гриффин начал быстро осматривать Спенсера ещё раз. И нашёл то, что искал.

Несколько кусочков металла буквально пробили брюшину, застряв в мышцах и рёбрах. Судя по всему, артерия была цела, но вот кровь из повреждённой печёночной вены текла довольно сильно. К тому же, как видел сейчас Гриффин, мелкие осколки рёбер повредили печень и часть желудка. Скрепя зубами, чувствуя, как позади него приближается сражение, дышащее ему в спину нестерпимым жаром от орудий, Гриффин извлёк из сумки походные инструменты.

Времени на то, чтобы подготовить пациента к операции у него не было. Как не было его и у самого Спенсера, из которого

вытекали капли тёмной крови. Вся одежда уже пропиталась ею, став тяжёлой и мокрой не только от влажной почвы.

– Ну чего ты сидишь? – бросил он Таи. – Заставь переход работать, иначе нам всем крышка!

Таи нерешительно пошарила в карманах Спенсера, дрожащими пальцами извлекая из них браслет путешественника, запрограммированный на два перехода: сюда и отсюда. Льюис осознавал. Если он немедленно не остановит кровь, Спенсер не дотянет до того, когда его можно будет сунуть в автохирург. Грязная земля, множественные осколочные ранения, рваные раны от впившихся в плоть начинок ракет, предназначенных, чтобы пробивать лёгкую и среднюю броню таких же боевых машин и боевого снаряжения солдат. Всё это уменьшало шансы Спенсера выжить с каждой секундой.

Льюис не стал вынимать осколки костей из раны, извлекая из тела только металлические дротики поражающих элементов. Округлые головки, торчащие наружу, затрудняли извлечение, став скользкими и опасными, впрочем, выполняя свою функцию затруднения при извлечении. Он залил осколки рёбер и повреждённую печень клеем для тканей, намертво зафиксировав инородные тела в ранах вместе с окровавленными кусками плоти агента. Большего для своего друга в этих условиях он сделать не мог.

Таи щёлкнула кнопкой активации, и арка слабо загудела, наращивая поле перехода. Через несколько секунд он слабо засветился золотистым светом, окружая этим золотом всё вокруг. Таи подхватила агента за плечи, намереваясь втащить его в арку, когда глаза её расширились, и она уставилась на что-то позади Гриффина.

Доктор казался вымотанным и совершенно непонимающим, где оказался и что тут делает. Он устало опустил взгляд на землю, не поворачиваясь назад, и лишь провожая взглядом Таи, втаскивающую в переход Спенсера.

В последний момент она ухватила Гриффина за отворот рубашки и рывком втянула внутрь перехода. Как раз в тот момент, когда одна из ног покалеченного, но всё ещё живого и боеспособного «паука», опустилась на то место, где только что сидел Гриффин.

Золотое свечение померкло, поглотив людей…

Глава 38

Гриффин помотал головой, и надоедливое жужжание в ушах превратилось в занудный голос, принадлежавший его собеседнику. Доктор сфокусировал глаза на отражении в стекле, отделяющем регенерационный блок от белого коридора, и хмыкнул.

– Со своей стороны, как специалист с многолетним стажем в области восстановительной терапии и регенерации, а также – как ведущий аудит-хирург госпиталя Каннингема, – одетый в искрящийся белой политканью халат и окружённый лёгкой пеленой стерильного оперполя, хирург с лошадиным лицом и тонкой ниточкой усов размеренно продолжал свою вязкую речь с видом совершенно уверенного в себе человека, – я не могу не отметить высочайший профессионализм и самоотверженность того, эм-м-м-м, несомненно, достойного человека и прирождённого врача, который проводил первую медицинскую помощь в совершенно неподходящих для того условиях. Извлечение поражающих элементов проведено практически идеально, несмотря на низкие коэффициенты трения в области их оголовков и зазубренные края, которые представляют особую сложность для микроманипуляторов скоропомощных бригад. Я представляю, насколько грандиозен талант этого специалиста…

«Ни черта ты не представляешь, доктор Авендичи, или как там тебя, – Льюис с неудовольствием изучал свою помятую физиономию, украшенную свежими полосами регенераторного геля. Красные глаза светились на стекле, словно тревожные сигналы медблока. Да и вообще он чувствовал себя пропущенным через мелкий бактериальный фильтр компрессорной станции. – Какие ещё микроманипуляторы, херург ты задничный? Я эту шрапнель руками выковыривал… И изо всех сил надеялся, что больше ни один крупный сосуд не задет. Ну а ты, тыловой модуль анальной поддержки, расскажи мне про то, как космические корабли бороздят пространства театров военных действий, и ангелы приколочены к небесному своду золотыми гвоздями».

– Я бы лично с превеликим уважением и пиететом пожал руку этому прекрасному человеку! – Авендичи, не изменив застывшего на лице выражения лёгкой брезгливости и недоумения, повернулся к Льюису. – Вы случайно не знаете, кто именно это был?

Гриффину стало тошно. Он мог бы списать это на действие противошоковых и успокаивающих, которыми его напичкали после перехода в приёмное отделение, но настоящая причина

была в другом. У него вызывал отвращение и этот чистоплюй в суперсовременном халате, и идеально стерильные коридоры госпиталя, отделанные белым метапластом, и то, что он сам уже ничего не мог изменить.

– Не знаю. Кхм, не знаю и даже не имею представления, кто именно занимался пострадавшим, – Льюис чувствовал, как внутри сжимается тугой комок тоски и боли. – Меня самого вытащили без сознания. Знаете, так бывает.

Доктор Авендичи медленно покивал, похрустывая тканью своего идеально чистого халата, и снова повернулся к медблоку.

– Думаю, есть все шансы на успешное излечение. Наша техника – лучшая, и полковник лично просил меня проследить за ходом терапии, чтобы избежать возможных осложнений и внезапных отклонений в регламенте операций. Думаю, не останется ни единого шрама…

За прозрачной преградой, в поблёскивающем отражающим полем стакане стационарного регенератора незнакомой Льюису модели плавало тело агента Спенсера. По ранам в его боку и груди сновали микроботы, вводившие лекарства и контролирующие процесс восстановления тканей. Сквозь искажавшую перспективу янтарную жидкость восстановительного раствора эти машинки казались личинками насекомых, копошащимися на трупе. Гриффин ещё раз помотал головой, отгоняя звон в ушах и накатившую депрессию.

«Хорошо, что хотя бы этот выскочка Авендичи заткнулся, – подумал он, рассасывая горьковатую капсулу унидина. Лекарство начало действовать, и туман, сгустившийся было перед глазами, немного отступил. – Где бы тут прилечь…»

Нетвёрдыми шагами Гриффин отошёл от стекла в регенераторный блок, и практически рухнул в белое кресло для посетителей, стоявшее в полукруглой нише. Сон пришёл мгновенно, стоило ему коснуться мягкой поверхности.

Доктор Авендичи посмотрел на своего собеседника, недоверчиво приподнял левую бровь, и продолжил наблюдать за пациентом. Контрольная панель, проецируемая на стекло, показывала, что состояние Джона Доу улучшалось. Медленно, но вполне уверенно. Аудит-хирург позволил себе почти незаметную усмешку, и пробежался тонкими длинными пальцами над проекцией сенсоров, ускоряя процесс восстановления тканей печени. Внутренние повреждения от выгоревших нанитов и перекошенный энергетический баланс организма он оставил для следующих этапов терапии.

Спенсер медленно открыл глаза. Вокруг него парили, как ангелы на древних гравюрах, несколько непонятных аппаратов, издававших тонкое гудение суспензоров. Собственно, этот едва слышный шум и разбудил агента. С трудом пошевелив непослушными пальцами, Спенсер пошарил под тонким покрывалом из невесомой белой ткани, и, ощупав свой пах, шумно выдохнул. Агент видел в тяжёлом и долгом сне, как его ранили в какой-то заварушке среди джунглей, и доктор Гриффин, матерясь, отрезал и выбрасывал в кусты половые органы Спенсера. На вопрос «Зачем?» Льюис, скривив окровавленное лицо, ответил, порыкивая и булькая: «Мешают! А будешь много вопросов задавать – и язык отрежу!»

Смешно, но агент решил убедиться в том, что это был всего лишь сон. И облегчение от понимания нереальности привидевшегося оказалось очень уместно. Подстёгнутое адреналином сердце застучало сильнее, и Спенсер начал ощущать покалывание в теле. Грудь и правый бок адски чесались, хотелось пить и есть, а жужжание медроботов напрягало чувствительный слух.

В комнате не было ничего, кроме затенённого обзорного окна перед кроватью, небольшого столика, висящего в воздухе на уровне кровати, и мягкого белого кресла, в котором сладко спал доктор Гриффин. Откинувшись назад, Льюис выглядел помятым и смертельно усталым. Под глазами залегли глубокие тени, пальцы подёргивались во сне, а из уголка рта стекала тонкая ниточка слюны.

Спенсер попробовал приподняться на локте, и его койка пришла в движение. Почувствовав желание пациента перейти в сидячее положение, кровать подняла изголовье и замерла вновь, пискнув.

«Судя по всему, я в больнице, – агент ещё раз осмотрел безликое белое помещение, потом перевёл взгляд на затемнённую поверхность окна, в котором, как в зеркале, отражались его бледная осунувшаяся физиономия и обстановка комнаты. – В дорогой и очень хорошо оснащённой больнице. Я таких медботов давно не видел. Постричься бы не мешало», – внезапно ощутив, насколько ему мешают отросшие волосы, поймал он неожиданную мысль.

Он попытался вспомнить, как именно очутился здесь, но память отказывала. Смутные картины джунглей, деревни пигмеев с их лысым вождём и праздника урожая перемежались обрывками боя, вспышками излучателей, взрывами, солдатами в чёрных доспехах и боевыми машинами. Точнее агент восстановить

последовательность действий не мог. Судя по всему, он был ранен, когда вместе с Гриффином отправился в экстрим-тур. «Да уж, вот это экстрим так экстрим… – невесело хмыкнул агент, разбираясь с непривычным интерфейсом своей кровати, которая была напичкана не только сервомеханикой, но и многочисленными медицинскими агрегатами. Его усилия были вознаграждены ткнувшейся в губы прозрачной трубкой с оранжевым соком, и спикировавшим на запястье небольшим ботом, присосавшимся к вене. – Но всё-таки, как мы здесь оказались? И где именно это «здесь»?

Льюис шевельнулся в своём кресле, и провёл рукой по закрытым глазам, словно сдирая с них налипшую паутину. Рядом что-то жужжало и хлюпало, и доктор содрогнулся, подумав, что все ещё находится в джунглях. Осторожно приоткрыв глаза, он с радостью убедился в своей ошибке, разглядев знакомую белую палату Спенсера, куда агента перевели вскоре после суток в регенераторе. Хлюпанье раздавалось из койки, и Гриффин заинтересовано приподнялся в своём кресле, проклиная затёкшие от неудобной позы мышцы. Агент уже очнулся, и бодро всасывал из прозрачной трубочки какой-то сок, почёсывая рубцы на груди. «Вот же кусок человека… – мельком подумал доктор, ощутив приступ жажды. – Ещё недавно висел в регенераторе, а уже чешется и сок хлещет. Всё-таки агентов Корпорации истребить невозможно. Хуже тараканов, право слово».

– Док, доброе утро! – жизнерадостно приветствовал его Спенсер. – Сок будешь?

– Ещё чего, – буркнул Льюис, разминая шею и руки. – Мне для полного счастья только твоих аминокислот и генных препаратов пополам с нанитами не хватало… Ты лежишь в приборе, который стоит, как эсминец, и синтезирует всё необходимое для жизни и лечения конкретно тебя. И, если я хлебну из этой трубки, то в лучшем случае меня будут откачивать от анафилактического шока. А в худшем – назначат консультацию у танатолога-прозектора.

С трудом поднявшись, он подошёл к зеркальному окну, и мрачно уставился в отражение. Льюису сейчас было очень тяжело и паскудно.

– Гриффин, а ты помнишь, что случилось? – спросил Спенсер, тыкая в проекцию консоли управления. – Что-то у меня каша в голове…

– Это не каша, это мозги, – машинально поправил его Гриффин, прикоснувшийся пальцами к холодному окну, и стоически борющийся с искушением приложиться к стеклу

лбом. – Но ты ими не пользуешься, поэтому – ничего страшного, это пройдёт.

Агент улыбнулся, и Льюис почувствовал, как ему в руку ткнулся какой-то пластилевый предмет. Микробот, удерживавший в захвате тонкостенный стаканчик с горячим кофе, пискнул и зажужжал суспензорами, когда доктор забрал его ношу.

– Спасибо, – скупо обронил Гриффин, ополовинивая стакан. Горячая сладкая жидкость комом провалилась в протестующий желудок.

– Не за что, док. А где мы находимся? – задал закономерный вопрос агент, пытаясь на своей консоли сообразить что-то вроде информационного запроса.

Гриффину стало ещё тоскливее.

– В госпитале Каннингема, – ответил он.

– К чёрту подробности, какая это планета? – Спенсер с трудом ткнул в прозрачные иконки, висящие перед ним, и закашлялся…

Льюис вздохнул. Неожиданно панорамное окно, занимавшее всю стену, стало менять коэффициент отражения, обретая прозрачность.

За бронированным стеклом, усиленным силовым полем, открылась сверкающая миллиардами огней и вспышек голо перспектива мегаполиса. Башни из льдистого метастекла и пластали, возносившиеся к небесам и терявшиеся в низких белых облаках, клубящийся далеко внизу туман городского смога, трассы бесчисленных воздушных судов всевозможных форм и размеров… В темнеющем предвечернем небе, перечёркнутом огоньками орбитальных структур, медленно проплывал исполинский военный корабль – линкор или линейный крейсер, утыканный орудийными установками и помаргивавший букетом маневровых двигателей на корме.

На чёрном лаковом брюхе крейсера красовался его номер и изображение пятиугольной паутины, разорванной с правой стороны, и образующей стилизованную букву «С» стандартного алфавита. Тот же символ в различных вариациях был почти везде – на зданиях, голотрансляторах, вспыхивавшей рекламе, бортах флайеров, и даже на исполинской проекции, светившейся в разрывах между башнями небоскрёбов.

Символ, с незапамятных времён ассоциировавшийся во всех мирах только с одним – с Корпорацией.

– Это пиздец… – хрипло прошептал Спенсер, и его шёпот показался Гриффину громче выстрела из звукового орудия. – Терра. Линия Ноль. Сердце Корпорации…

– Жопа… – в тон ему проговорил Гриффин, уронив стакан с недопитым кофе, и медленно отступая на трясущихся ногах прочь от окна.

Глава 39

– Смейся, смейся, – добродушно усмехнулся агент, наблюдая за эволюциями забавного сине-бело-серебристого бота. Сфера-автомат висела в воздухе недалеко от головы Спенсера, и периодически подскакивала, проворачиваясь вокруг всех осей. Из маленьких «звучков» доносился приглушённый детский смех, и перед ботом вспыхивала голопроекция улыбки. – Экий проказник…

Гриффин подошёл к опирающемуся локтями на ограждение агенту, и, окинув неприязненным взглядом яркого робота, сунул в руку Спенсеру стакан с рециркулированным кофе.

– На, держи. Если бы не твои задние конечности…

– То ты никогда не принёс бы мне кофе? – улыбнулся Спенсер. Ему было хорошо. Ветер, пахнувший многомиллионным городом и, неожиданно, зеленью и цветами, шевелил отросшие волосы агента, небо над головой светилось той самой единственной синевой, воспетой в песнях и стихах. Небо Терры. – Спасибо, Льюис. А здесь хорошо, правда?

Гриффин похлопал ладонью по монолитному ограждению, и посмотрел по сторонам, от чего пряди его чёлки заскребли по щекам, щекоча их и заставляя доктора кивком головы отбросить назад волосы. Они стояли на крыше госпитального комплекса, в небольшом садике для прогулок. Недалеко гудели заходящие на посадочную площадку коптеры и флиттеры, украшенные змеёй и вездесущей паутиной, над садиком нависали кристаллические эмиттеры комплекса связи, а внизу многоруким и многоголовым чудовищем шевелился город. От горизонта до горизонта простирались линейные структуры белого, бежевого и серого цветов, окаймлённые зеленью насаждений и серебристыми ниточками каналов. Кварталы рассекали ущелья улиц, уходящие в тёмные даже под полуденным солнцем провалы. Ввысь росли громадные небоскрёбы, напоминавшие кристаллы минеральных солей и блестевшие на солнце металлом и силовыми полями. Воздушное движение поражало своей сложностью и насыщенностью – сотни и тысячи машин маневрировали, уходили на посадку и взлетали.

– Мне тут не нравится, – буркнул, отгоняя ладонью весёлого робота, доктор. Льюис прищурился и плюнул за ограждение. Невидимое силовое поле, располагавшееся в метре от них, испарило плевок, и какое-то время мерцало, расходясь круговыми волнами, искажавшими перспективу. – И из-за этого тоже. Чувствую себя рыбой в аквариуме.

Спенсер сделал глоток кофе, зажмурившись от удовольствия. На самом деле напиток отдавал низкопробной синтетикой и дико горчил, но агент был готов мириться с этим фактом. «Я на Терре. На самой Терре, – думал он, расслабленно наслаждаясь мегаполисом вокруг, поющим от переполняющей энергии собственным телом, и новыми имплантами в ногах. – Никогда, даже в самых своих глубочайших мыслях, я не мог мечтать о таком событии. Центр мира, средоточие власти, душа Корпорации… Тьфу, чёрт!»

Гриффин внимательно наблюдал за своим впавшим в эйфорию товарищем, и точно рассчитал момент, когда ноги Спенсера подкосились, и он начал оседать, странно кособочась.

– Пёс, ты слишком сильно виляешь хвостом, – Льюис крякнул, подхватывая агента под мышки и отволакивая к ажурной скамеечке из белого металла, – того и гляди, отвалится…

Усадив своего одурманенного нейролептином пациента так, чтобы он казался отдыхающим, Льюис достал из кармана своего костюма тонкую коробочку. Несколько старомодных инъекторов, пара капсул, голокомп в форме кольца, иглы…

– Понимаешь, пёс, мне сразу не понравилось это твоё вдохновенное настроение и душевный подъём, – Спенсер моргнул, с удивлением понимая, что он сидит и смотрит в небо, а голос Гриффина продолжает звучать в ушах. – Слишком не характерно даже для тех навороченных средств-хуедств, которые в тебя вливали. Не отвечай. Я хочу, чтобы ты сейчас меня внимательно слушал, не отвлекаясь на эйфорию и блок лояльности. Впрочем, ты и не сможешь ответить. Не бойся, паралич пройдёт…

– Так вот, пёс. Я не знаю, откуда у полковника связи на Терре, зачем он нас сюда перебросил, и что будет дальше. Но я не собираюсь пополнять ряды улыбающихся зомби с вытатуированной на затылке паутиной и выжженными пустотой мозгами! – Льюис закашлялся, и ударил кулаком по скамейке. – Посмотри кругом. Всё это – только оболочка, пустая внутри… Люди в мире Ноль живут, работают, умирают – но никто ничего не решает, и никто не имеет свободы. Всем правят наны. Они дают доступ к памяти, новым мирам, чтоб они все провалились в преисподнюю, технологиям, направленным на всё что угодно, кроме прогресса. Но ты представь на секунду, что всё это в один прекрасный миг рухнет…

Да, кстати. Твоя память. Я тут подумал… Есть несколько путей коррекции, и большинство из них требует стационарной

аппаратуры. Да, да. Знаю. Но есть один вид блокировки, которую можно снять относительно легко и в любых условиях. Несколько уколов, стимуляция нервных узлов… Но, главное – никаких наномашинок в крови и тканях. Потому сначала я избавил тебя от остатков твоих прежних нанов-хуянов, и усыпил введённые здесь, – доктор ненадолго замолчал, и Спенсер почувствовал, как словно множеством иголочек закололо ноги и руки. Чувствительность возвращалась, но двигаться пока не получалось. И не хотелось. – Очень иронично и тонко. Чтобы стереть воспоминания, нужны наны. Чтобы высвободить их, нужно убрать наны. Но какой идиот пойдёт на это добровольно? Скажу сразу, я не знаю… точнее – не помню, какая блокировка применена к тебе, и что восстановится после этой процедуры. И вспомнишь ли ты что-то вообще, или останешься всё таким же верным псом Корпорации.

Процесс не мгновенный. Потребуется довольно много времени… – Гриффин снова умолк, и молчал минуту или две. – А я не уверен, что оно у нас есть.

Гриффин открыл глаза. В помещении было темно и тихо, словно в могиле. Холода, правда, он не чувствовал, что и навело его на мысль об отсутствие выше означенного последнего приюта. Рядом кто-то немилосердно заворочался во сне и тут же захрапел, да так громко и надрывисто, что Льюис едва не подпрыгнул от неожиданности. Сердце бешено заколотилось в груди, грозя выскочить наружу. Стремительные мысли пронеслись в голове от самой неправдоподобной до наиболее вероятной. До того момента, пока Гриффин понял, где находится, он уже успел испугаться неосознанного сексуального контакта с незнакомым мужиком, храпящим рядом, до похищения его персоны агентом Корпорации.

Немного успокоившись, он понял, что лежит на соседней кровати со спящим Спенсером, заливисто храпящим в две ноздри. За окнами плыла ночь, распространяя дивные ароматы цветущих растений и непередаваемых запахов ночного мегаполиса. Гриффин не мог чувствовать ароматов, кроме набившего оскомину рециркулируемого воздуха клиники, но богатая фантазия доктора вполне заменяла обонятельные впечатления. На небе Терры проецировались голографические проекции символов Корпорации, патриотических лозунгов и прочих стилизованных символов и слоганов. Крупные звёзды набухшими шарами висели в светлом бархате неба линии ноль, будучи станциями слежения, орбитальной обороны или автоматических баз уничтожения. Те самые далёкие звёзды, о которых сложено

множество легенд и стихов, давно не были видны в многоцветии вспышек красочных картинок.

Гриффин потёр глаза, осознавая, что только что видел сон, в котором пытался разблокировать память Спенсера. Причём, Льюис был точно уверен – во сне он знал и способ, и метод, и последствия. Сейчас же, проснувшись, и пытаясь осознать, кто и когда перетащил его на свободную койку в палате агента, он не поручился бы и за знание собственного имени.

– Льюис Джероми Гриффин, ты сходишь с ума, – сказал он себе, выбираясь из кучи простыней и вставая на тёплое покрытие пола палаты.

– Может быть и нет, – раздался лающий голос. От стены напротив отделилась неясная фигура и шагнула к Льюису, посверкивая красными угольками глаз. Гриффину показалось, будто в пасти незнакомого существа блеснули белые клыки. Вместо того, чтобы испугаться, он флегматично смерил тонкую фигуру взглядом невыспавшегося человека и запустил в неё подушкой с кровати. Тёмная фигура ойкнула и разразилась матюками.

В этот момент Гриффин проснулся второй раз. За окнами плыла всё та же ночь, а рядом с ним стоял Патрик Вуниш, потирая ушибленный нос. На полу под его ногами попискивала сенсорами подушка, сигнализируя о своём падении.

– Охренел? – недипломатично осведомился инквизитор.

– Да, – честно признался Льюис. – А ты чего тут делаешь?

Вуниш пожал плечами и продолжил шёпотом, стараясь не разбудить всё ещё спящего на соседней койке Спенсера:

– Выполняю свою работу по задержанию особо опасных и одержимых демонами преступников, – широко улыбнулся он, подчеркнув тоном всю иронию своих слов. – Ну, по официальной версии, – скромно добавил инквизитор.

– М-м-м… – промычал Гриффин.

– Ты во сне что-то говорил, – невинным тоном сказал Патрик, – что-то о памяти и нанах.

Гриффин закашлялся, вспоминая свой сон. Затем он широко шагнул и сильно ткнул пальцем Патрика в рёбра. Инквизитор зашипел и разразился второй порцией ругательств, гораздо ядрёней и громче первой. Храп и сап агента прекратился, и Спенсер сел в постели, тут же принявшей поддерживающее положение для спины пациента.

Глава 40

Глайдер летел над сине-зелёными волнами тропического океана, оставляя позади жилые блоки и плотную застройку прибрежной полосы Центрального региона. Пилот выправил курс, и, включив автопилот, вышел на обзорную галерею, где в удобных креслах уже расположились его сегодняшние клиенты.

– Час до Мариена, уважаемые, – человек в серебристо-синем комбинезоне устало кивнул на салон, где сервисные автоматы накрывали на стол. На его лице была заученная улыбка, но глаза смотрели немного грустно. – Желаете пообедать?

– Благодарим, мастер, – откликнулся одетый в строгий чёрный костюм мужчина, вежливым взмахом руки показывая, что предложение принято к рассмотрению. – Присоединимся к тебе через полчаса.

Пилот взглянул на тонкие серебристые нити, вшитые в ткань на лацкане пиджака, и, получив в ответ кольнувшие синапсы сведения о специальном ранге гостя, поклонился, и скользнул обратно в надстройку рубки. Ему совершенно не хотелось услышать ничего лишнего, сверх того, что он уже знал. И его уже не так сильно беспокоил факт вызова на работу во внеурочное время, и то, что выспаться он, похоже, не успеет.

Патрик Вуниш осторожно отклеил металлические нити с ткани, и спрятал в тонкий чехол. Свою роль метка уже сыграла. Повернувшись к своим спутникам, он продолжил прерванный появлением пилота разговор.

– Я всего лишь выполняю просьбу одной дамы, – инквизитор внимательно посмотрел в глаза Спенсеру, а потом и Льюису. – Моты не объясняют, зачем им понадобились вы оба. Они помогли легализации и выслали приглашения.

Гриффин не отреагировал на взгляд Вуниша, пожав плечами в ответ. Спенсер же отчётливо дёрнулся, и попытался изобразить на лице непонимание.

– Ксеносы редко расшифровывают свои действия, если их не просят, – ответил доктор, отводя взгляд в сторону проплывавших внизу подводных планктонных и устричных ферм, отмеченных яркими плотиками-буями, служившими одновременно и жилищем для работников, не модифицированных к глубинам. – А уж дипломаты…

– А откуда ты знаешь про их дипкорпус? – заинтересованно спросил Спенсер, вглядываясь в прозрачную зеленоватую воду прибрежного шельфа в попытке рассмотреть поподробнее стайку

дельфинов, выпасавших несколько огромных китов. – Приходилось сталкиваться?

Льюис буркнул что-то неразборчивое, и взял с небольшого столика запотевший бокал с прохладительным напитком. Вуниш примирительно заметил:

– Случается всякое… Дипломатическая миссия в Мариене небольшая, и здесь проживают представители лишь нескольких рас, с которыми установлен контакт. Насколько мне известно, кроме… Мотыльков, – он попробовал выговорить самоназвание этой цивилизации, но потерпел закономерную неудачу, и сделал вид, что закашлялся. Человеческая гортань плохо подходила для аутоязыка этой ксенорасы, – здесь квартируют райкахны и ауролоды. Рептилии и моллюски…

– Рептилии и моллюски – это понятно, водная среда… – Спенсер повернулся к Патрику. Он старательно маскировал свою нервозность, возникшую при упоминании Таи, под любознательность и ксенобиологический интерес, в принципе, естественный для полевого агента. – Но что тут делают Мотыльки? Я не сталкивался с их представителями, честно скажу. Но в базах данных не говорится о необходимости наличия морской воды для этих ксено…

– По-моему, им просто понравились купола поселения, – пожал плечами в ответ Вуниш, прикоснувшись к столешнице пальцами. На молочном пластике материализовался ещё один стакан сока. – Вокруг них много жизни, Мариен стоит на самой границе шельфа с его тёплыми течениями и глубокой впадины, в которой до сих пор встречают неизвестные виды животных… А на Луне в кратерах Моря Спокойствия слишком темно и холодно.

Гриффин медленно пил сок из охлаждаемого бокала, и ему в голову лезли совершенно неуместные мысли об экологии и развитии постиндустриального общества. «Всё-таки Терра очень показательна. Мир с давней и бурной историей, население в двадцать миллиардов, материки застроены от и до, но много зелени. Океаны полны жизни. Многочисленные парки и заповедники. Даже не очень богатые люди могут позволить себе содержать домашних животных, и это считается „почётным долгом“. Глупо, да… Всё же они не смогли убить планету. И делают всё, чтобы если не спасти её, то продлить агонию».

По мере того как глайдер приближался к посадочной площадке Мариена, вода под его днищем приобретала всё более насыщенный тёмно-синий оттенок. Волны разбивались об ажурную белую конструкцию, напоминавшую сетчатую трубу или скелет какого-то циклопического кораллового полипа. Башня

возвышалась над водой на добрую сотню метров, и была украшена многочисленными прозрачными пузырями жилищ, оранжерей и высокотехнологичных производств. Разного диаметра и оттенков, они слипались в гроздья, и выглядели, на взгляд приближавшихся в глайдере, весьма чужеродно.

Пилот, оставшийся у руля, объявил по вирт-сети о скором прибытии во внешний порт комплекса, и добавил:

– Эта башня опускается до самого дна. Там, внизу, в трёх больших эко-куполах, и находится Мариен. Приятного времяпрепровождения и отдыха!

Надводный порт представлял собой большую изогнутую платформу, вписанную в структуру скелетной башни, и прикрытую пересекающимися силовыми полями. Сейчас они работали на нескольких процентах мощности, и лишь слегка исказились при проникновении тупоносого глайдера.

На входе в прозрачную синтеконовую капсулу гравилифта Патрик задержался, и нанёс на свой костюм новую металлическую метку, несколько иного плетения и с синеватым отблеском нитей. На молчаливый вопрос агента Спенсера Вуниш только отмахнулся, мол, «так надо».

По пути вниз ствол лифта пронзал множество отсеков, заполненных воздухом или водой. Мимо Патрика с компанией промелькнул подводный порт субмарин, чьи сигарообразные тела, украшенные плавниками и выростами, больше напоминали туши животных. Покрытые белой чешуёй подлодки стояли в своих отсеках плотно, как заряды в обойме пулевого оружия, выпуская из утолщений на корпусах тонкие вереницы пузырей. Ниже располагались подводные фермы, где в открытых водам океана ячеистых секциях мерно шевелились длинные ленты водорослей, и сновали яркие биомеханические организмы, ухаживающие за плантациями. Ещё глубже в башню врезались кристаллические отсеки, непрозрачные снаружи, и подсвеченные неяркими источниками света. Их предназначение осталось загадкой.

В кристаллах возник просвет, и они сошли на нет, уступив место металлу ствола башни, расширявшейся и увеличившей размеры ячеек скелета. Снизу, сквозь толщу тёмной воды, стало заметно свечение, исходившее с трёх сторон – желтоватое, напоминавшее солнечный свет, синее и ярко-белое.

Купола появились неожиданно, словно вынырнули из глубин немного мутных вод. Самый большой из них, имевший жёлтый оттенок, напоминал кристаллический многогранник, и был почти прозрачен, открывая вид на хаотично разбросанные строения,

зелёную растительность и яркие люмины. Под водой все размеры немного искажаются, но он явно имел в диаметре не одну сотню метров. От этого купола расходились в стороны две галереи, проложенные по дну, и отмеченные рядами висящих в темноте буёв, перемигивавшихся красным. Переходы соединяли кристалл с двумя эллипсоидными каплями, синей и белой.

Лифт на секунду замер, и погрузился в серую дисковидную платформу, уходящую в донные отложения. Мимо промелькнули перекрытия из усиленного металла, и капсула мягко ткнулась в подсвеченную красным поверхность большого ангара, заполненного непонятным для обычного человека оборудованием и устройствами. Широкий проход вёл к массивным на вид шлюзовым дверям, выглядевшим так, словно их вытащили из глубокого прошлого. Вуниш осмотрел ангар, и, сказав: «пойдёмте», двинулся к шлюзу. В помещении больше не было ни одной живой души, только сервисные автоматы и автоматический погрузчик. По пути Гриффин заметил мемориальную табличку из позеленевшего металла, возрастом сравнимую с древними дверьми. Он успел разглядеть слабо различимые слова «первое… поселение… Марианск…», прежде чем шлюз распахнулся, открыв переход к кристаллическому куполу. В переходе было неожиданно светло и солнечно – усеянный точками светоизлучателей потолок старательно создавал иллюзию полудня на поверхности, и гладкий металл пола блестел серебром. Прозрачные пластины обзорных кристаллов были увиты необычно зелёными лозами с рассечёнными листьями, похожими на когтистые лапки. Возле шлюзовой двери, за небольшим столиком, скучал скудно одетый молодой человек с длинными светлыми волосами. Короткие бежевые брюки, тонкие репликожаные туфли и короткая туника выглядели неброско и не раздражали. Отведя взгляд от голографических таблиц, он осмотрел прибывших, коротко кивнул, и прищурился на лацкан пиджака Патрика.

– Вас ожидают в третьем гостевом, инквизитор, – приятный баритон прозвучал неожиданно глухо, словно пробивался сквозь толщу воды. – Атташе Койл просил посетить его сразу после сопровождения посетителей к переговорному залу.

Вуниш кивнул в ответ.

– Я навещу атташе. Посол на связь не выходил?

– Нет, но подразумевается, что он будет на встрече.

В куполе было жарко, пахло влагой, цветами и прелой зеленью. Вдоль тропинки, проложенной от входного полога силового поля, в ветвях узловатых деревьев, покрытых длинными

листьями, мелькали стайки разноцветных птиц и мелкие зверьки, напоминавшие помесь обезьянок и белок. Воздух казался тяжёлым, но дышалось легко, и путь до асимметричного строения на небольшом холмике они проделали в молчании и быстро. Патрик поглядывал на небольшой экран коммуникатора, и то и дело тыкал в него пальцем, Гриффин просто шёл, не глядя по сторонам, и только Спенсер наслаждался невозможным зрелищем – субтропическим лесом на глубине нескольких километров.

Внутри здания, не имевшего части крыши, располагались небольшое возвышение в центре, из того же напоминавшего мягкий камень материала, и несколько групп металлических дисков, над которыми парили яйцевидные гравикресла с включёнными полями. Когда Спенсер, Гриффин и Патрик взошли на возвышение, два кресла развернулись к ним и выключили пологи. Льюис с удивлением узнал Таи, одетую в серебрящуюся короткую накидку. Рядом с ней находилось невысокое существо в тонком изолирующем скафандре, покрытом синеватыми точками. Полупрозрачный шлем позволял рассмотреть широко расставленные фасетчатые глаза, резко сужающееся к подбородку треугольное лицо, и купол черепа, покрытого тонкой шерстью. Крылья мотылька были свёрнуты, и покрыты тканью скафандра.

Таи улыбнулась, глядя на Гриффина. Льюис почувствовал себя не в своей тарелке. С ним такого не случалось уже очень давно, и руки доктора непроизвольно задрожали от скрываемого волнения. Он с удивлением обнаружил, что сердце стремится выскочить из груди, пульс зашкаливает, и, вообще, ему как-то не по себе.

Спенсер казался мрачнее обычного, и особого удивления при виде Таи рядом с послом не выказал, нахмурившись. Патрик, едва заметно улыбнувшись, мельком взглянул на докторов, и снова замер, чуть наклонив голову вперёд.

Мотылёк поднялся с кресла, прошелестев что-то из закреплённого на плече аудио-транслятора.

– Посол извиняется за неподобающий моменту внешний вид, – перевела Таи, наклонив голову. В её больших глазах плавали зеленоватые искорки. – В настоящий момент у него протекает сложный физиологический процесс, требующий максимальной изоляции от внешней среды. В том числе, и из-за высокой аллергенности продуктов метаболизма для людей. Он приветствует представителя Корпорации и наших гостей, и желает долгой жизни и удачного воспроизводства. И от всего нашего народа благодарит всех прибывших за оказание помощи и эвакуацию представителя нашей расы из места конфликта.

Кто кого эвакуировал, это было ещё большим вопросом, на

взгляд Льюиса, вспомнившего, как Таи дёрнула его в золотистый портал перехода. Но спорить с послом доктор не стал. Раз уж всё так удачно сложилось, можно было немного побыть и в роли спасителя прекрасных дам.

Глава 41

– Теперь проблем не возникнет? – спросил Спенсер, поглядывая на Гриффина. Они стояли посреди огромного, хорошо освещённого помещения с такой кучей техники, что доктору стало немного страшно. Коллоргаторы для обработки и расщепления молекул, вовсе нескромная лаборатория с полным перечнем приборов и редчайших веществ, изящные ряды автохирургов, по сравнению с которыми потрёпанная модель Гриффина казалась скособоченной консервной банкой. Столы и крепления, шланги и проводы, прозрачные нити волокна для регенерации тканей, баллоны с искусственной тканью и квазиживой кожей, слегка подрощенные модели бионических органов, среди которых Льюис отыскал взглядом и внутреннюю составляющую некоторых ксеносов. И вся эта феерия была лишь малой частью, скромным, как выразилась Таи, отделом для оказания первой помощи гостям посольства.

– Теперь проблем стало ещё больше, – со вздохом сказал Гриффин. – Или ты другое имел в виду?

– Ты попытаешься мне память выковырять или нет, доктор чёртов? – холодно блеснул глазами агент. Гриффин бросил на друга беглый взгляд. Конечно, за парой дней отдыха в лучшей клинике Терры можно было не заметить изменений, мало по малу берущих своё в облике агента. Но Гриффин видел их, стараясь, впрочем, не сильно утруждаться разговорами на эту тему. Вялость мышления, нездоровый лихорадочный блеск в глазах, истончающаяся кожа, запавшие щёки, небольшой тремор в руках и постоянные смены настроения – всё это свидетельствовало о начале необратимого процесса наноголодания организма Спенсера.

Привыкшее за много лет к своим незримым помощникам, тело отказывалось функционировать без их новой порции, распадаясь и выводясь со всеми жидкостями из организма, забирая с собой и дарованный на время ресурс молодости, неуязвимости и жизненной силы.

– Ты можешь вывести на свой экран данные о себе, которые у тебя есть в наличие? – подчёркнуто спокойно попросил Гриффин. Агент только самодовольно кивнул, убирая с глаз прядь изрядно отросших волос, и приказал вывести искомое на напылённый экран глазного яблока. Появившаяся таблица задрожала, пошла едва заметной рябью и исчезла вовсе. Спенсер несколько раз моргнул, что должно было быть попыткой повторить операцию с данными, а затем с непонятным подозрением посмотрел на друга.

– Что за штучки? – рыкнул он, сложив руки на груди. Льюис отыскал в строгом порядке мягкое кресло с фиксаторами и ремнями безопасности, и кивнул агенту на него.

– Садись туда, – сказал он, пригладив короткие волосы. Льюис постригся при первой же возможности, оставив только длинные пряди чёлки, немного укоротив их до приемлемой длинны. Спенсер же так и не собрался лишить себя роскошной гривы каштановых волос.

Через полчаса углублённой диагностики, при которой один из юрких щупов чудо-кресла залез в самые потаённые и неприятные для агента места, Льюис стянул с головы осоловевшего от процедуры агента лёгкий шлем и отключил множество проводков от тела подопытного.

– Жить буду? – хрипло выдавил Спенсер, пытаясь избавиться от неприятных воспоминаний об юрком щупе кресла.

– Возможно, – кивнул Гриффин, склонив голову на бок. – Судя по тому, как оборудовано это место, – начал долгую прелюдию доктор Льюис, – мотыльки тоже весьма продвинулись в подгонке нашей технологии внедрения нанов в своё ДНК. Мы и раньше подозревали, что ксеносы пытаются изобрести аналог нанам под свою генетику, но тут последние сомнения отпали окончательно.

– И ты думаешь, теперь нас уволокут в казематы и расчленят особо пакостным способом? – скептически высказался агент, жадно припав к одноразовому стакану с чистой водой, отыскавшейся неподалёку.

– Вряд ли, – с сомнением отозвался его друг. – Иначе нас бы сюда просто не допустили. Какую бы симпатию не испытывала ко мне Таи, – при этих словах он отвёл взгляд и немного стушевался, против воли припомнив прошедшую ночь. – Скорее всего, мы тут служим, своего рода, опытными образцами. В посольстве, наверняка, в курсе о нашем статусе для Корпорации, и мотыльки не замедлили воспользоваться шансом прикарманить парочку беглых её работников. Жаловаться-то мы всё равно не побежим, – Гриффин хмыкнул, с завистью поглядывая на приборы вокруг. – Наши исследования и методы диагностики поступают в их общий банк данных, впрочем, подозреваю, как и наши тут переговоры. Но это вряд ли имеет значение для тебя, да?

Спенсер коротко кивнул, наполняя свой стаканчик очередной порцией воды из прозрачного бака у стены медицинского отделения.

– Итак, с какой новости начать, с плохой или с хорошей? – сухо осведомился Гриффин, глядя на то, как Спенсер хлещет

воду.

– С плохой, оно привычнее, – напившись, утёр капли воды с губ агент.

– Я не Льюис Гриффин.

В помещении повисла зловещая тишина, жиденько разбавленная тихим шёпотом работающих приборов невдалеке. Спенсер сглотнул, моргнул и недоверчиво покосился на друга, нервно улыбнувшись. Улыбка, впрочем, быстро пропала с его лица, уступив место зарождающемуся подозрению в слабоумии Льюиса.

– То есть? – спросил он.

– То и есть, – глубоко вздохнул Гриффин, постукивая пальцами по подлокотнику кресла-диагноста. – Точнее, не тот Льюис, за которым ты приходил. Ты хотел знать, как я удалил наны? А никак. У меня их никогда и не было. Дело в том, что я, всю жизнь работавший военным врачом и полевым хирургом, не имел наномодификации. Людям моей профессии их просто не вводят. Понимаешь, поддерживать тело в живом виде куда проще без наноломки. А вот хирург, у которого в самый ответственный момент кончились наны, умрёт сам и утянет с собой своего пациента.

Гриффин встал, прошёлся из стороны в сторону, стараясь не смотреть на ошеломлённого Спенсера, затем вернулся обратно в кресло и продолжил:

– Льюис Джероми, который был тебе нужен, работал биотехнологом в Корпорации. Он действительно решил сбежать, выбрав для этого весьма незамысловатый и самый действенный способ. Он нанял курьера для транспортировки своего сознания ко мне. Да, я двойник Гриффина, стиравшего тебе память, если твои файлы правдивы, – он покачал головой, наблюдая за тем, как свешивающиеся длинные пряди чёлки покачиваются в такт его движениям.

– Об этом стараются не распространяться даже на высших уровнях Корпорации, но такие случаи не столь уж и редки. Параллели начали закрывать для постоянного контакта не только потому, что их развитие начало стремительно опережать исходную линию, но и потому, что в этих мирах стали появляться беглые агенты с наноломкой. Представь себе идентичную планету, с историей, сошедшей с рельс в ту или иную сторону. Вроде бы, ничего особенного, просто мирок, идущий рядом с основным. Но среди людей, жителей планеты, как и среди миров, стали отыскиваться двойники этих самых агентов, только без наномодификации. Иногда происходил контакт прибывшего и местного жителя, идентичного первому. Оставшиеся наны

распознавали похожую схему генов, стараясь слиться с ней согласно своей программе, которую никто не отменял. С последующей неспособностью восстановить функцию носителя. Конфликт программы нанов, так сказать. Они просто не понимали, какого носителя им поддерживать в первую очередь. Смешение, допустим, крови объекта А и объекта Б создавало аннигиляцию нанов, если поступавшая кровь была в достаточном количестве, а биологическое соответствие было достаточно большим.

Льюис подался вперёд, поставил локти на колени и положил на них подбородок.

– Вообще, это одна из версий, так что считай её моей личной догадкой. Понятно же, что даже если двойники и встречались, они вряд ли били друг другу морды до крови, а вот использовать чистых двойников для закачки в них своего сознания, чтобы избавиться от наноломки никто не запрещал. В тех мирах не запрещал, – добавил он, согласно кивнув. – Сказать по правде, доподлинно неизвестно, как работают наны, что с ними происходит со временем, почему они отказывают у одних, но продолжают поддерживать других агентов. Понимаешь, пёс, – доктор тяжело вздохнул, – именно этим вопросом и занимался тот Гриффин, которого ты искал. Он хотел разобраться, доподлинно узнать про наны все, что мог, но уткнулся в стену, о которую и расшибся. Сейчас ясно только то, что со временем наны вырождаются, требуется все больше и больше их в крови и тканях носителя, но, если не принимать новые порции, сам носитель получает ломку, схожую по симптомам с вирусным заболеванием. Льюис Джероми, работавший в корпорации, это мой двойник. А я – тот самый полевой хирург, всю свою жизнь отдавший спасению жизней и собиранию дерьма обратно в развороченные тела солдат. Ты хотел знать, как он избавился от нанов, разрушающих тебя сейчас? – он жёстко усмехнулся, давя в себе злость и досаду на всё случившееся. – Теперь ты это знаешь. Помогло? А теперь я таскаю в себе не одного себя, а двух человек, что, как ты успел заметить, накладывает на мою психику весомый отпечаток.

– И что теперь со мной? – мёртвым тоном осведомился Спенсер, пытаясь подавить внутри разгорающийся пожар отчаяния и крика боли.

– Ты говорил, что у тебя в документах есть только инициалы?

– Да, – кивнул агент, в последний момент отдёрнув руку, чтобы достать идентификационную карту. – Доктор философии С. Спенсер, если быть точнее.

– «С» – не инициал имени, агент-хуент, это латинская С, что

значит третью копию тебя основного, подобранную в такой же параллели и послужившую носителем для изначального тебя. По сути, я не солгал тебе, жить ты, возможно, будешь. Вопрос в том, какой ты, если мы сейчас возьмём и уберём все блоки с памяти. Игры с походами в параллели зашли слишком далеко, чтобы я мог точно сказать, кто, как и когда тут жил, живёт и будет жить. Мистер С. Спенсер, ты третий подошедший по параметрам двойник первого агента, чью память носишь в себе.

Спенсер зажмурился, сдерживая слёзы злости и сжав зубы от накатившего бешенства. Пальцы его судорожно сжались, представляя себе горло Гриффина, столько времени водившего его за нос. С другой стороны, Спенсер и не давал Льюису шанса отбрехаться от должности того самого Гриффина, которого он искал. Теперь ему хотя бы стало понятно, почему идентификация генома при их первой встрече не показала сходства с искомым объектом. А придуманная Льюисом ложь по поводу тел, курьеров и прочего, по сути, была не такой уж и ложью, если услышать историю до конца. И, желательно, с начала.

«Кто же тогда я? – думал он. – И хочу ли я знать это, или же мне достаточно просто факта, возможности это узнать? И кто любил Тайну, кто до сих пор хотел ощутить её прикосновения при нашей последней встрече?»

– Трёх личностей внутри ты не вынесешь, – сухо сказал Гриффин, прочитав выражение лица агента. – В лучшем случае пойдёшь на помойку, как умалишённый, разговаривающий сам с собой от трёх лиц. А выковыривать каждого тебя – дело невозможное. Но я могу утешить тебя другим, – неожиданно весело высказался Льюис, поднимаясь с кресла и отвешивая агенту такой хлопок по широкому плечу, что тот едва не клюнул носом ближайшую стену. – Записи о трансформации и наложении личностей, наверняка, хранятся в архивах Корпорации. Ты можешь почитать о себе, если уж снова стать собой не выйдет. Увидишь хоть, а хочешь ты этого вообще или нет. Вдруг, там крокодил какой.

– Предлагаешь просто пойти и попросить данные? – кисло спросил Спенсер, всё ещё не в силах осознать открывшуюся правду.

– А почему бы и нет? – удивился Гриффин. – На Терре-то тебя никто предателем и беглецом не объявлял. А коды доступа, думаю, ты помнишь наизусть.

Спенсер моргнул, и на лице у него появилась несмелая улыбка, быстро перерастающая в самодовольную ухмылку, отражавшую растущую в себе уверенность.

– Патрик тоже сохраняет свои полномочия, – протянул он, – с

его помощью запрос станет почти легальным.

– Патрик, знаешь ли, особая статья расходов, – сухо проворчал Льюис. – Но у нас всё ещё проблема с твоими нанами, – спустил его с небес на землю Гриффин. – Ты довольно долго не пополнял и не обновлял их запас. А у этих малюток есть неприятная особенность, о чём в Корпорации, как я понимаю, стараются умалчивать. Если их не пополнять хотя бы немного в строго определённое время, организм носителя начинает проявлять признаки разрушения и болезни, сигнализируя о необходимости пополнения машинками. Ухудшение самочувствия неизбежно приводит агентов к медицинским корпусам, где под видом лечения и диагностики им вводят новые порции нанов. Просто так исчезнуть из тела они не могут. Процессы разрушения в крови, тканях, лимфе и костном мозге приводят к анафилактическому шоку и смерти. Сейчас мы не имеем возможности сделать ничего, кроме попытки отыскать для тебя порцию нанов, чтобы ты дотянул до финала гонки за твоей памятью. Да и мне помог свалить из поля зрения Корпорации, в чём, если честно, я уже нехуёво так сомневаюсь.

Глава 42

– Матиаш, как ты объяснишь вот это? Что ты хочешь сказать своим идиотским демаршем?

– А, манифест… Я отказываюсь выполнять преступные приказы, в которых гибнут мои люди.

– Бездоказательно! Инциденты на Сигма Тарика и Терре произошли не по вине координаторов. Так сложились обстоятельства. Ты должен понять…

– Я ничего тебе не должен. Все долги остались там, в Северной войне и Лабораториях Каннингема. И если ты, или твои выкормыши-координаторы продолжат затыкать моими лучшими бойцами дыры и просчёты в планах…

– Планы Расчётного Центра идеальны. Насколько могут быть идеальны прогнозы сотни искинов, разумеется.

– В задницу тебя, и твоих искинов! Они лажают каждый раз, когда касаются общества или человеческих групп. Даже я, штабной хряк, вижу эти мелочи и несоответствия! И мои лейтенанты видят. Но лояльность не сломать, и они идут, и умирают на нерасчётных мономинах, неконвенционных, мать их, фузионных фугасах и заграждениях из биогаза. Убыль отдела – пять тысяч обученных солдат за декагод! И мы ещё не воевали…

– Матиаш, успокойся, пожалуйста. Я понимаю тебя, и твоё негодование. Мы исправим прогнозы.

– Без меня. Я устал. До невозможности загрёбся воевать не с противником, а с кучей электронных мозгов в магнитных банках! Я не могу больше провожать солдат на смерть.

– Искины уже столетие как не имеют электроники в составе, и не применяют магнитные бутылки Клейна…

– Не дуй мне в мозг, Герних, мать твою пробирочную. Я отправил заявление в Центр, и его подписал твой заместитель несколько минут назад. Твори и дальше своё будущее, но без меня и моих офицеров…

– Так. Хорошо. Ты сам это выбрал, Матиаш Грей. Я буду настаивать на полной блокировке памяти и денанофикации для всех, кто пойдёт за тобой.

– Ты всегда был хитрой расчётливой сволочью, друг. И мне жаль, что я не увижу, как рухнет вся эта хрень, которую мы с тобой, прости Создатель, наворотили…

– Корпорация была, есть и будет. Я, Каннингем, создал вечность, и подарил людям Вселенную!

– А я попробую прожить остаток жизни человеком. И… угадай, кто из нас будет счастливее?

Матиаш стоял перед бело-синим зданием сложной формы, с множеством граней и выступов. Металл, керамика и атомарное стекло блестели в лучах солнца. Тысяча этажей вверх, и ещё полтысячи – вниз. Квантовый генератор, заключённый в силовые поля, вырабатывал достаточно энергии, чтобы зажечь маленькое солнце – если кому-нибудь, конечно, пришло это в голову. Грей прекрасно знал планировку сооружения, в котором уже много лет располагалась штаб-квартира Корпорации – его приглашали ещё на стадии проектирования, как специалиста по безопасности.

Сейчас он медленно опустил задранную вверх голову, и резко дёрнул шеей, до хруста. Сколько раз Грей подтрунивал над обалдевшими провинциалами, замиравшими в этой позе, но никогда даже не задумывался, что может оказаться одним из удивлённых гостей Центрополиса. Только один момент отличал его от туристов, впервые увидевших символ могущества Корпорации и Линии Ноль – Матиаш прощался.

Он прощался со своими надеждами, верой и многими десятилетиями жизни. «Отданными служению мечте, – подумал Грей, и скривился от горечи пафоса, заключённого в этих словах. – Черти драные, совсем разучился по-человечески говорить, без канцелярщины. Эх, капитан-капитан, укатали Бурку крутые сявки…»

Повернувшись спиной к циклопическому зданию спиной, он медленно направился по пешеходной дорожке к флай-станции. Идти было порядка километра. В меру прохладное весеннее утро, наполненный запахами распускающихся листьев садов городского кислородного резерва воздух, и мягко пружинящее под тяжёлыми ботинками-универсалами биопластиковое покрытие дорожки, тем не менее, располагали к неспешной прогулке. И размышлениям.

Наплевав на квоту загрязнения воздуха, Матиаш достал из нагрудного кармана «вечной» форменной куртки пачку сигарет, и сжал зубами плотный мундштук одной из них, активировав поджиг курительной смеси. Выдыхая ароматный дым геномодифицированного табака, бывший начальник штаба отдела силовых взаимодействий перешёл на неспешный прогулочный шаг, упорядочивая мысли.

«Когда всё начиналось, я поддержал Герниха, потому что ему был необходим хоть кто-то, не объявляющий сходу его идеи ересью. Я ни хрена не смыслил ни в генетике, ни в биомедицине, ни в науке… – Грей вспомнил давным-давно ставшие историей годы, и улыбнулся. – С тех пор ничего не поменялось, в общем-то. Капитан штурмовиков, с руками по пояс в крови невинных ибатальских младенцев, с „волчьей головой“ в личном деле и без

выходного пособия. Знаки различия перед строем не срывали, и на том спасибо. Никаких перспектив, семьи, родных и близких, кроме полоумного учёного зазнайки с головоломными фантазиями о квантовых суперструнах, порталах и взаимодействием человеческого разума с силовыми полями Вселенной».

В памяти всплывали лица, фамилии, прозвища, даты из личных файлов. В основном даты гибели. Грей привычно проклял свою память, усиленную ещё в Лаборатории, и выдавил всплывавшие перед внутренним взором списки прочь из сознания. Он не забыл ни одного из солдат, испытателей или разведчиков, которые служили под его началом. И последний декагод в буквальном смысле жёг его изнутри, пополняя списки едва ли не ежедневно.

«Суки. Создатель всемогущий, какие сволочи сидят в координаторах… Почему всегда на вершине оказываются самые подлые и хитрые? – Матиаш сплюнул, ощутив укол „Совести“ – штраф-системы, вживлённой в затылочную кость, рядом с внешним разъёмом нейроконтакторов. – А честных, или хотя бы достойных всегда оттирают вниз, спихивая на минорные должности и места»…

Мысли перешли к следующему вопросу. Почему-то Каннингем не стал стирать память своему старому другу, лишь заблокировав выдачу информации вовне слегка изменёнными психоблоками лояльности, и повторно активировав «мёртвую руку». Эта система из нескольких независимых микрозондов должна была сработать при угрозе разглашения секретов «под давлением внешних обстоятельств». Проще говоря, под пытками и наркотиками мозг превращался в кусок плохо пропечённого микроволнами белка. Всех офицеров и солдат ОСВ, кто решил поддержать своего командира, прогнали через серию понижающих операций, вывели из организма почти все наны, даже стандартные, и лишили памяти полностью, сформировав ложные воспоминания. Особо упорным подправили личности, создав лояльных Корпорации граждан «общества нового типа». Грею оставили все не нанитные модификации тела, в том числе и боевые…

Вдоль мягко прогибавшейся под ступнями дорожки были высажены кусты вереска, модифицированного на повышенное выделение кислорода, и в их ветвях, чирикая, ссорились мелкие серые птицы, радуясь, наверное, наступлению тёплых дней и появлению клейких молодых листочков. Грей какое-то время полюбовался живностью, которой становилось с каждым десятилетием всё меньше, и уже собирался идти дальше, когда

система оповещения кольнула его в затылок. Микрофлайер красного цвета, свистнув плазмодинамическими двигателями, опустился на пешеходную дорожку.

Из раскрывшейся, как бутон цветка, кабины Матиашу махнул рукой человек, которого уж точно он не ожидал тут увидеть. Андреас Гнейес собственной персоной перемахнул через низкую подволоку своего экипажа, и стремительно приблизился к Грею, который отметил про себя, что его старый знакомый и бывший подчинённый стал пошире в плечах, поуже в талии, и двигается, как сытый хищник. Остановившись перед ним, Гнейес улыбнулся, и протянул руку в приветствии:

– Здравствуйте, капитан Грей. Агент Дрезина прибыл. Разрешите доложить?

– Докладывай, чего уж там… – Матиаш замаскировал удивление под кашель, и пожал протянутую руку. – Как ты здесь оказался, Дрезина? Тебя же услали к чертям на закорки…

– Да, услали. Но я прибыл в Ноль, как только узнал о вашей отставке. Немного опоздал, но так даже лучше… – Гнейес виновато улыбнулся, и указал на свой летательный аппарат. – Подвезти вас до порта?

Грей подумал немного, для вида, и, нахмурившись, ответил:

– Да, пожалуй. Только не в порт, а к портальному хабу. Но сначала мне нужно забрать кое-какое имущество в… одном хитром месте.

– Никаких проблем, капитан! – Андреас понимающе подмигнул, и быстро занял место водителя. – Следующая станция – Хаб, просим пристегнуть ремни!

Взлетев и набрав эшелон транспортного коридора Корпорации, флайер влился в поток таких же машин, различавшихся только формой и цветом, и Андреас отпустил рукоять управления, втянувшуюся в подлокотник. Коснувшись нескольких сенсоров, он включил систему подавления сигналов, и обернулся в Грею, который в это время изучал что-то на экране планшетника.

– Теперь можно говорить, не опасаясь прослушки. Квантовый барьер поставлен.

– Вряд ли я что-то смогу сказать такого, что ты сам не знаешь… – Грей покачал головой, и постучал себе по виску. – Да и блоков мне поставлено от души, сам понимаешь, поговорить особо не выйдет.

Андреас задумчиво обхватил подбородок пальцами, и взмахнул рукой по направлению к синим огням сферической громады Хаба, висевшего над южной оконечностью города.

– Капитан, я не смог быть на заседании совета… Но я не согласен с вашей отставкой!

– Твоё согласие или несогласие ничего не изменит, – Матиаш постучал по тонкому экрану своего компа. – Особенно – положения дел в Корпорации и основных Линиях. Бунты. Мятежи. Восстания. Сопротивление и саботаж.

– Да, я знаю, – Гнейес напряг челюсти, и поиграл желваками. – Исследователи часто сталкиваются с неприятием со стороны местного населения, не входящего в Паутину. Пока не входящего. Взять хотя бы Икстлан…

– Дело не в этом. Мы где-то свернули не туда, чтоб меня разорвало! – Матиаш стукнул кулаком по подлокотнику, выплёскивая раздражение. – Ты можешь счесть меня трусом, который стремится сбежать от ответственности, забиться в норку и переждать бурю… или прожить остаток жизни в сытости и покое.

– Никогда, капитан, – обиделся Гнейес. – Уж кого, а вас подозревать в трусости я не мог никогда. Скорее, я бы подумал, что у вас есть план.

– Возможно. В любом случае, изнутри изменить систему уже невозможно – она слишком хорошо поддерживает равновесие, и противится любым переменам.

Внизу, под прозрачным полом флайера проплывало большое озеро, усеянное плавучими платформами наноферм и биоплантаций.

Андреас помолчал, пожевав губами, и нахохлился в кресле. На пару секунд Грею показалось, что его ученик смертельно устал от всего происходящего, как и он сам. Но Гнейес взглянул на него, и в его взгляде читалась твёрдая уверенность.

– Капитан, я хотел сказать, что вы можете на меня рассчитывать. И – я привёз запас нанов. На какое-то время хватит, а там посмотрим…

– Оставь, Дрезина, – скривил губы Грей. – Наны – это только костыли. Человек может жить и без них. И достигнуть не меньших высот за счёт своих собственных резервов. Мне предоставляется шанс попытаться. И сыграть против системы.

Металлическая сфера Хаба, достигавшая в диаметре два километра, уже занимала половину обзорного экрана флайера. До посадки на приёмную полосу оставались считаные минуты, и Гнейес, вздохнув, извлёк из подлокотника манипулятор. По старой привычке Андреас всегда заходил на посадку сам, не доверяя автоматике.

– Куда вы направляетесь, капитан? – спросил он, меняя курс, и сосредоточившись на управлении.

– Если ты о том, встретимся ли мы ещё с тобой, или нет, то мой ответ тебе не понравится. Скорее всего, не встретимся. Такими, какие мы сейчас – точно нет, – Грей ободряюще улыбнулся Дрезине. – Но это не означает, что мы не увидимся никогда, агент. Миров много…

Глава 43

Удалённая от всех секторов Параллель. Здесь нет пустынь, пересыпающих песок, повинуясь ветрам. Нет холмов и гор, только плавные изгибы маленьких подъёмов и спусков, покрытых мхом, похожим на траву. Моря наполнены жизнью, которая когда-то давно упустила свой шанс выползти на поверхность земли, и только отдалённые предки этих нехитрых растений рискнули. Но развиваться не стали.

Исследователи не почтили этот мир своим вниманием – мало ли на свете пустых параллелей с эволюцией, свернувшей не туда, или вовсе никогда не начинавшейся. А удалённость от основных узлов Сети давала почти стопроцентную уверенность в невозможности случайной встречи.

Кловис поправил свой стетсон, по такому торжественному случаю сделанный из практически неуничтожимой и стойкой к загрязнениям балеритовой ткани, и сверился с показаниями приводного устройства. Выходная точка портала располагалась в небольшой низине, между оплывших на гранях останцов. Окружавшие её равнины не отличались разнообразием деталей рельефа, и даже обладавший хорошим чувством направления Инульгем предпочитал полагаться на технологии.

Пробивавшиеся через низкую облачность лучи здешнего солнца освещали плоскую землю, зелёно-рыжую от зацветающего мха, редкие валуны и неглубокие бочажки застоявшейся воды, оставшейся после прошедшего дождя. «Тоска зелёная, – поджал губы Кловис, счищая с сапога ком жирной серой грязи. – Как же хорошо, что в последние несколько столетий не практикуется ссылка в подобные места. Я бы, наверное, сошёл с ума окончательно, чем изрядно посмешил одного мохнатого бога.»

Где-то на задворках сознания послышался тихий смешок, похожий на кашель. Койот всегда присутствовал внутри, но не всегда давал это понять. Сегодняшний день был ему очень интересен, иначе Кловис объяснить ощущение щекотки в мозгу не мог.

Пункт назначения он заметил издалека – в этой местности искусственный купол из синего металла выделялся, как бородавка на лысом черепе. Инульгем прикинул, сколько его визави заплатили портальщикам за переброску, и только недоумённо хмыкнул. Дешевле выходило бы арендовать торговую станцию, а потом взорвать её со всем персоналом. Впрочем, кому ведомы извилистые пути мысли ксеносов?

По нервам ощутимо мазнуло волной холода, и Кловис

поёжился. Где-то поблизости сработал портал, и большой. Инульгем почесал себя за ухом, и порадовался, что его индивидуальная реакция была именно такой – в пустынях, где ему приходилось работать чаще всего, это было даже приятно. Его не просто передёргивало, словно электрическим разрядом, или окатывало жаром. Даже иллюзия прохлады в раскалённой печи из песка, неба и солнца помогала выжить… Но сейчас, в довольно холодном и влажном климате этого мирка, Инульгем не испытал особой радости, только запахнул пончо поплотнее, чтобы не тратить тепло понапрасну.

«Наверняка это прибыли мои сегодняшние собеседники, – подумал он, ускоряя шаг. – Странно, что такое сильное квантовое эхо. Либо портал не настроен, либо он нестандартный, а это уже интересно. Не думал, что секрет Корпорации так быстро сможет уйти «наружу».

Если говорить про наносоставляющую, то она тайной не была – любая ксенораса, стоящая на уровне технического развития, позволяющего осваивать космическое пространство и перемещения в гипере, могла разобраться и в наномашинах. Теоретически. На деле всё обстояло не так радужно – некоторые ксеносы предпочитали не заниматься такими тонкими материями, выбирая экспансию вовне, иные предпочитали путь духовного совершенствования, и отвергали чужие технологии. В итоге из почти десятка известных человечеству рас только одна или две пытались двигаться в том же направлении, что и Корпорация. Попытки приспособить портальные наниты к чужому генотипу продолжались уже не одно столетие, но, насколько было известно Кловису, неизменно завершались неудачей. Словно сами наны противились этому. Какие-то субатомные последовательности, неразличимые даже учёным Корпорации, не говоря уж о чужих… Не помогла даже имплантация человеческой кровеносной системы в качестве дублирующей, как попробовали выйти из сложившегося положения рептилоиды. Наны работали, но порталы не открывались. Ксеносы умели путешествовать через «дырки» и без нанов, но отчаянно хотели сэкономить на энергии, громоздких станциях обслуживания и персонале этих станций.

В синем куполе, матовом и шершавом на вид, медленно появилось круглое отверстие, расширяющееся по мере того, как Инульгем приближался. Внутри виднелось скудно освещённое помещение с выростами синего металла на стенах, потолке и полу. Агент, как мог, отряхнул сапоги от грязи и налипших веточек мха, и, поправив сползающую на глаза шляпу, вошёл

внутрь.

Его уже ждали три человека в серебристых моносиловых костюмах. «Три существа», – поправился Кловис, различив особенности анатомии. Слишком широко расставленные глаза-фасетки, треугольные лица, напоминающие сказочных эльфов, слишком тонкие руки…

Инульгем поприветствовал ждущих его, согласно протоколу дипломатических миссий совершив наклон корпуса под углом примерно сорок градусов. То, что все ксеносы были одной фазы развития, и, скорее всего, происходили из одной семьи, свидетельствовало об определённом уровне доверия к нему, как к участнику переговоров. И, вместе с тем, их бескрылость и мутации, выраженные в слегка искажённых пропорциях фигур, меньшем размере фасетчатых глаз, и увеличенным, нежели у большей части их собратьев, размером тела, словно говорили: «это расходный материал, выведенный из размножения, и использовать его для допросов и манипуляций бесполезно».

По крайней мере, Кловис был склонен воспринимать это именно таким образом.

Ему ответил один из переговорщиков, мелодичным девичьим голоском прощебетав протокольные фразы на стандартном пиджине. Почему-то настройщики переводных машин предпочитали именно такие тональности при передаче своей речи людям – высокие, но не визгливые, в меру бархатистые…

– Рад приветствовать доверенных посланцев Правительства, – ответил Кловис, поддевая пальцем клапан висящего за спиной подсумка. Сегодняшняя встреча была внеочередной для обеих сторон, и потому сборы не позволили ему соблюсти все необходимые приличия. Например, упаковать в пенолит образцы, и придумать какое-нибудь цветистое послание, написанное от руки на тонкой бумаге… – Надеюсь на взаимную выгоду в сотрудничестве.

Он осторожно поставил на пол перед собой связку небольших полевых контейнеров для образцов, без пометок и надписей. Внутри прозрачных трубочек из сверхпрочного керлита мерно колыхнулось тёмно-красное желе из смеси крови, содержащей наны, и загустителя. Отдельно на синий металл лёг небольшой диск универсального носителя данных, принятого у этих ксеносов. Инульгем распрямился, и, держа руки на виду, сделал пару шагов назад. Представители этой расы не любили нарушения личного пространства, и предпочитали общаться с людьми на расстоянии двух-трёх метров.

Посланец, стоявший в центре, быстро шагнул вперёд, и Кловис поразился, как его движения напоминают человеческие.

Обычно особи этой расы ходили несколько сковано, и либо быстро семенили, либо переваливались с боку на бок – для ксеносов, летающих большую часть активной жизни, процесс пешего передвижения был неприятным. Но этот шагал уверенно, по-человечески. Руки, обтянутые серебром костюма, подхватили контейнеры и диск, перекочевавшие за спину переговорщика. Удовлетворённое журчание из его уст можно было понять и без переводного устройства, начавшего рассыпаться в цветистых благодарностях.

Одновременно с этим из потолка купола стал расти сталактит, опускаясь всё ниже и ниже, пока не коснулся ладони Инульгема, вытянутой заранее. На обтянутую кожаной перчаткой ладонь упали несколько капсул и такой же диск накопителя, как и тот, что он передал чуть ранее.

– Обмен совершён, – пропели синхронизированные переводчики, и фигуры в серебряном слитно шагнули назад, скрываясь в дымке. – Мы довольны. Желаем счастливой конвергенции.

Кловис поклонился ещё раз, пряча данные в карман подсумка. Ему не терпелось добраться до ближайшего спокойного места, и прочесть информацию, содержащуюся в этом сообщении, но выказывать нетерпение было бы невежливо, и он медленно вышел из купола, сохраняя мину уверенного превосходства на лице. Когда он удалился на расстояние двадцати или тридцати метров, его буквально обожгло внутренним холодом.

Обернувшийся Инульгем с искренним удивлением, сдерживая дрожь, наблюдал, как в раскрывшемся портале растворяется купол точки встречи. Осталась только внушительная яма в земле, медленно заполняющаяся грунтовыми водами.

Он усмехнулся, радуясь невероятному зрелищу. Только что ему по-дружески намекнули о полученном преимуществе – открывать грузовой портал такого размера на пустом месте, без оборудования и квантового реактора под рукой, не умели даже в Корпорации. Проиграв на напылённом ретинальном экране запись движения переговорщика и результаты поверхностного сканирования сквозь силовые поля костюмов, Кловис довольно осклабился, показав клыки.

«Эти хитрые ксеносы всё-таки решили пойти гибридным путём, – подумал он, сбрасывая данные в стальное кольцо-накопитель на пальце. – Они и раньше скрещивались с людьми. Но настолько удачные особи с таким продуктивным использованием нанов замечены впервые, да. Думаю, им очень понравятся образцы из Александрии… И помогут ещё сильнее

продвинуться в исследовании порталов. До определённого предела, конечно. Не ими определённого».

Подбив пальцами поля шляпы вверх, Инульгем развернулся к той точке, где появился в этом мире, и, насвистывая между зубов популярную мелодию из мюзикла «Хороший, плохой, злой», двинулся вперёд. Безнадёжно фальшивя в конце припева.

В этой сделке каждый получил своё. Кловис – независимое исследование образцов, проведённое заинтересованной стороной. Возможно, это поможет разобраться с пока не проявившейся в полную силу, но уже заявившей о себе проблемой «Александрийского Падения». Ксеносы приобрели исходную форму нанов, что позволит им сократить время на разработку своей оригинальной расовой модификации.

Глава 44

Агент посильнее вжался в выщербленные камни стены и ползком передвинулся к перекрытому упавшей балкой углу строения. Обугленное дерево расслаивалось чешуйками, но их треск был неслышим. Спенсер надеялся на это – ему совсем не улыбалось закончить свои дни здесь и сейчас. И даже наноулушения организма, предоставляемые Корпорацией, не дарили обычного спокойствия. «Хрен его знает, что будет твориться с наномашинами в этом филиале задницы, – подумал он, и чуть ли не впервые пожалел, что не религиозен. Страх наползал медленной свинцовой тучей на разум. – Что они творят…»

Напылённый на глазные яблоки дисплей сбоил, изображение двоилось и плыло. Устройство квантовой связи издавало еле слышный треск, сквозь который доносились неразборчивые всхлипы и бормотание. Агент шёпотом выругался, попытавшись выразить переполнившие его чувства, но и это не помогло – брань казалась пресной и плоской. Прикрыть глаза рукой, забиться в трещащие углём стены, и не думать – вот всё, что сейчас хотелось Спенсеру. Забыть о происходящем.

Но картины, которые не мог породить самый воспалённый мозг, демонстрировала здешняя реальность. «Псевдореальность», – привычно добавил он, потянув из вшитого в подкладку жилета кармана мультидатчик. Оформленный в соответствии с местной традицией керамический блок-пакет напоминал свистульку, курительную принадлежность, или символ культа плодородия, и был покрыт сенсорами и контрольными точками, слабо излучавшими в невидимом обычному глазу диапазонах. В нормальном состоянии блок был холоден и тёмен, как кусок камня, но сейчас для Спенсера он выглядел, как облитая ракетным топливом, и подожжённая новогодняя ива. «А, чёрт… – агент уронил прибор обратно в карман, и схватился за излучатель. – Нужно как-то прервать это безумие». Уровень изменения реальности, бесстрастно измеренный сенсорами, зашкаливал.

На площади снова экстатически завыла толпа, заглушая громкие крики боли и хряск рвущейся плоти. Плотно сбившейся в единое существо людской массой руководил жрец в причудливой маске. Спенсеру не надо было выглядывать из укрытия, чтобы увидеть его – длинного, нескладного, тощего, в сбившейся набок замаранной хламиде… Как пуля знает, где находится мишень, так и агент видел центр толпы. Жрец, вздымая к набухшим чернотой

туч небесам сухие узловатые руки, играл на слившейся в едином порыве толпе, как наркоман-морганист – на гротескном органе. Повинуясь взмахам его конечностей, сжимающих ободранную от мяса кость и каменный нож длиною с предплечье, существа, бывшие людьми, неистовствовали. Помощники священнослужителя выхватывали жертв из толпы, и, деловито сняв кожу с содрогающегося тела, бросали несчастного в судорожно сокращавшиеся руки фанатиков. Те же, впиваясь пальцами в кровоточащую плоть, рвали жертву в куски. Словно чудовищное причастие, человеческое мясо исчезало в оскаленных окровавленных провала ртов, усиливая жажду крови…

Спенсер чувствовал, что ещё немного – и его разум снесёт эта первобытная волна алчности и звериного голода, ощутимая даже сквозь стены и расстояние. Блоки лояльности, не позволяющие выдать тайны Корпорации, не сработают. Ведь условие неразглашения останется соблюдённым, и одурманенный зверем агент окунётся в кровь и умрёт со счастливым рычанием на устах…

«Не дождётесь, – мысленно отвесил себе пощёчину Спенсер, настраивая режим излучателя. Пальцы дрожали. – Ни за что. Не дамся! Если кто и имеет право сношать меня в мозг и лишать человеческого достоинства – то это только Корпорация! Корпорация – мать, Корпорация – отец, родина и будущее…»

Он высунул голову над горелым бревном, и сразу спрятался обратно. Картина движения измазанных кровью тел запечатлелась на дисплеях, словно выжженная раскалённым железом по дереву. Пятьдесят метров до края, ещё тридцать до жреца…

Спенсер напрягся, подключая дисплеи к излучателю, и застонал от боли. Глаза горели и слезились. Оставалась только надежда, что орбитальный комплекс «увидит» целеуказание.

Протянувшийся лучик блеснул фиолетовой паутинкой, зацепившейся за маску жреца. Небольшая пластикетовая туба, вращающаяся на стабилизированной орбите, выпустила струйки газа из микросопел, и развернулась вогнутым концом в сторону полученного сигнала. Примитивная электронная схема, никаких излишеств, вроде канала инфосферы или слепка искина, и простой, как камень, рентгеновский лазер с системой накачки от взрыва микрозаряда трития. Каменный век, по мнению большинства. Спасение – когда более сложные технологии отказываются работать.

Активировавшийся спутник взорвался, выплёвывая вниз, в атмосферу, концентрированный пучок заряженных частиц высокой энергии. Над площадью расцвёл огненный цветок

ионизации молекул воздуха и влаги, раздался сухой треск, и наступила тишина.

Агент опустил бесполезный излучатель, который теперь превратился в кусок пластика с выгоревшими схемами внутри, и, смаргивая наворачивающиеся слёзы, выглянул наружу. В клочьях тумана, плававшего над грубой брусчаткой, не было заметно ни одного движения. Мгновенный распад нервных тканей под воздействием излучения спутника уничтожил всё живое в радиусе пятидесяти метров от заваленного человеческой кожей алтаря, и пробил окно в низких тучах. Сверху светило солнце.

Спенсер снова схватил блок сенсоров, и блаженно выдохнул. Датчики молчали, и керамика стремительно охлаждалась. Из устройства связи сквозь утихающий треск помех пробились сухие и безжизненные слова искина, повторяющего: «Агент С. Спенсер, срочно рекомендуем покинуть аномальную зону. Агент С. Спенсер…»

– Раздери меня пополам… – он сплюнул на сгоревшие половицы красную слюну, и тяжело поднялся с колен. – Какое своевременное предупреждение.

Всё тело кололо и жгло. Агент чувствовал, как наномашины в крови пытаются бороться с последствиями радиационного поражения, хотя и понимал, что ощущать это не может при всём своём желании. Внутренние повреждения пока не достигли критического уровня, и у него было время добраться до портала, и переместиться в соседнюю Параллель. Там, в полевом госпитале, можно было прийти в себя…

Данные в блоке сенсоров буквально жгли карман. Нужно было спешить.

Спенсер не представлял себе, с чем конкретно ему пришлось столкнуться здесь, но понимал, что происходящее в этой Параллели является выходящим за рамки. «В том числе – и здравого, мать его, смысла, – мелькнула мысль, пока он определял ближайшую точку выхода, и прокладывал курс. – Такое чувство, что они все сошли с ума».

Теоретические выкладки, загруженные в память, зияли лакунами и пробелами. Часть недостающей информации была секретна, для другой у него не хватало доступа. Но имеющихся данных вполне хватало, чтобы осознать механику процесса, ведущего к столкновению двух миров.

И это не было метафорой. Когда-то в начале обучения агент побывал в нескольких Линиях, переживших совмещение со своими Параллелями. Почти переживших. Воспоминания до сих пор были ясны, как будто всё случилось только вчера: раздавленные тела многомиллионных мегаполисов,

перемешавшиеся с умирающими вековыми лесами, реки, текущие в никуда и высыхающие лужи обмелевших морей, рассечённых вулканическими провалами. Разложение, гибель, смерть всего живого… Не от самого совмещения, нет – от техногенных причин. Две Линии были развиты достаточно хорошо, и взрывы вышедших из-под контроля реакторов и синтез-аппарелей заразили атмосферу почти так же, как вдумчивая орбитальная бомбардировка силами космического флота, если бы таковая случилась.

Третий мир сросся с отдалённой и практически безжизненной Параллелью относительно удачно. Катастрофа лишь перекроила лицо планеты, стерев с лица города и страны, но не уничтожив цивилизации. Корпорация пришла на помощь аборигенам, и через порталы нескончаемым потоком шли транспорты с лекарствами, источниками энергии, разборными жилищами и полевыми синтезаторами углеводов. Колонны сопровождали солдаты охраны, врачи и социальные инженеры. Спенсер провёл там почти год, помогая воссоздавать и поддерживать порядок.

Сейчас агент осознал, как происходит совмещение. В ворохе данных, ворочающемся внутри его разума, можно было отыскать ссылки на вероятность искусственной природы подобных событий, хотя напрямую информация не подтверждалась. Сопоставив базу и оперативную сводку, Спенсер сделал для себя не очень утешающий вывод: текущая Параллель двигалась к совмещению очень быстро. И начался процесс по вине Корпорации. К сожалению.

Пятьдесят или шестьдесят лет назад в этом псевдореальности основали научную миссию для антропологов и социотроников, служивших при Аналитическом Отделе сектора, изучавших значительное отклонение развития общественного строя Параллели от её основной Линии. В настоящий момент сотрудники миссии значились как «пропавшие без вести», но Спенсер был уверен, что пресловутый жрец на площади, командовавший чудовищной гекатомбой, был из их числа. В хаосе квантовых возмущений сложно разобрать подробности, но сенсоры уверенно засекли резонанс наномашин. А загаженная тряпка на теле этого ублюдка была сделана из плотной износоустойчивой ткани, которая использовалась для создания полевых одеяний…

«Наверное, кто-то из социотроников, и так не славящихся трезвым умом, окончательно сбрендил, – подумал агент, осторожно переставляя ноги по скользкой мостовой, – и решил попробовать себя в роли бога. А, может быть, они все так решили. Правды, скорее всего, никто уже не узнает…»

Теперь, вероятно, Параллель будет закапсулирована, и отрезана от основной Линии. Если подобные недавно наблюдаемой Спенсером аномалии будут множиться, этот безумный мир станет намного более активен, и сольётся со своей основой. Причём поручиться, что мирная и спокойная Линия, имеющая важное технологическое и политическое значение для сектора, не исчезнет вовсе, не мог никто…

Квантовые генераторы, расположенные за границами ближайших Параллелей, сработают одновременно, в точно рассчитанный момент. Непроницаемый и незримый купол накроет этот гнойник, рассекая все связи. А на орбите активируется автоматическая станция, предупреждающая потенциальных гостей об опасностях сошедшего с ума мира.

Оставалась сущая безделица. Ему нужно добраться до портала, и совершить переход.

Глава 45

«В настоящее время существует множество вариаций каждого мира, и их различие может быть как минимальным, выраженным, например, в цвете асфальта на взлётно-посадочной полосе аэропорта Мельбурна, так и невообразимо огромным. Представьте, что Гай Юлий Цезарь выжил при покушении, Александр Македонский завоевал не только Индию, Китай, но и доплыл вместе со своими воинствами до Мезоамерики, а ядерную энергию открыли в XII веке до нашей эры австралийские аборигены. Как могла изменить своё течение История? Клио в раздражении выбросила свитки из своей шкатулки, и, сломав грифель о квантовые вероятности пересечённых реальностей, ушла в парнасские пещеры.

А Линии отбрасывают веер Параллелей-теней, в которых возможно всё. Самое необычное и жестокое, яркое и фантасмагоричное, гротескное и болезненное. Исследователи часто отправляются туда, чтобы понять, как именно образовалась общая история мира, и какие поворотные точки наиболее важны и нуждаются в пристальном внимании.

Но горе тем, кто решит, что можно построить в этих заповедниках невероятности собственную империю, с блэкджеком и гранд бордельеро. История не терпит не только сослагательного наклонения, но и сидения одновременно на двух её ветвях. Если одна из Параллелей изменяется достаточно сильно, и вероятность её существования возрастает, приближаясь к 1 – под угрозой оказывается начальная Линия.

И чтобы устранить эту угрозу, существует Корпорация и полевые агенты.

Мы наблюдаем и храним.

В этом цель нашего существования. А вовсе не в новых мирах и идеях, входящих в Сеть. Параллель останется параллелью, линия – линией, и мы не дадим им взаимозаменить друг друга…»

Из выступления главы Службы Охраны Корпорации, Сектор 11, Линия «Меджд», 2771.

«И вот тогда я понял, что где-то здесь не так. Меня словно пронзило раскалённой кочергой, клянусь мощами святой Ионы… Оказывается, у рыбака-то вместо лица был блестящий стеклянный шар!»

Запись устного рассказа одного из жителей Параллели WER-1786/12—34, свидетеля изъятия.

«… Я понял, что мне пришёл он. Кто? Да пушной зверёк, которого так любит господин начальник сектора!»

Из транскрипции отчёта агента С. Спенсера по операции «Канва для абстиненции».

«Интересно, какая причина изменила эту параллель настолько, что её жители стали нуждаться в повышенном содержании углекислоты и цианидов в воздухе? – Спенсер ещё раз посмотрел на анализ состава атмосферы, и покачал головой. Он, несмотря на всю свою крутизну и напичканный нанами от задницы до макушки организм, не протянул бы и нескольких минут здесь. Без защиты. – Да, уж лежал бы я тут почти как живой. Морда красная, в руках весло…»

Коснувшись метаматричного пластика, окружавшего голову прозрачной сферой, агент поморщился. О всяком контакте с местными жителями можно забыть сразу. Стеклянный шар на плечах, зеркальный и гладкий, не способствовал пониманию со стороны туземцев. А вот торжественному сожжению на костре, как демона и пособника «занебесных убивателей» – очень даже.

«Что поделать, дикари-с, – процитировал он старинный анекдот, и издал короткий смешок. – Придётся и впрямь сыграть роль демона. Эх, горек ты, хлеб полевого агента…»

Сегодняшней целью был назначен член городского совета поселения Уберквакшталле, округ Мюнтцшпитц, архипелаг Ионатан – магистр Кронкверк. Царапавшие слух и мозги имена и названия, как ни странно совпадали с таковыми в исходной Линии, что облегчало ориентирование и маскировку. Магистр же, напоминавший на смазанной голограмме то ли породистого будьдога, то ли заместителя начальника одиннадцатого сектора по развитию исследований Амадея Вюрста, был простым и безвредным учёным, посвятившим свою жизнь изучению примитивной химии, физики и прочих естественных наук. Зачем

он понадобился там, «наверху», в штаб-квартире сектора, агент не знал, и узнавать не собирался.

– Ы-ы-ыы! Ы! Уы-ы! – ревел на выступавшем в море пирсе какой-то урод, уже третий час подряд сотрясавший массивные брёвна сбивчивыми шагами, нечленораздельным пением и бросанием в море каменных бутылок. Одна из них сейчас шла ко дну прямо перед шлемом Спенсера. Пожелав неведомому пропойце сдохнуть от отравления или разрыва печени, агент переместился на пару метров глубже под настил пирса, и задумался. Сверху опять донеслись звуки рвоты и бормотание на искажённой латыни: – Sanctus Deus, aufer iniquitatem famulae tuae. Sanctum Ionam de ventre ceti enavisset auxilium. Futuis meam mare equo!

Спенсер примерно перевёл этот суржик как «Святый Боже, прости раба твоего. Святой Иона, помоги выплыть из чрева китова. Сношай меня морской конёк!», полностью присоединившись к молитве несчастного борца с алкогольным дурманом, и пожелал морскому коню наиболее глубокого и тщательного проникновения во внутренний мир туземца, который сдерживал диверсанта Корпорации успешнее, чем триста солдат в полной амуниции. Просто своим присутствием. Самым смешным в ситуации было то, что агент не мог позволить себе начать операцию с демаскировки.

«Но кто поверит пьяному? – Подумал Спенсер, проверяя снаряжение. – Судя по всему, он не первый раз пребывает в таком состоянии… Да пошёл он к чёрту. Через три часа рассветёт, а мне ещё тащить Крон… Да что же за имена тут, язык сломать можно… магистра всяких наук к подводному порталу».

Когда из мутной воды, разметав плавающий мусор, вылетело чёрное, как смола, существо со стеклянной головой, рыбак Хюнтер Швайнн как раз заканчивал очистку своего бездонного желудка, и в его черепе забрезжил свет разума. Пламя было нестойким, как огонёк свечи на ветру, а от увиденного погасло почти моментально. Хюнтер осел неопрятной тушей на настил пирса, прямо в корзину, набитую объедками и бутылками разной степени наполненности. Следом раздался громкий звук падения тела на доски.

– Кит твою кавалерию… – прошипел Спенсер, стряхивая с ноги прилипшего восьминогого моллюска, и радуясь, что рыбак отрубился прежде, чем «демон», позорно поскользнувшись на одном из щупалец, с размаха впечатался в пирс рядом с ним. – Ну просто отлично всё начинается…

Спешно раздев забулдыгу, агент натянул засаленные тряпки поверх своего компенсирующего костюма, и поблагодарил свою

кривую удачу и шлем за то, что не ощущает запахов. Прикинув дорогу, он, пошатываясь, направился по кривым улочкам к кирпичной башне, возвышавшейся к северу от залива.

Магистр Кронкверк лёг рано, но, проворочавшись несколько склянок, так и не уснул. Стариковская бессонница мучила его уже несколько лет, и приходилось навёрстывать упущенное на заседаниях совета в биргхалле, после обеда и при каждом удобном случае. Этим он заработал прочную репутацию старого маразматика и развалины, но общественное мнение волновало старого естествоиспытателя меньше всего. Особенно сейчас, когда собственноручно выращенные им кристаллы, наконец, были настроены, и звучали почти в унисон. «Когда учёный находится на пороге такого открытия, благородное общество может идти в… – подумал он, и, вздохнув, продолжил мысль, – задницу. Подумать только, обсуждение урожая раковин и улова серпельди – важнее, чем тайны Вселенной! Пфе!»

Старик оделся в рабочую одежду из потёртой рыбьей кожи, и поднялся на третий этаж своей башни, где в круглой комнате с окнами-бойницами, прикрытыми щитами из каменного дерева, тихонько пели разноцветные кристаллы разной формы и размера. Водружённые на подставки из металла, стекла и кости, они заполняли почти всё внутреннее пространство помещения, выстроенные в строгом порядке, определённом когда-то давно учителем Кронкверка, непревзойдённым Магусом Питтлшницелем. Гармонируя с небесными светилами и ближайшими планетами, друзы представляли собой точнейшую модель доступной для наблюдения звездочётами и алхимиками Вселенной, и должны были послужить не только отображением реальности, но и инструментом по её изменению.

– Дети мои… – прошептал магистр, пустив одинокую слезу пробираться между морщин на загрубелой от морского ветра коже своего лица. Он действительно считал их своими детьми – десятилетия труда и неудач, экспериментов и поисков… – Вы ведь мои родные… Сегодня такая хорошая ночь! Вы так поёте…

Вчера в это же время Дверь почти открылась в центре комнаты, и учёный надеялся, что сегодня он сможет продвинуться дальше. Загадочные щели между реальностями, о которых писали все учёные древности, не покорялись воле магистериума уже несколько веков. Они испробовали, кажется, все способы, от жертвоприношений до огромных механических сооружений, построенных по принципу подобия и симпатии… И только Кронкверк, сделавший ставку на синергию и резонанс особых форм кристаллов, смог добиться удачи.

Сегодня ночью он откроет Дверь в другой мир, и шагнёт за пределы знакомой и надоевшей ему реальности!

Учёный закашлялся, и заперхал в заботливо поднесённый к его лицу белоснежный платок.

«Постой, но кто подал мне ткань? – оторопело подумал он. – У меня уже пять лет нет слуг… Какой странный аромат…»

Спенсер очень аккуратно подхватил кругленького старика под мышки, и уложил на пол. Быстродействующее снотворное, которым он полил ткань, подействовал, и теперь пациенту были гарантированы шесть часов крепкого сна без сновидений, головная боль и тошнота после пробуждения, и долгие дни дезориентации. Последнее, впрочем, всегда сопровождало насильственный перенос жителей параллели в Линию, и не должно было помешать магистру. Синдром перехода, что поделать.

Агент внимательно изучил комнату, пока прятался в ней в ожидании своей цели. Порядок кристаллов, выстроенных в странную искажённую пространственную структуру, сочетание вспышек цветов и звука, исходящих от друз, и давящее ощущение внутри черепа почти вывела его из равновесия. Почти как колебание квантового барьера, которую явственно ощущали встроенные в костюм датчики, хотя портала в обычном понимании Корпорации здесь не было, и не могло быть. Слишком высокий энергетический уровень пространственных связей.

«Неужели старый боров подобрался к тайне порталов? – Спенсер ломал себе голову над этим вопросом всё время ожидания, и понял, что хочет разобраться в этом вопросе. – Без нанов, без источников энергии и точных расчётов искинов – с помощью камушков и какой-то хреновой пространственной структуры? Нет, так не бывает…»

Но, с другой стороны, подобные эксперименты могли заинтересовать совет по науке Корпорации. Удивительно, но в брифинге операции об этих открытиях не было ни слова, и ни следа блокировки информации.

– Ладно. Наверху разберутся, что этот дедуля тут наворотил… – прошептал Спенсер, и сморщился от усилившегося звука, заполнившего всё помещение. В голове зашумело, и сферический шлем покрылся изморосью. – Что за?

Кристаллы усилили звучание, и стробоскопические вспышки радужных цветов заполнили помещение. Стекло шлема меняло поляризацию так часто, как позволяла структура материала, но всё равно не успевало, и по глазам агента резануло синим, потом красным, потом темнотой… Во вживлённых аудиалах взвыл

сигнал квантовой нестабильности, и сквозь затемнённый почти до непрозрачности шлем удивлённый и обескураженный Спенсер увидел тёмно-багровый провал портала. Он был непривычной прямоугольной формы, и больше напоминал дверь, чем привычный овал. Изнутри выжигающего сетчатку провала в пространство изливались жар, яркий свет и тяжёлое басовитое гудение, заставлявшее внутренности сжиматься в унисон. Щиты на окнах трескались и осыпались, кристаллы дрожали и подпрыгивали на своих подставках, словно стремились вырваться. Спенсер обратил внимание на краснеющий датчик температуры – в комнате уже было почти пятьдесят градусов, и нагрев продолжался. «Если так пойдёт дальше, то сначала сгорит Корнк… Тьфу, магистр, потом комната, а потом я, – агент нагнулся к лежащему на полу старику, и проверил пульс. – Костюм выдерживает полторы тысячи, и всё. Похоже на фотосферу звезды, но откуда эта вибрация и почему сюда не проникает плазма?»

Думать было некогда. Рука Спенсера метнулась к заднему отделению пояса, где хранились несколько миниатюрных, но разрушительных гравитационных гранат, и он торопливо взвёл заряды на трёхсекундную задержку. Две сферы легли рядом с провалом, одна – перед ним, и агент ломанулся к ближайшему окну, подхватив на загривок Кронкверка и надеясь, что гравипарашют выдержит их вес. Уже в прыжке он почувствовал, как в спину дохнуло теплом, прошедшим даже сквозь костюм, и толкнуло импульсом гравитационного поля, мгновенно возросшего почти стократно.

Башня сложилась сама в себя, вытянув к серым небесам исполинский огненный язык, и огромный пламенный шар неторопливо взлетел в пробитую среди туч плешь. Только теперь, приземлившись, Спенсер почувствовал, как из его ушей течёт кровь, и осознал, что ничего не слышит. Спешно пробежавшись по арсеналу стимуляторов в выпавшем на напылённом дисплее, он почувствовал серию уколов в поясницу, и закончил пеленать магистра в лаково-чёрные вязки из карбоновой ткани. Натянув на лицо старого учёного дыхательную маску, рассчитанную на синтез привычной для обитателя этой параллели воздушной смеси, агент взвалил груз на спину, и побежал к пирсам, забирая ближе к городской стене. Насколько он понимал, сейчас в городе поднимется паника, и местная стража, или кто тут исполняет её функции, перекроет улицы и начнёт тушение пожаров, ловлю подозрительных элементов и прочие охранные мероприятия.

«И тут вылетаю такой я, с шаром на голове, в чёрном и со связанным человеком на закорках, – оскалился на бегу

Спенсер. – Нет уж, спасибо. Уж лучше мы как-нибудь сами». В ушах мерзко булькало и болело – нанороботы восстанавливали повреждённые барабанные перепонки, но кроме этих звуков и стука собственного сердца агент не слышал ничего, и только прибавлял скорость бега. Впереди вынырнули из темноты несколько силуэтов в кольчужных доспехах и с алебардами, но они не успевали…

Размазавшийся в воздухе неясный силуэт врезался в воду на глазах оторопевших стражников, и скрылся в белых бурунах, уходя на глубину. Они опоздали.

– Агент, немедленно следуйте в помещение медицинского отдела. Вы слышите меня? Агент? – высокий охранник в чёрной униформе чертыхнулся и вызвал покачивающегося от усталости Спенсера по внутренней комм-сети. – Агент, немедленно в медотдел, у вас повреждения внутренних органов!

– Я должен сгрузить объект в карантин… – излишне громко проговорил агент, срывая с головы надоевшую сферу шлема, и с наслаждением вдыхая прохладный воздух портального зала Одиннадцатого сектора. – Доложить лично Вюрсту…

– Советник Вюрст ждёт вас в медсекторе, – передал по сети охранник, вглядываясь в изможденное и перемазанное кровью лицо Спенсера. – Агент, гравилифт три, уровень семь. Следуйте за белой линией.

Спенсер втащил носилки с освобождённым от пут Кронкверком в приёмную медотсека. Там, за изолирующим полем его уже ждала команда медиков в серебристых биоблокирующих комбинезонах, и лично Амадей Вюрст, пребывавший в универсальном кресле, которое агент привык видеть только при психокоррекциях и проверках лояльности. Рядом с советником стояло второе кресло, приведённое в горизонтальное положение.

– Уложите пациента в свободный ложемент, и покиньте помещение через зелёный выход, – проскрипел синтезированный голос в аудиалах Спенсера, заставив того передёрнуться от боли в ушах. – О вас позаботятся.

– Вас понял, – после небольшого промедления выдавил он, стараясь говорить потише, и дёрнул носилки поближе к креслу.

Амадей Вюрст открыл глаза, и уставился на Спенсера, ещё раз удивив агента потрясающим сходством с изъятым Кронкверком.

– Благодарю за службу, агент! – советник тяжело дышал, и каждое слово давалось ему с трудом, – Я запомню вашу помощь…

– Служу Корпорации, – выдавил Спенсер, которого мягко оттёрли от кресел пара дюжих медработников, подталкивая к

выходу, подсвеченному зелёным.

Последним, что он заметил перед тем, как заросла перепонка двери, была сорванная одним из медиков с лица Кронкверка дыхательная маска.

«Это же убьёт старика… – устало подумал Спенсер, присаживаясь на краешек приветственно распахнутого регенератора. Расстёгивая облегающий костюм, он выругался про себя, и дал себе зарок – никогда не лезть в чужие тайны. – Пусть это останется на совести Советника… Но доклад о новом способе генерации порталов я всё-таки обязан предоставить. И гори оно огнём».

Глава 46

Овальный, в чём-то даже изящный, корпус УДК подошёл к северо-западному берегу Единственного моря за час до рассвета. Матово-чёрный корпус корабля, совершенно неотличимый от тёмной, в этот час, воды подходил осторожно и тихо, едва рождая всплески волн у берега.

«Удочка» встала на якорь за выступающим в море утёсом, почти прямой стрелой врезавшимся в водную гладь. Первыми пошли транспорты с боевыми машинами, сопровождаемые десантом, которому надлежало управлять техникой с безопасного расстояния. За ними споро последовали легкомоторные шлюпки с живой силой, получившей задание прикрывать первые волны десанта и обеспечивать коридоры отхода свободными.

При свете солнца этой параллели вода в море должна была стать яркой и мерцающей, переродившись из тёмной в зеленовато-голубую. Огромное количество фитопланктона и закиси железа придавало воде невероятно насыщенные цвета, и делала море похожим на тропический океан. Сходство усиливала и песчаная линия берега, на которой тут и там вставали стройные пальмы с твёрдой чешуйчатой корой такого же, как волны, зелёно-голубого цвета.

Гриффин спрыгнул на мелководье, прошлёпав в высоких непромокаемых ботинках на толстой подошве до хрустящей песочной глади в компании майора Монна. Жюль-Анри Монн был человеком откровенно неприятным, строгим и достаточно мрачным, но всё это легко компенсировалось прямо противоположным впечатлением о нём, едва тому удавалось закончить очередную боевую операцию или завершить задание. Командир диверсионной группы, он не отличался разговорчивостью о пережитом, но становился душой компании в свободное время.

– Капитан-лейтенант Гриффин, – кивнул Монн, едва Льюис оказался на суше, – чем обязан вашему личному присутствию? Птица вашего полёта не должна мочить ноги.

Гриффин испытующе взглянул на капитана. В безлунной ночи лицо командира подсвечивалось лишь слабым мерцанием звёзд на небе, отражённым в водной глади, да контуром силовой брони, приведённой в режим повышенной готовности. Тонкие линии светодиодов становились совершенно незаметными уже через пару шагов, что позволяло полностью скрыть своё присутствие от нежелательных взглядов.

Доктор видел копошение десантников неподалёку от себя,

уже сгрузившими с транспортных платформ свои боевые машины. Несколько проходимых «пауков», четыре «богомола», чьи крошечные головы были сейчас плотно прижаты к несоразмерным туловищам, да с десяток небольших, лёгких «стрекоз», несущих на себе пары из пилотов и стрелков. Льюис уже давно привык и к ночным операциям, неизменно доставляющим ему немало работы в лазарете, и к работе техники, выходящей на разогрев двигателей. Но вот к своему позывному привыкнуть до сих пор не мог.

Доводившее его до логического ступора именование Грифом, было однажды смазано брошенными походя словами капитана второго ранга, Метью Мо:

– Чего тебе не нравится, док? Гриф птичка тяжёлая, пусть и не привлекательная. А насчёт падальщика ты не додумывай. Вот тебе приносят наших бойцов? Приносят. Ты в них ковыряешься? Ковыряешься. Вот и падальщик. Они пали в бою – ты их разобрал на части. Так что, Льюис Джероми, почётный ты обладатель высшей степени в хирургии, быть тебе на «Пиле» Грифом. Да и фамилия располагает.

С тех пор Льюис много думал, как же можно было влипнуть именно так, чтобы сейчас оказаться Грифом, ходящим на «удочке», с гордым именем «Рыба-пила». Глядя на безобразие в своей жизни, капитан-лейтенант часто задумывался, что же именно эта рыба пила, и до какой степени надо было ей, горемычной, ужраться, чтобы стать универсальным десантным кораблём под командованием расчётливого и делового Метью Мо.

Переживав всё это, Льюис бросил на капитана быстрый взгляд, снова напомнил себе о врачебном долге, не позволяющим пристрелить никого до начала операции, и ответил:

– Груз важный, поставили на контроль.

Жюль-Андре Монн сдержанно кивнул, принимая объяснение, но напоследок сказал:

– Держись поближе ко мне. Если тебя разнесёт по ветру, собирать точно уже будет некому.

Доктор согласно кивнул и отошёл подальше, присел на песок и стал ждать команды о выдвижении групп. О том, что его явно будет некому собрать, он и сам прекрасно знал. Подающие надежды санитары и два его помощника на корабле подавали эти надежды исключительно под толстым слоем соуса из правил, кодексов, уставов и прочей несусветной брехни, начисто лишённой чутья и шестого чувства. Иногда Гриффин серьёзно считал, что два дюжих молодца-санитара могли одинаково исполнять роль ремонтников, грузчиков и носильщиков трупов,

если бы это было прописано в уставе или должностной инструкции. Молодые помощники вообще едва вылупились из школы-академии военно-морского медицинского корпуса, где видели ранения от осколочных гранат в виде трёхмерной проекции на экзамене. И Льюис точно знал, что никакая симуляция, пусть даже высококачественная картинка Корпорации, не выдерживает критики, когда на столе перед тобой лежит распотрошённое взрывом тело человека, обедавшего с тобой пару часов назад за одним столом.

Льюиса давно перестало тошнить от содержимого кишечника и прочих органов выделительной системы, расколотых черепов и вида их начинки, от безобразных ран и от шёпота в бреду умирающих в лазарете. Как и от бессонных ночей за работой. Он перестал нервничать от бешено пищащей системы жизнеобеспечения или сигналов диагноста, оповещающего врача о наступлении терминальной стадии у пациента. Он спокойно спал по ночам после первого потерянного им на столе лейтенанта, в глазах которого навсегда застыл невообразимый ужас и лёгкое недоумение. Профессиональный цинизм, склонность к пессимизму и немногословность подарили Гриффину не только прозвище и одноимённый позывной, но и репутацию мрачного бога лазарета. Личный состав под командованием полковника Лю Пина относился к нему с почтением и уважением, но старался лишний раз не попадаться переменчивому богу на глаза, чтобы не притянуть, как они считали, возможности оказаться в его руках после следующего же задания. Справедливости ради, надо заметить, что на столе доктора умирали нечасто, сопротивляясь и неохотно, так что опасения накликать беду вряд ли оправдались бы в смену доктора Льюиса.

– Альфа, нас атакуют! Просим воздушной поддержки «стрекоз», наши машины выбыли из строя! – слышался сквозь треск помех голос командира группы Дельта.

– Дельта, держитесь. Наши машины подбиты, в воздухе осталась одна «стрекоза», атака с фланга!

– Группа Омега на связи, ребята, идём к вам. У нас «паук» и «богомол». Три «стрекозки» уже над вами. Отходите в запасной коридор. Повторяю…

Низкие горные хребты, окрашенные в первые минуты рассвета в розоватый цвет, неожиданно вспыхнули, словно солнечные лучи отразились от зеркала, а затем голос командира третьей группы ворвался в общую сеть:

– Твою матерь Богородицу! У них силовая защита по

периметру и электромагнитные глушилки! Машины выведены из строя. Повторяю, машин для поддержки больше нет. Приказано отходить к точке сбора.

Гриффин тяжело дышал, стараясь рассмотреть в клубах дыма и гари хоть что-то. Глаза слезились, руки и лицо были выпачканы сажей, а жирные чёрные хлопья всё летели и летели со всех сторон. Связь накрылась, отовсюду слышался треск и грохот, небо заволокло низкой пеленой от поднимающегося дыма сгоревшего склада с боеприпасами. Но, судя по интенсивности огня и сумятице, здесь у противника был далеко не один склад, продолжавший фейерверк рандомной стрельбы и взрывов содержимым. Доставалось всем, и своим, и чужим, но такое положение дел никого, понятное дело, не радовало.

Внезапно кто-то схватил его за плечо и резко дёрнул за уцелевшую стену здания из камня.

– Гриф, приказано отходить, – прокричал ему в ухо Жюль-Андре Монн. Капитана оглушило, шлем от брони валялся рядом, зияя широкой трещиной в поперечнике. Гриффин присмотрелся и понял, что капитан Монн едва ли понимает, что тут происходит вообще. Лицо капитана, начиная со лба, перечёркивала кровавая полоса, заканчивающаяся на подбородке. Один глаз Монн держал закрытым, но Льюис видел, что самого глазного яблока в глазнице уже нет, а ресницы склеились от запёкшейся крови. Рот Монна кривился от ненависти и злобы, а руки судорожно вцепились в штурмовую винтовку с разряженной батареей. Броня капитана мигала сетью сигнальных огоньков, преимущественно, красного цвета. В этот момент сильный взрыв разнёс к чертям крышу и без того потрёпанного здания, за стеной которого они прятались, осыпав Гриффина и Монна кусками кровли и булыжниками из стен.

– Капитан-лейтенант Льюис Джероми Гриффин, вы не подчинились прямому приказу штурм-капитану, Лю Пину, вернуться на корабль. Вместо этого вы продолжили оставаться в точке боевых действий, подвергая опасности не только свою жизнь, но и жизнь объекта, который вам приказано было доставить в целости и сохранности.

Комиссия из трёх, почти одинаковых на лицо, инспекторов службы внутренних расследований, чья серо-голубая форма сейчас была единственным светлым пятном среди тёмных стен, поочерёдно зачитывали выдержки из рапорта капитана «удочки». Гриффин понимал, Метью Мо вовсе не хотелось становиться ответственным за провал операции в параллели, но допросить полковника Лю Пина в настоящее время было невозможно.

Оставшийся в живых полковник до сих пор находился в руках лучших медиков Корпорации, буквально собирающих по частям всё то, что Гриффину удалось притащить на корабль. Капитан Мо тут же поспешил отрапортовать выше стоящему начальству об условно положительном исходе операции, упомянув сначала о захвате нескольких объектов, а уже затем о потерях и трудностях, с которыми пришлось столкнуться десантникам.

Инспектор продолжал ждать ответа от доктора Гриффина. Тот лишь пожал плечами и сказал:

– Так написано у вас в документах? Тогда зачем мне спорить со словами капитана второго ранга? Это что-то изменит?

Инспектор в серо-голубой форме только кивнул и продолжил перебирать лежащие на столе бумажки, изредка тихо переговариваясь с коллегами. Льюису очень хотелось добавить от себя, без протокола, как говорится, что если бы он подчинился приказу Лю Пина, пока тот ещё оставался в сознании, то самого штурм-капитана сейчас бы не было в живых. Да, Гриффин понимал, что Лю заботился о сохранности объекта под кодовым названием «Бета-17», но и сбрасывать со счетов репутацию Лю Пина доктор не мог. А вот штурм-капитан славился своей надёжностью и верностью, прежде всего, среди своих же подчинённых, старательно и методично вытаскивая десант из различных по глубине и вони задниц.

«Лю Пин бы оценил, – подумал он, – во всяком случае, он бы должен был это оценить. Если уж и не спасение своей жизни, то сохранность Бета-17, чью селезёнку я практически затолкал обратно после близкого взрыва. Жаль, никто теперь не оценит мой труд…»

– База, база! Это Дельта. Движемся к точке сбора, требуется воздушное прикрытие. Как поняли?

– Дельта, это база. Кто на связи? Лю Пин, это ты?

– База, это Гриф. Движемся к точке выхода из зоны конфликта, или как это там у вас называется? Сами не пройдём, вышлите парочку «стрекоз» для острастки.

– Какой ещё, к чёрту, Гриф? Где штурм-капитан Лю Пин? Что у вас там происходит, Дельта?

– База, на связи доктор Гриффин, позывной Гриф. Полковник тяжело ранен, два командира подгрупп мертвы, капитан Монн без сознания. Я принял командование в соответствие с…

Треск помех и звук раскатистого удара окончательно оборвали и так неустойчивый канал связи.

– Капитан-лейтенант, вы приняли командование на себя, хотя

среди идущей с вами группы оставались дееспособные офицеры, – утвердительно сказал инспектор своим удивительно бесцветным голосом. – Кто дал вам право так поступать, если рядом с вами оставались грамотные командиры?

– Здравый смысл, – буркнул Гриффин, но тут же понял, что такой ответ инспекторов не устроит. – В связи с приоритетом и важностью моей боевой задачи о сопровождении захваченного объекта «Бета-17», и в связи с непредвиденными трудностями, с которыми столкнулась десантная группа, я принял решение воспользоваться своим званием, дарованным мне совершенно незаслуженно, – ответил Гриффин. Инспекторы, словно куклы, переглянулись, не сговариваясь повернув головы одновременно в сторону доктора Льюиса, совершенно не осознав сарказма в словах арестованного.

– Капитан-лейтенант по военно-морскому уставу приравнивается к капитану на суше, насколько мне известно, – едко заметил Гриффин. – Учитывая, что среди личного состава оставались командиры в том же звании, я принял решение взять командование на себя в виду важности данного мне задания доставить на борт корабля объект Бета-17. Ради которого, смею заметить, вообще началась эта операция.

– У вас не было реального боевого опыта и опыта работы с личным составом, – тут же запротестовал один из инспекторов. Гриффин снова пожал плечами, флегматично глядя перед собой.

– Я безмерно раскаиваюсь, – сказал он совершенно не испытывая никакого раскаяния в душе, – в содеянном, и торжественно клянусь в следующий раз обязательно задержаться, обсудить все предложения более опытных офицеров и командующих, а так же, на время отложить транспортировку ценного груза с вывороченной селезёнкой до выработки наиболее взвешенной стратегии и линии действий.

– Где же транспорт, где же они? – продолжал вглядываться в утреннее небо лейтенант Ротклиф. Остальные устало опустились на ровные камни небольшой посадочной площадки, находившейся недалеко от береговой линии. Площадка показалась достаточно ровной и большой, чтобы на неё смогли сесть пара «шершней» и забрать выживших. Из трёх групп десанта, численностью в сто пятьдесят человек, сейчас на камнях разместилась едва ли треть, половина из которых имела ранения разной степени тяжести. Гриффин методично продолжал обход людей, оказывая им первую помощь. Капитан Монн, полковник Лю Пин и ещё два десятка тяжелораненых лежали на камнях на примитивных носилках, собранных из походного комплекта

десантников. Тонкая паутинка прозрачной сеточки, входившая в стандартную комплектацию, при соприкосновении с воздухом обретала прочность и твёрдость, превращаясь в лёгкие сетчатые носилки, удобные для транспортировки. Льюис устал до той степени, когда самой усталости уже не чувствуешь. Когда внутри остаётся только выжженная на железной пластине долга кровавая линия поведения механических действий, исполнения долга и контроля за другими людьми. О себе можно подумать потом. Если будет. Кому думать. Синяки, ссадины, лёгкая степень оглушения и звон в ушах – всё это будет потом. Усталость, негнущиеся ноги, головная боль – всё приходит после, после исполнения долга врача, который не позволяет рукам дрожать, голове расслабляться, а зрению и точности движений подводить.

И руки не дрожали, надрезы были точны, интуиция оставалась на страже, как и привычная до зубовного скрежета работа. Сегодня бог взял отпуск? Не беда, мы за него. Мы и есть дежурные небожители. Или почти они…

– Капитан, – обратился к Гриффину подоспевший младший лейтенант, – противник в зоне видимости к юго-западу от нас. Выйдет в зону обстрела через десяток минут. Какие будут приказы?

«Вернуть к жизни весь офицерский состав, мать вашу», – огрызнулся про себя Льюис.

Он только устало махнул рукой. Теперь его почти не заботило происходящее. Гораздо больше его волновали тающие на глазах медкомплекты, захваченные им перед десантированием. Личные комплекты состава давно израсходовали себя, броня на раненых мигала сигналами почти полной разрядке, а у доктора кончались даже элементарные перевязочные материалы. Жидкий бинт, антисептик и тканевый клей, казалось, просто испарялись, оставляя после себя только горку пустых тюбиков.

За спиной Гриффина послышались тихие переговоры, после которых несколько десантников, перезарядив оружие и сменив батареи, отправились назад, на встречу подходящим силам противника.

– Ребята их задержат, док, – сказал ему тот же лейтенант, который вернулся и доложил о подходе врагов. Льюис рассеянно кивнул, не отрываясь от работы. Монн был совсем плох, то и дело стараясь умереть, и доставляя Гриффину дополнительные проблемы. Лю Пин держался молодцом, стабильно пребывая без сознания после попаданий нескольких зарядов в грудную клетку и в следствие тяжёлой контузии от близко разорвавшейся звуковой бомбы. Гриффин сомневался, удастся ли вернуть Лю Пину хотя бы остаток слуха, но сейчас его главной задачей было

удерживать внутри полковника его внутренности, останавливая кровотечения и пополняя запасы жидкости Лю Пина сывороткой.

– Доктор Гриффин, – обратился к нему другой инспектор, пренебрегая протоколом обращения к офицеру ВМФ, – вам досрочно было присвоено звание капитан-лейтенанта. До этого случая ваша карьера просто блистала отметками в личном деле о доблести, героизме и самопожертвовании. У вас три награды второй степени за мужество, одна за храбрость, и две за проявленный героизм. Кажется, вы выносили с поля боя больше солдат, чем могли себе позволить, – неудачно попытался пошутить инспектор, явно рассчитывая на налаживание контакта с арестованным. – Ответьте нам на последний вопрос. Почему вы ударили капитана Мо?

– Потому что он так и не решился отдать приказ об экстренной эвакуации, – ответил Гриффин, глядя на инспекторов. – Транспорт забрал нас только после того, как я официально снял с себя полномочия ведущего группы. Но и этого оказалось недостаточно. Капитан Мо распорядился выслать один «шершень», чтобы забрать пленного первого уровня и двух раненых офицеров, полковника Пина и капитана Монна. И если бы не майор Василенко, отбывавший наряд вне очереди на кухне, мы до сих пор бы так и торчали в этой чёртовой параллели.

– То есть, – оживился инспектор, – вы признаёте себя виновным в бунте на корабле «Рыба-пила»? в подстрекательстве к бунту, если быть точнее.

– Я признаю себя виновным в том, что не желал бросать выживших после операции, которая пошла через косинус к аорте, – огрызнулся Гриффин. – А ещё признаю себя виновным в том, что спас несколько жизней на поле боя, вместо того, чтобы отсиживаться на корабле и советоваться с начальством.

– Капитан второго ранга принимал долженствующие меры, – холодно бросил один из инспекторов.

– Меры-химеры, – буркнул Гриффин. – Пока он их принимал, я слегка был занят, держал в руках кишки полковника Пина. В этом я тоже виноват, теперь его внутренний мир не является больше нетронутым.

Три инспектора разом загудели, приглушая свою речь упавшим на них коконом силовой защиты, скрадывающим звук. Гриффин сложил на груди руки и положил ногу на ногу, приняв совершенно закрытую к дальнейшему диалогу позу. Ему, по сути, было совершенно всё равно, признают ли его виновным, понизят в звании или вообще отправят на принудительные работы куда-нибудь в африканскую параллель, собирать дрозофил и личинок

гуо-гуо. Впрочем, на свою жизнь ему было наплевать почти с такой же степенью безразличия, как и на карьеру.

Льюис знал, и знал это твёрдо, он сделал всё правильно по своим личным меркам. Не для того он выбрал в своё время медицину, не для того он отслужил в военном госпитале после окончания обучения, и не для того он уже пять лет занимал должность врача при пятой десантной роте, чтобы сейчас мелочиться из-за каких-то там норм и правил.

И для Гриффина устав, как и необходимость его неукоснительного исполнения, стояли на втором месте после выполнения своего врачебного долга.

Корпорация, конечно, шагнула далеко вперёд по части медицинского обслуживания. Но, если приглядеться внимательней, все её заслуги сводились, преимущественно, к ранней диагностике заболеваний, включающих и генные болезни, да к установке имплантов или запасных частей тел, и органов после ранений или ампутации. Так что, и доктор знал это как никто другой, живые руки хирурга против тончайших манипуляторов автохирурга, до сих пор ценились больше, если речь шла о принятии молниеносных решений здесь и сейчас.

Там, где времени на обследования и размышления не оставалось, люди до сих пор были в цене. А самые передовые и чувствительные сканеры, автохирурги и диагносты надо было ещё кому-то программировать и настраивать, раз за разом вкладывая в список возможностей пережитый личный опыт.

Глава 47

Таи сидела рядом с Гриффином, внимательно прислушиваясь к разговору. Остальным, включая и Патрика, пришлось посвятить её в детали происходящего. Во-первых, Таи и так уже во всё влезла, во-вторых, в некоторых вопросах без неё было бы куда труднее обойтись. Элементарно покинуть посольство ксеносов становилось не так уж просто. Уважаемые гости, какими, по словам Таи, являлись собравшиеся, не могли просто взять с полки в буфете яблоко и отправиться по своим делам. А избавить, или уж сократить до минимума, формальности завершающих процедур и торжественного ужина могла опять же только Таи, виртуозно солгав о причинах поведения «этих непонятных людей».

Небольшой деревянный столик, на котором стоял графин с прохладной водой и четыре стакана, стоял посреди облагороженного садика, входящего в комплекс оранжереи под куполом подводной базы посольства. Среди разноцветных изгородей и витых заборчиков, невысоких кустиков, деревьев, цветов и прочих, неизвестных людям, растений весьма уютно и достаточно скрыто проводилось немалое количество совещаний. Со стороны группа прибывших с визитом почтения гостей не вызывала никаких подозрений. Захотелось людям отдохнуть на природе, послушать пение птичек, посмотреть за умиротворяющим полётом огромных бабочек, да и ладно. С другой стороны, тесное, почти интимное, соседство друг с другом позволяло переговорщикам не беспокоиться о подслушивании. Во всяком случае, о любопытствующих прохожих, если уж за техническую сторону дела никто поручиться не мог.

– Да, я уверен, – в очередной раз кивнул Спенсер, подтверждая худшие выводы относительно себя в глазах Гриффина. – Ты сам сказал, что тут я не лишён прав. Вот я ими и воспользуюсь. Даже тебе обновок захвачу. Центры снабжения хранят в себе не только наны.

– Надорвёшься, – привычно буркнул Льюис, мрачно глядя на агента. – Тебе не выдадут комплектующие для автохирурга, к примеру. Думаешь, это такой саркофаг-сракофаг прикольный, где по воле Корпорации, и божеств её, у тебя кости обратно слипаются? – он усмехнулся, дёрнув головой. – Ну, допустим, он действительно состоит из нескольких блоков. Это же военная модель, функциональная, удобная для транспортировки. Но вот запасы лимфы, универсальных антидотов, регенерирующих растворов, тканеобразователей, антисептиков, игл, дренажей…

– Хватит! – скрипнув зубами, прервал его занудство Спенсер. – Я уже понял, что ты можешь перечислить кучу умных слов.

В этот момент особенно крупная, золотисто-лиловая бабочка присела ровно на кончик носа агента. Тот замер в причудливой позе указателя светлого пути, вытянув вперёд одну руку и остановив её в замахе. Спенсер, кажется, даже перестал дышать от неожиданности. Его глаза против воли сошлись на переносицы, в тщетных попытках рассмотреть насекомое. Бабочка лениво дёргала крылышками, вертела огромными фасетчатыми глазами и многообещающе начала разматывать хоботок. Лицо Спенсера приобрело мертвенно-бледный цвет.

– Уберите её, – придушенным тоном, стараясь говорить одним уголком рта, попросил он. – Она мне сейчас мозг сосать будет.

Первой не выдержала Таи. Она закрыла лицо руками, мелко сотрясаясь в приступах смеха, грозящего перерасти в настоящие всхлипы и рыдания. Льюис, однако, с энтузиазмом принялся разглядывать бабочку, вплотную приблизившись к агенту. Льюис свёл брови, нахмурился, подыскивая что-нибудь подходящее, чтобы потыкать Спенсера в щёку и проверить, будет ли реагировать насекомое на непрямое беспокойство. Спенсер оторвался от лицезрения гостьи на носу и поднял взгляд, упершись им в строгое лицо доктора, рассматривающего бабочку. Крылатая напасть, тем временем, перебирала лапками на носу агента, кокетливо взмахивая крылышками, и призывно распрямляла хоботок. Спенсер торопливо зашептал матерную молитву.

Внезапно что-то большое, шершавое и угловатое, зелёного цвета протиснулось между носом агента и лапками насекомого, и огромный объект беспокойства тут же исчез с лица Спенсера. Тот опустил руку и выдохнул, осматриваясь. Стоящий перед ним Патрик широко улыбался, держа тонкую зелёную палочку, на которой восседала золотисто-лиловая бабочка. Вуниш тут же исчез в переплетениях веток позади себя, вернувшись через пару минут уже с пустыми руками.

– Как в Корпорацию соваться, он не боится, – язвительным тоном высказался Гриффин, – а лилового крылолиза на носу испугался.

Таи как раз утирала слёзы смеха, раскрасневшись и всё ещё продолжая улыбаться, когда негодующий агент, уязвлённый в самое сердце смелости и храбрости души, вскочил с места, едва не опрокинув плетёный стул за спиной, и снова вытянул руку в сторону Льюиса.

– Да иди ты со своими… этими… грызлолизами чешуйчатыми! Нашёл, что сравнивать.

– Да уж, действительно, лиловые крылолизы страшнее…

Нарастающую перепалку прервал Патрик. Он тихо постучал по бокалу на столике, привлекая внимание.

– Может, всё же вернёмся к делу? – глядя на всех по очереди, спросил он. Собравшиеся притихли. Таи села ровно, едва касаясь плечом Льюиса, Гриффин пожал плечами и положил ногу на ногу, а Спенсер, пофыркав для поддержания имиджа, откинулся на спинку удобного кресла.

В этот момент Патрик прищурился, глядя на купол над головой, и спросил у Таи:

– Разве ремонтные работы ведутся днём?

Женщина тоже посмотрела вверх, немного сбитая с толку таким вопросом инквизитора. Казавшаяся крошечной, вспышка чистого белого света на некоторое время ослепила Таи, заставив вскрикнуть от боли и закрыть глаза. Зрение мотыльков было чересчур чувствительным к любого рода изменениям освещения. И хотя Таи не была чистокровной представительницей своей расы, ей досталось куда больше, чем сидящим рядом людям. Она закрыла лицо руками, падая на пол и всхлипывая. Гриффин бросился к ней, стараясь успокоить, шаря по карманам в поисках стандартного медкомплекта. Привычки полевого хирурга подвели Льюиса, в очередной раз забывшего, кто он теперь и где находится.

Спенсер уже вскочил на ноги, а Патрик обошёл столик, когда прямо на стеклянную столешницу упал большой кусок толстого полистекла, разметав по земляному полу множество мелких осколков, и обдав всю компанию потоками ледяной морской воды. Звон от разбитого столика и стаканов на нём ещё не утих, когда вверху послышались истеричные крики о помощи, началась общая суета, а по всей оранжерее взвыли шипящие и мигающие сирены.

– Что за… – начал было Спенсер, едва увернувшись от куска упавшего полистекла, когда прямо перед ним рухнуло что-то большое. Неприятный чавкающий звук подтвердил опасения Патрика. Он мельком взглянул на искромсанное и расплющенное тело человека в робе техника, сломавшего своим падением пару плетёных кресел. Видимо, рабочего убило взрывом или обвалившимся куском купола, но тело за что-то зацепилось, припозднившись с падением.

– Купол треснул! На выход! – заорал он, толкая Спенсера прочь. Гриффина, профессионально взвалившего на своё плечо Таи, уговаривать не пришлось.

С верхних ярусов для самых солидных гостей посольства бежали, сталкиваясь друг с другом на поворотах, мотыльки, высокопоставленные гости и обслуживающий персонал. Людская масса, мигом утратившая былой лоск и величие, превратилась сейчас в комок визжащей, орущей и паникующей многорукой и многоногой неуправляемой толпы, сносящей на своём пути мелкие препятствия, топчущей цветы и насекомых, ломающей заграждения и ветки кустарника.

Сплошной поток паникующих то и дело кидался из стороны в сторону, затаптывая насмерть бегущих рядом, не готовых к таким резким манёврам. Сверху уже начали падать потоки воды, всей своей многотонной массой давившие на купол, усиленный балками и стропилами из самых прочных сплавов металла. Полистекло трескалось неохотно, будто сопротивляясь, но всё же кусками отваливалось вниз, увлекаемое силой тяжести на головы улепётывающих людей. В прозрачном ливне морской воды куски острого стекла незаметно пролетали сверху вниз, теряясь из виду за счёт скорости падения и слияния с водной массой.

Несколько таких секций полистекла, разбивающегося от удара только звуковым импульсом, не имели острых краёв, как обычные осколки. Но скорость падения с многометровой высоты ломали кости и дробили черепа только за счёт массы, увеличенной многократным ускорением.

Где-то посреди кроваво-водяной мешанины орущих гостей и хозяев оранжереи уже доносился успокаивающий звук приближавшихся ремонтных машин. Несколько огромных, созданных с невероятным запасом прочности, угловатых конструкций двигались к зоне пролома, собираясь вытянуть вверх толстые опоры, и поддержать рушащийся купол, как Титаны держали Терру в древних легендах.

Остальным ремонтникам отводилась роль развернуть силовое поле, поднять его до уровня пробоины, вытолкнуть вверх и образовать полусферу над дырой в кровле, не давая воде давить на сломанный участок купола. После этого запечатав на время дыру, дать бригаде рабочих сменить повреждённую секцию.

Оранжерея опустела за каких-то несколько минут, оставив после себя груду изломанных ветвей, растоптанных растений и насекомых, вывороченные декоративнее оградки газонов и перевёрнутую мебель. Жертв теракта оказалось на удивление мало. Будто засланный террорист не ставил себе целью убить как можно больше мерзких ксеносов, а всего лишь хотел напугать их. У самого сепаратиста спросить ничего не получилось бы, его тело рухнуло первым прямо на столик Спенсера.

– Я в медотсек, – коротко бросил Гриффин. Но Таи его

остановила:

– Не стоит, я сама, – твёрдо сказала она, – до сих пор моргая и потирая слезившиеся глаза. Гриффин с сомнением посмотрел на женщину.

– Давайте убираться отсюда, – высказался Патрик, вынимая из внутреннего кармана табельный игломет. Спенсер приподнял бровь, но промолчал.

– Это Корпорация, – сказал Патрик, когда они уже бежали к выходу из зоны посольства, чтобы подняться на поверхность и убраться подальше. – Купол можно разрушить только изнутри, он специально так сконструирован. И только звуковым импульсом одной частоты.

– Оружие Корпорации, – поморщился Льюис, вспоминая сцену перед госпиталем на Малидакане. Патрик коротко кивнул, припомнив то же самое.

– Намекнули, что мы и тут не в безопасности, – сжал зубы Спенсер. – Но почему было просто не дождаться, когда мы выйдем?

– У них нет времени, – бросил через плечо инквизитор, прикладывая мультиключ к двери, ведущей к шлюзам. – У Корпорации, а если точнее, у какого-то её представителя, совершенно не осталось времени на поиски решения одной проблемы, которая, собственно, и делает моё пребывание здесь пока что оправданным.

Гриффин встал на месте, едва уклонившись от агента, не успевшего затормозить так же быстро. Спенсер больно врезался плечом в стену, уворачиваясь от столкновения, и зашипел от негодования.

– Рассказывай, – потребовал Гриффин, покачиваясь с мыса на пятку и сложив руки на груди. Патрик бросил тревожный взгляд на двери шлюзовой камеры, потом на агента, но тот, казалось, не собирался вмешиваться.

Высотные здания центров снабжения Корпорации, разбросанные по всей планете, были видны издалека. Облицованные мозаичными витражами из разноцветного стекла, они высились среди ухоженных зелёных насаждений колоссами нерушимости и олицетворения красочного благополучия огромной империи власти. Цветные стёкла складывались в картины первой волны присоединения и открытия собственных параллелей, спасательные миссии в отдалённые миры, картины с извечным сюжетом протягивания руки слабому собрату по галактике. Рваная латинская буква «С», мигающая в самых различных спектрах видимости, красовалась на каждой панели,

унитазах, канцелярских принадлежностях и даже на нижнем бельё работников Корпорации. За последнее весьма серьёзно поручился Спенсер, рассказавший Гриффину о такой интимной детали сотрудников.

– Багаж я переправил за город, – сказал агент, уже позаботившийся о вещах, временно оставленных в клинике. – Патрик начал налаживать своё хитрое оборудование, значит сигнал скоро будет.

Льюис мрачно кивнул. Он думал о Таи, сильно изменившейся за последние пару дней, пока они с агентом занимались улаживанием рабочих вопросов. Когда Спенсер изъявил желание просто зайти в центр снабжения и предоставить список со своей личной идентификационной пробой, Гриффин покрутил пальцем у виска. Обсудить эту безумную идею агента никто не успел, немного отвлёкшись на куски падающего купола в посольстве мотыльков. После этого заболела Таи, и Льюису уже стало вовсе не до идей и безумия Спенсера.

В конце концов, если он понимал всё правильно, агенту нужны были наны. И нужны они были прямо здесь и сейчас. А идея тащиться к чёрту на рога, пытаясь найти там последнюю заначку Спенсера, казалась ничуть не хуже идеи нагло взять их под предлогом оперативного задания. Да и смелая мысль агента о том, что его предательство, если уж брать рассуждения Патрика за верные, являлось таковым только для одного остроухого знакомца, не была лишена правдивости. В самом деле, кто сказал, что сама Корпорация вообще знает о том, куда, зачем и по чьей инициативе сейчас бегает С. Спенсер?

Льюис прекрасно понимал, что они засветятся. Но и оставить Спенсера одного он бы не рискнул. Вряд ли агенту выдадут даже двойной усиленный медкомплект, учитывая его список на боевые коктейли, модифицированные гаджеты и, собственно, несколько порций разнообразных нанов, способных превратить агента в машину.

Гриффин пребывал в отвратительном настроении, от которого успел отвыкнуть за время общения с Таи. Весьма тесного, надо сказать, общения, но сам доктор Льюис Джероми старался не думать про эти сцены, навязчиво лезущие в голову всё чаще и чаще.

– Ты меня слышишь? – агент легко пихнул доктора в бок. Гриффин моргнул, выплюнул какую-то травинку, которую жевал всю дорогу, и медленно кивнул.

– Заходим и идём сразу к стойке регистрации патентов, оттуда нас направят на склад, если всё будет нормально, но я думаю, будет, – повторил Спенсер ещё раз, осматривая друга с

беспокойством. – Мой последний патент пока не закрывали, значит для поисков тебя мне можно выдать ещё много, много игрушек, – счастливо закончил он. Гриффин снова кивнул.

Они как раз прошли по узким дорожкам, усыпанным цветными камешками, между ухоженными клумбами с какими-то пёстрыми цветами. Лёгкий ветерок трепал их тонкие мохнатые листики и качал тяжёлые соцветия, распространяя вокруг дивный медовый запах. Прозрачное голубое небо над головами идущих мужчин пересёк фиолетовый след выхлопа заходящего на посадку аэрофлана, собственности Корпорации. Впрочем, её собственностью тут было всё, от и до. Но остальные полёты, кроме транспорта экстренных служб или военных, в зоне расположения центров снабжения запрещались под угрозой уничтожения.

Льюис замедлил шаг, едва они оказались перед зеркальными дверями у входа, на которых красовалась скромная чёрно-серая буква «С», стилизованная под разорванную паутинку.

Спенсер решительно шагнул вперёд, стараясь не моргать и дать системе слежения опознать себя. Гриффин шагнул следом.

– Всё прошло нормально? – расслабленным тоном осведомился Кловис, сидя в кресле на веранде домика, арендованного агентом Спенсером. Жилистый и длинный, как палка, Инульгем вытянул костлявые ноги, положив их на маленький пуфик. Патрик согласно кивнул, не отвлекаясь от налаживания системы, собранной им из доставленных на этот же адрес комплектующих. Мотки проводов, коробочки с микросхемами, голопроекторы и дистанционные летучие пеленги сейчас уже больше походили на единую станцию контроля за агентами, к которым так привык Кловис в штабах Корпорации. Отдыхающий в тени Койот медленно потягивал из пузатого бокала воду с лимоном, прикрыв веки, и наслаждаясь шумом системы очистки воздуха в помещении. Рециркулированный воздух он не любил, предпочитая его свежему, насыщенному ароматами воздуху улиц, в котором всегда угадывалась своя, особая нотка духа той или иной планеты. Но сейчас у Кловиса не осталось сил менять настройки домашнего сервис-слуги, чтобы отдыхать с привычным комфортом. Инульгем ловил себя на весьма неприятной мысли, которую старался гнать от себя каждый раз, едва выдавалось время её подумать. Он устал.

Впервые за долгие годы Койот устал настолько, что ему хотелось обратно в пустыню. Выть на луну, танцевать на ритуалах кровавого бога, слушать шорох песка и смотреть в дрожащий морок жаркого воздуха пустыни.

– Они уже внутри ЦС, – сказал Патрик, продолжая отладку собранной системы вокруг себя. Его блёклые глаза смотрели спокойно и уверенно, чётко и споро переключая каналы, выводя на экраны данные о телеметрии Спенсера и Гриффина.

– Это отлично, – через силу открыв глаза, ответил Кловис. – Я тогда, пожалуй, подожду их здесь, – он зевнул, обнажив острые белые клыки.

– Всё закончится так просто? – не меняя тона голоса, спросил Патрик. Инульгем усмехнулся, почёсываясь за ухом.

– Почему бы и нет? – ответил он флегматично.

Глава 48

– Нет, нет и ещё раз нет! Я не могу гарантировать вам, что мои действия совершенно точно не приведут к нарушению биосферы планеты или искажениям в цепочке фотосинтеза растений какой-то параллели! – из последних сил сдерживая ярость, цедил сквозь зубы Спенсер. – Да, мне нужно именно это количество нанов, – повторил он в сотый раз невзрачному клерку за бронированным стеклом окошка, у которого стоял. – Нет, я не могу назвать вам точную дозу, схему расходования и предоставить на анализ выделения организма для считывания остаточных продуктов синтеза отработанных нанов боевой модификации.

Клерк в окошечке вежливо кивал, словно заведённая кукла, писал уже десятый лист накладной с неизвестными агенту кодами и пометками, продолжал задавать одни и те же вопросы, на которые Спенсер уже потратил несколько часов с другими, похожими на этого, клерками.

В результате стекло без предупреждения потемнело, показывая, что сеанс разговора окончен, а из отверстия на уровне пояса агенту в руки самовыплюнулся цветной талончик с номером следующего окна. Увидев один и тот же результат своего разговора в пятый раз, Спенсер зарычал, последним усилием воли подавив желание харкнуть на чистый, отполированный до блеска, пол зала оформления товарных накладных.

– Ну чего глаз шоколадный пучишь, пёс? – добродушно поддел его Гриффин, материализуясь рядом. – Каменный цветок застрял?

Спенсер утробно рыкнул, поворачиваясь к ухмыляющемуся доктору Льюису, в руках которого небрежно красовался товарный чек на отпуск необходимого оборудования. Гриффин стоял перед ним с блаженным выражением лица, голый по пояс и с наброшенным на плечи мягким полотенцем, на котором красовался набивший оскомину знак Корпорации.

В этот момент по лестнице с верхнего уровня начал спускаться какой-то мужчина, насвистывая простенькую мелодию, шлёпая по полу мокрыми резиновыми тапочками на нескользящей подошве, и с точно таким же полотенцем на шее, как у Гриффина.

Льюис приветливо кивнул появившемуся незнакомцу и осведомился:

– Всё, девочки кончились?

Высокий, хорошо сложенный брюнет скользнул взглядом серых глаз по красному от гнева лицу Спенсера, оценивая агента, а потом, словно что-то для себя решив, расслабился и кивнул в ответ Гриффину.

– Да, живыми не ушла ни одна, – расплылся он в улыбке. – А ты, как я вижу, уже отоварился?

Льюис едва заметно приподнял уголки губ в лёгкой улыбке, покрутив товарный чек в пальцах.

– Да, что-то решил в этот раз не затягивать с выдачей, да и тебе мешать не хотелось. Знаю же, что конкуренции в банных делах ты не терпишь.

– И лишать Корпорацию такого выдающегося биотехника тоже не хочу, – вернул похвалу брюнет. – Тогда удачи тебе с твоими тараканами, док, – сказал он напоследок, протягивая широкую ладонь. Льюис, не колеблясь, крепко пожал её, прощаясь со знакомым, который тут же продолжил насвистывать мелодию, удаляясь прочь по своим делам.

– И? – только и смог выдавить Спенсер, ничего не понимая. – Прошло пять часов, а у тебя тут друзья появились?

– Почему появились? – искренне удивился Гриффин. – Они у меня и были. Это мой старый знакомый, действующий агент разведки и зачистки, Барт. Он у меня на приёме, – саркастически выделив последнее слово, продолжил Гриффин, – побывал едва ли не больше, чем в своей любимой бане на третьем уровне ЦС. Научился извлекать пользу от многочасовых проволочек бюрократов Корпорации, да так увлёкся, что теперь пиджачные мыши не знают, как быстрее от него избавиться, пока он тут всех положенных для расслабления массажисток не замучил до смерти.

Спенсер мучительно закрыл глаза, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

– Один раз он тут провёл больше двух часов, так с тех пор меньше, чем три дня и не просиживает в гостевых комнатах, – добавил Льюис, похлопав друга по плечу. – А ты думал, тут все эти комнаты отдыха, бассейны, массажные и бары для туристов? Так знаешь ли, друг мой, туристы в центры снабжения не ходят.

Как-то Спенсер об этом сам не подумал. Может быть, ему просто не выдавалось шанса полностью и со всеми подробностями оценить «сервис» бюрократической машины Корпорации. Может, он был исключительно везучим сукиным сыном, что позволяло как-то миновать все круги окошечного ада, отверстиями тёмных стёкол закрывающим ему доступ к положенным нанам уже пятый час к ряду. А может быть, всё это вместе взятое, и ещё толика помощи сверху, от некоего

Полковника, чей небрежный росчерк невидимых чернил как-то своеобразно и весьма эффективно ускорял процедуру оформления запасов для Спенсера.

– Рекорд был у Адама, – небрежно бросил Гриффин, делая вид, что совершенно не замечает зеленеющего лица агента, – он провёл тут полгода, а потом ещё получил выговор от начальства за то, что операция, к которой его должны были привлечь, не просто завершилась, а ещё и плавно перетекла в полномасштабную войну за власть Корпорации где-то в Африканской параллели.

Агент громко сглотнул, посмотрев на Гриффина такими печальными серыми глазами, что Льюис испугался, не слишком ли он перегнул палку с нагнетанием обстановки. В этот момент, когда он уже готов был дать задний ход и обратить всё сказанное в шутку, Спенсер сощурился, глядя на товарный чек в руке доктора. Последнему даже померещилось, будто от нарастающего пара негодования у Спенсера начали шевелиться длинные волосы на голове.

– Но ты же это как-то получил? – он кивнул на неприметную бумажку, закатанную в тончайший пластик. Льюис тяжело вздохнул.

– Этот твой давний друг помог? – поджав губы, спросил агент. Гриффин внезапно тихо засмеялся, всеми силами стараясь сдержаться и не начать хохотать в голос. Спенсер почувствовал себя, мягко говоря, неуютно.

– Да не ревнуй ты! Между нами ничего не было, Барт предпочитает мальчиков. Хотя…

Спенсер побагровел, покрылся пятнами, заскрипел зубами и напрягся, готовый в любой момент разорвать надоедливого доктора голыми руками.

– Тихо! – командным тоном внезапно осадил его Льюис. Спенсер настолько не ожидал услышать повелительные нотки от смеющегося ещё секунду назад доктора, что мигом подчинился, действуя на вбитых рефлексах.

– А то не расскажу, как квитанцию получить, – добавил он. Выражение лица при этом у него оставалось нейтрально-серьёзным, а вот в глазах прыгали чёртики. Спенсер сдался, совершенно сбитый с толку…

К окошечку, указанному в квитанции после последней исповеди перед клерком, агент подошёл с какой-то странной улыбочкой, от которой по залу ЦС начали расползаться шепотки. Посветлевшее стекло, за которым оказался такой же клерк, как и в других стойках регистрации выдачи нанов, показало агенту всё

то же невыразительное узкое лицо работника сферы снабжения, чьи редкие волосы аккуратно складывались на голове в подобие подробной карты дорожных развязок поблизости. Заострённые черты лица, делавшие щуплого клерка похожим на небритую крысу, неприятно напомнили Спенсеру с десяток подобных работников за прошедшие часы мытарств внутри бюрократической машины.

«Клонируют они их что ли?» – подумал агент.

– Какова ваша цель получения запрошенного списка? – даже не глядя на агента, пробубнил лишённый эмоций голос клерка.

– Жрать хочу, – лучезарно улыбаясь, как маньяк, произнёс Спенсер, наблюдая за реакцией пиджачной мыши. Тот дёрнулся было записать стандартный ответ агента, который должен был выглядеть гораздо менее экспрессивно, но в последний момент передумал, нахмурившись.

– Почему вы считаете, что запрошенное количество препаратов соответствует вашему заданию? – продолжил ползти по заученной схеме клерк, оставив предыдущее поле в бланке пустым.

– А почему вы так не считаете? – с той же улыбочкой спросил агент. Тут клерку пришлось напрячься всерьёз. Он потёр лоб, искоса глянул на Спенсера, нервно дёрнув тонкими костлявыми пальцами, словно хотел вбить ответ агента в поле бланка.

– Вы можете гарантировать, что полученное вами количество нанов не приведёт к непоправимым разрушениям, нарушению хода истории в параллелях, не послужит во вред Корпорации? – уже как-то неуверенно и с опаской спросил клерк.

– Совершенно точно могу гарантировать обратное, – состроив серьёзную мину, ответил Спенсер. Тут нервы работника центра снабжения сдали окончательно. Он поднял взгляд на стоящего перед ним агента, очень внимательно и придирчиво изучая его через прозрачное стекло, как энтомолог неизвестную букашку.

– Справка о стабильности психики? – применил последний аргумент клерк. Спенсер с мстительным удовлетворением протянул ему пластиковую карту агента, полученную на входе в центр, куда были скопированы из базы данных все его документы и подтверждающие полномочия справки о здоровье.

Выражение лица работника сферы снабжения приобрело плаксивый вид.

– Действующий полевой агент, – потерянно произнёс он, приложив карточку к считывающему устройству по правую руку от себя. – Высший приоритет, количество материала до оранжевого уровня доступа, две специальные модификации под мультинаны, – с каждым предложением, зачитываемым клерком,

голос у того становился всё более глухим и потерянным, будто он смирялся с неизбежностью. Спенсер подавил острое, словно корень мани-мани в горчице, желание мстительно захохотать на весь зал. За все пять часов унижений, походов и допросов о цели, месте и цвете его внутреннего мирка ему ни разу не удалось дойти до стадии просмотра личных документов. А пока клерк не принял для считывания карту агента, рассчитывать на контакт и положительный исход было невозможно. Лишь прямое воздействие на мозг работника сферы снабжения путём неминуемого осознания важности и заслуг перед Корпорацией агента могли сдвинуть дело с мёртвой точки.

Но по правилам той же Корпорации агент совершенно не имел права таскать с собой идентификационные документы во избежание потери, кражи или попадания их в чужие руки после смерти или пленения агента. Для удобства и во имя святой веры, фанатики бумажно-пластикового культа придумали аппараты, выплёвывающие одноразовые карты с полным досье, номером агента и всяческими пометками о разрешённых уровнях допуска для забора материалов. Клерки, исходя уже из паранойи внутренней службы контроля, не имели допуска к досье агентов, предпочитая получать в руки одноразовые карты, выдающиеся после идентификации отпечатка пальца и генной пробы.

– Я хочу завоевать этот мир целиком, – доверительно сообщил Спенсер клерку, – а для этого, как вы понимаете, мне нужны достаточные уровни допуска, работа в опасных точках параллелей и просто сногсшибательная порция различных нанов. Много, очень много нанов, – экстатически прошептал он.

Потерянный в сломанном мире своих представлений о том, как должен протекать разговор между ним и агентом, клерк согласно кивнул, дёрнув глазом от беспрецедентного усилия сдержать внутри разрывающие его противоречия.

Привычная схема, шаблоны и упоительная власть над высшими мира Корпорации, имеющими возможность шастать по другим мирам на халяву, окончательно сломались внутри крысоподобного адепта бюрократии. Он нехотя, словно борясь с собой, протянул ладонь к пластине идентификатора, чтобы войти в базу и отметить там для выдачи агенту необходимые ему препараты, наны и прочие полезные в работе причиндалы.

– Ты можешь, я в тебя верю, – едва слышно шепнул Спенсер, вплотную подойдя к окошечку стойки. Выражение лица агента при этом сменилось с уверенно-самодовольного на сочувствующе-печальное. Спенсер всем своим видом будто показывал, что понимает всю боль и тяжесть выпавшей на долю клерка обязанности просто и без привычных проволочек взять и отдать

со склада запрошенное добро. Но сделать ничего для бедняги не может, осознавая тяжесть непростой работы клерка, попавшегося на уловку и принявшего карту агента до того, как успел придумать достойную причину послать его на шестой круг ада.

Клерк едва сдерживал горькие слёзы, Спенсер всем видом выражал сочувствие, стоически подбадривая своим видом бедолагу за стеклом стойки, а Гриффин из последних сил старался не смеяться слишком громко, ожидая друга чуть в стороне.

– Это тебя Барт научил? – спросил совершенно счастливый Спенсер, когда они оба вышли из ЦС, полной грудью вдыхая запахи цветов с клумб неподалёку. Агент походил на ребёнка, которому подарили-таки целый игрушечный магазин, шоколадную фабрику и щенка в придачу.

– Барт рассказывал об этом тому, другому Льюису, – вяло махнул рукой Гриффин, скептически наблюдая за счастливым Спенсером, прижимающим к груди небольшой кейс с выданным барахлом. – Он всё же его друг… Сам принцип заключается именно в том, чтобы любым способом заставить клерка взять твою временную карту и приложить к идентификатору. После того, как на экраны вываливается полный список заслуг и регалий, тем более сдобренный парой подписей и допусков, у пиджачной мыши уже не остаётся поводов послать тебя на анализ козявки из носа.

– Понял уже, – отмахнулся агент. – Ну, порадуем инквизитора новыми игрушками? – с упоением спросил он. Гриффин предпочёл не развивать мысль, как именно его друг собрался радовать Вуниша, флегматично наблюдая за тем, как рядом с ним медленно тащится миниатюрный сервисный погрузчик, прикреплённый к Льюису с целью доставить некоторые части оборудования для обновления автохирурга до места выгрузки, указанной в ведомости.

Кловис заподозрил неладное, когда в дверь постучали так, что лимонная вода на столике рядом заплескалась в стакане. Инульгем обманчиво лениво поднялся на ноги, скосив взгляд на Патрика, продолжавшего заниматься своими проводами, скручивая их, казалось, в совершенно диком порядке.

– Стучат, – сказал койот, подкрепляя слова кивком на дверь. – У нас гости?

– Угу, – увлечённо ответил Патрик, продолжая что-то сплетать воедино. – Откроешь?

Кловис моргнул от наглости инквизитора, совершенно неуместно представив себя в роли заботливого отца семейства,

чей сын сейчас доделывал лабораторную работу по электродинамике. Стук повторился, такой же «вежливый», но уже с характерными нотками нетерпения.

– Гражданин, называющий себя Кловисом Инульгемом, именем Корпорации, вы арестованы! – раздался зубодробительный по громкости сигнал из усиленных передатчиков бронекостюмов полицейских с той стороны двери. – Немедленно откройте дверь и сдайтесь!

Кловис опешил, переводя взгляд с запертой, судя по всему временно, двери на невозмутимого в своём занятии Патрика.

– Они это серьёзно? – сощурившись, спросил Кловис, когда первый удар буквально снёс дверь с петель. Времени выяснять подробности больше не осталось, и Койот мигом отскочил в сторону, избегая выстрела парализатора. Синеватые искры от заряда, угодившие совсем рядом с ним, вспороли плетёное кресло и опрокинули графин с водой на пол.

– Мы все тут не шутим, – с какой-то мрачной удовлетворённостью высказался Вуниш, выхватывая из сплетения проводов небольшой трехзарядный станнер. Со стороны окон и с чердака послышались те же предупреждения, что только что доносились от двери:

– Именем Корпорации, гражданин, называющий себя Кловисом Инульгемом, вам приказано сдаться…

– Да что вы знаете об этом, щенки? – зло просипел Койот, когда один из зарядов разнёс часть стены домика, обрушив на голову Инульгема град штукатурки и кусочков пластикового покрытия, смешанного с осколками и оплавленными кусками декоративной отделки. – Именем Корпорации, мать вашу… Да вы про это имя и не знаете ни хрена…

Он продолжал попытки выбраться из дома, отовсюду слыша предупреждения и призывы сдаться, к которым уже присоединилась сигнализация, вот-вот должная стянуть в этот сектор все силы правопорядка, включая и воздушную поддержку.

Когда Кловис почти уже выскользнул в широкую щель в стене, оставленную взрывом, намереваясь если уж и не тихо, то максимально эффективно прорваться из оцепления вокруг участка, прямо перед ним возник Патрик, тут же вдавивший спусковую скобу станнера. Нечеловеческая реакция Кловиса увела его с линии удара, но заряд всё же зацепил его по плечу, заставив нешуточно разозлиться. Издав воинственный вой, он оскалил острые белые клыки, бросаясь на инквизитора. Патрик не стал дожидаться разъярённого койота, предпочтя исчезнуть в облаке штукатурки и пыли, всё ещё висящих после обрушения части стены дома. Удар когтей преобразившегося койота пришёлся по

декоративной панели на стене, разрывая в клочья толстую и прочную внутреннюю облицовку.

Чуткий слух Кловиса даже сквозь этот шум и треск, щедро сдобренный призывами сдаться, всё ещё доносящимися снаружи, уловил знакомый звук лопастей легкокрылой машины воздушной поддержки, нацелившейся на крышу дома.

Теперь путь на чердак был отрезан окончательно.

– Пр-р-р-р-редатель! – зарычал Койот, выискивая взглядом хотя бы намёк на тень Патрика вокруг и не забывая искать выход. – Кор-р-рпор-р-р-рация тебя сотр-р-р-рёт!

– Она сейчас за тобой, – услужливо напомнил Патрик, выпуская ещё один, предпоследний заряд из станнера. Кловис выругался, едва успев отскочить в сторону и тут же спрятался за большим старомодным комодом.

– Ты никогда не служил Корпорации, Кловис. Она даже не знает о тебе! – нарочито громко прокричал Вуниш, обходя Инульгема слева, чтобы отрезать ему выход через стены кладовой. – Тебя никто не знает, у тебя нет и не было полномочий! Ты просто призрак в мутировавшем теле, потому я и появился тут. Пришёл за тобой.

– Меня нет, а тебя не будет, – возникнув прямо перед Патриком, сверкнул глазами с горящими красным огоньком зрачками Кловис, сжимая на горле Вуниша стальную когтистую хватку. Инквизитор попытался выстрелить в последний раз, но койот легко выбил у него из руки станнер, с силой припечатав Патрика о стену спиной. Вуниш прочувствовал удар всем телом, в самом буквальном смысле этого слова. В глазах потемнело, а лязгнувшие зубы едва не осыпались крошевом во рту, тут же наполнившимся слюной и кровью от прикушенного языка. Одной рукой Кловис продолжал сжимать горло инквизитора, второй продолжал усиливать захват, в которой был зажат станнер. Патрик едва не перестал дышать, когда Кловис, мгновенно сменив захват, вывернул руку инквизитора. Головка плечевой кости, влажно хрустнув суставной сумкой, вышла из суставной впадины лопатки.

Внезапно всё пропало. Ушла боль, ушла тяжесть, стало легче дышать, и инквизитор мешком рухнул на пол, застонав от боли в плече.

– Добрый вечер! – вежливо сказал Спенсер, впечатывая усиленный бронированной перчаткой кулак в нос Инульгему. Койот отшатнулся, пытаясь осознать, что происходит вокруг, но быстро оценив усиленный костюм агента и буквально обвешанного различными приспособлениями Гриффина, стоящего чуть поодаль, одним ударом проломил хрупкую стену

между кухней и кладовой, оказавшись внутри тёмного, пахнущего вяленым мясом и, почему-то, пластиком помещения. Ещё два удара, и он уже скрылся из виду оставшихся в разрушенном доме людей, разыгравших весь этот спектакль с полицейскими и несуществующей машиной воздушной поддержки.

– Дебильная была идея тут сидеть и отвлекать его, – ворчал Спенсер, поглядывая на то, как Льюис со свойственной ему самоотдачей суетится рядом с бледным Патриком. – Нельзя было это как-то иначе сделать?

– Можно, – слабо улыбнулся Вуниш, кивая на свой стол, за которым сидел до начала потасовки. – Но он отказался учиться плести рыбок, – невнятно пробубнил инквизитор. Гриффин настоял на том, чтобы раненого максимально аккуратно переместили в ту часть дома, в которой разрушений наблюдалось меньше всего. По стечению обстоятельств таким местом оказалась гостиная, в которой сидели Патрик и Инульгем, ожидая, как тогда казалось Койоту, прибытия ничего не подозревающих друзей из центра снабжения.

Спенсер подошёл к заваленному разноцветными проводами столу Патрика, осторожно что-то подцепил и вытянул это перед собой, рассматривая со всех сторон. Гриффин как раз заканчивал обкалывать инквизитора всяческой дрянью перед тем, как испытать на нём новые детали для старого автохирурга. В ожидании сборки которого Патрику и предстояло немного потерпеть, наслаждаясь всеми прелестями успокоительных и стабилизирующих давление и кровоток веществ. Болевой шок, как и рост внутричерепного давления от сотрясения мозга, Льюису временно удалось снять, но оставлять Вуниша просто так он не собирался.

Спенсер вытянул палец, на котором висела, зацепленная за верхний плавник, разноцветная плетёная рыбка из тонких проводков. Отлично сделанная, она даже немного двигалась от покачиваний руки агента, поворачиваясь вокруг своей оси и обозревая собравшихся большими пучеглазыми зрачками из разъёмов для подключения кабелей.

– Хвост не доделал, – медленно, явно борясь со сном от препаратов, выдал Патрик. Спенсер перевёл взгляд на недоделанный длинный хвост, вьющийся волнами, как у декоративного вуалехвоста в аквариуме. Гриффин, подключив к груди Патрика последний медпакет, удовлетворённо кивнул, когда тот пискнул и загорелся зелёными огоньками готовности к работе.

Агент так и продолжал держать на вытянутой руке плетёную

рыбку, будто загипнотизированный её ленивыми вальяжными движениями в воздухе.

– Идея, может, была и дебильная, – философски изрёк Гриффин, садясь на перевёрнутый стул и закуривая, – а вот рыбка красивая. Старая, кстати, традиция, ещё донановой эпохи, делать такие штуки, как рыбки или чёртики из тонких капельниц и катетеров.

– Спасибо, что он хоть лошадь тут не начал мастерить, – устало выдохнул агент, осторожно укладывая поделку рядом с Патриком. – А зачем делали-то эти игрушки? – спросил Спенсер, медленно и с видимым облегчением разоблачаясь из своего маскарадного наряда тяжёлой артиллерии.

– Суеверие, – пожал плечами Гриффин, – вроде бы, помогает вылечиться быстрее, – с улыбкой добавил он. – Эпоха-то была какая древняя, даже нанов ещё не было, да и диагностики нормальной не существовало. Вот и мастерили амулеты, на удачу.

Спенсер кивнул, твёрдо пообещав украдкой сунуть цветную рыбку в автохирург Вунишу, пока Гриффин с его наукой и нездоровым медицинским скептицизмом не видит.

Глава 49

Почему на Земле случилась катастрофа, потянувшая за собой Великую Войну, и отправившая на дно Американский континент? Мало кто знает, что на самом деле изменение лика планеты, повлёкшее за собой миллионы смертей и подхлестнувшее космическую программу, было искусственным. Ещё меньше об этом вспоминают, предпочитая оставлять эту тему за скобками.

Доктор Каннингем был прав, чёрт его дери, во всём. Почти. Его завиральная идея о квантовых порталах, сети миров, и нанороботах, открывающих путь к звёздам оправдалась полностью – но он ошибался в другом. Наш с ним родной мир был не Линией. Он был Параллелью.

Именно потому в 2153 году, когда впервые в истории Корпорации проводилась операция «Слияние», ничего не получилось. Точнее, результат превзошёл все самые смелые ожидания… Земля, которая выбрала техногенный космический путь развития, должна была слиться с Террой, где возвышались башни штаб-квартиры Корпорации, и не оставить следа. Квантовые генераторы уже трудились на границах кокона пространства, и совмещение линий началось, но… последующие события слились в мешанину образов, боли и темноты. Никто полностью не мог вспомнить, что же происходило в ночь с 12 на 13 апреля 2153 года. Даже я. Даже Каннингем. Наш мир взбрыкнул, как лошадь, и тектонические плиты сдвинулись, породив землетрясения, тайфуны и цунами, смывавшие города и провинции… Тот мир, который должен был стать нашей подложкой, пропал. Мастера порталов не могли навестись на него, и говорили, что координаты других миров тоже немного «поплыли». Чтобы восстановить коммуникации Сети полностью, нам потребовалось несколько лет. На Терре-0 погибло почти пятьдесят миллионов человек, но, благодаря Корпорации, удалось избежать падения цивилизации.

Что случилось с Землёй, не знает никто. Не знал. Я сам получил эту информацию гораздо позже, когда уже расстался с телом, и перешёл в электронную форму существования разума. Оказывается, разрыв, возникший между нашими Вселенными, преодолим через инфосферу… Хотя это и требует определённого рода усилий и сноровки. Факт в том, что мы с Линией разошлись по разным ветвям вероятностей, и наши действия в тот момент породили новую Вселенную, почти неотличимую от той, где мы жили – кроме одного. Мы стали Линией.

По зрелому размышлению, я не стал предавать этот факт

огласке. Было уже поздно. Но осознание того, что лично я причастен к гибели не только тех пятидесяти миллионов жителей Терры, за которую я грыз себя годами и десятилетиями, но и к трём четвертям миллиарда смертей на Земле…

Может ли совершить самоубийство искин? Нет. Это абсолютно нелогичное деяние, идущее вразрез с принципами его устройства. Может ли убить себя человек, ставший искином? Я узнал это. Не может. Не получается.

Но очень хотелось.

Земля, сорвавшись с «поводка» квантовых генераторов, сотрясалась в геотектонических судорогах, континенты плясали и трескались… Но неугомонное человечество, которое там ещё не образовало единого правительства, решило, что к буйству природы не помешает добавить ещё и частичку рукотворного адского пламени ядерных взрывов. И Катастрофа наложилась на атомную войну. Все против всех. Сражались за ресурсы, за воду, за убежища… В космос стартовали корабли, набитые под завязку колонистами поневоле, и с орбиты уходили в гипер. Пространство, нестабильное после квантового разрыва, деформировалось несовершенными двигателями, и суда выбрасывало порой в сотнях парсек от цели. Или в тысячах лет – искажения распространились и на ткань времени.

Выжившие в орбитальных поселениях, на Марсе, на поверхности Земли быстро поняли, что ракетами горю не помочь, и стали спасать не только себя, но и планету. Собственно, именно в те годы и зародилась тамошняя версия Всемирного Правительства, впоследствии трансформированная в Протекторат Земли.

Земляне, потеряв полтора континента из шести, и пережив полномасштабную экологическую катастрофу, не стали мирными пацифистами, отнюдь. В тамошней реальности люди считались наиболее воинственной и опасной расой… И они освоили космос раньше нас.

Там, на задворках Вселенной, на Периферии, ткань реальности тонка, и возможны переходы из мира в мир. Порталы, проложенные во вселенную Земли, не живут долго, но можно заслать разведчика, или перехватить сигнал. Экспериментально выяснено, что там почему-то не работают наны. То есть, они функционируют, но сбивается шаблон воспроизведения, и нарастают мутации, приводя к вырождению этих дьявольских машинок. Впоследствии в тело агента, прожившего там десяток лет, не удалось подсадить не только наны, но и обычнее импланты. Корпорация объявила те направления Сети «опасными», и закрыла координаты порталов, ведущих в мир

Земли.

Льюис уже несколько раз пытался прервать рассказ Патрика, едва ли не силком запихивая того обратно в спасительную капсулу автохирурга, но Вуниш только отбивался, не желая прерывать историю. Спенсер сидел в одной позе, не двигаясь и почти не дыша, каждую секунду ожидая пронзительного писка аппаратуры, возвестившего бы о начале конца инквизитора.

На самом деле повреждения Патрика не были столь уж критическими, а учитывая организацию, откуда он явился, так и вообще считались минимальными. Но об этом друзьям предстояло узнать только через некоторое время.

– Рыбка помогла, – старательно сохраняя серьёзную мину, выдал агент, взглядом указав на плетёное чудовище в автохирурге. Льюис скептически посмотрел на рукотворное изделие пациента, но спорить почему-то не стал.

Когда Грей покинул корпорацию в 2334 году, простившись со своим учеником Андреасом Гнейесом, он ещё некоторое время пытался забыть обо всём, оставаясь в стороне. Но метущаяся душа бывшего начальника безопасности Корпорации не вынесла последней капли, а именно творящихся дел по усмирению и насильственной селекции параллелей других миров, проходившей под известным и неоспоримым лозунгом: «Именем Корпорации!»

В принципе, эти слова оправдывали всё и всех. Закрыть параллель, сумевшую избежать так тщательно заготовленной катастрофы? Без проблем. Заткнуть парой землетрясений порталы в соседние миры, которые отказались сотрудничать, а проще говоря, подчиняться Корпорации? Айн момент. Подавить восстание возбухнувших параллелей испанцев, африканцев или китайцев? Силы Корпорации хватит на всех, можете даже не сомневаться.

Верхушка, которую и покинул Матиаш Грей, цепко держала в руках поводок псарни и неусыпно следила за исполнением своих влажных фантазий, наблюдая за развитием параллелей, безжалостно выпиливая неугодные или слишком уж быстро развивающиеся мирки.

Хотите знать, что принёс бы миру Третий Рейх? Желаете побывать в Римской Империи, дожившей до наших дней? Считаете Наполеона лучшим правителем планеты? Или вам, быть может, угодно насладиться миром, в котором начало XX века не стало похоронкой генетическим и клеточным исследованиям на людях? Милости просим, всё только для вас! Параллелей хватит

на всех, в каждой можно устроить небольшой сабантуйчик с выдвижением одного или нескольких перечисленных вариантов прошлого. А потом посмотреть, прицениться, стоило бы оставлять это или можно обойтись. А если вариант вырождался в положительный исход, Терра задумывалась о слиянии. Пожирании и поглощении удачного эксперимента. Или же оставляла параллель в покое, превращая её в туристическую зону, невидящую жизни без доброй и сильной Корпорации, конечно же.

Именем Корпорации, чего уж…

Потерявшие после катастрофы первую и последнюю возможность безболезненного избавления от нанов, агенты бесцельно тыкались лбом в закрытую линию Земли, различными способами пытаясь извлечь из тела адские машинки. А заколоченные двери Земли, отгороженной от Терры, продолжали оставаться недвижными. Именно тогда, когда массовость побегов и неоправданного риска для жизни агентов перевалила за критическую точку, Грей и решился на последнюю игру, создав Инквизицию, чьим делом жизни стало тренировка силы жизни в теле, а не тела для жизни.

Узнав об этом, уже порядком видоизменившийся за годы блужданий по порталам Андреас Гнейес в долгу не остался. Трудно сказать, что сыграло большую роль, обида на учителя, не разделившего его планы по совершенствованию нанов, или же желание, наконец-то, стать полноправным членом Корпорации, до сих пор считавшей его лишь безликим инструментом, но факт оставался фактом.

Единая, когда-то, система, у истоков которой стояли несколько человек и подопытный портальщик Андреас, коего не принимали всерьёз до самого последнего вздоха единства, выплюнула в самостоятельную жизнь две ветви этой самой Корпорации – Ордо Вита и Ордо Корпус.

И если первый Ордос был направлен на торжество духа над телом, сгоняя семь потов и восемь шкур со своих адептов, то руководитель второго Ордоса предпочёл доказывать всем своим бывшим начальникам рвение и желание быть полезным через принятие различных мутаций, вызванных лошадиными дозами нанов и постоянными путешествиями за пределы Терры.

Андреас, ставший в последствие Кловисом, действовал самостоятельно уже не один десяток лет, всё ещё старательно следя за исполнением долга и видя в нанах тот единственный путь для всего человечества, которым и должны следовать люди.

Матиаш Грей, руководитель и основатель Ордо Вита, пестовал и тщательно взращивал в последователях торжество духа над плотью. И сказать, какой из Ордосов был сильнее, не

мог, пожалуй, никто.

Со стороны это, конечно же, как считал мрачный Спенсер, походило на прикладывание линейки к детородному органу, сопровождаемое горячечным бредом и спорами о миллиметрах разницы, но мнения агента пока никто не спрашивал.

– Потому мы не используем наны нигде и никогда, – закончил Патрик, – зато можем и умеем обходиться без них, ничем не уступая модифицируемым людям. Хотя для каждого из нас любое вмешательство наномодификаций, даже временных, служит весьма неприятным опытом.

– Ты потому меня для разговора и выбрал? – блеснул инъектором в руках Гриффин. – Тогда, после регаты. Оправдано, ничего не скажу. Спенсер бы тебя размазал даже без полной реабилитации, остатков его нанов хватило бы. А меня он хотя бы выслушал, когда я ему твои измышления передал.

Патрик угрюмо кивнул, соглашаясь.

– Наша сила в разумности использования времени и продумывании ходов, когда можно обойтись без модификаций. Я потому за вами и полетел на корабле, а не прыгал по порталам, как дурак. Во мне нет нанов и никогда не было.

– Да зачем ты вообще в это ввязался? – спросил Спенсер, вздохнув и подперев подбородок ладонью. Вуниш какое-то время пристально разглядывал агента, а потом ответил:

– Грей просчитал, что Андреас, точнее Кловис, стоит за вашей инициацией. Он организовал всё, от мыслей о побеге до пути следования. Грею нужен Инульгем.

– Зачем? – скептически поинтересовался Льюис, вкатив дозу витаминов и стимуляторов упорно не желающему ложиться в капсулу Патрику. – Одно же не существует без другого. Ну победит один этот ваш Ордос-мордос. И что? Корпорация, раскаявшись и посыпав голову пеплом, приползёт на поклон к Грею? Упадёт в ножки и начнёт внимать его идеям, каясь в их извращении на протяжении веков?

Патрик медленно покачал головой и тихо произнёс:

– Вы не поняли…

– Так ты нам, дебилам, объясни, – саркастически сказал Спенсер. Вуниш потёр место укола, задумчиво рассматривая агента.

– Грей хотел не этого, вот и всё, – сказал он. – Стоя у самых истоков Корпорации, когда та ещё была не более, чем больной фантазией доктора Каннингема, он видел всё не так. Не должно было быть катастроф, слияний, закрытия, подчинения. Наны должны были принести людям возможности, здоровье, свободу, счастье, – он скривился от своих же слов. – От нанов ждали

потрясающих программ, а не банальной перекройки власти и выгребания денег. А когда бегства агентов стали уже неоднократными… – он как-то странно посмотрел на Спенсера. Взгляд Вуниша не укрылся от Гриффина, который тут же развернулся к агенту и, сложив руки на груди, вопросительно посмотрел на него. Спенсер помялся, поёрзал на стуле, который внезапно стал казаться жутко неудобным, но всё же нехотя заговорил, стараясь не смотреть в лица слушателей.

– Кловис поймал меня в те дни, когда я проходил реабилитацию. Одну ногу пришлось очень долго восстанавливать после неудачного падения с высоты…

Он замолчал, но слушавшие его друзья ни на секунду не ослабили внимания, и агенту пришлось продолжить, выплескивая всё накопившееся единым потоком:

– Ладно, не одну, и не только ногу… Официально я пострадал на задании, а на самом деле меня кое-как вытащили после попытки самоубийства.

Патрик не изменился в лице, словно для него, что скорее всего и было правдой, слова Спенсера откровением не стали. А вот Льюису пришлось приложить усилия, чтобы не дать в тыкву агенту прямо здесь и сейчас. Светлые глаза Гриффина полыхнули таким негодованием и безудержной яростью, что Спенсер даже дёрнулся назад, опасаясь взрыва эмоций друга. Но Льюис справился с собой, вовремя вспомнив о врачебной этике. Хотя все чувства доктора протестовали против такой бездарной и откровенно идиотской выходки агента.

– Да! Да! Да! – взорвался Спенсер, вскочив с места и ударом кулака помяв стену дома. – Я хотел покончить с собой! Что в этом удивительного? – он с вызовом взглянул на Патрика и Гриффина, терпеливо продолжавших его слушать. – Вы не знаете, что это такое… – почти шёпотом продолжил агент, мигом сдувшись и успокоившись. – Наны, мать их техническую, дают всё. Силу, здоровье, молодость, неограниченный потенциал, возможность шагать по другим мирам, как по своей квартире. Только никто, почему-то, не спрашивает, а хотим ли мы этого счастья такой ценой. Репродуктивный возраст человека без наномодификации, учитывая современную медицину, составляет примерно полвека. Половину стандартного века. А дальше? Дальше всё. Ты молод, красив и совершенно пуст. И если не успел сдать биоматериал в хранилище до наномодификации, можешь считать себя ходячим трупом. Наны генерируют энергию, подстёгивают регенерацию и служат эдакими невидимыми лекарями различных повреждений. Они латают тело, но не все его системы, совершенно не влияя на функционирующий тысячелетия генотип людей. Замечательно, –

он хлопнул себя по бёдрам, – гормональный фон в норме, показатели тела отличные, кусок агентского мяса готов к работе. А внутри тебя пустота. Мертвечина и дырка от бублика. И каждый раз, каждый чёртов раз, проводя ночи с женщиной, ты знаешь: ты пуст и мёртв внутри. И ни одна свинья Корпорации не объясняла, не предупреждала и не желала ставить тебя в известность о таких побочных явлениях. Со временем твоя жизнь не просто теряет ценность для Корпорации, она теряет её для тебя же самого. Зачем беречься, если наны всё исправят? Зачем думать, если за тебя всё решит Корпорация? Зачем продолжать жизнь, если на смену тебе уже готовят десятки молодых и отчаянных псов войны, которые пока слишком очарованы возможностью влиться в элитный коллектив организации, чтобы думать о каком-то там продолжении рода.

– Я… Я не знал, что для тебя это так важно, – растерянно почёсывая щёку, произнёс Гриффин, поглядывая на Патрика. Инквизитор выглядел подавленным и мрачным.

– Да я и сам не знал, – устало опустился в кресло Спенсер, махнув рукой и скривившись. – Потому наши и берутся за самые невыполнимые задания. Рано или поздно агенты ныряют в опасные линии или параллели, уходят подальше от Корпорации, подставляются под удары. В глухих дождевых лесах каких-нибудь тропиков наивные люди пытаются пережить наноломку, вытравить эти адские машинки, перестать стремиться обратно, словно наркоманы в поисках дозы. Ничего не помогает. Мозги отключаются напрочь, и мы снова жаждем вернуться в лоно альма-матер, во имя Корпорации, за новой дозой нанов.

– А самые умные предпочитают не тратить время на поиски средств, они шагают с крыши небоскрёбов, – спокойно произнёс Патрик. Спенсер только устало кивнул, соглашаясь.

– Ты потому так расстроился, увидев ту женщину из прошлого с Кловисом? – прищурившись, спросил Гриффин, закуривая особо вонючую сигарету, которую выудил из широкого кармана одежды. – Он тебе напомнил о твоей слабости?

Несколько секунд Спенсер молчал, хлопая глазами, а потом его разобрал истерический смех.

– Рас… Расстроился! – давясь смехом и слезами, кое-как выплюнул он слово. – Да, друг мой, конечно, чего уж! Я расстроился!

Новый приступ хохота на некоторое время занял всего агента. Он трясся в судорогах смеха, едва ли не икая от напряжения, утирал горькие слёзы и никак не мог остановиться. Подкравшийся Льюис, впихнувший только начатую сигарету в руку Патрика, ловко вколол в шею агента успокоительное, мигом

оказавшись на безопасном расстоянии от него. Несколько секунд Спенсер буравил друга взглядом, в котором читалось негодование и сетование на ловкое предательство, но после организм его сдался на милость спокойного и глубокого сна.

– Надо же, какой у него хрупкий внутренний мир, – задумчиво произнёс Льюис, – никогда бы не подумал. А я ещё себя психом с раздвоением считал.

– Он думал, что может сделать нечто значимое, пусть и только для себя, – расслаблено кивнул Патрик, закуривая сигарету Гриффина, забытую им в руках инквизитора. – Впрочем, Грей тоже так считал. А уж его масштабы были явно больше.

– Как на это посмотреть, – нахмурился Льюис. – Личные переживания одного агента могут и не сравниться с многолетним выеданием себя за несбывшуюся мечту. Но с другой стороны, – он сел в свободное кресло, скрестив руки на груди, – наш побег, все эти развлекухи и постоянные стычки тоже оказались всего-то войной двух старых людей, или двух Ордосов, если тебе так угодно. У него, – он кивнул на похрапывающего агента, – хотя бы была чёткая обида на своих работодателей. Мол, не сказали, не предупредили, наебали, в конце концов. Отрезали, не спросясь, – он улыбнулся. – А твой начальник? Обиделся на то, что из его планов кто-то склепал нечто другое, собрал формочки и свалил в свою песочницу, строить свой Рим со шлюхами. Зачем? Чтобы в очередной раз доказать всем превосходство своих идей? Показать вред нанов? Благородненько, ничего не скажешь. Да и второй хорош… вопреки всем до сих пор доказывает свою полезность для структуры, которая даже не потрудилась включить его в состав руководителей. Или хотя бы в состав основателей. Андреас-Кловис так и бегает, мутируя и видоизменяясь, ратует за правое дело, именем Корпорации ломает всё на своём пути, носится с этими нанами-хуянами, как беременный утконос. Зачем?

Патрик молчал. Он прекрасно понимал, что застаревшая война двух людей, учителя и ученика, давно уже вышла за рамки простого противостояния, подминая под свои гусеницы машины Корпорации жизни обычных людей и особо упёртых агентов. Он всё понимал, но сделать ничего не мог. В данное время, когда Терра и Земля разошлись, став линиями, а не копиями друг друга, из общей наномодификации было только два пути. Первым воспользовался Грей, засунув себя в электронную форму существования, и внушая всем последователям силу духа, а не тела. И второй, путь Кловиса, путь учредителя Ордо Корпус, готового положить много жизней на алтарь совершенствования тела так же легко, как бросить свежее сердце своему богу. Методы, списанные биообразцы и отданные на опыты люди

значения для мировой истории не имеют.

«Люди всегда найдут, о чём страдать, – думал Патрик, разглядывая мирно спящего Спенсера. – Они никогда не довольствуются имеющимся, каждый раз сетуя именно на то, чего им не дали. Деньги, любовь, семья, работа, призвание, свобода, возможность распоряжаться своим телом – какая разница? Они найдут, к чему придраться, исстрадавшись именно по отсутствующему из длинного списка. Не хватает им боли и переживаний, что ли? Так в прошлом хватало, всё равно погоды не сделало. Да и Спенсер тоже такой же. Не узнай он, что давно пережил генетическую возможность размножаться, может, ему бы и в голову не пришло об этом думать. С другой стороны, – Патрик расслабленно привалился к открытой крышке автохирурга, – всегда считалось, что генокод тут роли не играет, было бы тело молодым и здоровым, а уж потенция приложится, – он улыбнулся, осознав свою ошибку в размышлениях. – Потенция-то прилагается, судя по счастливой деревне пигмеев, а вот живость семени явно сыграла в ящик. С маркировкой разорванной паутины, так похожей на латинскую С».

Глава 50

Как мне сказать о том, что тяжко плещется внутри меня?

Просто пиши.

Зачем выплёскивать слова на бумагу, зачем травить душу тем, что никогда не будет?

Просто пиши.

Но если меня никто никогда не прочтёт?

Заткнись и пиши!

Из дневника одного архивиста, Терра-0.

Хорошее настроение закончилось ещё в космосе. Матиаш покрепче ухватился за мягкий полиметаллический поручень, борясь с давно забытым страхом высоты. Для бывшего десантника такая фобия была смешна – ведь когда-то он выбрасывался вместе с десятитонным транспортёром из летающей крепости-геликоптера модели «Си-130», раскрывая парашют в самый последний момент… «Только это было хренову тучу лет тому назад, – напомнил Грей себе, разжимая побелевшие пальцы. – А ты с тех пор не то что с коптера не прыгал, но даже апартаменты выбрал на минус сороковом уровне». Совладав с собой, начальник сектора силовых взаимодействий вздохнул, и повернул голову к панорамному экрану, на котором, словно нарисованные, замерли сине-бело-зелёный шар планеты, её затенённый спутник, украшенный серебряными кляксами баз и верфей, и мерцающие огнями орбитальные сооружения внутреннего пояса Терры. От тонкой сияющей ниточки орбитального лифта на Северном полюсе только что отделился ударный крейсер «Деванагари». Могучий многокилометровый корабль, укутанный в абляционную броню и силовые щиты, для Матиаша выглядел белой размытой чёрточкой, медленно двигающейся перпендикулярно оси эклиптики.

Грей моргнул, смахнув слезинки, и понял, что всматривался в экран, перенапрягая глаза, но даже не подумал об использовании нанонапыления на хрусталиках. Словно откликнувшись на его мысли, поле зрения заполнилось схемами, цифрами и прочей шелухой. Экраны включились. Вместе с ними проснулось смутное беспокойство, но капитан уже справился с собой, и подавил все излишние эмоции, продолжив невозмутимо смотреть на Терру и Селену, попутно разбираясь с текущей информацией.

Космические полёты в Сети были редкостью, своеобразным

аттракционом и развлечением для богатых туристов. Орбитальная станция «Эверест» на орбите Терры принимала до трёхсот тысяч посетителей в неделю, и была одним из крупнейших сооружений в истории Корпорации и миров Сети. Сравнится с гигатонным чудовищем могли только два или три астероидных города во Внешних Мирах, и то – только по линейным размерам. Бело-серая сфера, словно пронзённая крест-накрест узкими пилонами причалов, могла похвастаться не только энергетической автономностью в триста лет, но и встроенными двигателями, способными утянуть с орбиты Селену.

Бывший капитан мигнул, стирая ненужные данные, и отправил информацию об «Эвересте» в архив. В последнее время ему было скучно, и рутина вроде изучения протоколов безопасности станций только ещё сильнее набивала оскомину. Несколько «развеяться и растрястись», по меткому выражению Каннингема, Грей планировал в сегодняшней операции. Сомнения, предчувствия и прочую ересь духовную он отбросил прочь.

Начальник отдела силовых взаимодействий (ОСВ) много думал. Уже не одно десятилетие. Особенно сильно Грею пришлось напрячь свой разум несколько лет назад, когда его впервые допустили к секретной информации об идущем полным ходом Проекте Слияния… Привычно пропустив учёный бред мимо ушей, Матиаш тогда распушил усы, и спросил мерзким тоном у Доктора: «Когда и куда выдвигаться?» Вступать в приятельские душеспасительные беседы с окончательно сбрендившим Каннингемом он избегал уже полвека, и просто тянул свою лямку, напялив маску тупого солдафона. Так было легче.

«Эверест» был закрыт для посещений уже полгода, и медленно смещался из внутреннего пояса орбиты к внешним её границам. Внутри станции монтировались сотни тысяч тонн аппаратуры, квантовых излучателей, анализаторов и подавителей, завозились энергоячейки и резервные блоки. Вместо полумиллиона праздных туристов и обслуживающего персонала – половина силового отдела Корпорации, три штурмовых эскадрильи, и треть научного подразделения, занимавшегося порталами и альтернативной историей Параллелей…

– Грей, вас вызывает Центр, – мягко толкнулся в уши голос давным-давно умершей девушки, которая более столетия назад записала оповещения для сотрудников Лабораторий в Выборге. Потом её записи занесли в компьютер, и вот уже век Матиаш едва заметно вздрагивал, заслышав знакомые обертоны. – Доктор

Каннингем на связи. Канал Три Эм.

– Слушаю, – сухо ответил Грей, натягивая на лицо подобающую случаю мину. – Три Эм, включить.

На периферии зрения замерцала текущая синим строчка статуса, и в ушах раздался сочный баритон Герниха. «Как в старые времена», – тоскливо подумал Грей, и мысленно отвесил себе пинка.

– Здравствуй, Грей, – Каннингем словно почувствовал настроение своего «последнего довода», и поумерил концентрацию величия в голосе. – Хочу сказать, что мы все долго шли к этому моменту… Но это ты, наверное, слышал уже не один десяток раз, потому не буду повторяться. Сейчас тебе придёт активационный пакет, и ты в точности выполнишь инструкции. Как всегда.

«Как всегда… – эхом отдалось внутри Матиаша, и он сдержал готовое сорваться с губ матерное выражение. – Доктор уже давно не видит разницы между людьми и инструментами».

– Да, доктор, – вежливо произнёс он вслух, поглядывая на ползущую линию загрузки. – Какие-нибудь отдельные приказы будут? – Грей выделил слово «отдельные» неспроста, его обширный опыт спецопераций подсказывал, что чаще всего планы и истинные цели имеют мало общего. И лучше выяснить заранее, что нужно Корпорации… То есть, Каннингему.

Герних ненадолго прервал контакт, но через пару секунд вернулся на линию.

– Никаких. Выполнить запланированные действия, наблюдать результат, проконтролировать возвращение станции. Без самодеятельности, Грей. Любые отклонения чреваты…

– Вас понял, доктор, – Матиаш переварил начальные такты пакета, структурированного каким-то любителем научной речи, и добрался до блока, адресованного лично ему. – Переброска между Параллелями? Гм… Простите, но до сих пор такие объёмы транспортировки не производились. Как…

– Это не ваша забота, Грей, – устало произнёс Каннингем. – Не ваша ответственность. Станция уже перемещалась, способ апробирован. Просто выполните приказы, без жалости и излишних сантиментов.

Грей насторожился. Выработанное годами и отточенное десятилетиями предчувствие грядущей задницы выкинуло флаг, и сыграло сигнал «внимание всем!» на натянутых нервах.

Начальник ОСВ – довольно весомая фигура на доске, чтобы жертвовать её втёмную, и ему пришлось, используя связи разного уровня, самостоятельно провести изыскания по тематике Проекта. То, что Грей узнал, не добавило ему оптимизма и веры в

лучшее будущее. Скорее, наоборот. Сама идея слияния воедино двух миров, когда более «сильный» поглощает другой без остатка, ассимилируя не только геологические пласты и залежи полезных ископаемых, но и всё население… Выживает один мир, который, как правило, является основой. «Линией, – вспоминал Матиаш слова Герниха времён Лабораторий, – к которой относится сонм Параллелей, являющихся отражениями вероятностей развития».

Инфоблок кратко описывал Параллель, которую планировалось слить с их родной планетой. «Технологический путь развития, преобладание космического экспансивного вектора, предварительный расчёт точки роста – в пределах столетия от настоящего момента. Точка расхождения – 1913 год, различия кумулятивные. Слияние позволит увеличить связность реальности Терры-Ноль до значений 5–5,6 по шкале Каннингема. Ожидается восстановление биосферы до уровня начала XXI века, прирост полезных ископаемых и людских ресурсов от 45 до 60 процентов. Установлено большое количество „двойников“, что позволяет ассимилировать Параллель с минимальными потерями».

Всё это промелькнуло в сознании за мгновение, отложившись в долговременной памяти, но лёгкое беспокойство всё же осталось.

Грей не понимал, что именно его беспокоит – данные выглядели безошибочными, план действий был неплохим, и даже Каннингем, вопреки ожиданиям, казался не ожившей статуей божества, а вполне нормальным человеком… «Да ну и хрен с ним, – пожал плечами Матиаш, направляясь к лифту на уровень командной рубки станции. – Я тоже могу ошибаться. Всё пройдёт гладко».

Впоследствии Грей бесконечно прокручивал в памяти этот момент, и бесчисленное количество раз соглашался с этими словами. Он действительно ошибался.

Сам момент перехода остался незамеченным. Сознание скользнуло в какую-то дыру, чуть затуманилось – и вот уже перед ними обычный шарик Земли, голубой и зелёный, с белыми шапками облаков, закручивающимися в циклоны над океанами… Только на орбите непривычно пусто и голо, и не сверкают нити орбитальных лифтов на полюсах. Несколько корявых и угловатых конструкций, между которыми снуют грязно-серые корабли с обрубленными носами и вынесенными в стороны от корпуса двигателями. Луна почти не застроена, и в точках Лагранджа нет ничего, кроме пары троянских астероидов, и укутанного силовыми полями «Эвереста».

– Квантовые генераторы, при всей их надёжности и технологичности, имеют один недостаток. Их нужно перемещать в пространстве, выстраивая многомерную сферу вокруг цели, – учёный поправил голографический налобный дисплей, и продолжил импровизированную лекцию. Грей внимал ему с выражением чуткого, но крайне тупого идиота, поддакивая в нужных местах, и одновременно занимаясь координацией силовиков, пилотов, выстраивающих структуру из упомянутых генераторов, и агентов, действовавших на Земле уже почти десятилетие. – Как вы понимаете, конфигурация рассчитана доктором Каннингемом лично, на основе теоретических выкладок следствий из теории Однокамушкина – Бортца. Следуя этим выводам, мы можем…

«Проследовать в задницу, – недипломатично сострил Грей. Его высокообразованный коллега заливался соловьём уже час, а не сказал ничего полезного. – Фаза два на подходе, а мы уже выбиваемся из графика. И на шарике не всё гладко…»

– Доложить отклонения по группам влияния, – произнёс он в канал связи, медленно зверея от количества прокачиваемой через сознание информации. – Группе три оценить расхождения с имеющимися данными, подготовить резюме. Научному отделу приготовить расчёт конфигурации полей генераторов.

– Но, если рассмотреть исключение из теоремы Бокколи, любой квантовый генератор можно сопрячь с неограниченным количеством таких же, получив умножение мощности излучения…

– Аскольд… – Грей вызвал личное дело учёного, нашёл там имя, и не удержался от изменения статуса на «покидать Линию Ноль запрещено». Просто так, из уважения к огню. – Будьте любезны, рассчитайте новую полевую конфигурацию. У нас входящие данные поменялись.

– Д-да, конечно… – Аскольд обнаружил обновление в своём личном файле, побагровел, потом побледнел, и выпустил воздух через зубы. Спорить с начальником силового сектора ему не хотелось. – В чём проблема?

Грей вытер вспотевший лоб, и откинулся в удобном кресле. Пакет данных скользнул по внутренней сети, и учёный погрузился в него, иногда подёргиваясь, и судорожно шепча:

– Плотность населения выше предсказанной, статистические данные неполны, уровень технологии существенно выше, чем ожидалось. Перенаселённость, разобщённость и отсутствие мирового правительства. На грани крупного конфликта. Основная ось противодействия – Восток и Запад. Истощение ресурсов значительнее планируемого. Половина агентов влияния раскрыты

и выведены из игры. Предполагается что…

– Работайте, – ответил Матиаш, покидая своё место, и спускаясь к обзорной галерее. Ему хотелось побыть одному.

«Внизу» сейчас готовились к войне два больших блока государств, обладавших всеми средствами для того, чтобы трижды или четырежды уничтожить планету. «Пожалуй, Корпорация успела вовремя, – подумал он, тяжело опираясь на стойку выключенного проектора. – Но агентов не жаль. Слишком неаккуратно сработали. Вероятно, что именно из-за них здесь начинается война…»

Матиаш не любил излишних жертв, и с момента взятия Кардагара избегал исполнения «грязных» приказов. Тогда он самолично придушил генерал-лейтенанта, который спьяну или от большого ума отдал приказ о массированном артобстреле по высадившемуся десанту. Генерала откачали, а звёздочки одного капитана осыпались напрочь, вместе с погонами.

Сейчас он поймал себя на мысли, что чувствует себя примерно так же, как тогда, в штабе Южно группы войск Конфедерации. И хотя Рутения давно уже стала историей, а Кардагар поглотили пески – память не стёрлась, как и душевная боль.

В канале связи звучали голоса пилотов, выстраивавших структуру из квантовых генераторов, негромко жужжали сводки от аналитического отдела, стрекотали экспресс-доклады от сворачиваемых сетей агентурной разведки и экспериментальных историков. Одна из групп запрашивала срочную эвакуацию с затерянной во льдах полярной станции, мотивируя своё решение увеличившейся в несколько раз активностью на ракетных базах здешней Антарктиды.

– Отказать, – вмешался Матиаш. – Наблюдать и регистрировать каждый чих. При необходимости разрешаю прикинуться пингвинами и отплыть в море.

Он хорошо представлял, что может случиться, если в момент слияния аборигены решат немного отредактировать количество народонаселения и радиоактивность земной поверхности. В лучшем случае вместо процветающей Терры получался светящийся по ночам оплавленный шар, в худшем – обе планеты рисковали рассыпаться на части. Анализ показывал, что вероятность перехода конфликта в «горячую» стадию менее двадцати процентов, но никто не учитывал влияния квантовых генераторов. Впрочем, Грей и сам не мог сказать, что случится после их включения.

– Последовательность построена! – командир небольшой флотилии, капитан-лейтенант Морзе, был из первых уроженцев Внешних миров, и его странный говор, с растягиваниями гласных и удвоением некоторых согласных, немного резал слух. Но пилотом и командующим он был отличным. Педантичным, спокойным и въедливым. Может быть, потому генераторы сейчас встали на расчётные места с минимальными отклонениями. – К запуску готовы, отводим корабли к станции.

– Грей, – раздался голос Каннингема, и Матиаш вздрогнул от неожиданности. – Если ты ещё не начинал вторую фазу, то лучше бы тебе её начать.

По неестественности и излишней округлости формулировок Грей догадался, что доктор оставил в инфосфере «Эльбруса» запись своего голоса, и, возможно, отпечаток сознания. Эксперименты с искусственным разумом в последние десятилетия допускали такую возможность. А Каннингем был достаточно хорошим учёным, чтобы воплотить эту идею в реальность.

– Выполняю, Доктор Каннингем, – тихо ответил Матиаш, и положил руки на всплывший перед ним прозрачный голоэкран. – Фаза два. Приготовиться к прогреву излучателей. Фокусировка квантового поля передаётся расчётному центру «Эльбруса», кораблям вернуться в доки. Всем агентам на поверхности – включить экранирующие модули. Примерное время до включения, – он покосился на внутренний экран, – двенадцать стандартных минут, обратный отсчёт запущен.

– Молодец… – Прошептал Каннингем в канале связи, и затих.

Матиаш отчётливо скрипнул зубами.

Генераторы, расставленные на дальней орбите Земли, выглядели, словно обычные некрупные астероиды, случайно залетевшие вглубь Солнечной системы. Внутри каждого десятиметрового камешка располагался кристаллический резонатор, окружённый энергоячейками и сложной наноэлектроникой. Всё это великолепие было крайне дорогим, требовавшим долгой калибровки, и, увы, одноразовым. Сейчас устройства одно за другим заканчивали цикл проверки, и подключались к общей сети, высвечиваясь на диаграмме золотыми сферами. Земля казалась Грею пойманной в огромную ловушку, и с каждым огоньком генератора, вышедшего на режим, горло словно сдавливало невидимой рукой.

«Господи, а что, если Доктор ошибается? – похолодев, Матиаш замер с занесённой рукой, так и не коснувшись активатора. – Если мы все ошиблись? Дьявол, как же мне не хочется запускать процесс».

Офицеры, занимающиеся на галереях мостика своими делами, с удивлением бросали взгляды на начальника силового отдела, стоящего перед мягко светящейся жёлтым голопанелью, и что-то шепчущего в пустоту. В Корпорации не приветствовалась религиозность, и новомодные психокоррекции вытравливали её в первую очередь, потому мысль о молитве не посетила практически никого из присутствующих. Только Аскольд отвлёкся от потока данных, и, убрав прилипшую к вспотевшему лбу прядь волос, усмехнулся в спину Грею. Он-то был уведомлён заранее о возможном изменении поведения Матиаша…

Учёный потянулся к запасному голопульту, чтобы отдать приказ на активацию генераторов, но Грей вышел из ступора, и впечатал ладонь в изображение. На его лице читалась смесь отвращения и жалости.

Все, кто мог отвлечься от своих обязанностей, обратились к экранам и голо, на которых мерцала схема планеты. Квантовые генераторы запустились в точно рассчитанный момент, начав формирование своеобразного жёлоба вероятности, по которому должна будет скользнуть Земля. На другом конце находилась Терра, Штаб-квартира Корпорации и основной квантовый генератор, находящийся глубоко под поверхностью Селены…

До этого момента никто не видел, что происходит с миром, который должен слиться с другим, более «сильным» и важным с точки зрения вероятности. Как это произойдёт? Будет ли планета растворяться постепенно, размываясь и истончаясь? Или пространство схлопнется, вычеркнув из реальности сам факт существования одной из бесчисленных копий Терры? А, может, ничего не произойдёт, и станция переместится к точке старта?

«Всё когда-либо случается впервые, – некстати вспомнил Матиаш фразу, сказанную Гернихом в самом начале их знакомства. Тогда они напились, как поросята, и доктор нёс вдохновенную чушь про иные миры, вероятности и звёзды, к которым нужно всего лишь сделать шаг. – Но, пока это не случилось, мы никогда не можем точно сказать как. Почему – можем. Зачем – можем. А вот как именно произойдёт, извините, чудо – не получается… Невозможно человеку предугадать ответ Вселенной».

Грей медленно опустил руки, и сжал кулаки. Он продолжал стоять перед стойкой проектора, а перед ним разворачивалась панорама окрестностей планеты Земля, снятой со множества ракурсов. Рассеянные перед операцией наноспутники, аппаратура станции и генераторов позволяла наблюдать великолепную картинку, объёмную и реалистичную. Доклады наблюдателей слились в трепещущее крещендо, из которого привычное ухо

Матиаша вычленяло важные фразы.

«Нарастает напряжённость поля… Изменения геомагнитной активности… Полярное сияние над экватором… Паника в крупных городах… Нарушение связи… – бормотание прорезал синтезированный голос одной из экспериментальных моделей искусственных интеллектов доктора Каннингема, включённых в контур связи. – Зафиксирован распад несущей частоты генераторов. Мощность недостаточна, увеличиваем напряжённость поля!»

По рубке пронёсся слитный громкий вздох. Общая сеть станции немедленно распалась на изолированные сегменты, ранжированные по уровню доступа. «Эверест» тряхнуло.

«Не хватает мощности… – Грей был ошеломлён. Он допускал, что всё пойдёт наперекосяк, но как именно – не знал. Ещё Матиаш неплохо разбирался в началах теории квантового поля, особенно – в прикладных её частях. И мог представить, какая сила заключена в нескольких десятках генераторов. Одного устройства хватило бы для поддержки всех портальных перемещений на планете размером с Терру. – Однако, что за хуйня?! Расчёты верны, Параллель можно свернуть именно таким количеством устройств. Или… В чём дело?»

Подёрнувшаяся было дымкой нереальности планета внезапно обрела прежний объём и насыщенность, содрогнувшись при этом. Изображение транслировалось без задержек, и Грей отстранённо наблюдал, как медленно вскипают от сотен подводных тектонических ударов океаны, формируя расходящиеся во все стороны волны, заметные даже из космоса. Атмосферные фронты разметало в стороны, их спирали превратились в тающие грязные полоски.

Проплывавший перед бесстрастным оком головизора материк одной из Америк покрылся сетью трещин, подсветившихся одновременным извержением вулканов. Воды океана хлынули в образовавшиеся разломы, столкнувшись с вырвавшейся на поверхность магмой, и континент медленно затягивало тёмным облаком пепла и пара. Земля содрогалась всё сильнее, с каждым рывком мощности генераторов.

Сирена в помещениях «Эвереста» завывала без остановки, наполняя каждый отсек тревогой инфразвуковых частот, призванных мобилизовать личный состав к возможной борьбе за живучесть. Панические доклады наблюдателей с поверхности Земли прерывались один за другим – агенты либо теряли сигнал, либо погибали в катаклизмах, либо просто спасали свои очень ценные жизни. Грей не мог их винить в трусости, он и сам бы на их месте поступил так же. Однако, в агонизирующем канале связи

он услышал то, чего так опасался: слова «множественные пуски баллистических ракет» всё-таки прозвучали…

Окутанная облаками пара планета расцветилась яркими белыми вспышками ядерных взрывов, поднимающимися в небеса пышными чёрными султанами поднятого в стратосферу пепла и оранжево-красными пятнами пожаров. Матиаш отвёл глаза. Он не мог наблюдать за тем, как внизу, в адском котле из проникающей радиации, ударных волн, цунами и вулканических извержений гибнут миллиарды живых людей. Грей вызывал перед собой коды высшего приоритета, и одним движением выделил все работающие генераторы. Ярко-алые иконки статусов говорили, что они и так скоро пойдут вразнос.

Аскольд взметнулся со своего кресла, поднимая короткий тяжёлый пистолет с широким стволом. Приоритеты Корпорации в вопросе этого эксперимента были определены раз и навсегда. И даже только что полученные по квантовой линии сообщения с Терры, описывающие происходящие там катастрофы, не могли изменить хода событий. Учёный вспомнил доктора Каннингема, и тщательно прицелился в затылок Грея.

Матиаш вводил код за кодом, подготавливая отключение генераторов, когда ощутил давно забытое чувство. Так жертва снайпера удивляется холодку в груди или голове, бегущим мурашкам, и иррациональному страху смерти. А потом пуля ставит жирную точку.

Не отрываясь от голопанели, он достал из потайной кобуры небольшой плоский излучатель, и нажал на спуск. Сгусток плазмы прочертил тонкую оранжевую линию между стволом и головой Аскольда. Череп учёного с шипением взорвался, разбросав вокруг куски подгорелого мозга.

Сирена взвыла в последний раз, и умолкла. На нижние галереи рубки ворвались сотрудники отдела силовых взаимодействий, затянутые в тяжёлую броню, с плазменными излучателями наперевес. Рассыпавшись по помещению, они немедленно взяли под контроль всех присутствовавших, пресекая любую попытку покинуть рабочее место. Неподчинение приказам беззлобно, но эффективно каралось ударом приклада по затылку нарушителя. У силовиков были свои приоритеты, и нападение на своего командующего они расценили однозначно.

Грей тряхнул головой, стряхивая пот, и мысленно пожелал всем, кто в его ушах кричал, умолял и требовал прекратить, медленной и мучительной гибели от неестественных причин. Последняя последовательность отмены вошла в систему, и генераторы синхронно взорвались, вспыхнув яркими звёздочками.

«Эверест» ещё раз содрогнулся, один из пилонов доков сломался пополам, выбрасывая наружу сгустки пламени, обломки кораблей и тела людей. Заныли зуммеры повреждений, реактор дал сбой, но силовое поле выдержало, и взрыва не произошло.

Матиаш повернулся к своим солдатам, и шевельнул губами, собираясь отдать команду грузиться в десантные боты для сброса на поверхность планеты, когда станция в очередной раз дрогнула, и провалилась в бесконечный туннель, состоящий из сплошной тьмы.

Грей с плохо скрываемой тоской смотрел на полированный металл и тёмное стекло вокруг. Каннингем в последние годы трепетно полюбил архитектурный стиль нью-тех, и сочетание этих материалов в различных вариациях заполонило большую часть Штаб-Квартиры. Доктор не умел останавливаться на половине пути, и не захотел этому учиться, и начальник ОСВ всё чаще вспоминал старую пословицу про масло и кашу. Тем более что Матиашу в такой обстановке хотелось достать излучатель, и заползти в укрытие – слишком много он помнил городских боёв, битого стекла, закопчённого металла… и смертей.

Сейчас Грей меланхолично размышлял о том, как именно высокое начальство предпочтёт его разнести в мелкие щепки. «Учитывая возросшую тягу Канистры к театральщине, допускаю, что публичная обструкция будет транслироваться начальникам отделов. Возможно, с врезками вирусной рекламы коитальных смазок и прочих лубрикантов, – невесело улыбнулся он, вспомнив, сколько таких разносов у него было, и ещё будет. – Как экзотику, рассмотрим вариант с выбрасыванием из окна, утоплением в слюне генетически модифицированного дромадера, инфицированием „чёрной слезой“, и ссылкой в отдалённые Параллели для повышения уровня сознательности тамошних силовиков… Что, смешно?»

Матиаш подумал, и ответил сам себе: «Да нет, скорее, грустно. И с чувством юмора у тебя, капитан, проблемы…»

Стены немаленького помещения, до того казавшиеся монолитами чёрного стекла, резко просветлели, и обретали прозрачность буквально на глазах. Металлические балки, ажурной вязью заполнявшие подпотолочное пространство, также растворялись, теряя блеск. Сквозь исчезнувшие преграды в комнату заглянуло утреннее солнце, разливая по матовому полу багрянец и оранжевые блики.

Доктор Каннингем обосновался в апартаментах на вершине Штаб-Квартиры сразу после окончания строительства здания.

Бросал ли он тем самым вызов возможным врагам, или просто любил высоту и открытое небо – Грей не мог с уверенностью сказать. Времена, когда они с Гернихом понимали друг друга с полуслова, давно прошли. Матиаш не так сильно скучал по тем дням, но иногда хотелось, чтобы достигший почти божественных высот доктор заявился в кабинет к нему, уселся в чуть поскрипывающее кресло, помнившее ещё первую Штаб-Квартиру, и, встрепав руками волосы, начал проникновенно рассказывать подробности очередного полубезумного эксперимента, или строить яркую Теорию Всего…

– Есть вещи под луною, друг Горацио, что объяснить способны лишь немногие… – тихо, одними губами, прошептал Грей. И не к месту добавил. – Быть, или не быть?

В центре огромной комнаты разошлись плиты пола. С едва слышным подвыванием сервоприводов наверх выехал стол, вырезанный из огромного кристалла хрусталя. В кресле, сутулясь, сидел всесильный и всемогущий бессменный глава Корпорации. Доктор Герних Август фон Каннингем. Сцепив пальцы, он пристально глядел на Матиаша.

Первым прервал тянувшееся молчание Грей.

– Докладываю, – рубанул он сплеча. – Операция «Слияние» бездарно провалена. Потери экспедиционного корпуса составляют двести человек, из них сто восемьдесят – безвозвратные. Станция «Эльбрус» повреждена. Утрачено двадцать пять квантовых генераторов…

Каннингем приоткрыл глаза, и уставился на Матиаша так, словно впервые его видел. Тот поперхнулся заготовленной речью, и почувствовал, как его щёки заливает краска стыда.

– Иногда я удивляюсь, насколько просто испортить идеально просчитанный и выписанный в мельчайших деталях план, – Каннингем говорил спокойно, веско, размеренно. В его хорошо поставленном голосе можно было различить и снисхождение к нерадивому подчинённому, и уже перегоревший гнев, и даже сострадание… Не было в нём только одного – настоящих чувств. – Достаточно поставить профессионала на неподобающее ему место. И всё, что выстрадано десятилетиями, обращается во прах…

Доктор поправил воротничок старомодной сорочки, и оправил манжеты, слегка выступающие из рукавов своего тёмно-серого пиджака. Грей терпеливо ждал продолжения.

– Вы знаете, господин начальник Службы, что ваши так называемые потери не идут ни в какое сравнение с миллионами жертв здесь, на Терре. Пострадали те, кого мы обязались хранить

и защищать. Ради кого было выстроено всё это… – Каннингем небрежно обвёл рукой панораму города за пределами стен своего кабинета. Прежде прозрачный воздух был серым и дымным. Некоторые кварталы окутывал пар, а несколько небоскрёбов зияли проломами и впадинами на месте стеклопластовых панелей окон. Над городом необычайно быстро неслись облака, словно налитые тёмным свинцом. – В чём вы видите причину провала, капитан?

Грей едва не вздрогнул при упоминании своего воинского звания, в котором покинул ряды ВС Рутении. Ему стало совсем кисло.

– Есть вещи, которые не стоит делать, – медленно проговорил он, принимая стойку «вольно». Слова выходили наружу с трудом. Мешали сжавшиеся от гнева челюсти, и ощущение собственной правоты. – Герних, ты говоришь о миллионах жертв, о нашем долге… Я видел другое. С той стороны, – он кивнул куда-то в сторону, – погибли миллиарды. От катаклизмов, ядерных ударов, голода, болезней… Умерли или умирают. Они такие же люди, как и терранцы. Собственно, они – это и мы тоже. Двойники. Аналоги…

– Грей, не вам меня учить основам топографии квантовых вероятностей, – глаза доктора холодно блеснули. – Я прошу дать мне раскладку по причинам провала операции, без лирики и эмоций. Кто виноват, что предпринято, какие выводы сделаны. Всё остальное меня интересует гораздо меньше. Отвечайте, начальник Службы.

Грей покраснел ещё сильнее, и ему захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда. Например, в завалах городов, или среди лесного пожара. Чтобы не говорить, а делать. Руками разгребать обломки, тушить деревья, спасать людей…

– Генераторы не смогли обеспечить требуемую мощность, – поморщившись, произнёс он, подумав: «Да какого хрена? Эти дорогущие куски хлама не вышли и на треть от необходимого!», – агентура не актуализировала информацию. Вектор развития был за пределами расчётного.

«А ещё какая-то сволочь хотела меня убить, – переведя глаза с уха доктора на его переносицу, подумал Грей. И понял, что именно это было одной из главных причин его, Матиаша, своеволия. – И ты, Канни, отдал этот приказ. Такого не прощают…»

– Некомпетентность, – сухо ответил ему Каннингем, выпрямившись в кресле. – Некомпетентность и неспособность адекватно реагировать на изменение обстановки. Командное звено оказалось… неудачным. Мягко говоря.

Я возлагал очень большие надежды на вас лично, и на этот проект. Вы не оправдали… Нет, вы дьявольски бездарно распорядились моим доверием, Грей. Будь я военным, я трактовал произошедшее как открытое неповиновение и мятеж, возможно – измену…

Матиаш почувствовал, как в висках стучит кровь, и задержал дыхание. Полтора столетия прошло с тех пор, когда ему говорили подобные слова, и память взвихрилась внутри чёрно-красной волной ярости. Сквозь шум в ушах донеслись спокойные слова Каннингема:

– Но я не военный. Я учёный. И немножечко администратор…

Фигура доктора застыла на середине движения, но его челюсть и губы продолжили проговаривать текст. Беззвучно. Только что-то поскрипывало и похрустывало.

Грей непроизвольно схватился за кобуру с излучателем, но вспомнил, что сдал оружие на входе в приёмную. Он хрустнул пальцами, и мягко двинулся к высокому креслу. На полпути к столу Матиаш почувствовал, как упирается в невидимую преграду, и остановился, стараясь определить конфигурацию силового поля.

Существо, сидевшее в кресле Каннингема, не имело ничего общего с настоящим доктором, и бывший капитан очень хотел разобраться, что оно из себя представляет. В прямом смысле разобраться. «Андроид? Запрограммированный двойник? Клон? – мысли скакали подстреленными воробьями. – Да похрену. Где настоящий Каннингем?»

Пробиться через преграду не удавалось. Полусфера поля надёжно отделяла Грея от кресла с шамкающей куклой и вмонтированного в стол голопульта, с которого можно было вызвать охрану.

– Твою же мать, док… – упираясь ладонями в барьер, проговорил Грей, сожалея об оставленном вместе с оружием коммуникаторе. Все прочие каналы связи, включая имплантированные, блокировались наглухо – он сам в своё время встраивал систему безопасности внутреннего распорядка, и позаботился о казавшихся очевидными уязвимостях – Что ты творишь, а? Каннингем!

Из распахнувшегося проёма, ведущего в нижний ярус кабинета, медленно всплыла платформа мини-лифта. Настоящий Каннингем, подхватив мягкий кофр с инструментами, соскочил с неё, и подошёл к креслу. Бросив мрачный взгляд на замершего в трёх метрах от него Грея, доктор коротким жестом отключил силовое поле, и указал на появившийся из пола стул.

– Садись. Вчера я наблюдал твой провал, а сегодня ты

наблюдаешь мой… – Герних устало вздохнул, и раскрыл кофр. Среди знакомо перемигивавшихся разноцветными сигналами тестеров и биомедицинских сканеров светился голоэкран терминала и попискивали какие-то совсем загадочные приборы. – Друг мой, я приношу извинения за испытания, которым подверглась сейчас твоя психика.

Ударом кулака Каннингем свернул своему двойнику шею, и ловко вскрыл висок чем-то вроде скальпеля. Грей заметил мешанину электронных компонентов и кристаллов внутри черепа лже-Герниха, и облегчённо выдохнул: «Всё-таки робот». Тем не менее, количество вопросов не уменьшилось, а втирание мозгов не отменилось.

– Да, это искусственное тело с модифицированным мозгом, – ответил Каннингем, вздохнув, и достал из кофра большую тубу, в которых обычно хранили смазочные вещества сотрудники технического отдела. Залив некоторое количество густой субстанции внутрь вскрытого черепа андроида, доктор вонзил тому в нос тонкий щуп, и ткнул пальцем в терминал. – Третья модификация. С копией личности и частичной разумностью.

Грей шевельнул губами, словно пробуя на вкус последнюю фразу:

– У меня только один вопрос. Зачем?

– В последнее время меня заинтересовали проблемы искусственного интеллекта, – Каннингем захлопнул череп своего двойника, и щелчком пальцев отправил кресло вниз. – И слияние биомедицины с техникой.

Доктор особенно пристально взглянул на Грея, и тому стало не по себе. Примерно так смотрят на подлежащих немедленной декапитации лабораторных крыс. С горячим интересом исследователя.

– Матиаш, ты меня действительно разочаровал. С твоими-то опытом и удачей, и не справится с простой операцией…

Грей промолчал. Профессиональное беспокойство за жизнь Каннингема сменилось, пусть с запозданием, усталостью от пережитого накануне, и болью где-то в глубине души. Ему не давали покоя картины разрушений и гибели на вырвавшейся из аркана квантовых генераторов Земле.

– Но я признаю, что расчёты были неверны, – Каннингем посмотрел на тубу, которую по-прежнему сжимал в руке, и бросил её на хрусталь стола. – Да, символично. Нам с тобой не помешает смазка для мозгов.

«Жопу себе смажь…» – мысленно огрызнулся Грей. Вслух же он произнёс другое:

– Миллиард погибших. Полуразрушенная Параллель. Такова

цена ошибки?

– Это не ошибка, – Герних присел на край стола. – Это необходимость. Только так, и никак иначе. Ты, старый друг, мыслишь узко. Я вижу шире. Там, где тебе приходится думать об интересах твоих людей, отдела, Корпорации, мне необходимо принимать решения за всё человечество. Если угодно, можешь считать меня мегаломаном, или сбрендившим на старости лет божеством… Ответственность никуда не денется.

Матиаш поёжился, и подумал, как сильно за какие-то полтора века поменялись их с доктором отношения. Если раньше Грей был для Каннингема своего рода опорой – в кризисные ситуации именно уверенность бывшего капитана поддерживала доктора, то теперь… «Теперь он рассчитывает только на себя. Самое смешное, что у него это получается, – начальник ОСВ помассировал переносицу. – Канистра перерос себя, и стал лидером. За ним хочется идти».

И сейчас док сам стал опорой. Якорем для многих миллионов людей, иконой для миллиардов, символом и лицом Корпорации.

– Все мы можем ошибаться, – Каннингем осуждающе покачал головой. – Только у меня нет права на ошибку.

– Герних… – Матиаш пытался подобрать слова, чтобы не быть понятым превратно. Доктор всегда отличался крайне болезненным самомнением. – Если ты ошибаешься, это всего лишь значит, что ты человек, а не бог. Если ты переживаешь, и учитываешь новый опыт – ты человек. Если…

Каннингем резким движением вскочил со стола.

– Матиаш, прости, но ты не понимаешь, – его лицо словно окаменело, и глаза заледенели. Тон тоже поменялся, приобретя скрежещущие оттенки. – И не поймёшь. Это не твоя судьба.

Грей опустил глаза. Ему было очень неприятно. Впервые за несколько десятилетий Герних настолько сильно открылся… Но всё это оказалось своеобразной ловушкой. Стоило коснуться боли, и доктор моментально задраил все люки, превращаясь на глазах в холодную бесчувственную сволочь.

– Матиаш Грей, налагаю на вас служебное взыскание, – Каннингем выдвинул из столешницы панель терминала. – Вы понижаетесь в ранге до заместителя начальника отдела, и в течение года должны переформатировать ОСВ, выделив обособленные подразделения охраны, регулярных вооружённых сил и разведки. Вы лишаетесь права покидать Терру сроком на двадцать лет.

Грей встал, оправил складки мундира на талии, и вытянулся во фрунт. Его лицо застыло, и ничего не выражало.

– Именем Корпорации! – Каннингем коснулся терминала,

подписав распоряжение, и отошёл к прозрачной стене, за которой над городом всходило багровое солнце. – Идите, служите, заместитель начальника СВО.

Матиаш скрипнул зубами, но ответил:

– Служу Корпорации…

Глава 51

Пустыня Александрии медленно остывала после долгого дня. Палящее солнце уже закатилось за горизонт, подарив милосердную ночную передышку после долгих часов нестерпимой жары. Всё тот же ветер, что и миллионы лет назад, вяло трепал невидимыми пальцами верхушки барханов, осыпая их вниз и рождая крошечные воронки песчаной пыли, исходящей жаром, как и всё вокруг. После наступления темноты жаркое блюдо песков почти мгновенно начало превращаться в холодеющий труп местности, не оставляя и следа от пережитого адского пламени. Сумерек здесь не бывало. Вот только что, казалось бы, дневной свет приносил дрожащее марево стоячего воздуха, липкой плёнкой покрывая всё вокруг, как тут же сухой пыльный жар сменился подступающим холодом, а на небе полыхнули тысячи незнакомых созвездий, да и где-то совсем близко от поверхности засветилась щербатая луна.

– Видишь что-нибудь? – тихо прошептал Патрик, едва шевеля губами. Спенсер молча кивнул, не потревожив ни одной песчинки.

– Ты не выпендривайся, ты руками покажи, – тут же зашептал Патрик. Агент спохватился, вспомнив, что наномодификация здесь есть только у него, и отвлёкся от созерцания развалин древнего города вдалеке.

– Вижу, – шепнул он. Вуниш едва слышно заёрзал за барханом, где все трое предпочли ждать развязки общих приключений. Восходящая луна светила им в спину, но положенных теней никто из прибывших не отбрасывал, зато получал отличную видимость всего происходящего впереди, в лунной дорожке света. Спенсер, облачённый в лёгкую броню, сливался с местностью в режиме хамелеона, маскировочное поле которого наглухо блокировало даже тепловое излучение, рассеивая его на местности. Пока песок ещё хранил остатки дневного тепла, Спенсер легко мог бы залечь даже в паре метров от развалин, не рискуя быть обнаруженным ничем, кроме острого зрения участников тайной встречи. Но песок в пустыне остывал слишком быстро, а жить агенту хотелось целым, потому для дислокации и была выбрана ямка за барханом в сотне метров от развалин. Наномодификации позволяли Спенсеру преодолеть стометровку без особых усилий, не потратив ни капли пота на пробежку. Гриффин же вовсе не собирался вылезать из-за песка, пока агенту или его недолеченному, зато упрямому, пациенту Вунишу в очередной раз не оторвут нужную часть тела. Патрик

же, в свою очередь, справлялся с подобными пробежками благодаря исключительно силам собственного тела и постоянным измывательским тренировкам. Сейчас, правда, инквизитор вряд ли бы пробежался по предательскому песочку совсем без напряжения, но упрямство Патрика победило в борьбе со здравым смыслом и мнением доктора Гриффина.

Вывихнутое плечо Вуниша покоилось в намертво зафиксированной перевязи, дополнительно подстрахованной двойной защитой щитков. Военная модификация фиксирующей повязки разрабатывалась как раз на случай, когда ранения боевой единицы не должны были останавливать его от продолжения суицидальной полевой деятельности. Время, проведённое в автохирурге, конечно, не было потрачено зря, но для полного восстановления и безопасной работы конечности оставалось ещё далеко.

Внезапно тёмное пятно развалин древнего храма вспыхнуло изнутри, заставив Спенсера, настроившего зрение на ночной режим, выругаться и отвернуться. Через мгновение вспышка исчезла, а из руин показались невысокие фигурки, едва видимо подсвеченные серебристым светом луны за спинами ожидающих.

Потом исчезли и фигурки, будто скользнув в ткань пространства. Патрик закрыл глаза, приняв расслабленную позу, пока Спенсер пытался рассмотреть происходящее, на всякий случай снимая предохранитель со встроенного в бронекостюм оружия.

– Это мотыльки, – каким-то размеренно глухим и чужим голосом произнёс Патрик, не открывая глаз, – я их вижу по следу в пространстве. Сейчас, когда их защитные костюмы полностью приспособились к рельефу и краскам местности, вы их не увидите, пока они сами того не захотят. Да и то, будет лишь размытое пятно в пространстве, словно марево воздуха.

Гриффин как-то странно посмотрел на Патрика, потом на Спенсера. Агент пожал плечами, продолжив наблюдение, будто говоря о том, что мало ли, чему там могли научить инквизитора в его Ордосе.

Патрик тонко улыбнулся, возвращаясь к реальности. Некоторое время его взгляд оставался расфокусированным, но потом снова стал осмысленным и пронзительным.

– Ну не сейчас же мне задвигать вам про возможности человеческого организма, – как-то виновато пробурчал он, пожимая плечами. Гриффин флегматично склонил голову на бок, подразумевая, что и потом от инквизитора вряд ли можно будет добиться раскрытия всех его тайн.

– Внимание, готовность номер один, – подобравшись и

напрягшись, произнёс Спенсер. Льюис с Патриком едва не запороли всю маскировку в попытке рассмотреть изменения в происходящем. Гриффин дёрнулся было вперёд, высунув голову, но Вуниш вовремя осадил его, расплатившись за свой рывок шуршанием струек песка, сползшими с бархана, и непродолжительной вознёй.

В темноте пустыни что-то неуловимо приближалось, больше всего напоминая одинокого пса, бегущего по следу. Существо на мгновение исчезло за очередным барханом далеко впереди, а потом появилось прямо посередине лунной дороги на песке, встав во весь рост и вовсе не скрывая своего присутствия. Бег на четырёх лапах неуловимо быстро сменился неторопливой походкой на двух ногах, что придавало фигуре обманчивую расслабленность движений профессионального убийцы.

Кловис шагал по песку, вслушиваясь в его шорох под ногами, вдыхая запахи остывающей пустыни, и с тоской думал о чём-то безумно далёком, оставленном когда-то в подобном месте. Было ли это частью его человечности, взамен которой суровый бог-койот подарил ему способность к метаморфозе, или же являлось просто воспоминанием о прошлом, Инульгем не знал. Но сильно надеялся, что тем самым даром, частью его самого, стало однажды положенное на алтарь живое сердце. Его сердце. О том, было ли это метафорой или когда-то случилось с ним на самом деле, он старался не думать.

Тогда была такая же тёмная и звёздная ночь, песок всё так же шуршал под ногами, и лишь где-то на горизонте ярким заревом горел огромный костёр в честь нового бога, спасшего его от смерти и принявшего смерть всех остальных членов племени, как данность.

Он хотел жить тогда, хотел и сейчас. И глупые мысли Грея по поводу чистоты тела, вреда нанов и прочих моральных фрикций, никак не интересовали Кловиса. Он был жив, здоров и полон сил. А человеческий облик… что до него? Когда-то давно люди вообще передвигались на четырёх конечностях, сбивая палкой бананы и лопали друг друга от нехватки мяса в суровые времена. И что же теперь? Ратовать за возвращение к корням? Так давайте снова обрастать шерстью, лупить дубинами слонов и совокупляться с прямой роднёй.

Какая разница, как ты выглядишь в глазах окружающих, если ты способен существовать вне общества, быть себе хозяином и следовать только своим путём? Жизнь, в какой бы форме она сейчас не протекала по жилам Кловиса, была для него куда ценнее какого-то там генотипа человека. И те идиоты, которые

ударились в религию Грея, могут сколько угодно кричать о вреде нанов. Он переживёт их всех, как пережил уже многих.

Единственное, что его сейчас интересовало, так это причина встречи, назначенной мотыльками. Впрочем, как и выбранное место. Инульгем понятия не имел, выбрали ли они Александрию случайно или докопались до источника тех повреждённых нанов, что он отдал им в последнюю встречу. Но они сказали, что нашли выход, сумели заставить наны заработать вновь, дали Кловису надежду на продолжение жизни. И тонкий голос паранойи, вопящий о том, что мотыльки не должны были знать о повреждённых нанах, выдаваемых Кловисом за штамм самых обычных при обмене, притухал и замолкал от предчувствия перспективы кульминации долгих лет поисков ответа, как можно исправить заданный срок работы невидимых помощников жизни.

«Во имя Корпорации!» – иронично подумал он, оскалившись. – «Интересно. Каково это – быть спасителем человечества?»

Подойдя к развалинам, слишком хорошо врезавшимся в память с последнего визита, Инульгем шумно втянул воздух ноздрями и тихо произнёс:

– Выходите, я знаю, что вы уже здесь.

Воздух прямо перед ним задрожал, искажая вид пустыни впереди, и начал обретать плотность и форму. Кловис натянул на лицо маску вежливости и спрятал под ней нетерпение. Четыре особи расы мотыльков проявились в пространстве, обозревая окрестности своими огромными фасеточными глазами. Они молча разошлись в стороны, пропуская кого-то ещё. Кловис против воли напрягся, ощутив в воздухе едва уловимый запах опасности.

В полукруг стоящих мотыльков шагнула высокая фигура. Маскировочное поле скрывало его так же хорошо, как и ксеносов, но через пару секунд Кловис понял, чем этот прибывший отличается от остальных.

Он был выше, более широк в кости, с правильными чертами лица. Короткие тёмные волосы подчёркивали странную бледность кожи и большие глаза, но всё же… всё же глаза этого существа были человеческими.

Высокий мужчина шагнул вперёд, полностью отключая маскировочное поле, и предстал перед койотом в тонкой антрацитовой оболочке, обтягивающей всё тело с головы до ног. Матовая чернота костюма неприятно напомнила Кловису отряды зачистки под командованием Матиаша Грея.

– Ты сильно изменился, Андреас, – произнёс мужчина

спокойно. В этот момент Инульгем приложил всю силу воли, вознеся молитвы своему богу, чтобы не вцепиться в горло Грею, своему бывшему учителю и наставнику.

– Матиаш… – прошипел койот, блеснув удлинившимися белыми клыками. – Как неожиданно, – саркастически добавил он. – Симпатичное тело. Сам делал? – язвительно продолжил Кловис, нанося удар по самому слабому месту Грея.

Матиаш не выразил никаких эмоций по этому поводу, лишь кивнул, соглашаясь с Андреасом.

– Андроид, – зачем-то пояснил Грей, – спасибо Каннингему за начало работ в этом направлении сотню лет назад. У доктора когда-то были на редкость разумные и здравые идеи.

– Такие как наны, например, – нехорошо улыбнулся Кловис, приняв расслабленную позу. Матиаш снова кивнул.

– Да, сначала наны казались благом, – ровным, лишённым эмоций тоном продолжил он. – Столько возможностей, столько надежд. Новая Эра человечества, свободные путешествия между мирами. Золотой Век… Только во что это выродилось, Андреас? Тебе ли не знать, что делают наны с организмом человека, – он пристально осмотрел Инульгема, подчёркивая свои слова.

– Возможности, говоришь? – зашипел сквозь стиснутые зубы койот. – Новая Эра? Перспективы? Да где бы вы все были с этими вашими лозунгами, если бы не я? Не я и такие, как я. Сколько исследователей вам пришлось сначала похоронить, прежде чем ты и твой доктор хотя бы поняли принцип работы нанов? Что лично вы отдали на алтарь Корпорации, чтобы войти в анналы истории Терры, как главы великой и несокрушимой? Ты выбрал свою мнимую свободу, лишился тела, как паразит блуждая по андроидам до сих пор. А я, даже сейчас работающий на благо Корпорации, не удостоился и строчки! Даже жалкой строчки в ранних записях исследований и колонизации планет! Ты предал Корпорацию, Грей! Сбежал, как трусливая собака, поджав хвост и зализывая раны на своём самолюбии. Отказался от наномодификации, собрал целый Ордос, чтобы нести своё добро в массы. В то время, как я продолжал верно служить ей, ища выход, добираясь даже до этих маленьких предателей, – он кивнул на стоящих молча мотыльков в силовой броне.

– Я не предавал Корпорацию, Андреас, – Грей покачал головой, – я просто не стал предавать человечество.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Кловис, запрокинув голову и глядя безумными глазами в звёздное небо. – Ты, пёс Каннингема, не надо мне тут высоких и пафосных слов о великом предназначении людей.

– Я давно не с доктором, – сощурившись, сказал Грей. –

Именно после того, как он отказался признавать перед всеми свою ошибку слияния Терры и Земли. Он знал, понимал, что случилось, но предпочёл смолчать. Смолчать о том, что это вовсе не Терра, а Земля была линией, потому мощности и не хватило. Он предпочёл смолчать о том, какие изменения влекут за собой наномодификации после длительной стимуляции ими. Он молчал о побочных действиях, о бесплодии, о том, что обманом инфицировал нанами весь научный и исполнительный состав лаборатории. Он молчал до тех пор, пока не стало уже слишком поздно. И ты, Андреас, живое этому подтверждение.

– Потому и живое, что не отказался от нанов в пользу каких-то там сопливых выродков, плодов любви и цветов с грядки, – мстительно парировал койот. – Да и тебе, чистому душой и телом, как-то проблематично говорить о людях, являясь лишь жалкой их копией в искусственном теле.

Грей вспыхнул, как спичка, побагровев и сверкнув глазами. И в этот момент Инульгем решил бежать.

Но дорогу ему преградил отряд мотыльков, встав позади него так незаметно, что этого не понял даже койот.

– Ты отдал нам повреждённые образцы, приведшие к гибели нескольких наших особей, – своим модифицированным писклявым голоском начал один из них.

– Сами виноваты, тестировали бы на крысах, – огрызнулся Кловис, ища возможность выскользнуть прочь одним куском. Краем глаза он заметил, как совсем недалеко от него начали проявляться в пространстве и другие ксеносы, возникая на песке, как молчаливые фигуры или статуи. Мотыльков становилось всё больше и больше, а Грей продолжал стоять на месте, глядя на своего бывшего ученика с каким-то сожалением.

Этого койот стерпеть уже не смог. Неестественно запрокинув голову назад, так, что у нормального человека обязательно бы хрустнул и сломался позвоночник, он протяжно завыл на луну, заставив мотыльков на мгновение сбиться с заготовленной речи. Инульгем вложил в этот вой столько отчаяния и крика одиночества, что даже Грей на секунду закрыл глаза, чтобы не видеть боли и обиды ученика.

– Ты обманул нас, – продолжил второй мотылёк, когда койот выдохся и часто задышал, переводя дух. – Твои наны подходят только для гибридов, которые не могут быть повсеместными в нашем обществе.

– Но если мы сами уничтожим тебя за наших братьев и сестёр, – подхватил третий ксенос, – то это неизбежно приведёт к войне между людьми и нашей расой, к чему мы совершенно не стремимся. Мир между Террой и нашим домом слишком хрупок.

– Потому вы и обратились к проверенному чистильщику Корпорации, – выдохнул Кловис, с ненавистью глядя на Грея. – Матиаш уж точно знает, как поступать с теми, кого нельзя стереть легально и своими руками. Да, Матиаш?

Кловис уловил далёкий нарастающий шорох, но не показал вида, чтобы не привлекать внимания остальных.

– Я не знал, что всё так выйдет! – в сердцах закричал Грей, пнув песок мыском высокого ботинка. – Я не мог отказаться от операции слияния, ею руководил лично Каннингем! Что я должен был ему сказать? Что мне что-то там не нравится? Сказать это тому, кто не просто принёс наны на Терру, а являлся их царём и богом, руководителем и главой Корпорации? Да, мне было обидно, было страшно и очень, очень мерзко от того, сколько людей погибло в обоих мирах. Но Каннингем ничего не желал слушать. Он никогда не желал ничего слушать. И если на заре его карьеры это было на руку, продвигало самые безумные идеи, то в конце стало настоящим проклятием. А ты спасаешь то, что превращает людей в мутантов, даёт им бесплодие, ведёт к вымиранию расы. Ты даже не знаешь, что ты хочешь спасти, Андреас!

– Это знал доктор Каннингем, – пожал плечами Кловис.

– Не знал, – буркнул Грей, прохаживаясь перед учеником, как когда-то давно на инструктаже Андреаса. – Он и сам не знал, откуда взялись наны. Вроде бы, образец он выделил из останков ткани какого-то мумифицированного святого в Европе, что, несомненно, могло бы объяснить нечеловеческие возможности канонизированного в прошлом человека. Но источник нанов так и не был найден. Мы не знаем, не можем понять, откуда они появились и что с ними произошло.

– Так дайте это сделать мне! – заорал в ответ Кловис. – Ты стоишь в том месте, откуда я вытащил самый древний образец нанов. Но они перестали работать. Просто перестали функционировать и всё. Я так близко к разгадке, Грей! Дай мне закончить мою работу!

Матиаш сокрушённо покачал головой, подойдя к бывшему ученику почти вплотную. Андреас мог чувствовать приятный запах его парфюма, ощущать едва заметный аромат синтетической кожи андроида и смотреть в печальные глаза Грея.

– Ты не понимаешь? – тихо произнёс Матиаш. – Действительно не понимаешь? Никто не знает, что такое наны, кто их принёс и кто сделал. Известно только одно. На Земле они не работают, но и ломки от этого не дают. Скорее всего, сюда, – он кивнул на пустыню вокруг, – попали несколько жителей Земли, которые и разбавили собой местный народ. Именно

поэтому здешние наны больше никогда не будут работать. Это просто невозможно, Андреас.

Кловис отступил на шаг, мотая головой, будто его оглушили. Он продолжал отступать, сохраняя на лице ошеломлённое выражение и бормоча под нос:

– Неправда, неправда… Каннингем найдёт выход, если не он, то никто. Мне просто надо добраться до него, достучаться, чтобы он понял, кто действительно стоит рядом с ним, кто поможет ему с нанами, с управлением Корпорацией…

– Да нету никакого управления! – в отчаянии взвыл Грей, позабыв о стоящих рядом ксеносах. – Давно уже нет ни управления, ни Каннингема, ни основателей всего этого идиотизма! Каждая ячейка знает и выполняет только свою работу. Вспомни, мы ведь так и задумывали изначально. Мы так и хотели, чтобы через некоторое время Корпорация вышла на саморегулирующуюся структуру. Каждый знает только начальника над ним, но не дальше. Ячейки настолько развернулись, что образовали целую паутину. И неужели ты реально думаешь, что Каннингем успел бы ставить столько подписей, даже электронных, сколько приходит запросов из миров? Единой верхушки власти давно уже нет. Остался только кабинет и лаборатория, как символ Корпорации. Да, тот самый, на вершине горы, откуда виден весь ёбаный пиздец происходящего.

Кловис оскалился, продолжая отступать. Грей сделал шаг к нему, но заметил, как песок под ногами ощутимо подрагивает. И эта дрожь нарастала всё сильнее и сильнее.

А через несколько секунд по всему периметру вокруг развалин храма вынырнули из-под земли с десяток машин, в подсвеченных кабинах которых мелькнули люди, но тут же пропали из виду, когда автоматика погасила свет, настроив картинку ночного видения внутри кокпитов.

«Скорпионы» подняли хвосты, выпустив жала и нацелив их на замерших в неподвижности ксеносов. Тихий гул наращиваемой мощности подсказал Грею, что дело плохо. Мотыльки в любой момент могли покинуть зону нарастающего конфликта, свалив всё происходящее на плечи Матиаша, который хоть и был облачён в сверхлёгкий бронекостюм с повышенным коэффициентом защиты, но вовсе не строил иллюзий по поводу возможности противостоять нескольким «скорпионам» – одним из лучших боевых машин Корпорации.

– А ты неплохо подготовился, – сказал Грей, осторожно осматриваясь. – Или не подготовился, а просто подстраховался

для встречи с мотыльками? Сдаётся мне, ты и не собирался отпускать их живыми, если поверил в то, что они действительно нашли решение проблемы повреждённых нанов.

Кловис оскалился, склонившись в шутовском поклоне. Ксеносы, тем временем, быстро зачирикали на непонятном языке, судя по всему, собираясь организованно свалиться обратно в квантовый переход, подальше от безумных людей, привыкших решать все проблемы одним способом.

– Именем Корпорации и Ордо Корпус, вы все арестованы! – разнёсся по пустыне голос агента Мольер, усиленный громкой связью. – Отключите маскировку и следуйте дальнейшим инструкциям.

– Иди на хер! – задорно прокричал кто-то из темноты, заставив Инульгема дёрнуть ухом, как самого настоящего койота. В следующий момент к площадке перед развалинами храма подкатили змееподобные машины, переваливаясь на песке через барханы и юрко обходя препятствия, вызывая приступ тошноты от невероятных манёвров своих гибких тел. Одна из машин остановилась напротив звеньевого «скорпиона», приподнявшись на среднем сегменте, как королевская кобра, и из раскрывшейся кабины появилось улыбающееся лицо Бо Ваняски. Через несколько секунд рядом с машиной возник Спенсер, пробежавший сто метров, прикрываясь шумом от прибывшего подкрепления.

Инульгем выстрелил первым, целясь в голову андроиду, но в последний момент едва заметно сместил прицел старого пулевого пистолета, когда Патрик толкнул его под руку. Инквизитор поплатился за это располосованной когтями койота щекой. Липкая кровь хлынула из разорванных ран, пропитывая одежду и стекая по шее, но Вуниш не отступил. Одной рукой он постарался перехватить лапу Кловиса, уже начавшего превращение в звереподобное существо, с хрустом вывернув запястье. Инульгем взвыл и с силой оттолкнул Патрика прочь. Инквизитор упал на песок, стараясь подняться, а койот уже скрылся под защиту своего подкрепления, развернувшегося в боевой порядок и начавшего прицельную стрельбу горячей плазмой по противнику.

«Змеи» под предводительством Бо оказались не столь хорошими бойцами, зато в ловкости и маневренности «скорпионы» явно им уступали. Груда металла и оптоволоконных кабелей с начинкой из пары живых людей сошлась в пустыне не на жизнь, а на смерть. «Скорпионы» Ордо Корпус поливали плазмой всё, что двигалось в сетке прицела, а агент Мольер

оказалась отличным командиром, мгновенно ориентируясь в тактической обстановке. Машины Ордо Вита рассредоточились, частично нырнув обратно в песок, откуда и вырывали куски металла из опор «скорпионов», заставляя многотонные машины крениться и оседать вниз. Но те тоже не оставались в долгу, разнося плевками горячей плазмы гибкие тела машин противника в клочья, не оставляя операторам ни шанса на выживание.

Раненый из старого пистолета, Грей недоумённо потёр висок, по которому скользнула пуля, растерев между пальцами сукровицу и питательную жидкость тела андроида, развернулся на месте и бросился на «скорпионов».

Прямое попадание заряда из жала машины могло стереть в порошок любого, даже защищённого бронёй агента, но Матиаш побывал в слишком многих конфликтах, чтобы позволить себя так бездарно уничтожить. Достигнув первого «скорпиона», он поднырнул под его брюхо, зашёл сзади и запрыгнул на спину, цепляясь нечеловеческой хваткой за обтекаемые пластины брони. Через пару секунд он уже оказался на хвосте, прильнув к нему и обхватив его руками и ногами.

Звеньевая машина, управляемая Мольер, крякнула, осела и выпустила струю жирного чёрного дыма из того места, где только что крепился венчающий сегмент генератора плазмы. Оторванное жало полетело вниз, оплавляя песок в месте падения, а Грей уже спрыгнул с покалеченного «скорпиона», устремившись к следующей машине.

Спенсер не видел в пылу начавшегося боя ни Гриффина, ни Патрика. И хотя доктор Льюис клятвенно брюзжал о нежелании покидать укрытие, Спенсер был уверен, что доктор в стороне не останется. Особенно, когда на сцене появился инквизитор, получивший новую рану от старого противника. Пару раз Спенсеру даже казалось, что он мельком видит пробегающего мимо Гриффина, трясущего связкой медпакетов и разбрасывающего в пространство фирменный мат, но выстрелы со всех сторон мешали агенту сосредоточиться на друге, на время предоставив его своей судьбе.

Заметив отчаянный манёвр андроида, Спенсер мешкать не стал. Активировав боевую трансформацию введённых недавно нанов, он в последний раз оценил тактическую обстановку боя ещё не затопленным трансформацией мозгом. Сформированная привычным усилием разума объёмная картинка, описывающая положение в пространстве всех участников боя, дрогнула, и стала медленно оплывать. Звуки начали приглушаться, время словно замедлилось, и он почувствовал, как хрустят кости в сжатых со всей силы кулаках. «Или это были зубы?» – мелькнула одинокая

мысль, и исчезла.

После этого перед глазами агента появилась знакомая кровавая пелена…

Когда Льюис наклонился над скорчившимся в песке Вунишем, получившим от Инульгема пинок в грудь, воспитанные слова в сознании доктора куда-то испарились. Он не знал, что за тварь гостила в теле Кловиса, и как именно выглядела, но рваные раны на лице инквизитора и разорванная ткань одежды не воодушевляли. «Пристрелить нахер, как бешеную собаку, – подумал Гриффин, отработанным до автоматизма движением раздирая оболочку медпакета, и не обращая внимания на происходящее вокруг. – Ох, ну и когти…»

Выматерившись и обработав рваные раны на торсе пациента, к счастью, не затронувшие внутренних органов и крупных кровеносных сосудов, Льюис перешёл к склейке повреждении на лице, когда негромко пиликнул один из датчиков-маячков, прицепленных к нагрудному карману.

– Твою же неизвестную мать, С-спенсер! – прошипел док, ускоряя темп работы. Очень скоро у него наверняка прибавится пациентов – маячок реагировал на активацию боевого режима агента, и посылал сигнал, когда наны выходили в «горячий режим». Спенсер даже не подозревал о такой недокументированной функции своего организма… – Тебя мне ещё не хватало, с наноотходняком и раздолбанным к хуям телом-хуелом».

Впрочем, в следующий момент доктор почувствовал, что активация агента была очень даже своевременной. В нескольких метрах от него приземлился на скрипнувший песок «скорпион», завершивший прыжок. Помедлив секунду, машина повела плазменным излучателем в сторону Гриффина и всё ещё лежащего в отключке Патрика. Льюис флегматично потянулся к излучателю на поясе, но оружия там не оказалось. Он лишь мельком взглянул на жало машины, вернувшись к своим обязанностям. Плазменный излучатель рявкнул, но выстрел был направлен куда-то в сторону. Раздался скрип и скрежет металла, сопровождаемый нечленораздельным рычанием.

Гриффин закончил с первой помощью и смог наблюдать, как один отдельно взятый агент быстро-быстро разбирает на куски металлокерамическую боевую машину. Пластины брони, сервоприводы и внутренняя начинка «Скорпиона» летели в разные стороны, и один из них просвистел над головой Льюиса. Когда-то давно он уже видел нечто подобное – тогда скорпион был настоящим, и схватился с мелким хищником, обитавшим

только на Малидакане. Местные называли его «песчаный король», хотя ничего королевского в невзрачном сером тельце с невыразительными крылышками не было. Но увидав, как король вгрызается в скорпиона, превосходящего его размерами вдвое, и раздирает на части поверженное тело, док согласился – своё имя насекомое полностью оправдало.

Боевая машина заискрила, и рухнула, разломившись пополам. Из распахнувшегося колпака кабины вывалился пилот. Его разбитый шлем открывал бледное окровавленное лицо с безумными глазами, и рот, разинутый в неслышном крике. В руке пилот сжимал короткий тупорылый пистолет, который дважды выстрелил короткими вспышками…

Спенсер опоздал всего на один удар сердца. Агент вырвался из внутренностей разбитого «Скорпиона», и снёс пилоту голову ударом ладони. Оружие медленно упало на песок.

Льюис почувствовал, что у него что-то неладно. Опустив глаза, он увидел, как из двух небольших дырочек на правой стороне грудной клетки, ниже третьего ребра, выступают несколько капель крови. Доктор попробовал вдохнуть, и был вознаграждён адской колючей болью в груди, которая медленно распространилась по всему телу. «Кажется, это был игольник, – подумал Гриффин, откидываясь назад, не в силах пошевелить даже пальцем. – Мне пиздец…»

Спенсер налитыми кровью глазами смотрел, как оседает на песок Льюис. Рядом с ним пошевелился перетянутый перевязочными пакетами Патрик.

Спенсер сделал шаг к Льюису, но дорогу ему перегородила невысокая фигурка, которую агент едва не снёс с пути одним мощным ударом, лишь в последний момент узнав её.

Таи откинула с головы колпак маскировочного костюма и опустилась на колени рядом с Гриффином, начав что-то быстро вытаскивать из множества карманов одежды и прикладывать к телу доктора.

Женщина бросила на Спенсера только один взгляд, в котором не было ни обвинений, ни страха, ни тревоги. Был только молчаливый посыл идти и уничтожить тех, кто убил её Гриффина.

Глава 52

Спенсер перевёл взгляд в одну сторону, потом в другую. В боевом режиме агент воспринимал мир совершенно иначе, чем обычно, и только сознание, милосердно скрывавшее эти картинки пеленой, позволяло ему не испытывать психологического дискомфорта. Выделив наиболее опасные цели, агент, не раздумывая, перешёл к исполнению команды на уничтожение.

После схватки со «скорпионом» Спенсер выделил слабые места этих боевых машин, и, уворачиваясь от плазменных выстрелов и ударов конечностями с заострёнными гранями, целился именно в них – тонкие пластины брони над генераторным блоком и энергонакопителем. Следующая машина погибла быстрее. Её серьёзно повредила «змея», которая догорала поблизости. Пилот, так и сидевший внутри с неестественно вывернутой шеей, был безнадёжно мёртв. «Кажется, это женщина», – Спенсер мысленно вычеркнул из списка подлежащих охране лиц Мишель, и придушил уцелевшего водителя «скорпиона», который пытался выбраться из покорёженного кокпита. – Задача уточнена…»

Следующий противник сопротивлялся дольше, но, потеряв три конечности, присоединился к своим собратьям, потрескивая разрядами в проломах корпуса. Спенсер, тяжело дыша, замер над грудой металла и керамики, прислушиваясь. Пилот не торопился выбираться наружу, и агент отвернулся в сторону, чтобы рассмотреть поле боя.

Четыре из двенадцати «змей» горели, выплёвывая вверх столбы жирного дыма и потрескивая разрядами от разорванных электроконтуров внутренностей. Ещё парочка представляла собой безобразный коллаж из раздавленных и впаянных в песок остатков чуда мысли инженеров Корпорации, соорудивших таких чудовищ и воплотивших в жизнь буйную фантазию игроманов века компьютерных игр. Две «змеи» продолжали активно жалить противника, прикрывая отход уцелевшего звена из четырёх машин, организованно отступающих прочь от места сражения. Пара прикрытия держалась исключительно на честном слове, но поставленную задачу выполняла на «отлично».

«Скорпионам» пришлось куда хуже. И не в последнюю очередь после вмешательства агента и Матиаша Грея, вдвоём сумевших разобрать на запчасти по несколько боевых единиц на брата. Агенту доводилось наблюдать за работой хорошего профессионала, даже доводилось участвовать в группе подстраховки таких специалистов, но видеть воочию, как человек,

или кем он там являлся, лично прыгает по движущимся боевым машинам, отламывая от них важные куски и швыряя их с нечеловеческой силой в противника, к такому Спенсера не готовили. Впрочем, после включения у него боевого режима то же самое можно было бы сказать и про него, если бы нашёлся наблюдатель. А вот наблюдателей пёс Корпорации подчищал с особым рвением.

Когда его скулу обожгло болью, пробившейся даже сквозь блокаду нанов, он сначала не понял, что происходит. Отбив ладонью следующий взмах визжащего виброножа, зажатого в руке пилота последнего «скорпиона», Спенсер быстро проверил своё лицо. Скуловая кость была рассечена, как и мышцы с кожей над ней. Почувствовав, как сосуды пережимаются кипящими в крови наномашинками, агент увернулся от выпада, и ловким движением перетёк в сторону. Система распознавания образов вывела на напылённые экраны краткие данные: «Агент Мольер. Крайне опасна…», и Спенсер рванулся вперёд.

Агенты сошлись в схватке, настолько быстро и чётко обмениваясь ударами, блоками и ложными выпадами, что обычное человеческое зрение не могло выделить отдельных картинок. Противостояние, занявшее у обоих спецов несколько секунд, слилось в сплошное месиво и размытые образы. Удар, блок, подсечка, уйти влево, восстановить равновесие, заход справа, снова удар, опять блок, выпад, невыносимое напряжение в мышцах. Мольер разворачивается на месте, изгибается под неестественным углом, выставляет себя, как инсталляцию современного художника, под удар Спенсера. Пёс делает ложный выпад, будто поверил в легкодоступность жертвы, уходит от рубящего удара рукой в самый последний момент, падает на песок, чувствуя, как из раны на щеке продолжает сочиться кровь, впитываясь в кристаллы кварца под ним, снова вскакивает на ноги, оказавшись за спиной у Мольер. Женщина не сдаётся, уворачивается, перебрасывает нож из ладони в ладонь, путает агента, играет с оружием, отвлекая внимание, пытается достать Спенсера одним ударом с безопасного расстояния. Пёс рычит, не обращая внимания на тревожные сигналы от перенапряжённых работой и схваткой нанов, гонит прочь боль, накатившую волной усталость и предчувствие бессилия. Он должен, он обязан не сдаться этой наглой сучке с виброножом. Мольер не подпускает агента на расстояние удара, защищается, выжимает последние капли боевого режима из Спенсера, полагаясь на свои улучшенные модификации, подаренные ей Кловисом. Спенсер пропускает серию ударов, но уходит в сторону от последнего, решающего удара милосердия, и нож Мольер прошивает воздух

совсем рядом с тем местом, где только что стоял Спенсер.

Она хороша. Он чертовски хорош, но они оба – две боевые единицы разных сил. И агент отпускает на волю последние контролирующие участки сознания, не дающие нанам полностью завладеть им, стерев инстинкт самосохранения даже на несколько секунд.

Когда Мольер осела на песок, зажимая размозжённую одним коротким ударом шею, Спенсер испытал только раздражение. Удивление в гаснущих глазах женщины, когда её противник опередил не только взмах ножа, но и выстрел из миниатюрного плазменника, нисколько агента не утешило. Боевой режим заканчивался, и наваливалась тяжёлая свинцовая усталость. И тоска.

Спенсер моргнул, пытаясь сфокусировать расплывающийся взгляд. Над тёмным пространством почерневшего песка и чадящих обломков боевых машин медленно плыли искры, напоминая неких фантасмагорических светлячков. Густая, тёмная ночь пустыни вздыхала небольшими костерками догорающих железокерамических монстров, перекрывавших свет далёких звёзд. Болели многократно перенапряжённые мышцы, ломило кости, и внутри плескалось чувство одиночества. Забытое, стёршееся из памяти, некогда такое желанное, оно явилось перед ним во всей красе, ничуть не облегчая своего появления другим чувством – осознанием выполненной работы, как бывало со Спенсером прежде. Агент, пошатываясь и зажимая пальцами расходящуюся рану, направился к тому месту, где он в последний раз видел Льюиса и Патрика.

Кловис бежал прочь от развернувшейся позади, у опорного пункта мотыльков, битвы. Если бы кто-нибудь спросил, почему он покидает поле боя, Инульгем, не раздумывая, ответил: «потому что моя жизнь многократно ценнее, чем все солдаты Ордосов, вместе взятые». Преодолевая гигантскими прыжками расстояния между дюнами, Кловис внутренне смеялся, ощущая своё превосходство над людьми и простыми агентами Корпорации – ему были открыты все пути, любые миры, и никто не мог помешать. И пусть он просчитался, недооценив участие в его планах Грея, не поскупившегося на полноценное звено боевых машин, он чувствовал себя выше и сильнее этого жалкого подобия человека с кристаллами вместо мозгов. Нанятый для личных нужд бандит и вор Ваняски неприятно поразил своей беспринципностью, при первом же удобном случае переметнувшись к Матиашу, но на то он и был криминальным элементом, чтобы спокойно развернуться и работать на того, кто

платит лучше. Хотя, что может быть лучше жизни? Этого Кловис не знал, но сделал себе пометку при случае спросить об этом у Бо. А сейчас Инульгем смеялся…

Смех оборвался вместе с пришедшей болью, взорвавшейся по всему телу. Кловис влетел в вершину дюны, разметав песок, и ощущая, как жизнь покидает его. Наны, которые жили в каждой клетке тела, даруя Инульгему такую упоительную власть над миром, отказали. Страх, сковавший разум холодными цепями, стучал в виски мыслью «проклятие Александрии добралось и до меня… Не успел!»

Кловис подавил желание укусить себя за задницу, или самоуничтожиться иным способом – преодолевая сопротивление частично парализованных конечностей, он, осознавая, что жить ему в любом случае недолго, если не получится выбраться из-под полога нейтрализующего поля, потянулся к потайному кармашку своего изорванного костюма.

Инульгему лишь дважды до этого момента доводилось испытывать действие нанонейтрализатора, и оба раза выживал он чудом. Первый момент уже стёрся из памяти, второй был поярче, но так же сопряжён со смертельной опасностью – потерявшего все свои преимущества агента загнали в тесный лабиринт скальных обломков, и долго преследовали. Если бы не милость покровителя… Организм, несколько столетий живший только за счёт работы нанов, их отсутствие воспринимал как наступившую смерть, и начинал «умирать» с невообразимой скоростью. Погоня в лабиринте стоила Кловису десятка полтора лет.

«Так и сдохнуть недолго, – подумал Инульгем, раздирая острыми когтями кармашек. – Я не хочу умирать!»

Невзрачный цилиндрик серого металла, с яркой капелькой малинового люминофора над дозатором-инъектором содержал адскую смесь самых эффективных боевых стимуляторов и несколько штаммов специализированных нанов. Урезанные по своим основным функциям и гемотоксичные, они обладали одним неоспоримым преимуществом. Эти аварийные наны, или, сокращённо, «А-наны», выживали и работали даже под пологом нейтрализующего квантовые взаимодействия поля, в агрессивных природных средах и в электромагнитных ловушках.

Кловис понял, что нарвался на квантовую блокировку, которая делала невозможной и работу наномашин, и функционирование порталов. Инъектор зашипел, впрыскивая в вену смесь. «Вряд ли излучатели на орбите, – откинувшись на песок, медленно думал Инульгем, рассматривая яркие звёзды. – Слишком сильный эффект, нет рассеяния… Значит, коптеры или дроны с маскировочным покрытием. Чёртов Грей, трахни его

песчаный крокодил, знал, чем меня достать».

А-наны восстановили подвижность тела, и Кловис поднялся, увязая в песке. Колени подрагивали, в глазах всё ещё двоилось, и большинство функций оставались недоступными. На открытие портала ресурсов не хватало. Инульгем откровенно испугался. Он ощущал, что его кто-то преследует… Древние, наизусть затверженные слова сами рванулись с языка.

– Старый бог. Древний бог. Твой смех разносится над ночной пустыней, и вселяет страх в сердца врагов… – шептал он, чувствуя, как где-то далеко, за гранью разума и осознания, появляется заметная только ему улыбка койота. – Помоги мне. Открой свою тропу…

Кловис медленно похолодел. Виной тому был совсем не пронзительный ветер, дувший с севера, но осознание ошибки. Сердца не было. Бог-Койот всегда брал плату за свою помощь, и никогда не верил на слово.

– Бездна звёзд, мне нужно сердце… – понимая, что его собственное начинает сбоить и биться изнутри в рёбра, прошипел Инульгем. – Любое, самое паршивое живое сердце! Ар-р-р-р!

Острые уши дрогнули, среагировав на шелест песка и шум движения позади. Над соседним барханом взметнулось тело, затянутое в блестящий чёрный костюм, изрядно порванный и покрытый разноцветными потёками. Андроид, в котором сейчас пребывало сознание Грея, почти настиг Кловиса.

Инульгем обрадовался, и тихонько рассмеявшись, рванулся к своему врагу. «Хитрый Бог, ты любишь меня!» – воодушевился он, облизнувшись. – «Клянусь тебе в верности». Теперь он мог завершить жертвоприношение. Нужно было всего лишь добыть сердце.

Андроид выглядел плохо – многочисленные раны, истекавшие внутренними жидкостями, сорванный лоскут кожи на лице, открывший бледные мышцы и лаково блестящую серебристую кость. Одна рука вывернута из сустава, и заломлена назад. Глаза отсвечивали красным – Грей шёл по следу в режиме термального поиска.

Кловис потянул из пояса полосу ножа. Лезвие из гибкой прозрачной стали распрямилось с лёгким звоном. Не то чтобы он не доверял своим когтям, силе и приобретённым способностям, но против усиленного бионикой андроидного тела следовало запастись чем-нибудь посолиднее.

Два старых врага, когда-то бывшие друзьями, замерли на расстоянии двух метров, и пристально следили за каждым движением соперника. То, что когда-то объединяло их, уже

многие десятки лет служило причиной борьбы и соперничества. Корпорация билась в висках Инульгема, она же текла в искусственных жилах Грея, и незримо присутствовала вокруг – в песках Александрии, в воздухе умершего мира, в нанах, рассеянных в миллиардах тел и сотнях миров… Та самая Корпорация, которая когда-то создавалась буквально из ничего несколькими слегка безумными учёными и испытателями.

Больше всего Кловис жалел об одном – что не он определял развитие на начальных этапах. Он был слишком молод, горяч, и хотел слишком многого. И сразу… Осторожный до параноидальных приступов Грей, привыкший сдерживать порывы Каннингема, справлялся с его, Кловиса, инициативами и предложениями, не моргнув глазом. «Одной левой, – вспомнил Инульгем, и вздыбил шерсть на загривке, – как щенка, мордой об стол… С-с-скотина!»

– Ты вернулся, чтобы умереть здесь? Достойный выбор, учитель… – Кловис медленно двинулся по кругу, обходя противника со стороны повреждённой конечности. – Песок любит кровь, а мой бог – сердца. Я же предпочитаю раз и навсегда разобраться с тобой. Месть…

Грей мигнул светящимися красным глазами, и прохрипел:

– Андре, ты как был щенком, так им и остался… Какая, к дьяволу, месть? Сколько мы знаем друг друга…

– В задницу! Я не позволю тебе больше унижать меня и нарушать мои планы! – Кловис взмахнул ножом, разрезая холодный воздух, и обнажил клыки. – Сколько раз ты отвергал мои предложения, расчёты, попытки изменить мир? Ещё в начале, когда мы только приняли наны? Я устал от твоих бесконечных «ещё рано», «не торопись», «слишком агрессивно», «нежизненно», «ты охренел, что ли?»… Устал ещё тогда.

Грей не двигался, только отслеживал перемещения Инульгема. Экономил силы.

– Андре… То есть, Кловис, если ты предпочитаешь это дурацкое имя… Ты всегда слишком торопился, и забегал вперёд. Я никогда не хотел причинить тебе вред, и… – андроид замолчал на секунду, уклонившись от высверка лезвия, – мать твою, я всегда относился к тебе, как к сыну!

Инульгем едва не поперхнулся, услышав такие слова, но остановиться не мог. Не имел права.

– Херовый из тебя вышел папа, – процедил он сквозь зубы. – Где ты был, когда я загибался в дальней разведке, когда выживал там, где выжить нельзя было в принципе? Когда приходилось убивать, чтобы жить, и жить так, что хотелось умереть? Где ты был?!

Клинок пробил грудную клетку андроида, вызвав потоки белёсого, похожего на гной, заполнителя, и застрял внутри. Грей покачнулся, и ударил неповреждённой рукой, целясь по глазам. Кончики его пальцев раскрылись, выпуская острые иглы, и Кловис с трудом уклонился, бросив рукоять ножа. Одна из игл задела его ухо, и Инульгем едва удержался на ногах от острейшей боли, прострелившей его тело насквозь. «Нейротоксин, – определил он. – А вот хрен тебе, на меня эти фокусы не действуют». И рванул когтями тугие узлы мышц андроида.

Грей стоял, покачиваясь из стороны в сторону – обе его руки висели, в груди что-то искрило, в горле хрипело, но он продолжал пытаться что-то сказать, как-то изменить ситуацию…

– Умри, Матиаш Грей. Сдохни… – выдохнул Кловис, чувствуя, как к горлу подступает комок, и внутри разливается огонь. Обжигающее пламя гнева одного мохнатого бога. – Мне просто очень нужно твоё сердце. Ничего личного. Просто сердце.

Инульгем ударил когтями в грудину, пробивая керамику и кости. Нож отлетел в сторону, блеснув на прощание сталью, рёбра андроида раскрылись, словно взорвавшись, и Кловис торжествующе взвыл, сжимая в руке бьющийся комок искусственных мышц, щедро сдобренных контроллерами и проводящими схемами. На мгновение в голове мелькнула мысль, что Койот может и не принять жертвы, всё-таки Грей носил сейчас не человеческое тело, но в ладонь толкнулось щекочущее тепло. Бог ответил. Его смешливое величество вполне устроило подношение, и Инульгем почувствовал, как проваливается сквозь песок, а под ноги ложатся камни одной из тропинок между реальностями…

Патрик кое-как поднялся с песка, стараясь не думать о боли, разрывавшей всё тело. После того, как появившаяся из пелены маскировочного поля Таи утащила куда-то тело Льюиса, он остался совершенно один посреди развернувшейся схватки машин, агентов и выживших пилотов боевой техники. Какое-то время инквизитор думал, что его непременно накроет очередным оторванным сегментом брони, пролетавшим мимо, но после некоторого времени осознал совершенную безучастность к происходящему, положившись на судьбу.

Сражение затихло так же внезапно, как и началось, оставив после себя только треск статики, разорванных внутренностей машин и редких стонов всё ещё живых участников боя. Вуниш поднялся на ноги, пошатываясь и осматривая развернувшуюся картину. Рядом не было никого. Спенсер исчез, Гриффин и Таи тоже скрылись в неизвестном направлении, Грея видно не было, как, впрочем, и Кловиса. Поразмыслив немного, Патрик решил

искать следы Матиаша, что заняло некоторое время, пока он налаживал чудом сохранившийся передатчик, спрятанный в коконе фиксирующей руку повязки. Приборчик коротко пискнул, проложив курс далеко на северо-запад.

Добравшись до места, Патрик понял, что безнадёжно опоздал. Квантовые блокираторы работали исправно, но под нейтрализующим полем не было никого, кроме безжизненного тела Грея, всё ещё смотрящего в небо широко распахнутыми глазами. В груди руководителя Ордо Вита зияла неровными краями жуткая рана, в которой до сих пор проскакивали слабые электрические импульсы.

По всему выходило, что койот вырвал у Грея сердце. Только вот сердца как такового андроид не имел, заменив его на простой контур жизнеобеспечения с дублирующими узлами передачи и перехвата управления. Впрочем, наличие данного нейронно-мышечного узла всё равно не спасло бы Матиаша. Полученные в схватке с боевыми машинами повреждения не оставляли никаких шансов выжить этому носителю части сознания.

Патрик подошёл поближе, шурша песком под ногами и тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Если Кловис думал, что убил Грея, он сильно ошибался. Этот протез какашки вряд ли стал бы размышлять над тем, как именно причинить вред носителю-андроиду, позаботившись только о своём ритуале, с помощью которого и ушёл из-под нейтрализующего наны полога.

Вуниш сел рядом с андроидом, по старой привычке ладонью закрыв глаза мертвецу, и начал долгую процедуру извлечения кристаллов из черепа андроида. Новое тело можно было раздобыть, повреждения починить или убрать, а вот восстановить потерянную информацию не представлялось возможным. И раз уж Патрик провалил задание загнать Кловиса в ловушку, из которой тот бы не выбрался, то он хотя бы будет следовать последним инструкциям, спасая бесценные носители информации пережитых часов. Чтобы потом – когда, а не если – он вернётся обратно в знакомые коридоры Ордоса, положить их в бак с питательным и очищающим раствором, позволив общему сознанию Грея впитать новые данные.

Переход раскрылся совершенно бесшумно, и Вуниш ощутил слабый толчок в спину от мгновенно схлопнувшейся квантовой нестабильности. Кто-то, появившийся позади Патрика, осторожно сделал несколько шагов по песку, обходя инквизитора по широкой дуге. Вунишу стало совершенно всё равно, что случится дальше. Кристаллы с данными уже покоились в противоударной пробирке с вязким веществом, надёжно спрятанной в поясном

ремне.

– Добрый вечер, инквизитор, – раздался низкий голос рядом с Патриком. Вуниш поднял взгляд на подошедшего незнакомца, разглядывая его в тающей ночной темноте. Света исчезающих в предутренней дымке звёзд едва хватало, чтобы рассмотреть черты человека в строгом тёмном костюме, так нелепо смотрящемся в пустыне. Утро потихоньку вытесняло ночь, и до полного торжества света и палящего солнечного безумия оставались считанные минуты. В пустыне не бывало долгих рассветов или закатов.

– Доброе утро, – слегка кивнув, ответил Патрик, оценив иронию происходящего. – А вам здесь тоже что-то надо, или мимо проходили? – криво улыбнулся он.

– Позвольте представиться, – продолжил высокий мужчина в строгом костюме, – я представитель Корпорации по делам высшей секретности, вы можете называть меня Николо.

– И вы из Корпорации? – спросил Вуниш. Что прозвучало, как «И ты, Брут?»

– Мы и есть настоящая Корпорация, Патрик.

Николо прошёлся из стороны в сторону, шурша песком под ногами. Стремительно поднимающееся солнце уже позволяло рассмотреть его лицо и одежду, и инквизитор с удивлением отметил, что Николо ничем, по сути, не отличается от самого обычного человека, не считая, пожалуй, пары вещей. Внешне Николо был на редкость слащав и должен был бы являться действительно привлекательным, смахивая на лицо с агитационных плакатов или на живое воплощение эдакого дамского красавчика. Но вот другая отличительная черта, кольнувшая подсознание Патрика, выделяла его из толпы однообразно красивых и ухоженных политиков, чиновников и общественных деятелей гораздо сильнее.

То самое неуловимое чувство, позволявшее Вунишу безошибочно выделять из толпы людей наномодифицированных агентов или поклонников биоимплантаций, спокойно констатировало отсутствие этих самых изменений в организме представителя Корпорации.

– Вы удивлены? – с ноткой интереса спросил Николо, заметив реакцию Патрика на свою внешность. – Дело в том, Патрик, что я хотел предложить вам работу, – продолжил он без предупреждения, показав, тем самым, что времени на предварительные ласки больше не осталось. – Ваш Ордос и так давно отошёл от безумия нанов. Вы сами вполне подходите по всем параметрам для того, чтобы вступить в ряды истинных представителей действующей власти Терры и её колоний.

Вуниш отметил про себя, что Николо не стал сыпать красивостями и литературными агитационными лозунгами про всемогущество и силу Корпорации, а назвал вещи своими именами. Вот так, не больше и не меньше, Терра и её колонии.

– Подхожу по параметрам? – Патрик зачерпнул горсть песка и просыпал её сквозь пальцы, наблюдая за тонкой струйкой. – И как это понимать?

– Дело в том, Патрик, что настоящая Корпорация давно уже отошла от гонки нанофетиша. Её основатели, включая и вашего начальника, – он позволил себе лёгкий кивок на распотрошённое тело Грея, – могут сколь угодно долго играться в своё противостояние, упираясь рогами друг в друга, в свои первоначальные принципы или в острые грани морали. Но те, кто пришёл на смену первым и известным основателям, решили пойти другим путём. Мы не используем наны в том привычном виде, в котором это делают агенты, – здесь его тон немного изменился, став холоднее. – Развёрнутая сеть нынешней Корпорации может позволить себе пользоваться разовыми инъекциями нанопрепаратов, выращивать с их помощью органы и ткани, но после того, как происходит первый цикл деления, отработанные наны выводятся из организма естественным путём. И, поверьте мне, Патрик, каждый из тех, кому пришлось воспользоваться подобным способом реабилитации, испытывает непередаваемый дискомфорт от осознания происходящего. Можете считать это своего рода преступлением против морально-этических принципов, схожим по психологической подавленности с тем, что испытывает, скажем, монах, преступивший целибат против своей воли, но под давлением обстоятельств.

– Да монаху, поди, не обстоятельства на целибат-то давили, – огрызнулся Патрик, которому наскучили все, кто пытался куда-то его переманивать. Сначала была Корпорация, оказавшаяся, как потом понял Вуниш, не Корпорацией, а красивым фантиком. После появился Грей, давший работу и цель существования. Далее случилась история с Кловисом, в насмешку наградившим Патрика какой-то игрушкой в виде стилизованной буквы «I», должной символизировать его инквизиторские полномочия за пределами Малидакана. Потом Спенсер и Гриффин, а теперь и этот хлыщ в костюме, разглагольствующий о новой, тайной Корпорации. Патрик прикрыл глаза, борясь с желанием растянуться на песке и крепко заснуть, оглашая окрестные барханы громким храпом.

– Мы давно наблюдаем за вами, Патрик. Да и за многими, если честно. Поймите, наномодификации уже давно не являются той вершиной, к которой стремились основатели этого пути.

Теперь агенты, использующие наны, это всего лишь… – он замялся, подбирая слова.

– Мясо? – услужливо помог с определением Вуниш, с кряхтением поднимаясь на ноги и глядя в упор на собеседника. Правильные, даже излишне красивые черты мужественного лица Николо не дрогнули от слов Патрика, только лёгкая улыбка понимания промелькнула на чётко очерченных губах, быстро исчезнув. Широкие скулы глянцево блеснули в первых робких лучах восходящего солнца на горизонте, мазнувшего первыми лучами по человеку в строгом тёмном костюме. В этот момент Патрик с удивлением отметил, насколько нелепо могут смотреться лакированные туфли в песчаной пустыне. Впрочем, весь этот человек казался Патрику совершенно неуместным в этих краях.

– Что поделать, кому-то нужно выполнять определённую работу, – дипломатично ответил Николо на слова Вуниша. – Войны за территории, независимость или за нашу расу идут постоянно. И не стоит думать, будто всё ограничивается обычными порталами. Большинство конфликтов давно уже разворачиваются в космосе, с высадкой десанта или орбитальными ударами. Агенты нужны нам так же, как и в начале пути. Вопрос в том, что теперь мы вовсе не считаем их путь высшей точкой развития, к которой надо стремиться. Да и постоянная необходимость в специалистах, способных открывать переходы благодаря нанам, отошла на второй план. Конечно, мы продолжаем использовать «ключи», но давно уже не считаем их незаменимыми и обладающими исключительными привилегиями. Исследования нанов не стояли на месте все эти десятки лет, позволив видоизменить, улучшить или урезать некоторые функции уже имеющихся образцов.

– Вряд ли вы возникли ниоткуда, – сощурился Патрик, стараясь рассмотреть и запомнить каждую мелочь во внешности Николо, – забраться даже на опустевшее место вверху Корпорации не так уж и просто. Да и получить новые, изменённые наны невозможно. Если учесть непричастность к этому минимум трёх основателей, то остаётся только одна кандидатура. Дерек…

– Дерек Сапрассас, – согласно кивнул Николо. – Именно так. Вы умны, Патрик, этого не отнять. Именно Дерек являлся тем самым незаметным, но весомым рычагом, который сместил акценты в приоритетах развития Корпорации. Он был биотехнологом, изучавшим наны на самых ранних этапах экспериментального вакцинирования. После того, как Грей и Андреас завязли в своих маленьких «грязных войнах», а доктор Каннингем и вовсе остался исключительно символом, Сапрассас

принёс решение проблемы с вырождением нанов. Он и разработал одноцикловые наны, выводящиеся из организма после деления и разовой отработки программы. И, скажу вам по секрету, если бы Андреас не решил показать Дереку своё превосходство, явившись к нему лично, возможно эта история закончилась бы иначе. Корпорация никогда бы не узнала масштаба разворачивающихся событий, списав всё происходящее на очередное обострение противостояния Ордосов, Спенсер и его друг так и остались бы точками на карте, а мы не нашли бы такую прекрасную кандидатуру, как вы, Патрик.

Николо демонстративно взглянул на наручный хронометр, мягко намекая на желательное завершение разговора.

– Дерек Сапрассас, он же Даль Пьетро, – кивнул Патрик. – Кловис навещал его в самом начале этой истории. Выходка прошла в новостях, было множество свидетелей, как незнакомый гость совершил попытку убийства одного из самых богатых и уважаемых торговых агентов Терры. Не стоит недооценивать нашу осведомлённость, пусть мы и игрушечный Ордос, – удовлетворённо отметил он, заметив промелькнувшее на лице Николо удивление.

– Патрик Вуниш, – официальным тоном продолжил Николо, – именем Корпорации мы предлагаем вам работу на настоящую, действующую структуру власти Терры и её колоний, исходя из проявленных вами умений и показателей биосканирования и исследований кода ДНК. Поверьте, далеко не всем удаётся получить такое предложение от нас. Только тем агентам и работникам, которые достигли подходящего уровня и чьи тела способны освободиться от нанов, или никогда не имели модификаций.

– А жест доброй воли? – улыбаясь одними глазами, спросил Патрик. Николо развернулся на песке, взмахнув рукой. В тот же момент хлопнул, раскрывшись и тут же сомкнувшись, новый квантовый переход, выплюнувший под ноги Патрику тело Спенсера. Агент был без сознания, боевая трансформация давно кончилась, оставив его медленно погибать от истощения. Вуниш понимал, что дотащить сотню кило агентского мяса до цивилизации он не сможет. Впрочем, он подозревал, что и свои скромные параметры, так высоко ценимые новой Корпорацией, он вряд ли донесёт тоже. Скорее, умрёт в пустыне. Никакие навыки выживания не помогут пережить палящее солнце днём и пронизывающий холод ночью, а учитывая полученные им повреждения, пусть и наспех залатанные Гриффином на поле боя… Шансы уменьшались в геометрической прогрессии. Если жара и отсутствие воды не прикончат инквизитора через пару

дней, то Патрика добьют воспалившиеся раны и заражение крови. Да и не до конца восстановившаяся в подвижности рука не давала шансов на удачную охоту или добычу влаги.

Николо, тем временем, проворно достал из кармашка пиджака серебристый инъектор и вколол что-то в шею Спенсеру. Тот застонал, пошевелившись, а цвет лица агента начал стремительно меняться с землисто-серого на розоватый.

– Стимулятор и одноразовые наны, – сухо пояснил Николо. – Он скоро придёт в себя.

– Отлично, – искренне порадовался Патрик, – значит у нас будет возможность выбраться отсюда через портал.

Николо выпрямился и посмотрел в глаза Вунишу. Инквизитор выдержал взгляд представителя Корпорации, в котором злость боролась с разочарованием и желанием свернуть Вунишу тонкую шею.

– Я ожидал другого ответа, – сдержано процедил сквозь зубы Николо, коротко кивнув. – От наших предложений не отказываются, Патрик. Мы предлагаем беспроигрышный вариант. Бессмертие при полном отсутствии любых мутаций от применения нанов. Разве не к этому стремится и ваш Ордос? Чистота тела, отсутствие модификаций, борьба за жизни человеческой расы?

Патрик тяжело вздохнул.

– Наны-ананы, – тихо ругнулся он, подхватив манеру доктора Гриффина. – Вам не кажется, что с предложением бессмертия вы не по адресу? – чуть склонив голову на бок, произнёс Вуниш. – Мой Ордос, как вы правильно заметили, Николо, борется за чистоту расы. А человеческая раса живёт строго определённый срок и на бессмертие никак не рассчитывает. Может, у вас и не торчат мутации по всему телу, но назвать вас людьми я бы лично постеснялся. Люди – это те, кто хочет сам выбирать, когда, с кем и куда развиваться. Вот он, – Патрик кивнул на ворочающегося на песке Спенсера, – человек. И доктор Льюис был человеком. Да и ваш скромный слуга тоже вполне себе человек. А вот вы, ставящие Корпорацию выше всех, даже её создателей, вы – не люди. Новая раса, возможно, не спорю. Но люди не могут жить вечно, им становится скучно.

– Когда передумаете, найдёте меня, – бросил через плечо Николо, резко взмахнув рукой и исчезая в квантовом переходе.

– Да пошли вы всё к чёрту, – со смаком сплюнул на песок горькую слюну Патрик, садясь рядом с начавшим приходить в себя агентом.

Вуниш смотрел на далёкие развалины Александрии, загоревшиеся каким-то тусклым золотом в первых лучах упавшего

на землю солнца, сияющими лезвиями вспарывающие холод и темноту, и приносящие жару и нестерпимую жажду. Где-то внутри инквизитора появилось тревожное чувство опасности, ни разу не подводившее Патрика в прошлом.

«Орбитальная бомбардировка на подходе, – подумал он, – но время ещё есть, иначе он бы не сказал мне найти его когда-то там потом, когда я передумаю».

Вуниш отрешённо наблюдал за попытками Спенсера подняться на ноги или хотя бы сесть прямо, не падая обратно вниз, и думал.

Он думал о многослойности Корпорации, верхушкой которой могли являться даже не эти отглаженные пиджачки, вроде Николо. Он думал о том, что и Спенсер с его тонкой психикой и желанием вспомнить своё прошлое, и Гриффин с его попытками просто затеряться на окраинах, по сути, стали точками на огромной карте кого-то, стоящего выше. Он думал о том, что такие люди, как Льюис и он сам являлись ничем и никем. Даже Грей или Кловис были заигравшимися в свои проблемы и противостояния старыми, впавшими в детство учредителями первой Корпорации, которым милостиво позволяли мнить себя хоть кем-то лучше навоза. Убрать их прочь можно в любой момент, но зачем? Пусть бегают, вынашивают планы, борются друг с другом, пеняя на многовековые пыльные истоки и надежды. Пусть играют во власть, пытаются доказать друг другу свою ценность и значимость. Кому станет хуже? Никому. А вот занять огромный пласт инакомыслящих, но не подошедших по каким-то там параметрам истинной Корпорации людей, можно, нужно и очень полезно. Лучше приглядывать за подконтрольными Ордосами, стягивающими к себе значительный процент страждущих, чем позволить этим людям думать самостоятельно.

Для одних нашлись наны и сытая жизнь на Терре и в её ближайших колониях. Для других есть Ордосы и работа на красивый символ в виде буквы «С», стилизованной под сплетение паутины. Для третьих будет достаточно войн, где пригодятся боевой режим нанов, доктора, вроде Гриффина, огромный штат военных и командиров. Для четвёртых – открыты пути торговли, путешествий, исследований, романтики далёких параллелей или линий.

Все при деле, все довольны.

И только Патрик Вуниш, действующий инквизитор Ордо Вита, чувствовал себя так, словно его жевал дикий зверь, затем подавился, и выплюнул обратно. Он выбрал остаться тем, кем себя считал. Рядом с тем, кто ещё остался жив, и чья жизнь, в

отличие от Николо, значила для Патрика больше, чем для всей Корпорации, сколько бы в ней не было слоёв власти, жизни самых ценных её сотрудников.

«На кой хер собачий нужна такая Корпорация? Которой дела нет до тех, за счёт кого она вообще появилась, живёт и продолжает держаться?»

Но и анархистом Вуниш себя не считал. Он прекрасно понимал, что для сотен миллиардов людей на разных планетах нужна власть. Нужны красивая стилизованная буква, яркий символ и героическая легенда. Потому кабинет доктора Каннингема останется таким символом. Потому имена основателей и руководителей Корпорации изначальной золотом вписаны на титановых дисках истории. Потому за золотом нескольких имён проглядывает бесконечный список безымянных людей, чьи имена выведены кровью с копошащимися в ней наномашинками.

И потому он, Патрик Вуниш, взвалив на себя агента, пытается убраться подальше от развалин далеко позади, уговаривая Спенсера открыть портал куда угодно, лишь бы подальше отсюда. И потому Патрик не сдерживается, бросает последний взгляд на разрастающийся на горизонте яркий столб огня, проваливаясь в портал перехода, наконец-то открытый Спенсером, и молится про себя. Молит всех богов помочь ему найти слова, чтобы ответить на неизбежно появившиеся у агента вопросы обо всём случившемся.

И потому он знает, что скажет правду. Знает, что предложит, в обход даже самого Грея, отправить Спенсера с билетом в один конец, на Землю, на планету, где наны теряют свою силу однажды и навсегда. И держит, держит в голове мысленную картину гибнущей в огне Александрии…

Глава 53

Когда-то, давным-давно, в мире всё было не так. Совсем всё. Небеса, земля, люди, звери… Небеса были темными, грязными и низкими, отравленными жадностью и желанием людей. Земля – серой и потрескавшейся, и зёрна в ней не всходили без помощи людей. Воду нельзя было пить, не пропустив через фильтры, а еда убивала почти так же быстро, как яд на стрелах воинов. Звери были хилыми, и прятались в самых угрюмых лесах. А люди…

Люди оказались самым плохим, что могло случиться с миром.

Именно они загнали в леса оставшихся зверей. Они отравили еду и воду. Они закоптили небо, и спрятали от себя звезды. Только Луну было видно, но и ту они хотели снять с неба – такие жадные тогда были люди.

Так было всегда. И те, кто не мог примириться с таким положением дел, уходили в отдаленные места, но ничего не могли изменить. И те, кто радовался низкому небу, тоже уходили в места, но в другие. Им не надо было ничего менять. Были еще другие, кому не хотелось ничего менять, но и не делать ничего они не могли.

Так и жили они.

А потом земля содрогнулась.

Загорелись горы, поднялась вода, провалилась земля. Стало темно, как ночью в новую луну, и звери бежали прочь из своих укрытий, чтобы спастись. И люди бежали. Только звери были быстрее, а люди, особенно те, кто не хотели ничего менять – медленнее. И когда стала большая вода между двух великих рек, погибли почти все. Кроме тех, кто умел слушать зверей, и говорить с людьми. Они не стали бороться с другими, и ушли в леса.

Ночь не проходила, и длилась год, и еще год, и еще половину. А потом вышло солнце. И люди в лесах поняли, какими были глупыми раньше, когда хотели снять с неба Луну и звезды. И стали жить мирно с собой, зверями и богами…

Из записей этнографической экспедиции, изучающей феномен экоплемен-дауншифтеров Байкальского залива Восточно-Сибирского моря.

2365 год, Земля.

Его ждали. Все мужчины, достигшие возраста совершеннолетия, ставшие охотниками и имеющие право выбирать себе жену, собрались вместе, образовав круг. По периметру горели четыре больших костра, освещавшие поляну в центре поселения племени. Женщин видно не было, до момента начала праздника они не должны были показываться на глаза, чтобы не спугнуть удачу на целый следующий год.

В ночной тишине слышались лишь звуки леса, копошащихся на земле насекомых и треск сухих веток в огне. Чистое звездное небо все так же молча взирало на разворачивающееся действо, как и миллионы лет до этого. Небо видело все, от начала времен до нынешних событий, и увидит еще больше, если очередная безумная идея не положит конец планете.

Полная бледным светом луна вяло поднималась, карабкаясь на макушку неба, озаряя все своим дивным серебристым светом, теряющимся в огненных всполохах, разгонявших мрачные ночные тени вокруг.

Он вошел в круг ожидающих в таком же молчании, как и прошлые разы, когда ему выпадала участь первого охотника для праздника середины года.

Высокий, жилистый и широкий в плечах, он тащил на себе огромную тушу мертвого зверя, тяжело ступая по ковру листьев и корней под ногами. Каждый шаг, казалось, эхом отдавался в сердцах собравшихся, заставляя его звучать все громче по мере приближения к центру поляны.

Десять шагов, девять, восемь…

Он думал о такой же ночи в почти таком же лесу. Когда-то давно, в прошлой жизни, когда ему еще не надо было в одиночку выходить на зверей, вооружившись одним лишь костяным ножом, чтобы в очередной раз доказать свое право быть частью племени, частью общества, которое он выбрал сам.

По его телу так же струилась кровь, но тогда она была не чужой, застывающей на теле коркой оборванной жизни, а его собственной. По лицу так же скатывались капли едкого пота, попадая в глаза и заставляя волосы повиснуть влажными прядями. Но тогда, в прошлой жизни, бежал он, а не от него. Бритый налысо, с ног до головы перепачканный во влажной земле, он шел к своей цели, как и много лет назад.

Сегодня не повезло зверю, болтающемуся сейчас на его широких плечах. Однажды так же не повезет и ему, хотя в шкуре добычи он побывал достаточно.

Семь шагов до центра, шесть, пять…

Он хочет остановиться. Бросить все, снять с себя тяжесть мертвого тела, освободиться, расправив плечи, и набрать в грудь воздуха, жадно затянувшись им, как сигаретным дымом.

Он давно не курил. Да и опьянения уже не приносило желаемого облегчения, только непонятную пустоту и констатацию факта: он остался при своем. При своей жизни, при своей памяти о прошлом, при своих навыках, что так и не удалось вычеркнуть из себя окончательно. Он пытался. Пытался забыть, пытался избавиться от намертво въевшихся в подкорку рефлексов убийцы. Пса войны. Просто пса…

Четыре шага, три, два…

Он стискивает зубы, вцепившись в тушу на плечах до онемения пальцев. Каждый мускул в его, ныне свободном от подарков прошлого, теле ноет и болит, словно по жилам течет лава вместо крови, заставляющая каждую клеточку вопить от нестерпимой боли и жара усталости.

Он дошел до конца однажды, он дойдет до конца и сейчас. С одной лишь разницей. Теперь ему больше не надо слепо выполнять указания. Он выбрал этих людей сам, они приняли его за равного, и теперь он доказывает им свою состоятельность, как члена племени, по собственной воле.

Один шаг…

Он ставит ногу в центр круга, сбрасывая с плеч ношу, устало поднимает вверх правую руку со сжатым кулаком. И лес наполняется его криком. Воем, плачем, копившимся внутри чувством радости, ярости, звериного, первобытного инстинкта победителя над поверженным врагом.

Он кричит, и десятки воинов кричат вместе с ним. Голоса сливаются воедино, распугивая ночных птиц и заставляя мелких животных поглубже зарываться в норы.

Он кричит, и уродливый шрам на левой щеке, неумело скрытый под цветной татуировкой племени, кривится в знак солидарности. Он кричит, потрясая сжатым кулаком, и все мужчины племени смотрят на него с уважением, с чувством равенства и одобрением, с пожеланием удачной охоты ему и всем остальным.

Он смотрит на них своим, человеческим взглядом. Взглядом серых глаз, в которых больше никогда не появится невидимый никому, кроме него, напылённый экран с данными. Он смотрит, и видит людей…

Из дневника С. Спенсера, неопубликованное, 2365 год, локация не установлена.

Истинная, или Теневая, Корпорация никогда не оставит меня

в покое. Сколько бы я не отказывался, не брал самые далекие и опасные миссии, я затылком чувствую ее пристальный взгляд. Я всегда думал, что моя внешность позволяет мне легко сливаться с толпами ничем не примечательных людей, теряясь среди них, уходя от столкновения раньше, чем будет уже поздно.

И все, в чем я прокололся в последний раз, желание хорошо сделать свою работу. Мой непосредственный начальник, Матиаш Грей, поручил мне отслеживать все подозрительные всплески активности от определенных лиц или с определенных адресов, чем я и был занят. Цепочка наблюдений, вовремя перехваченная инициатива, будто бы, случайное участие в событиях на Малидакане…

Не знаю, как бы так объяснить, почему я люблю свою работу. Во мне нет фанатизма молодых, нет разочарования старого Грея, нет идеализма работников светлого будущего. Во мне нет ничего, кроме, пожалуй, юношеского романтизма. Последний, к слову сказать, сгорел на первом же серьезном деле, оставив после себя пепел разочарования и угли осознания того, как в действительности обстоят дела в реальном мире.

Моя работа скучна и однообразна. Я могу месяцами просиживать на одном месте, фильтруя данные, сопоставляя их, отслеживая источник вброса, суммируя и размышляя. А могу за несколько дней перепрыгнуть с десяток параллелей или линий в погоне за такими вот агентами или докторами.

Корпорация думает, что однажды я должен познать, от чего отказался. Должен появиться перед тем самым Николо, повесив повинную голову, и просить прощения за необдуманный отказ.

Корпорация думает, что ни Спенсер, ни Гриффин, ни Таи не стоят ничего. Она думает, что они лишь сошки, неудобные люди, оказавшиеся втянутыми в события, признанные самой Корпорацией мышиной возней.

И пока Корпорация думает, я делаю. Делаю то, что способен, чтобы никогда не стать одним из них, как бы там мои параметры не подходили им.

Однажды другая Корпорация сменит ту, которая считает себя главной. А до первой Корпорации были и другие, такие же важные, нерушимые и единственные. Пусть так. Их много, а я один.

Из личных записей инквизитора, позывной Патрик, 2365 год, Ордо Вита.

Вообще-то, я ни черта не мастак писать такие вещи. Вот кошелек там подрезать, стим какой найти, ребят хороших свести – вот это по мне. А всякие там буквы черкать, пусть даже и

стилом по экрану, на меня нагоняет скуку и желание широко зевать. Так что не стал бы я никогда что-то записывать, но раз уж инквизитор научил меня пользоваться ручкой, как будто ножкой это больше бы получалось, ага, то я решил попробовать себя в этой, как ее там, литературе, что ли.

Ну, вроде, надо представиться. Бо Ваняски, будем здравы, если правы.

Описывать всю длинную историю желания пока нет, но не отметить самые значимые повороты я не мог. Когда меня еще доктор лечил жизни, я даже представить не мог, что все так выйдет.

Корпорация, мать ее технологичную, инквизиторы всякие, Ордосы-хуёрдосы, как сказал бы тот же Гриффин… Фигня это все, вот что я вам скажу.

Прыгать по мирам мне, правда, понравилось. А уж когда мы с Мишель сошлись, было просто круто. Жалко ее, но чего уж. Нрав у Мишель был тот еще, врагу не подаришь лишний раз. Да и стреляла она лучше меня, что как-то обязывало ее уважать и даже немного любить.

Впрочем, горевать мне долго не пришлось. Вот когда на мою скромную и, безусловно, недооцененную персону положил глаз какой-то многомерный киборг с искином в… деталях, вот тогда я понял, что попал надолго.

Сначала меня дернул с насиженного места длинный и тощий маньяк со взглядом лихорадочного больного, потом приперся ко мне мистер Электронные Мозги, а теперь я вообще коротаю время, придумывая, что бы спилить с корыта, где меня разместили. Да так, что б этого еще никто не заметил. И, желательно, чтобы это самое корыто не развалилось после моего маневра, хе-хе…

Да, многое изменилось в жизни Бо Ваняски. Хотя не признаться, что док был прав, увещевая меня о том, что доказывать отбросам свою к ним принадлежность – дело гиблое, я не могу.

Теперь, правда, это похоже на беспорядочную беготню от собственной тени, но зато я стал реально крутым техником. Почти любую машину могу собрать и разобрать не глядя, вот!

Э-э-э-э… ну что еще написать-то?

Вот, допустим, тот же Гриффин. Мало того, что закрутил со сногсшибательной девчонкой-мутантом, так она еще и наны спёрла из своего посольства бабочек. А он-то думал, чего ей поплохело, когда они выбрались оттуда. Да вот, переваривала она эти самые наны. А те, кстати, хоть на людях и не фурычили, ей подошли на раз. Первое время, правда, Таи чуть нас всех не

угробила, едва не проваливаясь в каждый портал поблизости. Да и включение навыков сгибания железных прутов впечатлило меня настолько, что я предпочел держаться подальше. Она, конечно, классная и все такое, даже наны сумела спереть, но если эта мелкая девушка может согнуть арматуру в каральку, даже не моргнув, я лучше посижу где-нибудь в другом месте.

Ах, да! Мы же агента забрали обратно. Док сказал, что пёс погулял, а теперь кому-то надо вычесывать с его жопы репейник и выводить блох. Блох я на Спенсере не видел, но ведет он себя реально странно.

Сначала он гонялся за доком по всему лесу, побросав, нафиг, свое кострище и дружбанов в татушках, орал про то, что он сейчас исправит несправедливость и развеет преувеличенные слухи о гибели Лю. Он, кстати, терпеть не может, когда я его так называю. Каждый раз грозится отрезать мне пипку и пришить ее на лоб. А что? Единопипкорогом буду, хе-хе…

Патрик долго наблюдал за ночной сценой погони и расправы над Лю, потом даже нам всем запись показывал. Эххх… агент похудел, весь какой-то в шрамах, порезах, синяках и под цвет прошлогоднего дерьма стал. Лю говорит, что Спенс всегда таким был, мол, его обычное состояние и внешний вид.

Но он это говорит только тогда, когда Спенса нет рядом. Тот вообще в берсерка превратился. Одичал, что ли…

Патрик качает головой и вздыхает, читая, сколько ошибок я тут делаю, но все равно не теряет надежды меня научить грамотности. Бедный идеалист, как говорит про него Лю.

Ага, вот еще что. Мы тут повстречались с местными корпоратами, вроде как. Ну, они себя то ли Сомом зовут, то ли Хаосом… А, точно, ХаСОМ!

Они, как признался нам Спенс, с ним давно уже на короткой ноге. Вроде как, он им какую-то услугу оказал когда-то там в прошлом. О подробностях агент молчит, но на вежливые посылы отсюда от сил этих хаоситских сомов реагирует нервно, дергает глазом и даже портит воздух от напряжения мыслительной деятельности.

Я подробностей не знаю, но мне сдается, что Спенс тут не просто так взял и прописался на планетке. Эти самые сомы в хаосе ему и подсобили. Отдали долг за прошлое, так сказать.

Вот, этот татуированный агент снова спорит с Лю о том, стоило ли доку совать в его прекрасный кораблик «Ланцет» своего калечного искина. Лю мрачно шутит, что калека калеку всегда поймет, а Спенс срывается на прошлый образ тягомотного и напыщенного философа. Правда, затихает куда быстрее, да и красноречия у него за прошедшие пять лет как-то поубавилось.

Наверное, поговорить не с кем было за жизнь.

Лю говорит, что пес боится, что его обратно в репей выкинут. Иголки и шишки жрать. Потому, мол, и помалкивает.

Хотя, глядя на эту вот бесшумно ходящую по палубам подсохшую тушку в центнер весом, мне кажется, он сам тут всех выбросит за борт, не сбавляя хода.

Из записей Бо Ваняски, 2365 год, борт корабля «Ланцет».

– Я тебе покажу, чудесное воскрешение, тайну следствия и это твое «так будет лучше для всех»! – орал Спенсер, продираясь через колючие кусты за Льюисом. – Я тебе сейчас покажу, как бросать меня одного, в пустыне, с этим вечным двигателем от инквизиции! Я тебе покажу, прыщ ты недолеченный, как меня на чувство вины разводить! Я пять лет, пять чертовых лет думал, что ты сдох! А ты… ты! Да как ты мог, доктор-хуёктор?!

Спенсер несся за убегающим Льюисом, проламываясь через заросли, разрывая попадающиеся сплетения листьев и мелких веток, взрезая лес, будто бульдозер, подминающий под себя все, что не успело убежать прочь.

– Это моя привычка слова рифмовать с матом! – огрызнулся Гриффин, пытаясь отбросить свою длинную челку со лба и вытирая потное от бега лицо рукавом походной куртки. – Агент-хуент, тоже мне. Ты же хотел себя искать, от нанов избавляться. Чего опять не так?

В ответ послышался только звериный рык Спенсера.

– Вот на кой черт ты мне там был нужен рядом с Таи, Медвежья ты Отрыжка? Или как тут тебя зовут… Ай! – возопил Гриффин, когда метко брошенная шишка угодила ему точно в лоб. – Охренел совсем? Так же и в глаз попасть можно!

– Скажи спасибо, что не в шоколадный! – выпалил Спенсер, внезапно оказавшись рядом с доктором. Его тело, заметно похудевшее за последние годы, стало более жилистым и подтянутым, впитав в себя всю мощь суровых лесов тайги, души убитых диких зверей, сухое дерьмо бывших экологов и прочую мистику-вуайеристику, как выразился Гриффин.

– Я себя уже нашел, – как-то нехорошо оскалился Спенсер, нависая над запыхавшимся доктором, присевшим под кустик отдохнуть. – А прошлое мне никуда не впилось. Я тот, кто я сейчас есть.

Льюис с сомнением взглянул на бывшего агента снизу вверх, тяжело вздохнул и махнул на него рукой. Спенсер внезапно бросился на доктора, перехватил его запястье, едва не вывернув суставы и не переломав кости.

– Охренел?! – взвился доктор. – Руки – мое все! Совсем одичал с этими папуасами, пес.

– Рухи тфое фсе, аха, – невнятно промямлил Спенсер, с хрустом раскусывая что-то и тут же сплевывая это под ноги Льюису. – А я думал, у тебя Таи есть. А ты все по старинке, руками-то… – он не сдержал улыбки. Гриффин побагровел, готовясь выдать желчную теорию о сексуальных предпочтениях Спенсера, наклонностях его родни, какого-то мичмана с его корабля, туземных грязных женщин и прочих фантазиях агента. Но Спенсер, сложив руки на груди, выразительно кивнул под ноги, куда сплюнул только что.

Присмотревшись, Льюис увидел какое-то членистоногое паукообразное насекомое, перекушенное агентом пополам. Длинные волосатые ножки насекомого еще судорожно двигались, как и мощные жвалы.

– Ядовитый. Доктор быстро-быстро дать дуба, если паук его кусай, – подражая вождю племени, общающемуся с белыми туристами, высказался Спенсер.

– Любишь ты всякое говно в рот пихать, – вместо благодарности проворчал Льюис. – Вытащи ты меня из этого кустарного, в прямом смысле, сортира, пока я, как ты, с ног до головы в медвежьем дерьме не перепачкался. У нас вообще-то еще есть кое-какая работа…

– Не хочу я есть работу, – сдвинул брови агент.

– А придется, пёс, придется. Иначе она сама оттяпает от тебя во-о-о-о-о-от такой кусок твоей загорелой костлявой задницы.

Льюис оперся на протянутую руку агента, поднимаясь с земли, и улыбнулся, убирая с глаз длинную челку. Спенсер только тяжело вздохнул, обреченно поглядывая на друга. Он до сих пор не выпускал его ладонь из своей, замерев в немом рукопожатии по древнему обычаю. Между ними, лениво поднимаясь над макушками деревьев, всходило желтая звезда, вырисовывая светом нового дня стоящие на его фоне темные фигурки старых друзей, протянувших друг другу руки на фоне слепящего утреннего солнца.

Из видеоархива инквизитора Патрика, датировка невозможна, локации не установлены.

Приложение 1

Уровень секретности: 0.0.1
Уровень допуска: —
База данных: Терра, TR-110/001
Ключевые слова: История, Корпорация, Основатели, Директорат

1. **Герних Август (фон?) Каннингем**

Доктор биологии, философии и медицины, почётный академик Пан-Европейской Академии Наук.

Дата рождения – ориентировочно 1978 год по летоисчислению Терры (ЛТ), дата смерти не установлена.

Место рождения – Европа, свободная зона Франфуркт.

Национальность: дойч/русин.

Закончил Европейский Университет с отличием, специализировался на биомедицине и биохимии, впоследствии работал в концерне «Биомедикален Кёльн ГМБХ». В 2020 году д-р Каннингем открывает свою собственную лабораторию, располагавшуюся на территории Зоны Выборг (Сев. Патербург), после демаркации границ отошедшей к Европейскому Содружеству.

За последующие два десятилетия д-р Каннингем публикует порядка сотни работ по наномедицине, репликации генома, регенерационной терапии и физике квантовых состояний.

В этот промежуток времени он и его коллеги открывают квантовые порталы, и начинают их исследования.

засекречено

После Основания Корпорации долгое время занимал пост Ответственного Директора до 2*** года.

Настоящее местонахождение неизвестно. Количество модификаций памяти неизвестно. Предположительно, может сохранить тягу к занятию медициной и/или биологией. При совпадении генокода – немедленно сообщить в ближайшее отделение Корпорации.

Известные псевдонимы и позывные: «Док», «Канистра».

2. **Матиаш Грей**

Дата рождения – неизвестна, ориентировочно – 70-е годы XX века ЛТ, дата смерти – неизвестна.

Место рождения – Рутения.

Национальность: русин? (не подтверждено).

Капитан десантно-штурмовых подразделений Конфедерации Рутения, уволен в запас (с позором) после провала захвата крепости Кардагар в 2003 г. ЛТ.

Заочно закончил биотехнологический курс при университете Выборга в 2025, бакалавр биологии и биомедицины, научные работы неизвестны.

В лабораториях Каннингема являлся ответственным за обучение испытателей и силовые операции, возглавлял службу безопасности.

После Основания занимался созданием и контролем Службы Охраны и отделения Внутренней Безопасности Корпорации, возглавлял отдел силового взаимодействия до 23** года.

восстановленная информация Покинул ряды Корпорации сознательно, полностью отказавшись от нанотехнологий и геронтоцины. Полная блокировка памяти не проводилась по личному распоряжению дир-ра Каннингема. Убыл в новооткрытые отдалённые параллели. Предположительно мёртв.

Известные псевдонимы и позывные: «Свинец», «Капитан».

3. **Андреас Гнейес**

Дата рождения – ориентировочно 2001 год ЛТ, дата смерти не установлена.

Место рождения: Северный Патербург, Конфедерация Рутения.

Национальность: русин.

Доктор философии, математики и физики, профессор Выборгского университета в 2059–2078 гг. ЛТ.

Являлся одним из первопроходцев-испытателей порталов, нановакцин и регенерационной терапии. Параллельно с работой в экспериментальных группах лабораторий Каннингема учился на заочном отделении Выборгского университета. Возглавлял отделение «Пионер», проводил обучение новых сотрудников.

После основания Корпорации занимал последовательно должности аналитического директора, директора по связям с общественностью, начальника группы свободного поиска «Седой Дрозд» (см. архив 334885).

В настоящее время ***засекречено***

Известные псевдонимы и позывные: «Свинцовый паровоз», «Дрезина».

4. **Альф Йоргенсон**

Дата и место рождения неизвестны.

Предположительно – Скандинавская Свободная Зона Европейского Содружества.

Национальность: афросканд (примесь негроидной расы = 95 %)

До начала сотрудничества с д-ром Каннингемом неизвестен, впоследствии занимался археологией и химией. Первый человек, совершивший путешествие через квантовый портал, и вернувшийся обратно живым. Испытатель в экспериментальных группах Каннингема. Проходил долгую реабилитацию после многолетнего проживания в одной из Линий.

Учёных степеней не имеет.

После Основания работал в отделе силовых операций. Имеются отметки о многократном перекодировании личности. Блок лояльности А1, А0. Имеет высокий доступ к секретной информации.

Текущее местонахождение: ***засекречено***. Текущее имя удалено из отчёта во избежание нарушения Устава Корпорации. Предупреждение: вы пытаетесь получить информацию вне своего уровня доступа!

Известные псевдонимы и позывные: «Снежок», «Торч», «Песчанка».

5. **Дерек Сапрассас**

Дата рождения – 23 апреля 2005 г. ЛТ. Время смерти: жив.

Место рождения: Терра, Австралия, Канберра.

Доктор биомедицины и генетики, известный специалист по нанотехнологиям и нанорепликации. Занимался исследованиями в этих и смежных областях, приглашён в лабораторию Каннингема в 2023 году ЛТ.

Является соавтором «Вакцины КС», нанококтейля, позволившего человеку оперировать квантовыми порталами.

После Основания работал в научном секторе Корпорации, занимаясь улучшением нанотехнологий и квантовых устройств связи, до отставки в 2*** ЛТ (по семейным обстоятельствам).

В настоящее время проживает в одном из миров Главной Последовательности. Крупный бизнесмен и меценат. Глава нескольких национальных корпораций.

Коррекцию личности не проходил. Коррекция памяти – минимальная. Встроенный блок «Мёртвая рука».

Дополнительные отметки:

Использованию в рамках структуры Корпорации не подлежит. Морально нестоек. Ненадёжен. Наблюдение СВБ снято в 23** году ЛТ.

Известные псевдонимы и позывные: использует документы на имя Даль Пьетро.

Приложение 2

Боевая наземная техника Корпорации.

Информация из открытых источников.

1. «Паук» (ЛБМ «Иллизиум», LFMI-10334)

Лёгкая боевая/разведывательно-дозорная машина. Применяется, в основном, Корпорацией и союзными ей силами. Распространены повсеместно, особенно в Линиях и Параллелях с умеренным или тёплым климатом. Отличаются высокой проходимостью по пересечённой местности, хорошим обзором и радарными системами. Существуют модификации для болотистых и песчаных регионов, отличающиеся от стандартных конструкцией шаговой фаланги манипуляторов и конструкцией приводов (влаго – и пылеизоляция).

Внешне представляют из себя обтекаемое округлое «тело», на передней части которого размещена пилотская кабина и спаренные излучатели, в средней – силовая установка, и в задней – ракетное вооружение и боезапас. По бокам корпуса расположены парные шаговые манипуляторы с большим количеством суставов. Напоминают широко распространённого в изученных Параллелях паука-сенокосца, и, как это насекомое, способны отстреливать повреждённые манипуляторы, за что и получили своё название.

Линейные размеры в походном положении – 3,2*3,0*4,1 метра, размеры основного модуля – 3,0*1,5*2,0 метра.

Вес в снаряжённом состоянии, без учёта действия грависнижающего оборудования – до 4 тонн.

Бронирование лёгкое, композитно-керамидное, с армированием важных узлов кираситом и сталепластом. Обеспечивает противодействие лёгкому стрелковому вооружению и гражданским моделям оружия.

Энергетическая установка – генератор «Квант-23» или «Квант-25», с максимальным выходом 140–150 единиц. Установка мощных излучателей (плазма, фузионное оружие, генераторы нелинейности или микроколапссары) невозможна.

Экипаж – 1 человек.

Вооружение: от двух до четырёх ракетных пусковых установок (микроракеты класса «Факел», «Каин» или «Шершень»), боеголовки – противопехотные (разделяющиеся поражающие элементы), ЭМИ, зажигательные, вакуумные. Нередко комплектуются стазис-пушкой для иммобилизации живой силы

противника, парализатором широкого спектра, подавителем нейроструктур и огнемётом. Стандартный комплект вооружения, кроме ракет, включает спаренную лазерную пушку малого калибра.

Хорошо зарекомендовали себя как полицейские и разведывательные машины.

Сбалансированная конструкция и наличие от шести до десяти шаговых многосуставчатых манипуляторов обеспечивают отличную устойчивость и проходимость, равно как и неплохую манёвренность.

К особенностям данного класса машин следует отнести высокую степень автономности и искин третьего класса, позволяющий вести активные действия даже после уничтожения пилота.

Уязвимые места: шаговые манипуляторы, кабина пилота, энергетическая установка. При применении штурмового и тяжёлого пехотного вооружения поражаются в любую часть корпуса. Тактическими схемами рекомендовано использование данного типа мехов для разведки и полицейских операций.

2. Скорпион (ТБМ «Каллипсо», HFMQ-20096)

Тяжёлая боевая машина огневого подавления. Используется исключительно Корпорацией. Предназначены для ведения боевых действий в любых условиях.

Внешне представляют тяжёлый боевой модуль, уплощённый в средней части, и переходящий в состоящее из нескольких секций «жало» сзади. На «жале», как правило, монтируется основной тяжёлый излучатель. Передняя часть модуля содержит защищённую кабину пилотов, возле которой располагаются два оружейных манипулятора. Силовая установка расположена в средней части модуля. Имеют восемь парных шаговых манипуляторов. Снабжены прыжковыми двигателями, предназначенными для быстрого перемещения в пределах локального поля сражения. Напоминают скорпиона, за что и получили своё название.

Линейные размеры в походном положении – 10*6*4 метра

Вес в снаряжённом состоянии – до 12 тонн

Бронирование – усиленное, комбинированное металлокерамическое, с проекторами силовых полей и усиления нейтронных связей. Может успешно противостоять тяжёлому вооружению.

Энергетическая установка – два реактора «Фотон-5», резервный генератор «Квант-23». Пиковый выход мощности – до 500 условных единиц, что позволяет использовать любые типы

излучателей и прыжковые двигатели.

Экипаж – от 1 до 3 человек (обычно два. Три ложемента устанавливается в учебные машины, один – в облегчённые варианты). Стандартно – пилот и оператор систем вооружения.

Вооружение. Могут нести от одного до трёх тяжёлых излучателей, несколько автоматических турелей, ракетные установки (микро – и среднеразмерные, класса «Бочка», «Кадык», «Гарпун»). Ракеты оснащаются кумулятивными, фузионными и ЭМИ-зарядами, и предназначены для борьбы с техникой вероятного противника. Все остальные устанавливаемые типы вооружения рассчитаны на поражение тяжёлой пехоты и штурмовку укреплённых объектов.

Считаются лучшей боевой машиной Корпорации из-за удачного сочетания брони, вооружения и скоростных характеристик. Используются для подавления вооружённых восстаний и в масштабных сражениях. Тактические схемы предполагают применение «скорпионов» для наступательных операций любого масштаба, прорыва обороны и штурма укреплений.

3. «Змея» (ЛРМ «Сегментис», LSMS-7889)

Первоначально была создана как гражданская машина геологоразведки для песчаных и водных миров, но впоследствии была принята на вооружение в качестве разведывательного модуля поддержки, или, по классификации Корпорации, «лёгкая разведывательная машина».

Имеет гибкое сегментированное тело, отличающееся от прочих машин отсутствием шаговых манипуляторов, и перемещающееся на усиленных силовым полем «брюшных» частях сегментов. Из-за данного способа перемещения и получила своё название.

По сути, представляют собой увеличенный в длину скафандр высокой защиты, предназначенный для передвижения «ползком». Очень манёвренны на местности, отличаются мягким ходом и способностью «обтекать» препятствия. Могут перемещаться под поверхностью почвы в лёгких, песчаных и средних грунтах, при оснащении специальным проходческим комплексом – могут использоваться для бурения.

Линейные размеры в походном положении – 5*1,5*1,5 метра.

Вес в снаряжённом состоянии – до 3 тонн.

Бронирование – отсутствует как таковое. Керамометаллический корпус и усиленные части сегментов не могут противостоять стрелковому и пехотному вооружению.

Энергетическая установка – реактор класса «Гравитон-12».

Выходная мощность 80 условных единиц.

Экипаж – 1 человек, находится внутри передней части машины, в изолированной полости.

Вооружение – вспомогательное, могут устанавливаться резаки (плазменные, лазерные) и деструкторы, плазменные горелки и механические манипуляторы. Все точки подвеса вооружения находятся в передней части корпуса. Крайне редко оснащаются ЭМИ-излучателями и ракетными установками класса «Факел».

Применение данной техники ограничено, и в боевых условиях не рекомендовано ни одной из тактических схем. Нередки случаи использования мятежниками гражданских моделей, дооборудованных кустарно.

4. «Богомол» (ТБК «Кристалл», HBSK-1123)

Тяжёлый бронекомплекс десанта. Предназначен для подавления огнём пехоты противника, радиоэлектронной борьбы и обеспечения связи/командования в боевых условиях. Имеет несколько основных модификаций, в том числе и для ближнего боя.

Получил название из-за внешнего сходства с Mantis religiosa, а именно – шесть конечностей, две из которых универсальны и используются как для передвижения, так и для монтирования вооружений, вытянутое яйцевидное «брюшко», содержащее энергетическую установку, двигатели перемещения, и основные системы, и «головогрудь», в которой расположен пилот бронекомплекса, и на которой расположен радиоэлектронный комплекс (две длинные антенны).

Линейные размеры в походном положении – 3*2*3 метра.

Вес в снаряжённом состоянии – до 1,5 тонн.

Бронирование – комбинированное силовое и сталепластовое, композиты применяются для защиты пилота.

Энергетическая установка – реактор класса «Квант-23». Выходная мощность 120–140 условных единиц.

Экипаж – 1 человек, находится внутри передней части машины, в укреплённой полости.

Вооружение. На передние манипуляторы могут навешиваться тяжёлые пехотные/десантные стрельбовые комплексы, вплоть до плазменных излучателей и автопушек. Так же манипуляторы имеют острые насадки, позволяющие вести ближний бой с легкобронированными целями. На передней части модуля часто располагают одну микроракетную пусковую установку «Факел» или «Шершень», и ЭМИ-излучатель.

Применение рекомендовано для координации действий

десантных частей, поддержки наступления и обороны.

Приложение 3

Виды вооружения Корпорации.

1. Плазменное оружие

Считается основным видом вооружений пехоты и боевой техники. Широкое распространение получило после 2100 года, с развитием физики высоких энергий. Открытия в этой области позволили создать надёжные генераторы высокотемпературной плазмы. Существует множество модификаций и разновидностей плазменников – от ручного оружия скрытого ношения и имплантированных излучателей до корабельных орудий, способных испарить континент.

В отличие от фузионного оружия, использует плазменный генератор, создающий сгустки плазмы, разгоняемые магнитным ускорителем. Нуждается в энергоячейках или подводу энергопитания в большом количестве.

2. Фузионное оружие

Побочная ветвь развития плазменного оружия. В основе лежит использование уже сгенерированных сгустков плазмы, удерживаемых магнитной ловушкой. Ускоритель разгоняет заряд до требуемой скорости. Более экономичны по энергопитанию, чем плазмометы, но менее надёжны – известны случаи детонации боезапаса при прямом попадании в оружие. В полевых условиях сильно зависят от снабжения подразделений, и менее автономны. Обладают, как правило, большей удельной мощностью заряда, и более громоздки, чем аналогичные модели плазменных генераторов.

3. Гравитационное оружие

В основном, тяжёлые системы, устанавливаемые на космических кораблях, от эсминца и выше. В наземной технике и атмосферных аппаратах применяется крайне редко, так как эффект ослабевает в гравитационном поле планет.

Основано на принципе локального всплеска («сплеша») гравитонного излучения, инициируемого искусственно. В результате, в области пространства скачкообразно усиливается градиент гравитации, с пиком до 1000 G, который и повреждает цель. Время всплеска незначительно – от 10 секунд до 1,5 минут.

Гравитационные генераторы однократного действия используются в качестве мин/бомб.

4. Ракетное вооружение

Разделяется на микроракеты, применяемые личным составом или лёгкими боевыми машинами, среднеразмерные, устанавливаемые на наземную технику и лёгкие воздушные аппараты, и тяжёлые, применяемые на космических аппаратах. Могут нести боеголовки различного назначения – от разрывных до нервнопаралитических и ЭМИ. Чаще всего используются противопехотные ракеты, с боеголовками, содержащими множество мелких поражающих элементов, плазменные боеголовки фугасного действия, и вакуумные боеголовки (применяются только в атмосфере).

5. Акустическое оружие

Впервые использовалось в локальны конфликтах на Терре ещё в 2050-х годах. Принцип действия основывается на излучении когерентных звуковых волн, модулированных с определённой частотой и амплитудой. По понятным причинам используется против живой силы противника, вызывая разрывы барабанных перепонок, внутренних органов и кровеносных сосудов.

Как правило, акустическое вооружение распространено в пехоте и устанавливается на лёгкие и средние боевые машины. Нередки полицейские модификации со сниженной частотой и длиной волны, вызывающие приступы паники и потерю сознания.

Одноразовые акустические генераторы большой мощности применяются в качестве мин или гранат.

6. Кинетическое оружие (игольники, ускорители массы, прочее)

Подразделяется по типу ускорения снаряда на магнитное, пневматическое/химическое и механическое. Метательные системы механического действия уходят корнями в глубокую древность, и всегда сопутствовали человечеству в его борьбе за выживание. В настоящее время используются в спорте и охоте.

Пневматически или химически ускоряемое оружие относится к более позднему этапу развития человечества. В настоящее время представлено пулевым оружием, пневматическими игольниками и автопушками. Относительно надёжно, не требует или почти не требует энергопитания, но зависит от поставок боеприпасов и расходных материалов (сжатого газа). К достоинствам данного вида вооружения можно отнести устойчивость к ЭМИ-эффектам.

Магнитные ускорители появились в конце XX – начале XXI века, и являют собой венец развития кинетического орудия. Принцип ускорения снаряда может разниться – от электродного,

действующего на принципе Лоренца, до электромагнитного, использующего силу Гаусса. Линейные и рельсовые ускорители применяются до сих пор, как личное оружие, вооружение боевых машин и корабельные огневые системы. К недостаткам этого вида оружия можно отнести зависимость и от энергопитания, и от поставок боеприпасов. Достоинством является отработанная конструкция и отказоустойчивость.

7. Специальные вооружения

7.1. Стазис-пушка. Существует в двух модификациях – лёгкой и средней. Первая устанавливается на боевые машины, вторая – на атмосферные тяжёлые аппараты. Сведения об этом вооружении строго засекречены, однако известно, что данная технология получена Корпорацией из внешних источников. Консолидируя слухи и факты, можно предположить, что данное оружие работает непосредственно со временем, «замораживая» его в локальном участке пространства, которое закукливается в сферу. Снять стазис возможно только при помощи оборудования Корпорации. Чаще всего употребляется в полицейских операциях и при массированной зачистке. Редкое и ненадёжное, согласно мнению очевидцев, устройство. Нередки случаи самокапсуляции машин-носителей данного оружия.

7.2. Генератор чёрных дыр. Он же – «сингулярный микрогенератор». Достаточно редкое, дорогое и необычайно прожорливое орудие, устанавливается на космические корабли классом от крейсера и выше. При активации генерирует нестабильную микросинуглярность диаметром от 0,1 до 0,3 метра. Дальность действия небольшая, но разрушительные последствия превосходят все ожидания – зачастую для полного уничтожения крейсера противника достаточно двух или трёх залпов этого орудия. Отличительными особенностями применения являются вспышки жёсткого излучения и резкие изменения гравитационного поля, которые могут повредить находящиеся поблизости корабли союзников. Не применять в атмосфере планет!

7.3. Генератор нелинейности. Считается легендарным оружием, ни разу не применявшимся в открытом сражении. Принцип действия неясен, но предположительно данное вооружение на небольшое время изменяет метрику пространства и основные физические константы. Существование не доказано.

7.4. Деструкторы. Молекулярные и нейродеструкторы постороены на принципе разрушения молекулярных связей в материале, на который производится воздействие – металл, керамика, нервные ткани, биологический материал.

Требовательны к энергопитанию, дороги, нестабильны, требуют калибровки и настройки, сложны в ремонте. Применяются, в основном, на тяжёлых и средних боевых машинах. Основным недостатком является относительно низкая скорость воздействия, которое занимает от нескольких секунд до минут, в зависимости от материала. Используются при карательных операциях, для осады и взлома обороны. Имеют ограниченный радиус действия.

7.5. Дезинтеграторы. Принцип действия деструкторов был доработан в 2250 году, и Корпорация выпустила ограниченную партию оружия, предназначенного для оборудования тяжёлых боевых машин. Отличаются от деструкторов многократно ускоренным процессом распада цели на отдельные атомы, с выделением энергии в виде излучения всех диапазонов, в том числе и рентгеновского. Случаи применения отмечены дважды, оба раза – в войсковых операциях уровня сектора.

7.6. Нейропарализаторы. Нелетальное полицейское оружие, выпускается в различных модификациях и типоразмерах, от личного вооружения до установок тяжёлых боевых машин и атмосферных аппаратов. Вызывает временный паралич нервно деятельности, отключая сознание человека и лишая его возможности двигаться. Используется повсеместно. Имеет гражданские модификации.

7.7. ЭМ-излучатели и генераторы. Генераторы сильного электромагнитного поля, как одноразовые, так и многоразовые. Могут применяться в форме ракетных боеголовок, гранат, мин, снарядов, излучателей ближнего радиуса поражения. Выводят из строя электронику, протонику и прочие вычислительные схемы и модули, кроме простейших устройств. Часто приводят к полному отказу всей электронике в сфере воздействия. Применяются против техники, наземной и атмосферной.

Приложение 4

Корпорация. Таймлайн

1999 год – первые попытки создания нановакцин. Доктор Каннингем получает образец человеческих тканей, содержащий культуру нанов. Сопоставив этот образец с недавно разработанной им теорией квантовых порталов и множественности миров, соединённых в единую Сеть, он начинает работу над проектом «Цезарь», впоследствии переросшем в Лабораторию и Корпорацию.

2003 год – Каннингем знакомится с Матиашем Грэем, отставным капитаном ВС Рутении. Грэй проникается безумием доктора, и начинает ему помогать. Используя старые контакты в разведке и армии, Матиаш обеспечивает поставки оборудования и испытуемых для обкатки новых версий нанов.

2015 год – один из испытуемых, Альф Йоргенсон (бывший лейтенант СВР ГШ Рутении), проходит через портал, но не может вернуться обратно.

2019 год – Доктор Каннингем открывает лабораторию в Выборге. Начаты первые «широкие» эксперименты по использованию нановакцин, с привлечением внешних сотрудников. В Проект приходит Андреас Гнейес.

2021 год – к Проекту подключается Дерек Сапрассас, молодой гениальный биогенетик и нанотехнолог, закончивший экстерном программу ВУЗа за два года. На его присоединении к исследованиям настаивает большинство спонсоров. Грэй устанавливает усиленное наблюдение за Дереком, но тот доказывает свою лояльность.

2022 год – Сапрассас дорабатывает вакцину. Гнейес совершает первый квантовый скачок через портал. Формируются первые исследовательские группы по исследованию миров, лежащих за порталами.

2023 год – Гнейес возвращается из экспедиции с симптомами «болезни портальщиков», в состоянии крайнего истощения. Доктор Каннингем делает вывод, что для открытия и поддержания порталов необходима энергия. Следующие экспедиции в обязательном порядке экипируются полевыми регенераторами и излучателями микроволн. Гнейес временно переводится на аналитическую работу.

2024 год – возвращается Альф Йоргенсон. Сотрудники Проекта узнают, что не они одни способны перемещаться между мирами, и много веков назад таким же способом путешествовали

жители некоей Александрии… В Проекте работает 5 полевых групп.

2025 год – На основе исследований Альфа выяснено: он не постарел, избавился от наркотической зависимости. Каннингем вводит себе наны, после чего делает эту процедуру обязательной для всех сотрудников Корпорации.

2030 год – Каннингем улучшает конструкцию нанов, что увеличивает количество людей, способных к слиянию с нанами – подходят любой группе крови. В сочетании с рядом новых технологий, добытых во Внешних Мирах, это позволило нарастить количество оперативных групп до двух десятков. Создаётся набросок структуры Корпорации.

2033—38 годы – Корпорация выходит на мировые рынки с новыми лекарствами, нановакцинами (лишёнными возможности оперировать порталами), регенерационной медициной, технологиями и системами вооружений. Общее число сотрудников Корпорации достигает 23 тысяч, и неуклонно растёт. Во Внешних Мирах действует около 100 научных и разведывательных групп.

2050 год – Каннингем побеждает в президентских выборах Конфедерации. Корпорация включена в политическую систему страны, как орган исполнительной власти. Сферы охраны правопорядка, медицины и науки полностью переданы в её ведение.

2057 год – В результате скоротечного Малдайского конфликта Рутения отбивает вторжение армии Северного Альянса, и за несколько месяцев захватывает большую часть Европейского Содружества. Войска Корпорации демонстрируют своё полное тактическое и технологическое превосходство над противником. Война едва не становится ядерной. Программа исследования Внешних Миров трансформируется.

2079 год – сформировано Единое Правительство Терры. К Сети присоединяются (условно добровольно) первые Внешние Миры. Корпорация разрешает перемещение торговых и дипломатических миссий через порталы. Получает популярность внешний туризм.

2101 год – В Сеть входят 23 мира, включая Терру. Исследовано более тысячи Линий. Корпорация полностью контролирует все сферы власти на Терре.

2153 год – попытка поглощения Параллели Земли. В результате образуется отдельная вселенная Корпорации, в которой Терра становится Линией. В реальности Земли начинается ядерная война на фоне продолжающихся геофизических катаклизмов.

2153—57 годы – восстановление связей Сети после катастрофы 53-го года, Корпорация окончательно берёт курс на расширение и ассимиляцию миров.

Начало XXIII века – Корпорация окончательно оформляется в виде той структуры, которая упоминается в произведении «Именем Корпорации!». Доктор Каннингем углубляется в развитие искусственного разума и совершенствование нанов, полностью передав свои полномочия Совету Директоров. Матиаш Грэй возглавляет силовую вертикаль Корпорации.

2334 год – Грэй покидает Корпорацию, демонстративно избавляясь от всех модификаций и нанов. Вместе с ним уходит до 15 % командного состава отдела силовых взаимодействий. Покинув центральные миры, Грэй начинает создавать структуру, которая должна противодействовать Корпорации. Гнейес, попрощавшись со своим учителем, отправляется в дальнюю экспедицию к нестабильным Параллелям на границе Испанского сектора.